

ПРАВО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЛИЧНОСТЬ

Научный журнал

LAW LEGISLATION PERSON

Research Journal

Выходит 2 раза в год

№ 1(20) 2015

Распространяется по подписке

Подписной индекс **37221**

ISSN 2077-6187

Учредитель

ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1

Главный редактор

Белоусов Сергей Александрович,
кандидат юридических наук

Редакционная коллегия:

С.Б. Аникин (Саратов) — доктор юридических наук, доцент
С.Ф. Афанасьев (Саратов) — доктор юридических наук, профессор
Т.В. Заметина (Саратов) — доктор юридических наук, профессор
Н.С. Манова (Саратов) — доктор юридических наук, профессор
Е.Ю. Чмыхало (Саратов) — кандидат юридических наук, доцент
Н.В. Дородонова (Саратов) — кандидат юридических наук
Е.В. Кобзева (Саратов) — кандидат юридических наук, доцент
В.Е. Николаев (Саратов) — кандидат юридических наук

Редакционный совет:

В.В. Гриб (Москва) — доктор юридических наук, профессор
С.И. Герасимов (Москва) — доктор юридических наук, профессор
А.В. Ильин (Санкт-Петербург) — кандидат юридических наук, доцент
И.Ю. Козлихин (Санкт-Петербург) — доктор юридических наук, профессор
Г.Н. Комкова (Саратов) — доктор юридических наук, профессор
И.М. Мацкевич (Москва) — доктор юридических наук, профессор
С.Б. Суоров (Саратов) — доктор социологических наук, профессор
В.М. Сырых (Москва) — доктор юридических наук, профессор

Адрес редакции: 410025, г. Саратов, ул. Чернышевского, 135 А, ком. 203.

Телефон: (8452) 29-90-90

E-mail: pzl@sgar.ru

Компьютерная верстка *Е.С. Сидоровой*

Журнал зарегистрирован Управлением разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций
Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
13 февраля 2012 г. ПИ №ФС77-48566.

Цена для подписчиков 517 руб., в розничной продаже — свободная.

Подписано в печать 25.05. 2015 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура «Literaturna». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 22,57. Уч.-изд. л. 19,25. Тираж 350 экз. Заказ № 350.

Отпечатано в типографии издательства ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

© ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

В.Н. Барсукова Понятие и особенности института чести и достоинства человека в российском праве	9
А.А. Казарян Современные проблемы федеративного построения российского государства	16
К.Б. Донцова Общетеоретическая концепция процессуального права: основные подходы к формированию	22

АДМИНИСТРАТИВНОЕ И ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Е.В. Ильгова, В.Ф. Борисова Проблемы правового регулирования деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних	26
И.О. Кузнецова, М.В. Горбачев Технология проведения фокус-группы как механизм общественной проверки критериев эффективности работы органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних	33
И.В. Швецова Полномочия Федеральной службы финансово-бюджетного надзора как гарантия целевого использования бюджетных кредитов в Российской Федерации	40

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВО

П.В. Ересько Особенности использования информационных технологий в юридическом вузе	44
О.В. Брянцева Обзор компьютерных программных средств для нотариального делопроизводства	51

ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ: ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ»

М.В. Бавсун Проблемы оптимизации системы уголовно-правового воздействия на современном этапе	61
А.Г. Блинов Значение уголовно-правового воздействия в здравоохранительном правоотношении	67
А.Н. Варьгин «Ситуационная» преступность и воздействие на нее	72

Я.И. Гишинский	
Уголовно-правовое воздействие: лучше меньше, да лучше	78
В.Г. Громов	
Исполнение наказания с применением электронного мониторинга	82
В.К. Дуюнов	
Уголовно-правовое воздействие как категория уголовного права и как реакция на преступление и преступность	86
И.Э. Звечаровский	
Об уголовно-правовом воздействии	96
С.В. Иванцов	
Конвенционное понятие коррупционной деятельности: проблема определений ..	102
А.В. Иванчин	
Дискуссионные вопросы конструирования составов экономических преступлений (по мотивам ярославских публикаций Н.А. Лопашенко)	109
Т.В. Кленова	
Об обусловленности и взаимосвязи охранительной и воспитательной функций уголовного права	118
А.П. Козлов	
Меры уголовно-правового воздействия: проблемы и решения	123
Д.А. Корецкий	
«Оружейное законодательство»: тенденции и эффективность	129
М.Б. Кострова	
Парадоксы уголовно-правового воздействия в отношении «лиц, впервые совершивших преступление»	134
Н.А. Лопашенко	
Пенализация преступлений в сфере экономической деятельности через анализ их санкций	148
А.И. Лукашов	
Сотрудничество со следствием как основание для смягчения уголовной ответственности	159
М.Г. Миненок	
Актуальность уголовно-правового воздействия на коррупцию	169
Т.Ф. Минязева	
Есть ли уголовно-правовое воздействие при освобождении от ответственности за совершенное преступление?	176
Г.В. Назаренко	
Принудительные меры, применяемые к педофилам, совершившим преступления: проблемы и решения	181
А.П. Некрасов	
Киберпреступность в пенитенциарных учреждениях РФ и криминологическое воздействие на нее	185
Т.В. Непомнящая	
Система мер уголовно-правового воздействия	192
Т.Н. Нуркаева	
К вопросу о понятии уголовно-правового воздействия и формах его реализации	200

Н.А. Подольный Уголовно-правовое воздействие как средство изменения нравственных норм	204
Л.А. Прохоров, А.В. Скачко Уголовно-правовое воздействие в сфере противодействия таможенным преступлениям в условиях интеграции экономики России с мировой экономикой	208
Б.Т. Разгильдиев Уголовно-правовое воздействие и виды его реализации	211
Э.А. Саркисова Применение мер уголовно-правового воздействия в Республике Беларусь: реалии и перспективы	217
В.В. Сверчков Особенности применения уголовного законодательства в разъяснениях высшей судебной инстанции России: куда ведут противоречивые благие намерения?	223
Э.Л. Сидоренко Уголовно-правовое регулирование в свете современного правопонимания	234
А.И. Ситникова Примечания как инструмент воздействия на уголовно-правовую политику	241
Е.В. Топильская Особенности уголовно-правового воздействия на организованную преступность	244
В.В. Хилюта Реализация научных разработок эффективности мер уголовно-правового воздействия на отношения собственности в доктрине уголовного права: тенденции и перспективы	251
А.П. Чугаев, В.Н. Куфлева Уголовно-правовое воздействие и его соотношение с мерами уголовно-правового характера: законодательный аспект	255
Д.А. Шестаков Введение в криминологическую теорию современных революций	261
Аннотации	274

CONTENTS

THEORY OF STATE AND LAW

- V.N. Barsukova**
Concept and features of the institute honor and dignity in the Russian law 9
- A.A. Kazarian**
Modern problems of the Federal formation of the Russian state 16
- K.B. Dontsova**
Theoretical concept of procedural law: the basic approaches to the formation 22

ADMINISTRATIVE AND FINANCIAL LAW

- E.V. Ilgova, V.F. Borisova**
Problems of legal regulation of the activities of the bodies the prevention of child neglect and offences of minors 26
- I.O. Kuznetsova, M.V. Gorbachev**
Focus-group technology as a mechanism for the public control of criteria of efficiency of bodies and establishments of system of prevention of child and minor offences 33
- I.V. Shvetsova**
The powers of the Federal Service for Financial and Budget Supervision as a guarantee targeted use of budgetary credits in the Russian Federation 40

INFORMATION TECHNOLOGIES AND LAW

- P.V. Eresko**
Features of information technologies use in a law academy 44
- O.V. Bryanceva**
Review of computer software for notarial documentation 51

INTERNATIONAL RESEARCH AND PRACTICE CONFERENCE «CRIMINAL LAW: THE PROBLEM OF UNDERSTANDING AND REALIZATION»

- M.V. Bavsun**
Problems of optimization of the system of criminal law at the present stage 61
- A.G. Blinov**
The value of criminal law in the health relationship 67
- A.N. Varigin**
«Situational» crime and the impact on it 72
- Ya. I. Gilinsky**
Criminal law: less is better 78
- V.G. Gromov**
Execution of sentence with electronic monitoring 82

V.K. Duyunov	
Criminal law impact as a category of criminal law and as a response to crime and criminality	86
I.E. Zvecharovsky	
On the criminal law	96
S.V. Ivantsov	
Conventional notion of corrupt activities: problem definition	102
A.V. Ivanchin	
Discussion questions designing structures of economic crime (based on Yaroslavl publications N.A. Lopashenko)	109
T.V. Klenova	
On the conditionality and interconnection protective and educational functions of criminal law	118
A.P. Kozlov	
Measures of criminal law: problems and solutions	123
D.A. Koretsky	
Gun legislation: trends and efficiency	129
M.B. Kostrova	
Paradoxes of criminal law against «those first-time offenders»	134
N.A. Lopashenko	
Penalties of crimes in the sphere of economic activity through the analysis of their sanctions	148
A.I. Lukashov	
The cooperation with the investigation as a basis for mitigation of criminal responsibility	159
M.G. Minenok	
The relevance of criminal law on corruption	169
T.F. Minyazeva	
Is there a criminal law impact on release of responsibility from the committed crime?	176
G.V. Nazarenko	
Coercive measures applied to pedophiles who have committed crimes: problems and solutions	181
A.P. Nekrasov	
Cybercrime in penal institutions of the Russian Federation and criminological impact on it	185
T.V. Nepomnyashchaya	
The system of criminal law measures	192
T.N. Nurkaeva	
On the question of the notion of criminal law and forms of its realization	200
N.A. Podolnyj	
Criminal law as a means of changing the moral norms	204
L.A. Prokhorov, A.V. Skachko	
Criminal legal effect in counteracting Customs offenses in terms of integration Russia's economy with the world economy	208
B.T. Razgildiyev	
Criminal law and forms of its realization	211

E.A. Sarkisova	
The use of measures of criminal law in the Republic of Belarus: Realities and Prospects ..	217
V.V. Sverchkov	
Features of the application of criminal law in the clarification of the Supreme Court of Russia: where are conflicting intentions?	223
E.L. Sidorenko	
Criminally-legal regulation in the light of contemporary legal thinking	234
A.I. Sitnikova	
Comments as a tool to influence penal policy	241
E.V. Topilskaya	
Features of criminal law on organized crime	244
V.V. Khilyuta	
Implementation of scientific research the effectiveness of criminal law on property relations in the doctrine of criminal law: trends and prospects	251
A.P. Chugaev, V.N. Kufleva	
Criminal law and its relationship to measures of criminal law: the legislative aspect	255
D.A. Shestakov	
Introduction to criminological theory of modern revolutions	261
Summary	274

В.Н. Барсукова *

ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУТА ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Большой научный интерес и практическое значение на сегодняшний день приобретает вопрос о месте норм, регулирующих вопросы обеспечения чести и достоинства человека, в системе российского права. В юридической литературе неоднократно высказывалось мнение о том, что совокупность указанных норм образует своеобразный правовой институт. В чем же состоит его специфика? Основными признаками института права в классическом его понимании являются, во-первых, нахождение норм, формирующих институт, в рамках одной отрасли права: во-вторых, нацеленность норм на регулирование однородных общественных отношений (т.е. наличие единого предмета правового регулирования); в-третьих, единство метода правового регулирования. Возникает закономерный вопрос: отвечает ли совокупность норм, регулирующих вопросы обеспечения чести и достоинства человека, обозначенным критериям?

Что касается первого признака, то в настоящее время в литературе высказывается мнение, что правовой институт защиты чести, достоинства и деловой репутации существует в рамках гражданско-правовой подотрасли, именуемой «защита нематериальных благ»¹. С данной точкой зрения вряд ли можно согласиться по нескольким причинам. Во-первых, обеспечение чести и достоинства человека нельзя сводить только к вопросам защиты данных благ. Они нуждаются в постоянном и всестороннем поддержании, также и в режиме нормального (ненарушенного) функционирования. Во-вторых, правоотношения, направленные на обеспечение обозначенных благ, являются предметом регулирования международного права и практически всех отраслей российского права в той или иной степени. Идея человеческого достоинства является достоянием в равной степени как отраслей частного (гражданское, семейное, трудовое право и т.д.), так и публичного права (конституционное, уголовное, административное,

* Барсукова Вероника Николаевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

уголовно-процессуальное, гражданское процессуальное, исполнительное и т.д.). Кроме того, в настоящее время имеется значительное количество отраслей комплексного характера, сочетающих элементы как частного, так и публичного права (медицинское право, образовательное право, право социального обеспечения и т.п.), которые также содержат нормы, направленные на регулирование отношений, связанных с обеспечением чести и достоинства человека. Таким образом, отношения, возникающие в сфере обеспечения указанных благ, вопреки расхожему мнению, не носят исключительно гражданско-правовой характер, они органически вплетаются в различные имущественные, организационно-властные, трудовые, административные и другие отношения. Позволяет ли данная ситуация прийти к заключению, что рассматриваемая совокупность норм не может претендовать на статус правового института? Очевидно, нет.

Направленность на регулирование однородных общественных отношений, т.е. наличие единого предмета правового регулирования является вторым существенным признаком обособленного правового образования. Анализ структурных элементов правоотношений, возникающих в сфере обеспечения чести и достоинства человека (субъектов; содержания; объекта; фактов, являющихся причинами возникновения, изменения, прекращения тех либо иных правоотношений), позволяет сделать вывод, что нормы, регулирующие вопросы обеспечения рассматриваемых благ, нацелены на регулирование своеобразного вида общественных отношений, выражающих ценность и значимость человека, независимо от того, в какой сфере они возникают (гражданской, уголовной, административной и т.д.).

Третьим признаком, позволяющим сделать вывод о том, относятся ли нормы к единому правовому институту либо имеет место произвольное их соединение, является метод правового регулирования. Анализ норм, регулирующих обеспечение чести и достоинства с позиции деления права на частное и публичное, позволяет заключить, что метод правового регулирования в данном случае неоднороден, он зависит от того, к какой отрасли права данные нормы принадлежат (в частном праве — в основном проявляется диспозитивный метод; в публичном — императивный). Поэтому говорить о преобладании того или иного метода в данном случае не приходится.

Таким образом, мы имеем совокупность норм, размещенных в различных отраслях права, которые характеризуются различными методами правового регулирования. При этом обозначенная совокупность норм направлена на регулирование однородных общественных отношений. Следует отметить, что в практике подобные ситуации встречаются нередко. В связи с этим возникла теория, доказывающая существование т.н. комплексных межотраслевых институтов. Ю.К. Осипов, будучи сторонником данной концепции, указывал, что «каждая определенная часть норм, составляющих такие институты, принадлежит к какой-либо одной определенной отрасли права, но, как всякое отдельное, неполно, и через присущие им и нормам других отраслей общие черты входят в состав общего, то есть ме-

жотраслевых и общеправовых институтов»². Поддерживая и развивая данную мысль, С.С. Алексеев указывал, что именно в своей многомерности, в органическом единстве основных отраслей и комплексных образований развитая правовая система предстает как действенный — стабильный и в то же время динамичный организм, обладающий значительными регулятивными возможностями и способный оказать глубокое и многостороннее воздействие на общественные отношения³. В настоящее время в российском праве существует немало примеров комплексных межотраслевых институтов, в числе которых институт чести и достоинства человека, на наш взгляд, занимает свое место. В литературе прошлых лет, а также и в современных научных источниках неоднократно высказывались убедительные доводы в пользу данного вывода (например, Н.А. Придворовым, М.А. Паладьевым⁴ и некоторыми другими авторами). Неоднородность метода правового регулирования не является решающим аргументом для отказа от совокупности норм, регулирующих честь и достоинство человека, в приобретении статуса правового института. По верному замечанию С.С. Алексеева, комплексные межотраслевые образования потому и являются комплексными, что нормы, входящие в них, не связаны единым методом и механизмом регулирования, почти все они имеют «прописку» в основных отраслях⁵.

Таким образом, будучи комплексным межотраслевым образованием, институт обеспечения чести и достоинства человека характеризуется определенными специфическими особенностями.

1. Рассматриваемый институт имеет общий предмет регулирования — общественные отношения, выражающие ценность и значимость человека. Данные отношения имеют весьма сложный и многогранный характер, что обусловлено невероятным богатством содержания рассматриваемых благ. В самом общем виде можно говорить о двух его составляющих. Первой составляющей являются общественные отношения, направленные на поддержание чести и достоинства человека. Они развиваются в условиях нормального режима жизнедеятельности, т.е. тогда, когда речь не идет о посягательстве на данные блага. В рамках данных правоотношений государство обязуется обеспечить своим гражданам достойную жизнь, возможность реализовать свое право на труд и адекватную его оплату, право на качественное здравоохранение и образование, социальное обеспечение, защиту материнства, детства и т.д. Специфика субъективного права на честь и достоинство заключается в том, что оно защищается не только при помощи конструкции данного субъективного права, но и системой всех конституционных прав, свобод и обязанностей, а также механизмом их реализации⁶. Вторая составляющая предмета правового регулирования рассматриваемого института представляет собой правоотношения, возникающие по поводу защиты чести и достоинства в случае их нарушения, регулируемые нормами гражданского, уголовного, административного законодательства, а также отраслей процессуального права.

2. Конструкция института направлена на достижение единой цели — обеспечение чести и достоинства человека. Особенность данной цели состоит в том, что она составляет содержание различных правовых институтов, подотраслей, отраслей и получает свое внешнее выражение в различных нормативно-правовых актах. Достижение обозначенной цели реализуется посредством выполнения двух диалектически взаимосвязанных задач: а) воспитать в каждом глубокое чувство личного достоинства, чести и уважения к достоинству и чести других; б) обеспечить каждому уважение его достоинства и чести, признания его заслуг перед обществом⁷.

3. Существенным признаком института чести и достоинства является специфика его регулятивных свойств, приемов воздействия на общественные отношения, которая обусловлена многогранностью таких категорий, как честь и достоинство человека. В сложном многогранном правовом институте достоинства личности большой удельный вес занимают правоохранные предписания, предусматривающие меры государственно-принудительного воздействия и праввосстановительные средства в целях нормального осуществления условий, необходимых для поддержания достоинства личности⁸. Вместе с тем не меньшее значение имеют регулятивные предписания, обязывающие государство обеспечить своим гражданам достойную жизнь, уважение их прав и свобод, признание ценности их личности.

4. Основным принципом рассматриваемого института является идея, согласно которой честь и достоинство человека являются высшей ценностью, подлежащей уважению со стороны государства, общества и каждого отдельно взятого его члена. Данная идея нашла закрепление во многих источниках международного и внутригосударственного права, анализ которых позволяет сформулировать некоторые особенности реализации принципа уважения чести и достоинства человека как высшей ценности:

во-первых, она находит прямое закрепление во многих источниках, как частного, так публичного, как материального, так и процессуального, как международного, так и внутригосударственного права. Однако даже, если указанный принцип прямо не закреплен в нормативном акте, то, как правило, вытекает из его содержания;

во-вторых, в большинстве нормативных актов провозглашается высшая ценность человеческого достоинства, при этом, честь остается неохваченной. Думается, что данная позиция законодателя в отношении использования терминов не совсем верна, поскольку честь всегда идет в неразрывной связке с достоинством. Несмотря на их различия, разделить их невозможно. И хотя честь чаще всего не упоминается законодателем в формулировке рассматриваемого принципа, но она, безусловно, подразумевается;

в-третьих, следует отметить, что принцип уважения чести и достоинства человека как высшей ценности в отраслях частного и публичного права проявляется по-разному. В отраслях публичного права упор в основном делается на недопустимость жестокого обращения, применения пыток,

насилия, причинения страданий (как физических, так и психических). В отраслях частного права приоритетно в содержание рассматриваемого принципа включается необходимость взаимного уважения людей, человека и общества, человека и государства, основанного на нормах нравственности и правовой культуры;

в-четвертых, принцип уважения чести и достоинства человека как высшей ценности является сложной субстанцией и реализуется посредством применения как общеправовых принципов: (социальной справедливости; равноправия; гуманизма; демократии; единства прав и обязанностей; сочетания убеждения и принуждения; законности), так и с помощью применения принципов, присущих институту чести и достоинства человека, к которым относятся: а) недопустимость ограничения права человека на обеспечение чести и достоинства либо отказа человека от данного права; б) неотвратимость ответственности за посягательство на честь и достоинство человека; в) законность; г) соразмерность посягательства и мер защиты; д) активное участие государства и общества в поддержании и защите чести и достоинства человека.

5. С позиции интеллектуально-волевого аспекта содержание данного института выражено в специфической группе понятий, общих положений, терминов (например таких, как честь, достоинство, доброе имя, репутация, право гражданина на защиту чести, достоинства и доброго имени, утверждение чести и достоинства гражданина, защита чести, достоинства, доброго имени гражданина, посягательство на честь, достоинство, доброе имя гражданина, ущемление права на защиту чести, достоинства, доброго имени гражданина, порочащие сведения; распространение порочащих сведений и т.д.);

6. Институту реализации и защиты чести и достоинства личности свойственна своеобразная юридическая конструкция. Комплексный межотраслевой институт является исключением из общего правила, согласно которому институты представляют собой устойчивые, относительно замкнутые комплексы норм, которые могут иметь различные виды, быть в различной связи друг с другом, но все они в принципе находятся в одной плоскости, в одном ряду главной структуры права. Комплексные межотраслевые институты выражают известное удвоение структуры права⁹. В связи с этим структура института чести и достоинства личности как комплексного межотраслевого института, предназначенного для решения определенной социальной и правовой задачи, обладает специфическими особенностями:

во-первых, ей присущ сложный, системный характер. С этой точки зрения институт чести и достоинства подразделяется на разноплоскостные отраслевые правовые институты, субинституты, разросшиеся ассоциации предписаний, группы норм, которые в составе единого механизма, в системе прочно взаимосвязанных в единое целое правовых норм обеспечивают ценность и значимость человеческой личности и уважение к ее правам¹⁰;

во-вторых, структуре данного института свойственна юридическая разнородность предписаний. Они потому и связаны в единый комплекс, что обеспечивают разностороннее воздействие на единый участок общественных отношений. Данный институт включает в себя предписания как регулятивного, так и охранительного характера. В этом смысле рассматриваемый институт представляет собой полиструктурное образование, некий суперинститут, объединение всех норм устойчивыми закономерными связями, выраженными в общих предписаниях, а главное — в юридической конструкции;

в-третьих, структура института чести и достоинства характеризуется, с одной стороны, дифференцированностью нормативного материала, а с другой, интегрированностью, своим законом связи элементов, пусть и не таким жестким, как в нормативном предписании, по все же выражающим системную целостность, стойкую композицию элементов¹¹. Комплексный межотраслевой институт обладает всеми признаками системного правового образования и что сообразно этому для него характерна относительная самостоятельность, устойчивость и автономность функционирования;

в-четвертых, структура института чести и достоинства человека выглядит следующим образом: она включает в себя комплексы норм, регулирующих общие положения, регулятивный и охранительный субинституты.

Общие положения включают в себя понятия, термины, цели, а также принципы.

Регулятивный субинститут включает два больших комплекса норм: нормы, регулирующие право на неприкосновенность чести и достоинства; нормы, регулирующие право человека на достойное существование и корреспондирующую ему обязанность государства создавать условия для этого. Комплекс норм, регулирующих право на неприкосновенность чести и достоинства, в свою очередь включает в себя две группы норм: 1) нормы, регулирующие обязанность не распространять ложные сведения, порочащие честь и достоинство человека; 2) нормы, регулирующие обязанность не совершать иные действия, способные причинить ущерб чести и достоинству человека. Последняя группа подразделяется на нормы отраслей публичного права, регулирующие взаимоотношения граждан и государства по поводу недопустимости совершения должностными лицами, государственными и муниципальными служащими действий, унижающих честь и достоинство человека; и нормы отраслей частного права, регулирующие обязанность граждан не совершать действий, унижающих честь и достоинство других лиц.

Охранительный субинститут также включает в себя два крупных комплекса норм: нормы, регулирующие вопросы привлечения физических и юридических лиц к ответственности; нормы, регулирующие вопросы привлечения к ответственности государства. Обозначенные комплексы норм дробятся на более мелкие составляющие, раскрывающие их особенности. В частности, комплекс норм, регулирующих вопросы привлечения физических и юридических лиц к ответственности, дробится на три группы:

1) группа норм, направленных на регулирование гражданско-правовой защиты чести и достоинства человека; 2) группа норм, направленных на регулирование уголовно-правовой защиты чести и достоинства человека; 3) группа норм, направленных на регулирование административно-правовой защиты чести и достоинства человека. Комплекс норм, регулирующий вопросы привлечения к ответственности государства, делится на две группы: 1) нормы, предусматривающие ответственность за вред, причиненный незаконными действиями правоохранительных органов (дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда) (ст. 1070 ГК РФ), в т.ч., за незаконное осуждение; причинение вреда жизни и здоровью; нарушение разумных сроков предварительного следствия, судопроизводства, исполнительного производства (гл. 22.1. ГПК РФ, гл. 27.1 АПК РФ) и другие правонарушения в сфере защиты прав граждан; 2) нормы, предусматривающие ответственность органов государственной власти за невыполнение обязанности создавать условия для достойного существования своих граждан.

7. Важным признаком любого института является его законодательное обособление. Правовые институты получают внешнее обособленное закрепление в системе законодательства, чаще всего в виде самостоятельных структурных подразделений кодифицированных нормативных актов — главы или раздела, но иногда и в виде отдельного нормативно-правового акта¹². Что касается института чести и достоинства, то в настоящее время его нормы нашли закрепление во многих отраслевых источниках права (ГК РФ, УК РФ, КоАП РФ и т.д.). Однако, к сожалению, он до сих пор не нашел единого нормативного закрепления, что, безусловно, не лишает данную совокупность норм статуса комплексного межотраслевого института. На наш взгляд, сложившаяся ситуация свидетельствует лишь о произвольном подходе законодателя к нормотворчеству в обозначенной сфере. Следует отметить, что в 1999 г. на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания РФ был внесен проект федерального закона «О конституционном праве граждан Российской Федерации на защиту чести и достоинства и об обеспечении этого права государством и обществом»¹³. К сожалению, данный закон так и не был принят.

Итак, анализ признаков института комплексного межотраслевого правового института чести и достоинства человека позволяет сформулировать его определение: это совокупность норм различной отраслевой принадлежности, обладающая специфической полиструктурной многоплоскостной конструкцией, общими принципами, понятиями, приемами воздействия, призванная регулировать своеобразный вид общественных отношений, выражающих ценность и значимость человека.

В завершение хотелось бы отметить, что основным недостатком современного законодательства в области регулирования института чести и достоинства личности является фрагментарность, разбросанность нормативного материала по различным нормативным актам, что, как минимум,

делает правоприменение неудобным, а, как максимум, ведет к возникновению различного рода противоречий и пробелов, следствием чего служит нестабильность режима всеобщего уважения к чести и достоинству гражданина России. Учитывая общность регулируемых исследуемым институтом правоотношений, следует отметить, что наличествуют необходимость и возможность включения специального принятия комплексного кодифицированного закона, регулирующего вопросы обеспечения, охраны и защиты чести и достоинства человека. Это позволит подчинить все функции права единой цели, а именно, созданию необходимых условий для достойного существования человека, эффективной правовой защиты его нравственных благ. Кроме того, важнейшее направление совершенствования правового регулирования института чести и достоинства человека видится в тщательной ревизии и модернизации отечественного законодательства, регулирующего обеспечение и защиту основных конституционных прав граждан, поскольку ущемление, нарушение или недостаточная реализация любого из них служит залогом нарушения права на честь и достоинство.

¹ См.: Сахалов Ю.З. Гражданско-правовая защита деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности. Казань, 2007. С. 35.

² См.: Осипов Ю.К. Подведомственность юридических дел. Свердловск, 1973. С. 81.

³ См.: Алексеев С.С. Общая теория права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 182.

⁴ См.: Придворов Н.А. Институт достоинства личности в советском праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1986. С. 10; Паладьев М.А. Конституционное право человека на честь и достоинство (основания, содержание, защита): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 13.

⁵ См.: Алексеев С.С. Общая теория права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 181–182.

⁶ См.: Арямов А.А. Честь как право и право на честь // Российская юстиция. 2009. № 9. С. 17.

⁷ См.: Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству, М., 1963. С. 25.

⁸ См.: Придворов Н.А. Указ. раб. С. 9.

⁹ См.: Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975.

¹⁰ См.: Придворов Н.А. Указ. раб. С. 9.

¹¹ См.: Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975.

¹² См.: Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972. С. 249.

¹³ См.: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 10 марта 1999 г. № 3728-ПГД «О проекте федерального закона „О конституционном праве граждан РФ на защиту чести и достоинства и об обеспечении этого права государством и обществом“» // Ведомости Федерального Собрания РФ. 1999. № 9, ст. 612.

А.А. Казарян*

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФЕДЕРАТИВНОГО ПОСТРОЕНИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

31 марта 2015 г. исполнилось 23 года со дня подписания группы нормативных договоров, объединенных общим названием «федеративный договор», содержащих основные начала правового регулирования феде-

* Казарян Арамаиз Амбарцумович — соискатель кафедры теории государства и права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

ративных отношений в Российской Федерации. Тем не менее, российский федерализм как основа всей экономико-социальной, политической и правовой системы государства не только не получил своего дальнейшего развития, но утратил многие свои сущностные качества, столкнулся с проблемами, оказавшимися во многом до сих пор не разрешенными, а зачастую неразрешимыми. В настоящее время можно выделить ряд таких проблем: политическое, экономическое, правовое неравенство субъектов Федерации, например существование субъектов с льготными, особыми режимами природопользования, хозяйствования, налогообложения (Республика Саха (Якутия) и Татарстан); часто встречающееся противоречие регионального нормотворчества федеральному законодательству, включая Конституцию; споры при распределении предметов ведения; неравномерность экономического развития регионов, дисбаланс роли двух уровней власти в сторону усиления центра и снижения роли субъектов федерации в развитии государства и т.п.

В результате федеративная форма государственного устройства, справедливо и по необходимости избранная для дальнейшего развития российской государственности в 90-е годы XX в., в том виде, в котором она существует сегодня, становится практически неадекватной реалиям современной российской действительности. Более того, как справедливо отмечается в литературе, федерализм в настоящее время не воспринимается как единственно возможное средство сохранения государственного единства. Подобный тезис был неопровержим на заре становления федерализма, сейчас он скорее недоказуем¹, что объясняет имеющую место безболезненность отхода от его принципов.

Все это становится причиной поиска наиболее оптимальной формы федерации для России или вообще оптимальной для нее формы государственно-территориального устройства. В связи с этим звучат предложения об использовании на российской почве опыта развитых федеративных государств, таких как Соединенные Штаты Америки (далее — США) и Германия, в части построения взаимоотношений между центром и регионами. Считаем, что такое заимствование государственной практики нецелесообразно, поскольку историческая обстановка и основы федерации, в рамках которых формировалось нынешнее конституционное право указанных государств, значительно отличаются от ситуации в нашей стране.

Возникают вопросы: возможно ли вообще предложить наиболее подходящий вариант федерации для России, как должны строиться отношения между центром и регионами, если учитывать реалии российской действительности, что необходимо сделать, чтобы усилить государство и обеспечить еще большее его единство и целостность, каковы должны быть приоритеты стабильности территориального устройства России и т.д.

Чтобы ответить на поставленные вопросы необходимо проанализировать различные варианты типологии федераций, предлагающие модели государственного устройства, потому как определенное сочетание характеристик различных моделей федераций может, в конечном итоге, помочь определить некую смешанную оптимальную модель федеративных отно-

шений в России. Она не может отступать от общих принципов, заложенных Конституцией РФ и Федеративным договором, но в то же время, должна способствовать устранению ряда серьезных проблем, возникающих в современной российской государственной практике.

Для начала обратимся к типологии федераций, предложенной А.В. Бутенко² и А.Л. Шушариным³.

По способу формирования федерации они разделяются на делегированные и концентрированные. Делегированная модель федерации используется, как правило, при образовании единого государства из нескольких, прежде суверенных, а потому самостоятельно путем заключения договора определяющих объем своих полномочий, который они готовы передать федеральному центру. При выборе концентрированной модели сформированный федеральный центр, который изначально обладает всей полнотой государственной власти, «спускает» ряд полномочий субъектам, с учетом их интересов и потребностей или без учета таковых. Здесь уместно отметить, что федерация по сути своей всегда должна образовываться на договорной основе, причем договор есть не учредительный документ (т.е. форма), а содержание федерации, т.е. полномочия и предметы ведения разграничены на основании соглашения регионов и центральной власти. При этом, если федеральный центр самостоятельно определяет объем полномочий субъектов без учета их интересов, то форма государственного устройства смещается в сторону унитаризма, а если самостоятельные субъекты диктуют свою волю федеральному центру, наделяя его лишь номинальными полномочиями, можно говорить о переходе к форме конфедерации. Более того, от способа образования непосредственно зависит тип федеративных связей, при этом во втором случае за субъектами закрепляется одинаковый объем полномочий, а в первом — разный (такой тип федерации присущ современному российскому государству).

По наличию соподчиненности между центром и субъектами федерации классифицируются на централизованные и субсидиарные. Первый из указанных видов менее распространен и среди современных федераций практически не встречается. Суть его состоит в чрезвычайно широких полномочиях центра, и, хотя формально полномочия субъектов могут быть достаточно широки, федеральная власть вправе законодательствовать по любому (или по большей части) вопросам компетенции субъектов. Такое право предоставлено, например, парламенту Индии при условии, что верхняя палата парламента (Совет штатов) квалифицированным большинством признает необходимость принятия закона в соответствии с «национальными интересами»⁴. Субсидиарные же федерации строятся на принципе четкого разграничения полномочий субъектов и центра, при котором вмешательство одной стороны договора в компетенцию другой практически невозможно. При этом компетенция государственной власти разделена так, что провинциальные по своей природе вопросы, наиболее эффективно решаемые на региональном уровне и относящиеся к благосостоянию отдельно взятой территории (местный бюджет, культура, здравоохранение и т.п.), отнесены к ведению субъектов федерации и,

что немаловажно, финансируются им самостоятельно из своего бюджета. Оставшиеся же вопросы, относящиеся к благосостоянию всех субъектов, как то оборона, дипломатия, финансовая система, уполномочена разрешать федеральная власть. Некоторые исследователи, в частности, В. Остром, выделяют и третью группу объектов управления - смешанные объекты, которые касаются всех лиц, проживающих на территории государства, но, в то же время, являются провинциальными по своей природе и лучше разрешаются именно на региональном уровне (например, реализация гражданских и политических прав граждан США).

По способу разрешения вопросов управления государством федерации подразделяются на дуалистические и кооперативные. Дуалистическая модель предполагает разграничение полномочий между федеральными и региональными властями на две группы, причем это может происходить путем указания перечней полномочий в законе как для обеих сторон, так и лишь для одной из них (компетенция второй в этом случае формируется по остаточному принципу). Косвенным признаком, отличающим этот тип федерализма, является выделение перечней полномочий центра и регионов на уровне нормативно-правового акта (Конституции, закона или федеративного договора). Кооперативный федерализм в свою очередь предполагает решение любых вопросов управления путем достижения консенсуса между сторонами федеративного договора, предполагающего применение принципов разделенной и солидарной власти и ответственности. При идеальной кооперации предметы ведения сторон договора в принципе не разграничены, перевес в ту или иную сторону зависит от сложившейся в государстве политической ситуации.

Стоит отметить, что в чистом виде ни та, ни другая модель федерации практически не встречается, а отношения строятся по смешанному принципу, предполагающему закрепление в законодательстве дополнительно перечня предметов совместного ведения федерации и ее субъектов. Кроме того, в таких смешанных федерациях субъекты имеют представительство в федеральных органах законодательной, реже исполнительной власти (парламент в таких федерациях, как правило, бикамеральный, одна из палат выражает интересы субъектов, участвуя, таким образом, в формировании федеральной политики)⁵.

На наш взгляд, Российская Федерация в силу особенностей своего исторического развития более тяготеет к дуалистической модели, поскольку даже среди предметов совместного уровня имеется разграничение вопросов, решаемых на том или ином конкретном уровне. Более того, представляется, что применение на российской почве кооперативной модели федерализма приведет к усилению сепаратистских настроений и неизбежному распаду федерации.

По однородности субъектного состава федерации они подразделяются на симметричные и асимметричные. При такой классификации необходимо исходить не только из равенства субъектов во взаимоотношениях с федеральным центром и между собой, но и из особенностей правового положения отдельного субъекта в сравнении его с остальными составляющими

федерации. Как несложно догадаться, симметричная модель предполагает образование федерации из юридически равных «квазигосударств», в то время как ассиметричная - их неравенство между собой, предоставление большего или меньшего объема прав и полномочий различным субъектам. В качестве косвенного признака асимметрии федерации некоторые авторы выделяют наличие т.н. общифедеральных территорий, не принадлежащих к какому-либо определенному субъекту⁶. Как и в предыдущей классификации, в чистом виде эти модели не встречаются, на практике имеет место смешанный тип - симметричная федерация с элементами асимметрии, при которой на конституционном уровне декларируется равенство субъектов между собой, а также во взаимоотношениях с федеральным центром. Однако законодательство таких федераций допускает отступление от указанного правила, однако отступления эти по большей части относятся к отдельным сторонам правового статуса субъектов, нежели к определению их государственно-правовой природы, что не позволяет говорить об их фактическом неравенстве.

Идеальная федерация, с позиций рассмотренных классификаций, - это симметричное союзное государство, образованное в результате делегирования полномочий самостоятельными государственными образованиями единой федеральной власти, действующее на основе принципов subsidiarity, кооперации, а также разделенной и солидарной ответственности. Такая модель носит умозрительный характер, на практике ее реализация пока, к сожалению, невозможна. Фактически же имеет место смешанный тип федерации, в котором в различной степени проявляются признаки той или иной модели.

Проблема, выделяемая на сегодняшний день в федеративном устройстве РФ, - наличие элементов асимметрии субъектов. Причем речь здесь идет даже не об неоднородности среди субъектов.

Сразу отметим, что под симметрией субъектов мы понимаем их равную правосубъектность, их способность вступать в правоотношения, приобретать права и осуществлять обязанности. С таких позиций все субъекты РФ абсолютно равноправны, как в отношениях с центром, так и между собой. Поэтому нельзя согласиться с точкой зрения некоторых исследователей, рассматривающих Россию как ассиметричную федерацию из-за дополнительных прав, предусмотренных для республик (право принятия конституции, использование собственного языка и т.п.)⁷. Опровергая указанную позицию, стоит заметить, что дополнительные права республик сами по себе еще не ставят их выше остальных субъектов РФ, а лишь подчеркивают определенные исторические особенности их территорий (ведь области, края и автономные округа попросту не нуждаются в праве на собственный язык, он просто отсутствует, а действующая Конституция РФ не содержит положений, наделяющих конституцию республики большей юридической силой, нежели устав иного субъекта).

Тем не менее, при всех идеальных с точки зрения юридической техники норм о федеративном устройстве, Россия фактически представляет собой ассиметричную федерацию. Неравенство при этом выражается в различ-

ном производственном потенциале субъектов, в этой ситуации сама возможность приобретать права и обязанности для разных частей федерации различна. Понятно, что большими возможностями для реализации своих прав обладают регионы-доноры, регионы-реципиенты же реализуют свой правовой статус только при финансовой поддержке федерального центра. Причем последние в подобных условиях впадают в еще большую финансовую (а за ней - и в организационную) зависимость от центральной власти, а первые со временем просто теряют всякую мотивацию для развития собственной экономики, т.к. большая часть стоимости внутреннего валового продукта субъекта-донора отбирается центром с целью поддержания жизнедеятельности реципиентов.

Отсюда, кстати говоря, возникает и неравенство во взаимоотношениях с самим центром, поскольку объем межбюджетных трансфертов, выделяемых субъектам, может колоссально различаться. Так, по данным Министерства финансов РФ, по состоянию на 2015 г.⁸ объем дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности для республики Ингушетия составил около 15 тыс. руб. на человека, Чеченской республики - около 13 тыс. руб. на человека, в то время, как Саратовской области - около 1400 руб. на человека, Калужской области - и того меньше - 35 руб. на человека.

Выход из сложившейся ситуации представляется нам в разделении территории РФ по экономико-территориальному принципу, поскольку корни об проблемы носят сугубо экономический характер.

Конечно же, оптимальной формы федеративного устройства «на все времена» для России (и многих других стран) не существует, поскольку федерация в принципе не является эффективной формой территориальной организации власти. Единственный способ соблюсти необходимые для идеальной федерации принципы кооперации, равенства сторон договора и симметричности — это образование субъектов по экономико-территориальному критерию, в результате чего должны быть созданы финансово и организационно самостоятельные субъекты, готовые «на равных» с федеральным центром участвовать в формировании государственной политики и самостоятельно решать региональные по своей природе вопросы.

¹ См.: Лексин И.В. Государственное устройство России: некоторые проблемы юридической теории и практики // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 3. С. 85–97.

² Бутенко, А.В. К вопросу о современной модели российского федерализма / Конституционное и муниципальное право. 2012. № 10. С. 26.

³ Шушарин А.Л. К вопросу о принципах и модели российского экономического федерализма // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 279. С. 180.

⁴ Там же. С. 181.

⁵ См.: Морозова Е.А. Модели бюджетного федерализма в развитых странах и особенности их применения в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра эконом. наук. М., 2009. С. 29.

⁶ См.: Киселева А.В., Нестеренко А.В. Теория федерализма. М., 2002. С. 194.

⁷ См.: Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма: учебно-практич. пособие. М., 1998. С. 154.

⁸ См.: Результаты распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ на 2015 г. URL: http://www.minfin.ru/common/img/uploaded/library/2013/09/FFPR_2014_-_2016.pdf (дата обращения: 30.04.2015).

К.Б. Донцова*

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ

В общетеоретическом ракурсе малоисследованными продолжают оставаться вопросы содержательно-структурного разграничения предметов регулирования материального и процессуального права, системных параметров их взаимодействия, приоритетности между ними, разграничения с одной стороны процессуальных отраслей права и процедурных норм институтов в праве, с другой, диалектически сложных форм взаимодействия материального и процессуального права и др.

Одним из центральных вопросов дискуссии вокруг проблемы соотношения материального и процессуального права является понимание самого процессуального права, юридического процесса. Соотношение материального и процессуального в праве базируется на двух достаточно противоположных методологических подходах в юриспруденции, которые условно зачастую определяются как «широкая» и «узкая» трактовка природы юридического процесса. Широкой подход в понимании процессуального права базируется на исходной методологической установке об его соотношении с материальным правом посредством философских категорий «содержания» и «формы». Узкое понимание процессуальной составляющей в системе права апеллирует к собственной специфике юридической материи, традициям в правовой науке и практике, ссылаясь на недопустимости объединения в рамках одного понятия совершенно различных по своей природе явлений — с одной стороны, процессуальной деятельности в рамках судопроизводства, с другой стороны, юридических процедур, имеющих место в иных видах правоприменительной деятельности.

При всей привлекательности для общей теории права идеи единого общего юридического процесса, вбирающего в себя все виды процессов и процедур в праве, следует все же поддержать точку зрения сторонников «узкого» понимания юридического процесса. Представляется, что юридический процесс и регламентирующие его виды соответствующие отрасли процессуального права имеют иную природу нежели юридические процедуры, составляющие форму осуществления таких видов правоприменительной деятельности, как государственная регистрация сделок с недвижимостью, нотариальное удостоверение, регистрация юридических лиц, налоговое администрирование и др. Основное отличие между юридическим процессом и юридической процедурой можно свести к трем важнейшим моментам — степень сложности, комплексности как самого их содержания, так и форм юридического выражения (закрепления во вне), субъект осуществления и собственно их цель.

* Донцова Кристина Борисовна — аспирант кафедры теории государства и права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

Попытка расширения понятия процессуального права неизбежно вызывает ряд трудностей в четком его структурно-содержательном определении в системе права. В качестве негативного последствия широкой трактовки юридического процесса имеет место размывание отраслей процессуального права, растворение их отчасти и в отраслях материально-правового характера. Смещение понятий «процедура» и «процесс», на наш взгляд, обоснованно критикуется в юридической литературе.

Задачей науки теории государства и права, как и любой иной общетеоретической дисциплины в системе ряда частных наук, является не просто обобщение, поиск черт сходства, но, в первую очередь, обнаружение действительного единства сложных системных образований, если оно имеет место быть на практике. Порой вольно или невольно, что неизбежно во многом, допускаются и такие общетеоретические обобщения, выстраиваются общеправовые модели, которые имеют все же и искусственный характер, либо предвосхищают желаемый в будущем результат, либо преувеличивают ряд черт сходства, возводя их в абсолюты, объявляют единым целым разноуровневые по назначению и степени сложности юридические явления.

Обратимся к отдельным наиболее значимым аргументам двух обозначенных подходов в понимании процессуального права. Так, представители «узкого», традиционного понимания юридического процесса, признавая факт существенного влияния материального права на процессуальное, приспособления процессуальных предписаний к материальным нормам права, указывают на неточность упрощенного понимания процессуального права как некой производной формы реализации материального права¹. При этом исследователи оправданно указывают на неточность использования философской парной конструкции «содержание — форма» применительно к оценке соотношения и взаимосвязи материального и процессуального права. Так, Л.А. Гресь критически оценивает возможность методологического рассмотрения материального и процессуального права с помощью категорий философии «содержание» и «форма»². В качестве основного довода указывается на то обстоятельство, что далеко не все нормы материального права реализуются при участии процессуального права.

В новейшей юридической литературе, посвященной общетеоретическому аспекту рассматриваемой проблемы, к сожалению, порой без должной аргументации все большую популярность приобретает широкая трактовка юридического процесса и, соответственно, процессуального права как неотъемлемой формы осуществления всякой отрасли материального права. Однако самая идея подобного видения юридического процесса получила более обстоятельную разработку еще в 70-80-е годы прошлого столетия³. Сторонники широкого понимания включают в состав процессуального права наряду с собственно процессуальными отраслями также и ряд процедурных норм, включая предписания, регулирующих деятельность нотариата, органов регистрации актов гражданского состояния, социального обеспечения и др. Действительно, при сопоставлении процессуально

регламентированной деятельности суда и правоприменительной деятельности иных органов государственной власти можно провести определенные параллели и зафиксировать некоторые черты сходства. Однако возникает закономерный вопрос — насколько обнаруженные общие черты позволяют вести речь о тождественности природы рассматриваемых явлений и не нивелируются ли тем самым более важные признаки различия между познаваемыми объектами?

При ответе на данный вопрос позиция представителей «узкой» трактовки процессуального права заметно выигрывает как в содержательно-теоретическом, так и в сугубо прикладном, научно-практическом плане. Так, А.Т. Боннер весьма убедительно отмечал недопустимость упрощенного понимания сходства процедурных и процессуальных норм в виде их единства на практике и теоретического обобщения в рамках одной понятийной конструкции «процессуальное право», а также неточность и неполноту трактовки понимаемого в таком виде процессуального права как формы производной от материально-правового содержания.

В частности, ученый подчеркивал на примере гражданского процессуального права необходимость учета следующих обстоятельств: «Более правильно рассматривать процессуальное право в качестве формы осуществления субъективного материального права в случае действительного или предполагаемого его нарушения либо угрозы такого нарушения. Исходя из этого нельзя безоговорочно согласиться и с определением соотношения гражданского права и процесса как формы и содержания. Прежде всего субъективные права и обязанности, по общему правилу, осуществляются добровольно, без какого-либо вмешательства государственных органов. При известных обстоятельствах гражданский процесс действительно может оказаться формой, т. е. установленным законом порядком осуществления субъективного материального права. Однако отношения процессуального и материального права гораздо более сложные и многообразные. Между этими двумя самостоятельными правовыми явлениями можно проследить и другие формы диалектических связей, например, условия и обусловленного, причины и следствия и др.»⁴.

Другими словами, реализация норм материального права далеко не всегда требует своего оформления в виде определенной процессуальной формы, что весьма характерно для осуществления права в форме добровольного соблюдения, исполнения и использования. Данный факт уже не соответствует императивной философской установке о неразрывности содержания и формы. Кроме того, не вполне верна отсылка сторонников широкого понимания процессуального права и к обстоятельству о потребности реализации части материальных норм в рамках отдельных процедур. В данном случае речь идет уже не о предписаниях, регламентирующих сложную системную процессуальную деятельность специализированного органа государственной власти — суда, а о процедурных нормах, вкрапленных в содержание ряда отраслей материального права, которые не обладают

необходимым уровнем системной организации (не объединены в относительно самостоятельные отрасли процессуального права) и в структурно-содержательном плане представляют собой обособленные институты или субинституты права.

Процедурные нормы, как правило, регламентируют менее сложные формы правоприменительной деятельности, существенно отличные по содержанию, целям и степени развития от правосудия как системной, сложноорганизованной и специфичной разновидности правоприменения. Следовательно, в рамках конструкции «широкого» понимания процессуального права и юридического процесса получают отражение существенно различные по степени сложности и юридической природе явления, что вызывает определенную терминологическую «путаницу», размывает структуру системы российского права, приводит к упрощенному видению проблемы соотношения материального и процессуального права, не позволяет увидеть необходимых различий между юридическим процессом и юридической процедурой, процедурным институтом и процессуальной отраслью права. Подводя итог вышеизложенному, полагаем более верным в методологическом, теоретическом и практическом аспектах опираться в научном познании на концепцию «узкого» понимания процессуального права, что способствует отражению действительных закономерностей построения и функционирования системы российского права.

¹ См., например: Боннер А.Т. К. Маркс о соотношении материального права и процесса // Правоведение. 1978. № 4. С. 23–31; Васильев А.М. Правовые категории. Методические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 261; Гукасян Р.Е. Влияние материально-правовых отношений на форму процесса в исковом производстве // Вопросы теории и практики гражданского процесса. Саратов, 1976. С. 25; Теоретические проблемы хозяйственного права / под ред. В.В. Лаптева. М., 1975. Вып. 1. С. 321.

² См.: Грось Л.А. Влияние норм материального права на гражданское процессуальное право: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 1999. С. 4.

³ См., например: Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972; Краснов Н.И., Иконицкая И.А. Процессуальные вопросы советского земельного права. М., 1975; Юридическая процессуальная форма. Теория и практика / под ред. П.Е. Недбайло и В.М. Горшенева. М., 1976 и др.

⁴ Боннер А.Т. Указ. раб. С. 31.

Е.В. Ильгова*, В.Ф. Борисова**

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ
СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ БЕЗНАДЗОРНОСТИ
И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ*****

В настоящее время проблема повышения уровня профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних стоит достаточно остро. Показатели неутешительны: растет количество детей, находящихся в местном и федеральном розыске; безнадзорных и беспризорных детей; остается достаточно высоким уровень совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних правонарушений и др.¹

К сожалению, нередко работа органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних оставляет желать лучшего: при проведении проверок констатируются такие нарушения в их деятельности как непринятие мер по фактам семейного неблагополучия, жестокого обращения с детьми, несвоевременность принятия мер профилактики и т.д. К причинам сложившейся ситуации относят отсутствие должного взаимодействия между ведомствами, обмена информацией, слабую координирующую роль комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в отношении деятельности органов профилактики².

Вместе с тем, повышение уровня защищенности прав несовершеннолетних зависит не только от качества правоприменения, но и от качества правового регулирования деятельности органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

* *Ильгова Екатерина Владимировна* — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и муниципального права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

** *Борисова Виктория Федоровна* — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»; e-mail: vfb2709@yandex.ru

*** Статья подготовлена в рамках научно-методического проекта № НМ 3399 «Разработка и апробация критериев эффективности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в соответствии с заданием № 2014/205 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России.

Согласно ст. 4 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»³ в систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних включаются:

- комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав;
- органы управления социальной защитой населения;
- органы, осуществляющие управление в сфере образования;
- органы опеки и попечительства;
- органы по делам молодежи;
- органы управления здравоохранением;
- органы службы занятости;
- органы внутренних дел;
- органы по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ;
- учреждения уголовно-исполнительной системы (следственные изоляторы, воспитательные колонии и уголовно-исполнительные инспекции).

Полномочия этих органов, прописанные в названном законе, направлены на защиту и охрану прав и законных интересов несовершеннолетних. Вместе с тем, ученые отмечают, что механизм защиты прав ребенка в России имеет определенные недостатки. Причины такого положения вещей, по мнению М.В. Немытиной, заключаются в наличии огромного массива нормативных актов, регулирующих права ребенка и деятельность различных органов по их защите, при слабом развитии межотраслевой связи, и как следствие, возникновении пробелов и коллизий. Кроме того, разветвленная система органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних нуждается в координации взаимодействия между ними, поскольку большинство из них осуществляет защитные функции в отношении детей наряду с другими обязанностями⁴.

Законодательство Российской Федерации, регулирующее деятельность по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, основано на Конституции РФ, общепризнанных нормах международного права, состоит из закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», других федеральных законов, иных нормативных правовых актов Российской Федерации, законов и нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации⁵.

Среди федеральных законов следует назвать Семейный кодекс РФ от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ⁶, Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»⁷, Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»⁸, Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»⁹, Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»¹⁰, Федеральный закон от 16 апреля 2001 г. № 44-ФЗ «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей»¹¹.

К нормативным актам, регулирующим деятельность различных органов, в чью компетенцию входит обеспечение прав несовершеннолетних, относятся Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»¹², Закон РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации»¹³, Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹⁴ и др.

Нельзя не учитывать региональный аспект правового регулирования, представленный законами субъектов РФ об органах опеки и попечительства, комиссиях по делам несовершеннолетних и по другим частным вопросам. Например, в Архангельской области действует Закон от 15 декабря 2009 г. № 113-9-ОЗ «Об отдельных мерах по защите нравственности и здоровья детей в Архангельской области»¹⁵, в Иркутской области — Закон от 7 октября 2009 г. № 62/28-о «О профилактике незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, наркомании и токсикомании в Иркутской области»¹⁶ и т.д.

Отдельный правовой блок формируют нормативные и ведомственные акты федерального, а также местного значения. Эти документы весьма многочисленны как по кругу регламентируемых сфер деятельности органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, так и по кругу субъектов, принимающих соответствующие акты. В качестве примеров можно назвать Постановление Правительства РФ от 11 июля 2002 г. № 518 «Об утверждении перечня заболеваний, препятствующих содержанию и обучению несовершеннолетних в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа»¹⁷, Приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации»¹⁸, Приказ Минобрнауки России от 20 февраля 2014 г. № 134 «О категориях несовершеннолетних, направляемых в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, реализующие адаптированные основные образовательные программы»¹⁹, Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Самарской области от 1 ноября 2010 г. № 2102 «О совершенствовании деятельности учреждений здравоохранения Самарской области по выявлению несовершеннолетних, употребляющих алкогольную или иную спиртосодержащую продукцию, потребляющих наркотические средства, психотропные или одурманивающие психоактивные вещества»²⁰.

Обзор нормативной базы, лежащей в основе деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, отражает многоаспектность и многосубъектность данной деятельности. Координация деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по предупреждению безнадзорности, беспризорности, правонару-

шений и антиобщественных действий несовершеннолетних возложена на комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав.

На федеральном уровне координацией деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов РФ, связанной с обеспечением исполнения законодательства в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних занимается Правительственная комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, действующая на основании Постановления Правительства РФ от 6 мая 2006 г. № 272²¹.

На региональном уровне функционируют комиссии, созданные высшими исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации и осуществляющие деятельность на территории субъектов Российской Федерации.

На местном уровне органами местного самоуправления создаются комиссии, осуществляющие деятельность на территории муниципальных образований субъектов Российской Федерации - районные (городские), районные комиссии в городах.

Правовую основу деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав составляют Конституция РФ, Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», Кодекс об административных правонарушениях²², иные законы и нормативные правовые акты федерального уровня. Основное место среди последних занимает Постановление Правительства РФ от 6 ноября 2013 г. № 995 «Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав»²³. На наш взгляд, отсутствие специального закона о положении и деятельности комиссий по делам несовершеннолетних следует считать пробелом в правовом регулировании. С целью устранения этого пробела в 2012 г. был разработан и представлен для общественного обсуждения проект Федерального закона «Об основах организации и деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав»²⁴.

Региональную нормативную базу деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав формируют уставы субъектов РФ, региональные законы о комиссиях по делам несовершеннолетних, иные нормативные правовые акты области, ведомственные акты.

Комиссии являются коллегиальными органами, членами которых могут быть руководители или заместители руководителей органов и учреждений системы профилактики, представители иных государственных или муниципальных органов и учреждений, представители общественных объединений, религиозных конфессий, граждане, обладающие опытом работы с несовершеннолетними, депутаты представительных органов, иные заинтересованные лица.

Анализ законодательства о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав показывает, что региональные законы детально расшифровывают компетенцию комиссий, в общих чертах закрепленную в ст. 11 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Общими для всех уровней комиссий являются полномочия по:

организации мер по защите и восстановлению прав несовершеннолетних, защите их от всех форм дискриминации, физического, психического насилия, оскорбления, грубого обращения, сексуальной и иной эксплуатации, выявлению и устранению причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних;

утверждению межведомственных программ; координации индивидуальной профилактической работы органов и учреждений системы профилактики в отношении несовершеннолетних и их семей, находящихся в социально опасном положении, по предупреждению случаев насилия и всех форм посягательств на жизнь, здоровье и половую неприкосновенность детей;

участию в разработке и реализации целевых программ, направленных на защиту прав и законных интересов несовершеннолетних, профилактику их безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий²⁵.

Комиссии по делам несовершеннолетних, действующие на уровне субъектов РФ, вправе организовывать мероприятия по различным направлениям профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, вносить субъектам системы профилактики предложения о совершенствовании работы по предупреждению безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних; запрашивать необходимую информацию от органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций; создавать межведомственные рабочие и экспертные группы по вопросам, отнесенным к компетенции комиссии субъекта РФ, принимать решения о допуске или недопуске к педагогической деятельности, к предпринимательской деятельности, трудовой деятельности в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, и др.

В обязанности комиссий этого уровня входит осуществление мер по координации деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности, беспризорности, правонарушений, выявлению и устранению причин и условий, способствующих этому, обеспечению защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, реабилитации несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, выявлению случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий; осуществление мониторинга деятельности органов и учреждений системы профилактики; проведение заседаний; обобщение опыта работы комиссий в муниципальных образованиях области и т.д.

Помимо аналогичных полномочий комиссия муниципального уровня координирует деятельность районных комиссий, оказывает им методическую помощь; проводит заседания в установленном порядке, рассматривает на них вопросы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, связанные с защитой и восстановлением прав и законных интересов несовершеннолетних, защитой их от всех форм дискриминации, физического или психического насилия, оскорбления, грубого обращения, сексуальной и иной эксплуатации и др.

Комиссии по делам несовершеннолетних муниципального уровня организуют обследование и проверку условий содержания, воспитания, обучения и применения труда несовершеннолетних в семьях, а также в организациях; применяют меры воздействия в отношении несовершеннолетних, их родителей или иных законных представителей; дают поручения органам и учреждениям системы профилактики по проведению индивидуальной профилактической работы с категориями лиц, установленными в статье 5 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»; принимают решение о признании несовершеннолетних и их семей находящимися в социально опасном положении; принимают решения об обращении в суд по вопросам об ограничении либо о лишении родителей родительских прав в случае ненадлежащего исполнения ими обязанностей по содержанию, обучению и воспитанию детей; о возмещении вреда, причиненного здоровью несовершеннолетнего, его имуществу, морального вреда и пр. Кроме того, на комиссии региональным законодательством возложен еще целый ряд обязанностей²⁶.

Очевидно, что на комиссии по делам несовершеннолетних с учетом их иерархии возлагается широкий круг разного рода полномочий, от качественного исполнения которых зависит в целом уровень защищенности прав несовершеннолетних, слаженность механизма профилактики безнадзорности, беспризорности, правонарушений несовершеннолетних. Законодатель не закрепляет каких-либо ориентиров, позволяющих оценить качество работы комиссий по делам несовершеннолетних, в связи с чем назрела необходимость разработки критериев эффективности деятельности комиссий по делам несовершеннолетних. Предпринимаемые в различных регионах попытки самостоятельно разработать такие критерии приводят к разрозненности, отсутствию единой методологической базы, применению различных показателей для оценки эффективности деятельности комиссий по делам несовершеннолетних, использованию различных индикаторов и единиц измерения показателей.

¹ См.: *Ершова И.Н.* Профилактика безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних на территории Ярославской области // *Вопросы ювенальной юстиции.* 2013. № 4. С. 5–9.

² См.: *Воробьев С.Д.* Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // *Законность.* 2014. № 1. С. 4–6.

³ См.: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 1999. № 26, ст. 3177.

⁴ См.: *Немытина М.В.* Защита прав несовершеннолетних в России: системный подход // Правовая политика и правовая жизнь. 2004. № 2. С. 59. Ростовская Т.К., Ростовская И.В. Государственная защита прав и интересов несовершеннолетних. Внесудебная защита прав и интересов несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2011. № 3. С. 3–6.

⁵ См.: Ст. 3 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 26, ст. 3177.

⁶ См.: Семейный кодекс РФ от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. №1, ст. 16.

⁷ См.: Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» // Собр. законодательства РФ. 2008. № 17, ст. 1755.

⁸ См.: Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 52, ст. 5880.

⁹ См.: Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 52, ч. 1, ст. 7007.

¹⁰ См.: Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3802.

¹¹ См.: Федеральный закон от 16 апреля 2001 г. № 44-ФЗ «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей» // Собр. законодательства РФ. 2001. № 17, ст. 1643.

¹² См.: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7, ст. 900.

¹³ См.: Закон РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 17, ст. 1915.

¹⁴ См.: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 48, ст. 6724.

¹⁵ См.: Закон Архангельской области от 15 декабря 2009 г. № 113-9-ОЗ «Об отдельных мерах по защите нравственности и здоровья детей в Архангельской области» // Ведомости Архангельского областного Собрания депутатов пятого созыва. 2009. № 9.

¹⁶ См.: Закон от 7 октября 2009 г. № 62/28-о «О профилактике незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, наркомании и токсикомании в Иркутской области» // Ведомости Законодательного Собрания Иркутской области. 2009. № 14. Т. 1.

¹⁷ См.: Постановление Правительства РФ от 11 июля 2002 г. № 518 (ред. от 24 декабря 2014 г.) «Об утверждении перечня заболеваний, препятствующих содержанию и обучению несовершеннолетних в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 28, ст. 2873.

¹⁸ См.: Приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2014. № 11.

¹⁹ См.: Приказ Минобрнауки России от 20 февраля 2014 г. № 134 «О категориях несовершеннолетних, направляемых в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, реализующие адаптированные основные образовательные программы» // Российская газета. 2014. № 54.

²⁰ См.: Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Самарской области от 1 ноября 2010 г. № 2102 «О совершенствовании деятельности учреждений здравоохранения Самарской области по выявлению несовершеннолетних, употребляющих алкогольную или иную спиртосодержащую продукцию, потребляющих наркотические средства, психотропные или одурманивающие психоактивные вещества» // Медицинский информационный вестник. 2010. № 44.

²¹ См.: Постановление Правительства РФ от 6 мая 2006 г. № 272 «О Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 19, ст. 2093.

²² См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1.

²³ См.: Постановление Правительства РФ от 6 ноября 2013 г. № 995 «Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» // Собр. законодательства РФ. 2013. № 45, ст. 5829.

²⁴ См.: *Ильгова Е.В.* Еще раз к вопросу о статусе комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, или «Услышит ли Москва регионы?» // Вопросы ювенальной юстиции. 2012. № 1. С. 29–32; № 2. С. 29–32; № 3. С. 29–32.

²⁵ См.: Постановление Правительства РФ от 6 ноября 2013 г. № 995 «Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 45, ст. 5829.

²⁶ См.: Закон Саратовской области от 5 августа 2014 г. № 89-ЗСО «Об организации деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в Саратовской области и наделянии органов местного самоуправления государственными полномочиями по созданию и организации деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав» // Собр. законодательства Саратовской области. 2014. № 33; Закон Курской области от 22 июня 2012 г. № 69-ЗКО «О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав в Курской области» // Курская правда. 2012. № 79; Закон Ярославской области от 5 июля 2013 года №40-з «О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав в Ярославской области» // Интернет-портал «Российской Газеты» URL: <http://www.rg.ru/2013/09/02/yaroslavl-zakon40-reg-dok.html>; законы других регионов (дата публикации: 7 июля 2013 г.).

И.О. Кузнецова*, М.В. Горбачев**

ТЕХНОЛОГИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ФОКУС-ГРУППЫ КАК МЕХАНИЗМ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ КРИТЕРИЕВ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ***

В последнее время определенную актуальность приобретают вопросы организации культурного досуга подростков, оказание помощи в воспитании несовершеннолетних. Большое значение в успешности решения данных задач имеют особенности грамотного осуществления своих полномочий комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав. В настоящее время достаточно много говорится об исследованиях и оценке эффективности деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав. При этом нужно отметить, что проблема исследования структуры, основных направлений деятельности и форм работы комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав имеет неоднозначный характер. С одной стороны, много пишут об основах организации деятельности комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, разрабатываются более совершенные направления и формы работы с несовершеннолетними правонарушителями. С другой стороны, все, что было разработано, на практике зачастую реализуется недостаточно эффективно, что создаёт большие трудности в работе комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.

* Кузнецова Ирина Олеговна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры истории, социологии политики и сервиса ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

** Горбачев Михаил Валерьевич — кандидат политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

*** Статья подготовлена в рамках научно-методического проекта № НМ 3400 «Научно-методическое обеспечение деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав» в соответствии с заданием № 2014/205 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России.

Задача настоящей статьи состоит в анализе технологий и практического применения в оценке эффективности деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних социологических методов исследования. Подростки, совершающие правонарушения, на постоянной основе или эпизодично общаются с большим кругом лиц: друзьями по месту жительства, классным руководителем школы, инспектором органов внутренних дел, врачом, преподавателями конкретных учебных дисциплин и т.д. Эффективность работы органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, можно оценить не только с помощью внутреннего самоанализа указанных институтов, но и посредством метода фокус-группы. Суть метода заключается в учете этих независимых характеристик одним лицом, например, классным руководителем или инспектором ОППН, и использовании их в научных и практических целях. Методом обобщения независимых характеристик можно изучать не только отдельную личность, но и целые группы.

Количественные статистические показатели работы государственных органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних могут быть верифицированы с помощью качественных социологических методик. В противоположность количественным, качественные (неформализованные) методы ориентированы не на массовый сбор данных, а на достижение углубленного понимания исследуемых социальных явлений. Отсутствие формализации делает невозможным массовый охват исследуемых объектов, в результате чего число единиц исследования снижается до минимума. Отказ от широты охвата компенсируется «глубиной» исследования, т.е. детальным изучением социального явления в его целостности и взаимосвязи с другими явлениями.

Методом фокус-групп называют неформализованное интервью, которое проводится не с индивидуальным респондентом, а с группой. В качестве цели фокус-группы, в отличие от других видов групповых дискуссий, ставится получение информации о мнениях и реакциях их участников. Сам термин «фокус-группа» является сокращением от термина «фокусированное групповое интервью», предложенного Р. Мертоном, М. Фиске и П. Кендаллом. Элементы индивидуального интервью, то есть транзакции «интервьюер — респондент» в фокус-группе сочетаются с элементами групповой дискуссии, то есть транзакциями «респондент — респондент». Р. Мертон с соавторами указывали на «растормаживающий» эффект группы, позволяющий получить более широкую информацию¹.

Особенности этого явления состоят в следующем. Во-первых, принцип открытого обсуждения, когда участники группы побуждают друг друга говорить более свободно и откровенно о тех вопросах, которые в индивидуальной беседе могли бы остаться закрытыми. Во-вторых, работа в группе под руководством опытного модератора (ведущего) обеспечивает высокую спонтанность реакций и вовлеченность членов группы в совместный поиск

и формулировку ответов на вопросы порождает так называемый «синергический эффект» группы. В-третьих, в группе складывается своеобразное социальное равенство участников, в отличие от четко проявляющейся социальной дистанции в индивидуальном интервью.

Под методом фокус-группы понимают тщательно спланированную дискуссию в небольшой по размеру группе (8-12 человек), нацеленную на сбор мнений определенной категории участников относительно какого-либо заранее выбранного для дискуссии события или явления под руководством специально подготовленного ведущего. В идеальном случае для повышения надежности получаемых данных по каждому из обсуждаемых вопросов должно проводиться несколько фокус-групп с разными участниками из одной страты. Таким образом, работа фокус-группы представляет собой подготовленную, структурированную беседу, проводимую по специально разработанному плану, в которой участвует около десятка человек, выбранных по особым критериям.

Так, например, беседы, проводимые в форматах фокус групп с сотрудниками ОВД и ПДН г. Махачкалы показали, «что более половины преступлений, совершаемых несовершеннолетними, — это кражи чужого имущества. По мнению опрошенных, около 40% случаев краж, совершенных несовершеннолетними, по разным причинам остается латентными и не учитывается уголовно-правовой статистикой. Основной причиной латентности выступает примирение сторон с возмещением виновным несовершеннолетним лицом, точнее, его родителями, понесенных потерпевшим убытков материального, а порой и морального характера без уведомления об этом правоохранительных органов»². Однако по данным статистики, республика не входит в число лидирующих субъектов по количеству несовершеннолетних, признанных находящимися в социально-опасном положении (на основе анализа данных Единой информационной системы обеспечения деятельности Минобрнауки РФ за 2014 год, <https://cabinet.mon.gov.ru>).

Поэтому методика фокус-группы, позволяет более глубоко оценить критерии эффективности деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних не только в количественном, но и в качественном выражении. Для повышения достоверности получаемой информации в процессе применения фокус-группы целесообразно придерживаться некоторых принципов выборки. Например, композиция группы должна отражать основные категории респондентов в соответствии с целью исследования. При подборе респондентов, прежде всего, соблюдается принцип внутригрупповой гомогенности, что способствует динамическим процессам, а также большей свободе и раскованности участников.

По мнению ряда ученых³, в фокус-группы следует набирать только незнакомых между собой людей. Это требование значительно сокращает сферу применения данного метода, так как его сложно соблюдать при проведении исследования в организациях и коллективах, т.е. в сложившихся группах. Данный критерий, как показывает практика, не имеет универсального характера и определяется темой дискуссии. В частности, если обсуждаемые вопросы не повлияют на характер взаимоотношений между людьми, то в дискуссии могут быть знакомые друг с другом участники. Используя мастерство модератора и возможности метода, можно снизить влияние «знакомства» на процесс сбора информации. Следует учитывать, что данные фокус-групп не поддаются квантификации, так как в результате простого подсчета упоминаний могут приобрести вес темы, имеющие второстепенное значение для респондентов. Частота упоминания свидетельствует об интересе к проблеме, но не обязательно о степени ее важности. Тему могли не поднять по ряду причин. Во-первых, оказываемое на некоторых индивидов давление не позволило им раскрыться; во-вторых, в фокус-группу не попали представители той социальной группы, для которой свойственны данные взгляды, так как для рекрутирования участников не применяется выборка.

После определения критериев отбора осуществляется формирование группы. Это одна из самых тонких процедур в данном методе социально-правовой диагностики. Необходимо случайным образом выбрать достаточное число участников, отвечающих нужным критериям. Поэтому на практике участников подбирают через знакомых или прямо на улице, в общественных местах. По сути дела, действует та же схема, что и при проведении социологического опроса. Можно рекомендовать такой способ подбора. Подходя к каждому потенциальному участнику, необходимо представиться и опросить его с помощью отсеивающей анкеты для того, чтобы уточнить, подходит ли он под определенные социологами критерии. Если подходит, то можно предложить ему вступить в группу. Получив согласие, нужно записать имя и номер телефона этого участника, снабдить его напечатанным сообщением с указанием места, адреса и телефона помещения, где будет проходить фокус-группа. Беседа при проведении фокус-группы

обычно продолжается от полутора до четырех часов. Специально подготовленный ведущий (модератор) направляет беседу в заранее запланированное русло обсуждаемой темы. Для успеха работы необходимо создание комфортной и доверительной атмосферы открытого общения, свободного обмена мнениями для получения откровенных ответов. Рекомендуется поэтому подбирать ведущих из числа лиц, близких по характеристикам членам группы (по возрасту, полу, национальности), однако желательно не из числа близких знакомых участников.

В целях лучшей структуризации беседы ведущий пользуется планом. План модератора включает больше вопросов, чем вопросник, применяемый интервьюером при социологическом опросе, что позволяет в ходе обсуждения получить реальный многоплановый срез настроений, мнений и проблем, который не может быть получен в рамках количественного исследования. Хорошая организация дискуссии должна увлечь участников, создать у них внутреннюю и внутригрупповую мотивацию на откровенный и полный обмен мнениями. По ходу беседы члены группы дополняют и комментируют высказывания друг друга. Кроме ведущего, в работе фокус-группы обычно участвует 2-4 подготовленных наблюдателя, которые сами не вмешиваются в ход дискуссии, фиксируют спонтанные реакции участников на те или иные вопросы. Ведется видео- и аудиозапись разговора, иногда делается стенограмма для дальнейшего углубленного анализа. Основные правила коллективной работы: говорить по очереди, громко, обращаться к группе, говорить только после приглашения ведущего, высказывать лишь свое собственное мнение, не позволять оценивающих высказываний со стороны участников относительно сказанного, избегать параллельных разговоров с соседями. Участников предупреждают о том, что вся информация, высказанная в группе, конфиденциальна, а также о том, что ведется запись беседы. Главная задача ведущего — держать ход дискуссии в своих руках, акцентировать внимание группы на самых главных темах, нетривиальных мнениях. На заключительной стадии работы ведущий и наблюдатели обмениваются мнениями о состоявшемся обсуждении, расшифровывают и просматривают сделанные записи. Особое внимание уделяется нетрадиционным мнениям и спонтанным реакциям участников. Всегда полезно знать, насколько адекватны действия команды сложившейся ситуации. Еще может оказаться возможным скорректировать свои действия.

Используемая в данном методе групповая динамика порождает ряд проблем. В частности, сбор данных осуществляется в ходе постоянного взаимодействия, когда респонденты влияют друг на друга. Группа хорошо стимулирует включенность человека в процесс межличностного общения, а интеракция способствует выражению мнений индивидов, заставляя их аргументировать свои утверждения. При этом некоторые участники, испытывая давление со стороны группы, не высказывают свои мнения из-за боязни общественного порицания и осуждения. К динамическим процес-

сам относят конфликты, которые бывают спонтанными (с источниками как в рамках, так и вне фокус-группы) и искусственными, спровоцированными модератором. Столкновение взглядов респондентов служит для некоторых исследователей одним из способов проведения дискуссии. Но конфликтная ситуация имеет ряд последствий для группы, например, образование подгрупп или ее поляризацию. Последняя обычно происходит в процессе обсуждения очень значимых для индивидов тем. Для того чтобы избежать столкновений, являющихся следствием различий во мнениях участников и не спровоцированных социологом, фокус-группы нужно делать гомогенными, сохранять атмосферу дискуссии и регулировать возникающие противоречия. Эти задачи стоят перед модератором в связи с тем, что данный метод не направлен на достижение катарсиса или изменения установок людей.

Столкновения, как естественные, так и искусственные, влияют на группу двояким образом: с одной стороны, способствуют более полному раскрытию различных взглядов, когда в ходе взаимодействия мнения достигают определенной ясности; с другой, конфликт может исключить некоторых индивидов из групповой дискуссии, что приведет к потере важной информации. Поэтому в ходе обработки важно вспомнить и объяснить подобные случаи, учесть факторы, имеющие непосредственное значение для групповой динамики (социальный статус участников, различные индивидуально-психологические характеристики и т.п.).

Нейтрализовать влияние динамических процессов можно, сравнив данные, полученные в разных фокус-группах, а также сопоставив результаты «качественного исследования» с выводами, сделанными в ходе анкетирования. В итоге получают континуум отношения к изучаемой проблеме, избегая фиксирования крайних взглядов. С учетом влияния вышеописанных процессов, а также психологических особенностей набираемых людей, для изучения одной категории респондентов необходимо проведение от двух до шести дискуссий. Специфика фокус-группы заключается в том, что ее участники ведут себя менее конформно (по сравнению с обычной малой группой), так как целью здесь является получение спектра мнений по какой-либо теме, а не достижение группового консенсуса или принятие совместных решений. Часто респонденты думают, что на каждый вопрос ответ должен быть получен путем взаимного соглашения. Практика использования метода показывает, что хотя в исследовании не ставится цель найти консенсусное решение, тем не менее, некоторые участники дают ответ, учитывая предшествующие мнения. В этой связи перед социологом стоят следующие задачи: создавать атмосферу, в которой каждый человек, высказываясь, чувствует себя комфортно, и регулировать групповое давление.

Ниже приводятся несколько установок для проведения дискуссии в фокус-группе. Нежелательно позволять кому-либо доминировать в беседе, лучше дать каждому возможность высказаться. Набирая людей в группу для проведения дискуссии, необходимо исключить представителей средств массовой информации, предпринимателей. Лучшая группа — та,

которая состоит из представителей всех слоев населения, живущих в вашей местности; строго соблюдать повестку дня. Надо стараться удержать участников в русле обсуждения; не следует полагаться исключительно на взгляды, выраженные в группе⁴. Эту информацию необходимо рассматривать лишь как дополнение к другим имеющимся источникам.

Полученные в ходе применения метода вербальные и невербальные данные требуют серьезного анализа. В социологии существующие методы анализа располагаются по оси континуума, на одном конце которого качественные, тяготеющие к этнометодологии, на другом конце — количественные. Однако вопрос применения последних к результатам, полученным с помощью «мягких» техник, продолжает оставаться дискуссионным. Измерение «качественной» информации, по мнению ряда ученых⁵, не соответствует ее характеру. На наш взгляд, с учетом специфической природы фокус-группы и различной степени ее формализованности, эти методы обработки информации могут эффективно дополнять друг друга. Так, данные, полученные в результате контент-анализа, можно комбинировать с высказываниями респондентов.

Для обработки результатов фокус-групп наиболее плодотворными являются: анализ беседы (лингвистический анализ), дискурс- и контент-анализ. В ходе лингвистического анализа делаются детальные распечатки текста и представляются читателю в первоизданном виде с комментариями и наблюдениями социолога. Описываемый подход включает в себя подробное описание структуры дискуссии (последовательности высказываний, их принадлежности); ее эмоциональной окрашенности (паузы в речи, их продолжительность, интонации говорящих, смысловые ударения). Распечатки, представленные в знаковой форме, позволяют увидеть ход обсуждения, почувствовать его атмосферу. Достоинство этого подхода состоит в выявлении важности и значимости темы, а также эмоционального состояния участников. При этом возникают проблемы сопоставимости данных, полученных в различных фокус-группах, представления результатов и их восприятия читателями.

Последующее сравнение поведения участников разных фокус-групп позволяет выявить устойчивые, повторяющиеся модели и реакции на конкретные вопросы, оценить искренность ответов, сопоставляя их с эмоциональными проявлениями. Иногда данный метод позволяет понять, что некоторые аспекты, связанные с правонарушениями несовершеннолетних, остаются без должного внимания сотрудников деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и, как следствие, не отражаются в статистических базах данных.

Таким образом, социологические методы позволяют расширить возможности оценки критериев эффективности деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. В статистических базах данных (Единая информационная система обеспечения деятельности Минобрнауки РФ)⁶ содержатся

сведения об уровне правонарушений совершаемых несовершеннолетними в разных регионах Российской Федерации. Социологические методы помогают составить определенное представление о факторах способствующих росту и или снижению уровня правонарушений несовершеннолетних в зависимости от региональной специфики.

¹ Мертон Р., Фриске М., Кендалл П. Фокусированное интервью / пер. с англ., под ред. С.А. Белановского. М., 1991.

² См.: Шахаев Ю.А. Некоторые социологические методы исследований латентной преступности в Республике Дагестан // Юридический вестник. 2009. № 2. С. 292.

³ См., напр.: Богомолова Н.Н., Фоломеева Т.В. Фокус-группы как метод социально-психологического исследования. М., 1997.

⁴ См.: Кузнецова И.О. Проблемы профилактики наркомании и других асоциальных явлений в подростковой среде // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2009. № 6. С. 229–233.

⁵ См.: Дмитриева Е.В. Метод фокус-групп: проблемы подготовки, проведения, анализа // Социс. 1999. № 3. С. 136.

⁶ Единая информационная система обеспечения деятельности Минобрнауки РФ. URL: <https://cabinet.mon.gov.ru>.

И.В. Швецова*

ПОЛНОМОЧИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ФИНАНСОВО-БЮДЖЕТНОГО НАДЗОРА КАК ГАРАНТИЯ ЦЕЛЕВОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ КРЕДИТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В сложной экономической ситуации возрастает значение бюджетного кредитования. Председатель Правительства РФ Д.А. Медведев 30 марта 2015 г. подписал постановление о реструктуризации долгов субъектов Федерации по ранее выданным бюджетным кредитам. Таким образом, была снижена нагрузка на бюджеты субъектов, улучшены их сбалансированность и устойчивость¹.

Действительно, особо актуальна на сегодня тема бюджетного кредитования для регионов. Так, заместитель губернатора Смоленской области И.В. Скобелев указал на необходимость замещения банковских кредитов бюджетными, что, по его мнению, «выгодно правительству еще и тем, что ими легче манипулировать... их реструктуризация не снизит размер долга, но даст региону возможность тратить меньше средств на погашение основного долга»². Аналогичного мнения придерживается губернатор Ярославской области С.Н. Ястребов, который считает необходимым «привлекать федеральные бюджетные кредиты взамен коммерческих и таким образом уменьшить государственный долг и высвободить средства на решение актуальных проблем»³.

* Швецова Ирина Васильевна — аспирант кафедры финансового, банковского и таможенного права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

Соответственно, в силу повышения значимости бюджетного кредита на современном этапе важным представляется вопрос о совершенствовании законодательства в области правовой ответственности за нарушение условий бюджетного кредитования в Российской Федерации. Ее актуальность также определяется сложившейся практикой нарушений в сфере бюджетного кредитования. Так как бюджетный кредит не должен превращаться в безвозмездную и безвозвратную помощь, данный институт необходимо обеспечить действенными мерами ответственности.

Бюджетное кредитование является самостоятельной частью исполнения бюджета, источником финансирования дефицита бюджета. Сегодня для устранения дефицита бюджетов используется бюджетный кредит⁴, т.е. денежные средства, предоставляемые бюджетом другому бюджету бюджетной системы РФ, юридическому лицу (за исключением государственных (муниципальных) учреждений), иностранному государству, иностранному юридическому лицу на возвратной и возмездной основах⁵. Бюджетные кредиты предоставляются государственным и муниципальным унитарным предприятиям на условиях возвратности и срочности, но не всегда на условиях платности. Что касается выделения кредитов юридическим лицам, в т.ч. и иностранным, то согласно п. 1 ст. 93.2 Бюджетного кодекса РФ (далее — БК РФ)⁶ бюджетные кредиты им могут предоставляться только за счет целевых иностранных кредитов (заимствований) в случае реструктуризации обязательств (задолженности) юридических лиц по ранее полученным бюджетным кредитам, а также в случаях, установленных гл. 15 БК РФ. После изменений, внесенных в БК РФ в 2008 г., бюджетные кредиты юридическим лицам может выдавать исключительно Российская Федерация, и только при реструктуризации обязательств (задолженности) юридических лиц по ранее полученным бюджетным кредитам. Однако муниципальные образования принимают нормативные акты, регулирующие кредитования юридических лиц из средств собственных бюджетов, а в субъектах РФ практически нет нормативно-правовых актов, регулирующих выдачу кредитов юридическим лицам из средств бюджета субъекта. В данном случае позиция законодателя, фактически сделавшая невозможной выдачу кредитов юридическим лицам, является необоснованной.

Практику рассмотрения споров, поступающих на рассмотрение в арбитражные суды, составляют споры, связанные с нецелевым использованием средств федерального бюджета, невозвратом бюджетного кредита, непорочением платы за пользование бюджетным кредитом, нарушением условий предоставления бюджетного кредита⁷. В связи с этим, особенно возрастает роль финансового контроля на современном этапе развития нашей страны. Реальной угрозой экономической безопасности России стало масштабное нецелевое использование бюджетных средств⁸.

По диспозиции ст. 15.14 Кодекса РФ об административных правонарушениях нецелевое использование бюджетных средств — использование бюджетных средств получателем бюджетных средств на цели, не соответ-

ствующие условиям их получения, определенным в утвержденном бюджете, бюджетной росписи, уведомлении о бюджетных ассигнованиях, смете доходов и расходов либо в ином документе, служащим основанием для получения бюджетных средств. «Нецелевое использование бюджетных средств наряду с несвоевременным перечислением бюджетных средств является самым распространенным и исторически первым из установленных нормативными правовыми актами Российской Федерации нарушений бюджетного законодательства. Долгое время при наличии установленных санкций за нецелевое использование отсутствовало законодательное определение нецелевого использования бюджетных средств. Впервые оно появилось в БК РФ в 2000 г. Целевое (или нецелевое) использование бюджетных средств всегда определяется в соответствии с целями выделения. Предметом преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ⁹, можно определить имеющие целевой характер бюджетные средства в крупном либо особо крупном размерах, за исключением предоставленных в форме бюджетного кредита. С позиции судебной практики, нецелевым использованием бюджетных средств является лишь недостижение цели, на которую они выделялись. Что касается нарушений, связанных с неправомерным несоблюдением установленного порядка получения и расходования бюджетных средств, то сами по себе такие факты по судебной трактовке нецелевым использованием не являются. Согласно позиции Высшего Арбитражного Суда РФ значение имеет то, на что был использован кредит, полученный из бюджета¹⁰.

Таким образом необходимо усиление контроля государства за всеми источниками расходования бюджетных средств. Исполнение в рамках деятельности Минфина России мониторинга нецелевого использования бюджетных средств, который включает мониторинг исполнения федеральных целевых программ в целях выявления из них наиболее рискованных с точки зрения нецелевого использования средств и составления рейтинга главных распорядителей бюджетных средств (результаты которого необходимо использовать в процессе планирования контрольной деятельности).

Важной гарантией сохранения социальной направленности экономической, а также финансовой политики государства в процессе осуществления финансовой деятельности служит законодательное закрепление не только принципов ее реализации, но и усиления финансового контроля. Совершенствование бюджетных процедур в целях минимизации условий, способствует потерям и нецелевому использованию бюджетных средств, обеспечению возврата их незаконного использования и поступления доходов от их использования в федеральный бюджет, бюджеты субъектов РФ, муниципальных образований и бюджеты государственных внебюджетных фондов.

Главной задачей финансового контроля признается обеспечение соблюдения финансового законодательства, финансовой дисциплины и недопущения нецелевого использования бюджетных и внебюджетных средств.

В целях усиления государственного финансового контроля необходимо законодательно закрепить основы деятельности Росфиннадзора как органа государственного финансового контроля. Статья 157 БК РФ определяет органы государственного и муниципального финансового контроля как участников бюджетного процесса, а ст. 166.2 БК РФ относит Службу к участникам бюджетного процесса на федеральном уровне. Поэтому, необходимо закрепить в ст. 166.2 «Бюджетные полномочия Федеральной службы финансово-бюджетного надзора» БК РФ следующие положения: «Служба при осуществлении деятельности по контролю в финансово-бюджетной сфере осуществляет контроль:

за соблюдением бюджетного законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов, регулирующих бюджетные правоотношения в сфере бюджетного кредитования;

за полнотой и достоверностью отчетности о целевом использовании бюджетных кредитов;

за возвратом бюджетного кредита;

за перечислением платы за пользование бюджетным кредитом;

за целевым использованием бюджетного кредита».

Их четкое определение способствовало бы более эффективной работе Федеральной службы финансово-бюджетного надзора.

¹ Регионам дали отсрочку по бюджетным кредитам // Российская газета. 2015. 30 марта.

² Проблема роста // Российская газета - Экономика Центрального округа № 6416 (144). 2014. 1 июля.

³ Сергей Ястребов предложил заменить коммерческие кредиты региона на бюджетные // ЯРНОВОСТИ. URL: <http://yarnovosti.com/rus/news/region/politics/yzstrebov-gosdolg-budget> (дата обращения: 30.03.2015).

⁴ По мнению, Н.А. Саттаровой, «кредит представляет собой важнейший элемент рыночной экономики. Потребность в нем обусловлена действием экономических законов, наличием товарно-денежных отношений и государственной политикой, направленной на поддержку и стимулирование различных секторов экономики» (Саттарова Н.А. Бюджетные кредиты в свете последних изменений Бюджетного кодекса РФ // Актуальные проблемы экономики и права. 2007. № 4. С. 76).

⁵ См.: ст. 6 Бюджетного кодекса РФ от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (с изм. от 22 октября 2014 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3823; 2014. № 43, ст. 5795.

⁶ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (с изм. от 22 октября 2014 г.) // СЗ РФ. 1998. №31. Ст. 3823; 2014. № 43. Ст. 5795.

⁷ Определение Высшего Арбитражного Суда РФ «Об отказе в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ» от 11 февраля 2014 г. № ВАС-1240/14; Определение Президиума Высшего Арбитражного суда РФ «Об отказе в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ» № ВАС-7193/12ОБ. 19.07.2012; Определение Высшего Арбитражного Суда РФ № А58-7506/12. 11.02.2014; Определение ВАС РФ № А14-8348/2009-264/32. 14.10.2010; Постановление Федерального Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа. № А19-10979/2012. 5.07. 2013; Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа. № А40-22841/11-98-199. 18.02. 2013; Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа. № А58-7506/2012. 30.10. 2013; Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ. № 1046/01. 24.07.2001. Документы опубликованы не были. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ См.: Кондрат Е.Н. Правонарушения в финансовой сфере России. Угрозы финансовой безопасности и пути противодействия. М., 2014. С. 88.

⁹ См.: Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. от 8 марта 2015 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954; 2015. № 10, ст. 1415.

¹⁰ См.: Постановление Высшего Арбитражного Суда РФ от 24 июля 2001 г. № 1046/01 // ВВАС РФ. 2001. № 11. Документы опубликованы не были. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

П.В. Ересько*

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЮРИДИЧЕСКОМ ВУЗЕ

В последнее десятилетие глобальная сеть Интернет стала неотъемлемой частью в системе обучения вуза. Интернет является новой информационной и коммуникационной технологией и соответственно, активно используется в процессе обучения в высшем учебном заведении. К важнейшим качественным признакам интернета в новой учебной среде вуза относят глобальность знаний и интерактивность.

Использование интернета в процессе обучения в вузе имеет много как положительных, так и отрицательных стороны. К положительным можно отнести следующие:

получение информации по конкретным вопросам предметной области;
дистанционное обучение дисциплинам конкретного направления подготовки вуза. В ст. 13 Федерального закона 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. от 13 июля 2015 г.)¹ среди общих требований к реализации образовательных программ обозначена возможность реализации при помощи сетевых форм, дистанционной образовательной технологии, электронного обучения;

использование библиотечно-информационной системы вуза;
общение на форумах и чатах по «непонятым» моментам темы для студентов, в т.ч. со специалистами в своей области права (юристами, адвокатами);

возможность проведения собственного гуманитарного исследования, в т.ч. для студентов юридических вузов;

ведение совместной научной работы студентов и преподавателей с использованием ресурсов сети Интернет, электронной почты.

К отрицательным моментам использования сети Интернет, безусловно, следует отнести «плагиат» или неразрешенное заимствование студенческих работ с рефератов, курсовых и других работ свободно размещаемых

* Ересько Полина Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры информатики ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

в сети Интернет на сайтах коллекций рефератов. Представить обучение современного студента без информационных технологий просто невозможно, т.к. они проникли во все сферы жизни человека, ускорив таким образом многие процессы. Новые информационные технологии играют немаловажную роль в образовании, способствуют появлению новых образовательных технологий и форм обучения, базирующихся на электронных средствах обработки и передачи информации.

На качество обучения влияет учебный, методический материал, его актуальность, форма подачи, а также организация учебного процесса. В связи с увеличивающимся потоком информации, ее усложнением возникает множество проблем, решить которые помогают информационные технологии.

Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 24 ноября 2014 г.) закрепляется понятие «информационные технологии» как «процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов»².

Использование информационных технологий и их внедрение в образовательный процесс позволяют существенно влиять на характер подачи информации, а следовательно, и на методы обучения, содействуя активизации всех видов деятельности обучаемых: мыслительной, речевой, что, несомненно, способствует более быстрому усвоению материала, интенсификации учебного процесса.

Современные подходы к обучению в юридических вузах в отличие от других (например, технических) должны быть направлены на достижение целей, ориентированных непосредственно на формирование гуманистической направленности личности будущего юриста. Фронтальная, индивидуальная работа на занятиях, в т.ч., по дисциплинам «Информационные технологии в юридической деятельности», «Информационные системы и базы данных» обеспечивает достижение поставленных целей и развивает способности и интересы обучающихся по информационным технологиям; формирует знания, практические умения и навыки в работе с компьютером; повышает самостоятельность в процессе обучения; закрепляет в практической деятельности знания, полученные при изучении основ информатики и информационных технологий; выявляет скрытые (потенциальные) возможности отстающих и создает условия для развития их способностей; расширяет кругозор обучаемых; выявляет наиболее способных студентов и способствует развитию интереса к выбранной профессии юриста.

На настоящий момент в образовательном процессе используются такие компьютерные программные средства, как демонстрационные, тренажерные, моделирующие и контролирующие тестирующие программы; автоматизированные обучающие системы; мультимедиа и программы виртуальной реальности; электронные учебники; интеллектуальные и экспертные обучающие системы.

В учебных аудиториях ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия» (СГЮА) имеются современные мультимедийные комплексы, доступ к сети Интернет, к справочно-правовым системам «Консультант», «Гарант», «Кодекс», к электронным ресурсам библиотеки СГЮА, к системе дистанционного обучения MOODLE СГЮА (система MOODLE), к сети Wi-Fi. В процессе обучения на кафедре информатики используются разнообразные компьютерные технологии, электронные учебники; информационно-справочные правовые системы и базы данных, электронная библиотека Web-ИРБИС, система дистанционного обучения MOODLE СГЮА, локальная и глобальная сети.

Студентам юридического вуза важно научиться правильно оформлять при помощи текстового процессора Microsoft Word такие юридические документы, как заявление, акт, протокол, договор и др. На занятиях по информационным технологиям рассматривается актуальная тема «Шаблоны», где объясняется, как можно автоматизировать создание большого количества типовых юридических документов при помощи шаблона³, имеющего расширение *.dotx. В теме «Слияние» разбирается процесс массовой рассылки юридических документов⁴ путем подготовки серии однотипных юридических документов с помощью объединения файла (договор, акт, протокол и др.) с файлом, содержащим шаблон — заготовку (основным документом). Такие технологии позволяют автоматизировать электронный документооборот юридических документов, типовых юридических документов, предназначенных для массовой рассылки.

Для доступа к электронному каталогу научной библиотеки СГЮА достаточно сначала открыть в интернет-сайте СГЮА <http://news2.ssla.ru>, затем перейти по ссылкам Студентам, Библиотека. Поиск осуществляется через веб-интерфейс сайта библиотеки СГЮА http://lib.sgap.ru/irbis64r_01/, затем переход по ссылке Электронный каталог НБ СГЮА. Поиск можно осуществлять в следующих базах данных: книги фонда НБ СГЮА, дипломные работы выпускников СГЮА за последние 5 лет, авторефераты, диссертации, периодические издания научного абонемена, редкие книги научной библиотеки СГЮА, каталог электронных носителей, труды ученых СГЮА, Саратовский край. Электронные каталоги библиотеки СГЮА обеспечивают разносторонний поиск⁵ документов по следующим параметрам: по автору: индивидуальному (собственно автору, редактору, составителю и т.д.), коллективному (организации: научное или учебное заведение, конференция, съезд, симпозиум и т.д.); заглавию (основное заглавие издания и сведения, относящиеся к нему); ключевым словам; издательству и серии; году издания; индексам ББК и УДК; любому слову из библиографической записи.

Справочно-правовые системы (СПС) используются студентами юридической академии на протяжении всего периода обучения в вузе. Технология поиска, анализа правовой информации в СПС⁶ подробно разбирается

на занятиях по дисциплинам «Правовая информатика», «Информационные системы и базы данных».

СПС имеют свои сайты в сети Интернет: КонсультантПлюс (разработка правовых систем) — <http://www.consultant.ru/>, Гарант (информационно-правовой портал) — <http://www.garant.ru/>, Кодекс (информационно-правовая система) — <http://www.kodeks.ru/>. Они ведут непрерывную борьбу за пользователей, постоянно совершенствуются и расширяют правовые базы данных. Студенты и преподаватели могут воспользоваться указанными базами для получения новейшей правовой информации. При использовании СПС на занятиях приобретается навык работы с персональным компьютером, работы в базах данных; увеличивается информативная часть каждого изучаемого правового курса; фиксируются постоянные изменения в законодательстве; развивается способность к критическому мышлению в законотворческом аспекте, умение анализировать, обрабатывать, обобщать информацию, применять СПС для решения учебных и профессиональных задач.

Организация самостоятельной работы при решении правовой задачи определяется самим студентом и сводится к следующему:

- определение изначальных данных правовой задачи;
- выявление ключевых позиций решения;
- выбор базы СПС Консультант, Гарант или Кодекс;
- непосредственно поиск в СПС;
- анализ полученных данных;
- установление верного решения при определенных условиях.

При решении задачи по гражданскому праву о представителе юридического лица какого-либо ООО, выступающего стороной судебного разбирательства, выявляются начальные условия (в данной задаче: может ли быть представителем не работник организации, имеющий доверенность от организации). Чтобы ответить на ключевой вопрос о том, кто может выступать представителем юридического лица, можно сначала в СПС КонсультантПлюс произвести поиск Гражданского процессуального кодекса РФ, в котором найти по контексту Представительство в суде (гл. 5), затем в карточке поиска необходимо заполнить поле Вид документа — Федеральный закон, Название документа — адвокат, Текст документа — представитель организации. Получаем ответ: не работник организации не может представлять ее интересы, т.к. в соответствии с ч. 4 ст. 2 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» (в ред. от 2 июля 2013 г.)⁷ представителями организаций могут выступать только адвокаты, за исключением случаев, когда эти функции выполняют работники, состоящие в штате указанных организаций.

Студенты и преподаватели ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия» в обучении активно используют систему дистанционного обучения MOODLE или Портал Центра развития электронного образования (<http://portal.sgap.ru/>), располагающийся на Портале

Ресурсного центра сетевого взаимодействия. На 2014–2015 учебный год по кафедре информатики имеется более 8 курсов. Материалы, задания, лекции и тесты — сравнительно небольшая часть MOODLE, которые могут применяться в качестве самообразования, методических материалов для заочного, дистанционного обучений, заданий на семинарах, домашних заданий, заданий самостоятельной работы, контролирующих заданий.

Для использования MOODLE необходимо перейти на сайт СГЮА <http://news2.ssla.ru>, а затем по ссылкам Студентам, Портал ресурсного центра (<http://portal.sgap.ru/>). В целях использования ресурсов системы MOODLE необходимо осуществить вход в систему. Для чего воспользоваться кнопкой Зайти гостем как незарегистрированный пользователь, тогда информация будет доступна только у открытых курсов (курсов имеющих гостевой доступ); либо ввести зарегистрированный в системе MOODLE логин и пароль. При таком входе в систему можно получить полный доступ к методическим материалам системы. Для создания курса на MOODLE преподаватель должен распланировать учебный материал дисциплины так, чтобы студент получил достаточно полное представление о предмете, смог самостоятельно приобрести знания и научиться выполнять стандартные задания (упражнения) по темам курса, ответить на контрольные вопросы либо выполнить контрольную работу, либо успешно пройти тест.

Тестирование в дистанционной системе удобно для преподавателя, поскольку оно может повторяться неоднократно, пополняться и периодически обновляться. Тестирование может быть использовано на экзамене, зачете, как итог в конце изученной темы, в качестве самооценки приобретенных знаний. Для создания тестов, кроме системы MOODLE, можно использовать и другие программы, такие как INDIGO (<http://indigotech.ru/>), MyTest X (<http://mytest.klyaksa.net/>) и т.п. Однако система MOODLE имеет большие преимущества, связанные с использованием единой базы пользователей, состоящей из студентов и преподавателей СГЮА.

В начале работы в системе MOODLE необходимо перейти в Режим редактирования соответствующей кнопкой в правом верхнем углу. В нужной теме выбрать кнопку Добавить элемент или ресурс, затем поставить флажок в поле Тест — Тест. Завершить создание элемента Тест нужно кнопкой Добавить. Затем обязательно вносится Название теста. Выбирается вариант Сохранить и показать либо Сохранить и вернуться к курсу. После нажатия Сохранить и показать система выдает сообщение, что пока не добавлено ни одного вопроса, теперь можно приступить к Редактированию теста.

Для упрощения работы в системе имеется полезное качество — импорт вопросов теста из внешнего файла, экспорт вопросов из выбранной категории в текстовый внешний файл. Выбор категории позволяет использовать вопросы других курсов и систем. Тест может состоять из разных типов вопросов (Множественный выбор, Верно/неверно, На соответствие, Короткий ответ, Числовой, Вычисляемый, Описание, Эссе) или из вопросов одного типа. Вначале можно создать банк вопросов, затем,

выделяя флажком нужные вопросы банка, можно выбирать кнопку Добавить в тест.

Например, создание вопроса типа Числовой. Выбрать Создание нового вопроса в банк вопросов, тип Числовой. Ответ засчитывается системой, если обучаемый в ответе указал число, совпадающее с числом, заданным преподавателем. Название вопроса — краткая формулировка (например, Количество информации). Содержание вопроса — вопрос теста (например, Сколько Кбит содержится в 2Мбайтах?). Оценка для вопроса по умолчанию ставится единица. В поле Настройка для нескольких попыток можно использовать Штраф — число меньше единицы и уменьшает оценку за вопрос в случае неправильного ответа. Следующая попытка будет оценена числом, уменьшенным на величину штрафа, в том случае, если преподавателем предусматривается такая попытка. В вариант ответа 1 справа вводится правильный ответ (16384) и оценка 100%, которая расценивается системой как правильный ответ, в поле Отзыв вводится комментарий для данного ответа (Например, Верно!). Для просмотра полученного вопроса теста типа Числовой имеется полезная опция Просмотр слева в окне системы в Настройках управления тестом (рис. 1).

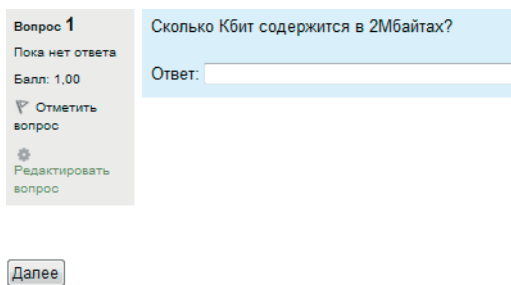

Рис. 1. Просмотр вопроса типа Числовой

Можно ответить на вопрос и нажать кнопку Далее, затем кнопку Завершить тест, после чего можно увидеть верно или неверно Вы ответили на вопрос (рис. 2), и Ваш соответствующий комментарий.

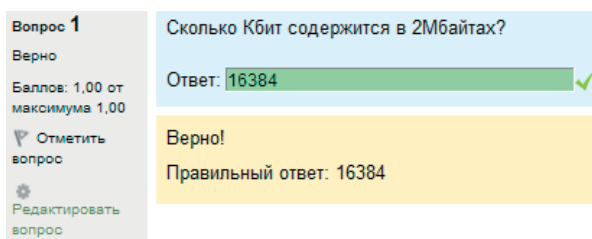

Рис. 2. Результат выполнения вопроса теста типа Числовой

Кнопкой в системе слева в Настройках управления тестом можно выбрать Редактировать тест и продолжить работу над созданием теста.

Вопрос теста типа в Закрытой форме (Множественный выбор) является одним из популярных типов. Имеется несколько правильных вариантов ответа или один. Особенностью настроек является выбор опции: Только один ответ или Допускается несколько ответов, где имеется в виду несколько правильных ответов на вопрос теста; также можно выбрать опцию Случайный порядок ответа, где при новом запуске теста порядок ответом будет изменен. Если предусматривается один правильный вариант ответа, то когда дается правильный вариант ответа, в параметре оценка выбирается 100%. Если среди множества ответов имеется несколько правильных, то оценка вычисляется как 100% разделить на количество верных ответов, остальные ответы оцениваются в 0% или параметр Пусто. Например, на вопрос — Выберите из нижеприведенных систем справочно-правовые системы, настройки оценки будут следующими: Гарант (оценка: 33,33%), Web-ИРБИС (оценка: пусто), КонсультантПлюс (оценка: 33,33%), MOODLE (оценка: пусто), Кодекс (оценка: 33,33%). На просмотре получаем следующий вид вопроса с множественным выбором (рис. 3) и после завершения теста получаем результат (рис. 4).

Вопрос 2
Пока нет ответа
Балл: 1,00
Отметить вопрос
Редактировать вопрос

Выберите из нижеприведенных систем справочно-правовые системы.
Выберите один или несколько ответов:
 1. Web-ИРБИС
 2. Кодекс
 3. Гарант
 4. КонсультантПлюс
 5. MOODLE

Далее

Рис. 3. Просмотр вопроса типа Множественный выбор

Вопрос 2
Верно
Баллов: 1,00 от максимума 1,00
Отметить вопрос
Редактировать вопрос

Выберите из нижеприведенных систем справочно-правовые системы.
Выберите один или несколько ответов:
 1. Web-ИРБИС
 2. Кодекс ✓
 3. Гарант ✓
 4. КонсультантПлюс ✓
 5. MOODLE

Ваш ответ верный.
Правильный ответ: Гарант, КонсультантПлюс, Кодекс

Рис. 4. Результат выполнения вопроса теста типа Множественный выбор

Время, затрачиваемое преподавателем, сокращается и за счет автоматической обработки системой результатов и предоставления результатов тестирования по курсу в виде таблицы.

Для автоматизации учета посещений, знаний⁸, умений, навыков и подсчета рейтинга студентов по дисциплинам преподаватели на кафедре информатики могут использовать электронную базу данных СтубД.mde.

Безусловно, использование информационных технологий в юридическом вузе, повышает эффективность труда преподавателя, уменьшают трудоемкость дисциплины, делают доступным юридическое образование. Конечно, информационные технологии не могут заменить человеческое общение и их активное применение нисколько не снижает роль преподавателя в обучении. Однако широкое внедрение современных информационных технологий в организацию учебного процесса юридического вуза дает возможность подготовить в высшем учебном заведении высококвалифицированного, конкурентоспособного и востребованного специалиста в правовой сфере, будущего юриста.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012 № 53, ч. 1, ст. 7598; 2015. № 29, ч. 1, ст. 4364.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3448; 2014. № 30, ст. 4243.

³ См.: Ересько П.В. Создание и модификация шаблонов типовых юридических документов компьютерными программными средствами // Вестник Саратовской государственной юридической академии права. 2008. № 6. С. 135–139.

⁴ См.: Варламова Е.В., Ересько П.В. Массовая рассылка юридических документов средствами текстового процессора // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 1 (90). С. 204–210.

⁵ См.: Ересько П.В. Поиск информации средствами библиотечно-информационной системы Web-ИРБИС // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 5 (100). С. 162–170.

⁶ См.: Брянцева О.В., Гаврилов М.В. Справочные правовые системы: учебное пособие. Саратов, 2008.

⁷ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 23, ст. 2102.

⁸ См.: Ересько П.В. Автоматизация обработки учета знаний в образовательной системе Болонского процесса // Гуманитарная составляющая в системе юридического образования: актуальные проблемы: сборник по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Саратов, 2008. С. 164–171.

О.В. Брянцева*

ОБЗОР КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРОГРАММНЫХ СРЕДСТВ ДЛЯ НОТАРИАЛЬНОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА

В последнее время в нотариате и нотариальном делопроизводстве происходит много изменений, большинство из которых связаны с информационными технологиями, внедряемыми в нотариальную практику.

* Брянцева Ольга Владимировна — кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры информатики ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

Так, правилами, утвержденными приказом Минюста России от 16 апреля 2014 г. № 78 «Об утверждении правил нотариального делопроизводства», помимо всех прочих изменений, введен новый разд. — XIV. Особенности работы с электронными документами¹.

С 1 июля 2014 г. начала действовать редакция Основ законодательства РФ о нотариате с изменениями, внесенными Федеральным законом 21 декабря 2013 г. № 379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»². В Основы дополнительно включены гл. VII.1. Единая информационная система нотариата (ст. 34.1–34.5), гл. XX.1. Регистрация уведомления о залоге движимого имущества, гл. XX.2. Удостоверение равнозначности электронного документа документу на бумажном носителе. Удостоверение равнозначности документа на бумажном носителе электронному документу³.

С 1 января 2015 г. вступили в силу изменения, внесенные Законом от 29 декабря 2014 г. № 457-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в Основы законодательства о нотариате⁴. Усилена роль электронного документа. Теперь в соответствии со ст. 37 «Нотариальные действия, совершаемые главами местных администраций и специально уполномоченными должностными лицами местного самоуправления» органы местного самоуправления должны подавать нотариусам сведения о совершенных ими нотариальных действиях в электронном виде.

Таким образом, невозможно представить работу современного нотариуса без компьютера и, соответственно, какого-то программного обеспечения. Нотариусы в своей работе могут использовать текстовые редакторы, табличные редакторы, справочные правовые системы и другие универсальные программы. Есть много средств для автоматизации обработки данных с их помощью⁵. Но есть и специальные программы, разработанные для нотариусов, это программы для нотариального делопроизводства. Самые распространенные из них — программы фирмы «Триасофт»: АРМ нотариуса «Экспресс» и специальное приложение «еНот», реализующее прикладные функции единой информационной системы (ЕИС) на рабочем месте пользователя ЕИС. Эти программы, получившие широкое распространение, разработаны по заказу Федеральной нотариальной палаты.

«Экспресс» автоматизирует подготовку текстов нотариальных документов и нотариальное делопроизводство. Для этого в программе есть удобный текстовый редактор и библиотека форм нотариальных документов. Также разработан механизм заполнения этих форм, что позволяет за короткое время без особых усилий получить синтаксически и юридически верно составленный документ. Необходимо просто ответить на вопросы, задаваемые системой, которая сама расставляет введенные фамилии в нужных падежах и согласует связанные с ними слова. Параметры, введенные числами (даты, площади, суммы и т.д.), автоматически расписываются прописью, формируется и форматируется текст документа и удостовери-

тельная надпись. Документ разбивается на страницы с равномерным заполнением, сохраняется в архиве, печатается нужное число подлинников и запрашиваемое число копий. Система сама вычисляет тарифы. По фамилии владельца имущества программа проверяет аресты и запрещения, проверяет номерные доверенности в базе данных утраченных бланков. Система самообучающаяся и может подсказывать ответы на задаваемые вопросы.

Программа формирует электронный реестр нотариальных действий, что очень удобно для поиска ранее удостоверенных документов и формирования статистической и финансовой отчетности.

Библиотека основных видов документов, встречающихся в нотариальной практике, может быть дополнена и модифицирована как самим пользователем, так и по его заказу.

Пользователь системы может применить свой уникальный индивидуальный стиль оформления документов, что важно для узнаваемости и защиты от подделок.

Возможно использование локальной сети, при этом формируемый архив документов доступен всем входящим в сеть компьютерам. Реализован достаточно удобный поиск документа в архиве по различным параметрам, например, по дате, реестровому номеру, ключевым словам.

Могут быть учтены особенности региональной нотариальной практики. С помощью программных и аппаратных средств осуществляется защита документов, что важно для обеспечения тайны нотариальных действий.

Для администраций поселений, в которых нет нотариуса, отдельные нотариальные действия исполняют главы местных администраций или специально уполномоченные должностные лица местного самоуправления, разработана специальная версия АРМ нотариуса «Экспресс» для администраций поселений. В этой версии сокращена библиотека форм документов, содержатся только те виды нотариальных документов, которые предусмотрены ст. 37 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате».

Для работы с электронной почтой специально для нотариусов компанией «Триасофт» разработана программа «Почта Триасофт Экспресс», в которой есть возможность интеграции с нотариальными конференциями портала www.notary.ru и работы с ним, групповая рассылка почты, управляемая администратором нотариальной палаты.

Более подробную информацию о программе АРМ нотариуса «Экспресс» и демоверсию можно получить на сайте компании «Триасофт»⁶.

С 2006 г. запущена в эксплуатацию Единая информационная система нотариата РФ (ЕИС), которая является распределенной информационной системой, объединяющей пользователей через сеть Интернет. Основная часть информации системы размещена в базе данных сервера ЕИС, установленного в Федеральной нотариальной палате. Главная задача Единой информационной системы — обеспечение нотариусов своевременной и

достоверной информацией, используемой ими в работе. Оператором ЕИС является Федеральная нотариальная палата, официальный сайт которой — www.notariat.ru.

Как уже отмечалось, с 1 июля 2014 г. начала действовать редакция Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, в которую включена гл. VII.1. Единая информационная система нотариата, что свидетельствует о значимости этой системы. В соответствии со ст. 34.2. Единая информационная система нотариата включает в себя ведущиеся в электронной форме реестры: нотариальных действий, наследственных дел, реестр уведомлений о залоге движимого имущества.

17 июня 2014 г. приказом Министерства юстиции РФ № 129 «Об утверждении порядка ведения реестров Единой информационной системы нотариата» утвержден порядок ведения реестров ЕИС нотариата⁷. Приказ вступил в силу с 1 июля 2014 г., а положения п. 35 Порядка, об обязанности нотариусов присоединять электронный образ нотариально оформленного документа при внесении в реестр нотариальных действий ЕИС нотариата сведений об удостоверении и отмене доверенностей — с 1 июля 2015 г.

С 2018 г. нотариусы будут обязаны регистрировать в реестре нотариальных действий все совершаемые ими действия, кроме удостоверения копий и свидетельствования подлинности подписи.

Взаимодействие ЕИС и пользователей осуществляется с помощью веб-интерфейса и программного интерфейса.

Программный интерфейс сервера ЕИС как раз предназначен для организации взаимодействия со специальным приложением «eNot», разработанным компанией «Триасофт». Это приложение осуществляет прикладные функции системы на рабочем месте пользователя ЕИС и обмен информацией между пользователями системы и сервером ЕИС. Краткие инструкции по установке программы «eNot», по настройке совместной работы АРМ нотариуса «Экспресс» и «eNot» можно найти на сайтах⁸. Дополнительная информация о записях программы «eNot» находится на сайте⁹.

В соответствии с изменяющимся законодательством постоянно совершенствуется программа «Экспресс». Выпускаются обновления, создаются новые подсистемы. Одно из последних — разработка и расширение возможностей подсистемы по удостоверению равнозначности электронного документа документу на бумажном носителе и удостоверению равнозначности бумажного документа электронному документу. Началась эксплуатация сервиса адресной подачи уведомлений о залоге движимого имущества в электронной форме¹⁰.

Еще один программный продукт для нотариусов — программа «Нотариат» компании «Адаптивные технологии», которая также сокращает временные и трудовые затраты сотрудников нотариальной конторы. Программа ориентирована на весь цикл нотариального документооборота, с ее помощью можно корректно в соответствии с требованиями законода-

тельства РФ оформить нотариальные документы. Она позволяет наладить электронное делопроизводство, работать с наследственными делами, завещаниями, отмененными доверенностями, автоматически создавать сообщения и т.д.

Интерфейс программы достаточно прост и понятен. Специальных знаний для работы не требуется. При этом «Нотариат» высоко функционален и самообучаем. Для создания документа выбирается нужный шаблон из имеющихся в программе или загружается свой. «Нотариат» сам формирует документ, данные вводятся в нужных падежах, числа в соответствующих местах и формах. Поиск и фильтрация документов может вестись по разным условиям, например, по дате создания, по автору, по тексту документа и т.д. Есть возможность создания статистики за любой период времени, создания отчетов, анализа архива. Отчеты и статистика легко редактируются.

Пользователь или нотариальная контора может настроить «Нотариат» по своим требованиям. Необходимая информация может накапливаться в личных справочниках. Автоматически создаются внутренние описи дел, описи временного и постоянного хранения дел, книги доходов и расходов. Все это осуществляется на основе электронного архива и номенклатуры дел. При объединении нескольких компьютеров в сеть возможна работа с единым архивом. Есть возможность модернизации системы, подключения дополнительных модулей и подсистем.

Нотариус, имеющий индивидуальный сайт, может связать его с программой «Нотариат», подключив к своему сайту модули «Запись на прием» и «Веб-документы Нотариат» для самостоятельной подготовки гражданами документов через сайт нотариуса.

Конечно же, программа «Нотариат» синхронизируется с ЕИС через программу eNot. Программа «Нотариат» постоянно совершенствуется. Компания «Адаптивные технологии» стремится сделать программный продукт современным, качественным и удобным. Одно из направлений работы компании — работа с клиентами.

Имеется постоянная информационно-консультативная поддержка. Здесь может помочь разд. «Часто задаваемые вопросы» или возможность отправить письмо с описанием проблемы. Осуществляется техническая поддержка пользователей программы «Нотариат». Это установка, настройка, адаптация библиотек шаблонов, доработка программного продукта, удаленное сопровождение через Интернет. При наличии в регионе партнера компании возможен выезд специалиста в нотариальную контору. Ознакомиться с программой, узнать о технической поддержке, посмотреть прайс-лист и скачать ее демо-версию можно на сайте компании¹¹.

Следующий программный продукт, который нельзя обойти молчанием, это программа нотариального делопроизводства «Царица». Информация о ней есть на сайте клуба нотариусов¹². Об этой программе очень много положительных отзывов нотариусов, но мало информации о самой программе. Она создана по заказу Нотариальной палаты Волгоградской области.

Автор программы А.В. Верещагиным. С начала 2008 г. программа используется нотариусами Волгоградской области, автоматизирует все основные направления деятельности нотариальной конторы.

Аппаратных требований программа не предъявляет, необходима любая версия операционной системы Windows и пакет программ Microsoft Office.

Как и все другие программы по нотариальному делопроизводству, данная программа автоматизирует процесс создания документов и соответственно уменьшает время на их подготовку. В процессе эксплуатации она изменялась и корректировалась.

Предусмотрена защита от взлома. Программу нельзя распространять без разрешения Нотариальной палаты Волгоградской области и автора. Тем не менее, даже до разрешенного распространения легальной версии в декабре 2008 г. в другие регионы в Интернете шло обсуждение ее недостатков и достоинств даже нотариусами из других областей.

Нотариальная палата Волгоградской области может провести обучение работе в программе и предоставить прошедшим обучение возможность самим проводить обучение, консультации и решать с автором вопросы обновления программы.

Наряду с программой «Царица» созданы программы для оперативного обмена информацией между нотариусами области и Нотариальной палатой: «Царица-Информ-Н» (устанавливается у нотариусов) и «Царица-Информ-П» (устанавливается в палате). Информация, подлежащая обмену, — это завещания, наследственные дела, отмененные доверенности.

В соответствии со сроками передачи информации нотариус передает ее для обработки в Нотариальную палату, а Нотариальная палата рассылает уже обновленные базы данных, которые импортируются в программу нотариуса.

При использовании нотариусом программы «Царица» пополнение программы «Царица-Информ-Н» информацией об удостоверенных или отмененных завещаниях, доверенностях и заведенных наследственных делах осуществляется пользователем автоматически. При этом программа «Царица» может определить наличие завещаний у наследодателя, вычислить отмененную доверенность.

В программе реализована система поиска, позволяющая найти нужную информацию по разным критериям в разных делах, даже по отмененным доверенностям. Приобрести программы можно, направив заявку в Нотариальную палату Волгоградской области. Всю информацию можно узнать на сайте Нотариальной палаты Волгоградской области¹³.

Еще одна программа, которую разработчики предлагают для ведения нотариального делопроизводства, это программа АвтоДок. Она может применяться не только нотариусами. Это универсальная система автозаполнения с понятным интерфейсом. Программа позволяет вести архив, составлять различные реестры документов, создавать шаблоны, автоматизировать большинство процессов, работает не только с программами Mi-

с Microsoft Office, но и с бесплатным офисным пакетом Open Office. Возможно использование сетевой версии. Возникающие вопросы можно решить с помощью ясно составленного меню «Помощь». На сайте компании можно скачать бесплатно демо-версию программы, ее использование не ограничено временем, интерактивную презентацию функциональных возможностей системы АвтоДок и просмотреть видео-ролик, иллюстрирующий работу программы¹⁴. В демо-версию включен комплект сценариев, содержащих автоматизированные шаблоны документов: договоры, письма, доверенности, акты, приказы, типовые бланки. Однако ничего не говорится о важной функции для нотариусов — синхронизации с ЕИС.

Приведенный обзор позволяет сделать вывод, что развитие общества, информационных технологий, электронного документооборота ведет к изменению нормативно-правовой базы, которая в свою очередь вызывает изменение в программных продуктах, применяемых в нотариальном делопроизводстве. Самые распространенные программы нотариального делопроизводства — это программы фирмы «Триасофт».

¹ См.: Российская газета. 2014. 25 апр.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 51, ст. 6699.

³ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: утв. Верховным Советом РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (в ред. от 29 декабря 2014 г.) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 10, ст. 357; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 1, ч. 1, ст. 10.

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 1, ч. 1, ст. 10.

⁵ См.: Брянцева О.В. Возможности справочной правовой системы «КонсультантПлюс» для повышения профессионального уровня специалистов различного профиля // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 5. С. 157–161; Ересько П.В. Создание и модификация шаблонов типовых юридических документов компьютерными программными средствами // Вестник Саратовской государственной академии права. 2008. № 6. С. 139–143.

⁶ См.: Триасофт. Демонстрационная версия. URL: <http://www.triasoft.com/programs2.htm> (дата обращения: 05.06.2015).

⁷ См.: Российская газета. 2014. 20 июня.

⁸ Триасофт. Краткая инструкция по установке программы «eNot». URL: <http://www.triasoft.com/enot/enot.htm> (дата обращения: 05.06.2015); Триасофт. Краткая инструкция по настройке совместной работы программ «eNot» и АРМ нотариуса «Экспресс». URL: <http://www.triasoft.com/enot/enot-express.htm> (дата обращения: 05.06.2015).

⁹ См.: Триасофт. Получение дополнительной информации о записях программы «eNot». URL: <http://www.triasoft.com/enot/enot-record-info.htm> (дата обращения: 05.06.2015).

¹⁰ См.: Экспресс-шлюз. Сервис адресной подачи уведомлений о залоге движимого имущества. URL: <https://www.express-gate.ru/> (дата обращения: 05.05.2015).

¹¹ См.: Нотариат — 3 шага к документу. URL: <http://www.notariatsoft.ru/> (дата обращения: 05.06.2015).

¹² См.: Notaryclub. URL: <http://www.notaryclub.ru/ccforum.php?f=1&t=72> (дата обращения: 05.06.2015).

¹³ См.: Нотариальной палаты Волгоградской области. URL: <http://volgogradnotary.ru/> (дата обращения: 05.05.2015).

¹⁴ См.: АвтоДок 2.5. URL: <http://www.auto-doc.ru> (дата обращения: 05.05.2015).

ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ: ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ»

29–30 сентября 2014 г. кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии была проведена международная научно-практическая конференция, приуроченная к юбилею доктора юридических наук, профессора Натальи Александровны Лопашенко, в рамках которой обсуждались проблемы понимания и реализации уголовно-правового воздействия. Поводом к выбору данной темы послужили теоретическая и практическая значимость составляющих ее содержание вопросов, а также активное участие в их доктринальной разработке самого юбиляра.

Со вступительным словом к участникам конференции обратился проректор по научной работе Саратовской государственной юридической академии С.А. Белоусов, который поздравил Н.А. Лопашенко с юбилеем, отметил ее вклад в развитие юридической и конкретно уголовно-правовой науки и пожелал всем плодотворной работы.

В адрес Н.А. Лопашенко прозвучали поздравления от коллег по научно-исследовательской и педагогической деятельности — представителей различных образовательных учреждений и уголовно-правовых школ России (МГЮУ им. О.Е. Кутафина, МГУ им. М.В. Ломоносова, МГИ(У)МО МИД России, Российского государственного университета правосудия, Волжского университета им. В.Н. Татищева, Воронежского государственного университета, Кубанского государственного университета, Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова и др.), кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права СГЮА, многочисленных учеников.

На пленарном заседании с докладами о понятии, сущности и оптимизации уголовно-правового воздействия выступили доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права МГЮУ им. О.Е. Кутафина И.Э. Звечаровский, доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе, профессор кафедры уголовного права и процесса Самарской гуманитарной академии, заведующий кафедрой уголовного права и процесса филиала Академии в г. Тольятти В.К. Дуюнов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки России, профессор кафедры уголовного и

уголовно-исполнительного права СГЮА Б.Т. Разгильдиев. Механизмы уголовно-правового воздействия были содержательно представлены в выступлении доктора юридических наук, профессора, ректора, заведующего кафедрой уголовного права и процесса Волжского университета им. В.Н. Татищева В.А. Якушина. Свои научные взгляды о криминологическом понимании реализации уголовно-правового воздействия изложил доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой криминологии Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя С.Я. Лебедев. Проблемам уголовно-правового воздействия на коррупцию было посвящено выступление доктора юридических наук, заместителя начальника Управления Президента РФ по вопросам противодействия коррупции В.И. Михайлова.

Общая проблематика конференции нашла отражение в докладах доктора юридических наук, профессора, заведующей кафедрой уголовного права и криминологии Самарского государственного университета Т.В. Кленовой («Об обусловленности и взаимосвязи охранительной и воспитательной функций уголовного права»); доктора юридических наук, профессора, профессора кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России Т.Н. Нуркаевой («К вопросу о понятии уголовно-правового воздействия и формах его реализации»); кандидата юридических наук, доцента, заместителя начальника по научной работе Дальневосточного юридического института МВД России (г. Хабаровск) М.А. Тулигловича («Методология уголовно-правового воздействия»); доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой уголовного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Г.А. Есакова («Уголовный закон и границы уголовно-правового воздействия»); доктора юридических наук, доцента, профессора кафедры уголовного права Волгоградской академии МВД России Н.А. Егоровой («Уголовно-правовые гарантии в механизме уголовно-правового воздействия»); доктора юридических наук, доцента, начальника кафедры уголовного права Омской академии МВД России М.В. Бавсуна («Проблемы оптимизации системы уголовно-правового воздействия на современном этапе»); кандидата юридических наук, доцента, профессора кафедры уголовного права Красноярского государственного аграрного университета А.П. Козлова («Меры уголовно-правового воздействия: проблемы и решения»).

На конференции обсуждались и отдельные (частные) направления реализации уголовно-правового, пенитенциарного, криминологического воздействия. Переговорам и компромиссу с преступниками как элементам механизма уголовно-правового воздействия посвятил свое выступление доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминального права Российского нового университета А.Х. Миндагулов. Разъяснения высшей судебной инстанции-

ей России особенностей применения уголовного законодательства стали темой научного доклада доктора юридических наук, доцента, профессора кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России В.В. Сверчкова. Проблемы применения и исполнения наказаний, альтернативных лишению свободы, связанных с обязательным трудом осужденных, были проанализированы кандидатом юридических наук, доцентом кафедры уголовного права и криминологии Балтийского федерального университета им. И. Канта И.А. Поповым. Об особенностях уголовно-правового воздействия в отношении преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности, говорила в своем сообщении доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России Т.В. Пинкевич, а об особенностях уголовно-правового воздействия на организованную преступность — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российской академии правосудия Е.В. Топильская. Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета А.В. Иванчин предложил обсудить дискуссионные вопросы конструирования составов экономических и иных преступлений (по мотивам ярославских публикаций Н.А. Лопашенко), а кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Тольяттинского филиала Самарской гуманитарной академии Р.В. Закомолдин — вопросы уголовно-правового воздействия в отношении военнослужащих и приравненных к ним лиц. На необходимости законодательного закрепления термина «лицо, совершившее преступление» заострила внимание кандидат юридических наук, докторант адъюнктуры Ростовского юридического института МВД России Н.В. Петрашева. В докладе кандидата юридических наук, заведующей кафедрой уголовного права и криминологии Бурятского государственного университета Э.Л. Раднаевой были подняты современные проблемы реализации ювенальной уголовной политики.

Всего в мероприятии приняли очное и заочное участие около 150 ученых России (Архангельск, Барнаул, Волгоград, Воронеж, Калининград, Краснодар, Красноярск, Липецк, Москва, Н. Новгород, Омск, Орел, Оренбург, Пенза, Петропавловск-Камчатский, Ростов-на-Дону, Самара, Санкт-Петербург, Саранск, Саратов, Тамбов, Тольятти, Улан-Удэ, Уфа, Хабаровск, Чебоксары, Ярославль и др.), Республики Беларусь, Республики Казахстан, а также работники органов прокуратуры и суда Саратовской и Пензенской областей.

Доклады участников конференции приводятся в авторской редакции.

М.В. Бавсун*

ПРОБЛЕМЫ ОПТИМИЗАЦИИ СИСТЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

По выводам, были сформулированным отечественными специалистами еще в конце XX в., «современная преступность России приближается к национальному порогу качественного и количественного насыщения, за которым “дрейфующий” уровень терпимости народа может оказаться в положении “переполненной чаши”, в связи с чем криминальность общества из криминологической и правоприменительной проблемы может превратиться в острую политическую проблему»¹.

Уголовно-правовое воздействие с тем набором средств, которым оно сегодня представлено в УК РФ, начинает все больше производить на общественное сознание не созидательный, а, наоборот, разрушительный эффект. В результате уголовный закон воспринимается как слабый и зачастую откровенно способствующий, а не противодействующий росту преступности. Именно таким его видят не только обычные граждане, но и правоприменитель, что усугубляет и без того сложную ситуацию в сфере противодействия преступности.

Особенно отчетливо данные тенденции прослеживаются на фоне крайне невразумительных изменений уголовного законодательства, которые по большей части носят спонтанный, эмоциональный, а иногда и откровенно заказной характер. Речь, в частности, необходимо вести об исключении из УК РФ в 2003 г. конфискации имущества и последующем ее возврате в Кодекс, но уже в совершенно ином статусе. К этой же группе изменений следует отнести отказ от минимальных пределов санкций по ряду экономических преступлений, декриминализацию лжепредпринимательства, «товарной» контрабанды, появление исключительных (особых) оснований освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших экономические преступления, и другие новеллы, напрямую способствующие росту экономической преступности. По нашему глубокому убеждению, изменения подобного рода представляют собой уже «...не гуманность, а скорее всепрощенчество, культивирующее в ряды преступников новые и новые кадры»². Подрыв авторитета уголовного закона становится еще более прогнозируемым в ситуации, когда на государственном уровне все чаще следуют признания о наличии той или иной проблемы, действительно волнующей общество, но при этом отсутствуют какие-либо шаги, направленные на ее решение.

Одной из наиболее ярких иллюстраций подобного отношения со стороны государства является деятельность по противодействию коррупции. Так, специалисты в области уголовного права и криминологии указывают

* Бавсун Максим Викторович — доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права ФГКОУ ВПО «Омская академия МВД России».

на объективную необходимость установления ответственности за коррупционный лоббизм, коррупционный фаворитизм, тайные взносы на политические цели и другие общественно опасные посягательства, которые уже давно имеют место в реальной действительности, но остаются вне поля зрения законодателя³. В Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 декабря 2003 г. (ратифицирована в России 8 марта 2006 г.) указывается на необходимость признания в качестве уголовно наказуемого деяния незаконного обогащения, т.е. «значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать»⁴. Однако уголовное законодательство до сих пор остается без изменений, а рекомендуемые на международном уровне средства по-прежнему остаются невостребованными.

В свою очередь наличие в обществе четкого представления о процветании коррупции и неспособности государства избавиться от данного явления, в т.ч. и посредством уголовно-правового воздействия, оказывает негативное влияние на сознание людей. Следствием этого является неверие в уголовный закон, который начинает занимать все меньше места в формировании правовой идеологии. Происходит это, по сути, по одной лишь причине: уголовно-правовые нормы в ситуации подобного рода в правовую идеологию не могут привнести ничего нового, кроме деструктивного, превращаясь в свод неких запретов, лишенных подчинения единому, всем понятному и воспринимаемому началу.

Между тем падение авторитета уголовно-правового воздействия послужило причиной формирования общества, не рассчитывающего на помощь государства в решении проблем криминального происхождения. Это общество, которое склонно к самосудам, примеров которых мы наблюдаем сегодня достаточно, что, по свидетельству отечественных специалистов в области социологии и политологии, служит одной из предпосылок появления анархии и хаоса⁵.

Полагаем, что подобная нестабильность в первую очередь обусловлена отсутствием на государственном уровне центральной (генеральной) идеи, объясняющей, что должно быть положено в основу противодействия преступности на современном этапе. Существующие при этом в уголовном законе положения базового характера зачастую носят излишне теоретизированный, а порой и откровенно надуманный характер содержащихся в нем идей. Речь необходимо вести об отсутствии в их содержании реальных направлений противодействия преступности, которые были бы понятны и доступны всем. Именно это является первопричиной неэффективности уголовно-правового воздействия, а не собственно сама его система. Какой бы эта система ни была, она, прежде всего, должна находить соответствующую поддержку в обществе и если таковой нет, то не будет и требуемого результата.

Отчасти данный вывод подтверждается анализом средств уголовно-правового воздействия, содержащихся в УК РСФСР 1960 г. и УК РФ 1996 г. Средства эти часто вполне сопоставимы. Безусловно, многие положения УК РФ (особенно в более поздних редакциях) были существенно смягчены, а иногда исключены из его содержания. Тем не менее, произошедшие в сфере уголовно-правового регулирования общественных отношений изменения вряд ли можно обозначить в качестве первопричины, единственного и, главное, наиболее значимого условия роста фактической преступности. Основная проблема видится в области нематериального. Она обусловлена изменениями, наблюдаемыми в таких категориях, как идеология, общественное сознание, правосознание, правовая культура, что оказало непосредственное влияние на состояние преступности.

На это указывают и данные, полученные как в рамках проведенного, так и иных исследований. Если по состоянию на 1989 г. 62,7% населения верили в общепредупредительный эффект уголовного закона⁶, то в 2010 г. лишь 29,3% респондентов дали положительный ответ, указав на сдерживающую функцию уголовно-правовых предписаний⁷. Вполне естественно, что возможности контроля в столь разных условиях несопоставимы. Если в первом случае уровень принятия требований уголовного закона составлял 63%, а в другом — 30%, то практически 100%-ное падение его авторитета, безусловно, не могло не сказаться и на степени эффективности реализуемых мер по сдерживанию преступности. И если ранее наказание представляло собой действительно серьезную преграду для совершения преступления, то в более поздний период возможные последствия от его реализации перестали выглядеть столь удручающими для значительного числа граждан.

Подобные изменения характерны и для сознания лиц, уже совершивших преступление, что отражает глубину происходящих в современном обществе процессов. Так, в ходе исследования, проведенного в 1984 г. в местах лишения свободы, отбывающим наказание в виде лишения свободы был задан вопрос, направленный на выяснение их отношения к тому преступлению, которое они совершили. При этом порядка 93% опрошенных убийц и насильников указали, что они действовали под влиянием ситуации, которая носила провоцирующий характер, и если бы такой ситуации не было, то они никогда не совершили бы преступление⁸. Аналогичное исследование, проведенное уже в 2011 г., показало совершенно другие результаты. 82% респондентов не отрицали того, что действительно совершили преступление, а также относились к нему как к вполне нормальному деянию, не только не вызывающему у них чувства раскаяния, но и, наоборот, породившему гордость за содеянное⁹.

Разница в данных свидетельствует о происшедшей со временем утрате обязательных для всех слоев социума ориентиров, об изменении системы ценностей, что и стало основной причиной возросшей преступности. Именно указанные процессы, а не ослабление репрессии исполнили роль

основного фактора, спровоцировавшего рост общественно опасного поведения. Поэтому в качестве первоочередной задачи видится необходимость формулирования в уголовном законодательстве положений, отражающих его основные идеи, которые в последующем определяли бы содержание конкретных средств уголовно-правового воздействия.

Безусловно, корректировка действующего УК РФ в части установления и реализации уголовной репрессии сегодня необходима. Потребность в оптимизации существующих средств воздействия на лиц, совершивших преступление, объективно назрела уже давно, что подтверждается динамикой преступности в последние годы. Однако начинать ее следует не с самих средств воздействия, а с его концептуальных положений, которые и должны стать предпосылкой к созданию уголовно-правовой идеологии, необходимой для формирования общественного сознания в духе соблюдения требований законности и недопустимости противоправного поведения. Иначе оптимизация, не найдя поддержки и понимания в обществе, может оказаться формальной, не способной повысить эффективность деятельности государства по противодействию преступности.

Оптимизация законодательного материала без идеологической основы есть реакция на следствие, а не на причину роста фактической преступности. Полагаем, такая оптимизация, с учетом состояния преступности и дальнейшей криминализации российского общества, должна начинаться с появления основополагающих идей, одна из которых — идея непримиримости и бескомпромиссности борьбы с наиболее опасными формами преступных посягательств. Ее реализация предполагает принятие следующих мер:

- возобновление практики применения смертной казни за наиболее опасные (в рамках уже указанных в УК РФ случаев) формы преступного поведения;

- использование конфискации имущества в качестве самостоятельного вида наказания;

- исключение возможности на уровне правоприменения менять категорию тяжести совершенного преступления;

- восстановление минимальных пределов наказания в виде лишения свободы в тех статьях Особенной части УК РФ, в которых они были отменены законодателем в процессе его либерализации;

- включение в содержание УК РФ принципиально новых средств уголовно-правового воздействия, способствующих устранению причин и условий совершения новых преступлений.

Последний пункт реализации указанных идей имеет особое значение в связи с тем, что в сложившихся условиях практически единственным способом воздействия на виновных остается наказание (причем речь идет, как правило, о штрафе или лишении свободы), которое само по себе не способно решать в полном объеме стоящие перед уголовным законом задачи, поэтому и оказывает все более деструктивное воздействие как на лиц, совершивших преступление, так и на общество в целом. Применение при

этом таких видов наказаний, как исправительные и обязательные работы, не меняет общей картины уголовно-правового воздействия по двум причинам: во-первых, сегодня нельзя вести речь о масштабности их использования, а во-вторых, они также не могут выступать в роли эффективных средств, способных повлиять на устранение причин и условий совершения преступлений. Сведение же уголовно-правового воздействия практически к одной из его разновидностей (наказанию) делает систему односторонней и неэффективной, не способной обеспечивать требуемый результат в ходе противодействия преступности.

В этой связи представляется необходимым формирование обобщенного восприятия уголовно-правового воздействия как единой совокупности элементов, включающей в себя средства информационно-правового (идеологического) характера; наказания как одного из основных средств принуждения; мер иного характера (медицинского, воспитательного и др.); а также мер безопасности. Полагаем, что развитие отечественной системы уголовно-правового воздействия должно идти в направлении объединения в рамках данного института таких категорий, как уголовная ответственность, наказание, иные меры уголовно-правового характера, что обеспечит его оптимизацию, а также повысит эффективность практического применения конкретных средств принуждения к лицам, совершившим общественно опасные деяния. Неизбежным при этом является расширение перечня таких средств в направлении отказа от преобладания в его содержании карательного начала и их концентрации в уголовном законе в соответствии с поставленными перед ним целями и задачами.

Формирование единого механизма уголовно-правового воздействия в рамках действующего УК РФ требует дополнить его самостоятельным разделом, включающим следующие положения:

понятие уголовно-правового воздействия;

принципы уголовно-правового воздействия, среди которых системообразующими следует признать начала законности и целесообразности. На их основе должно произойти объединение между собой не только общеправовых, но и специальных начал уголовно-правового воздействия;

перечень средств уголовно-правового воздействия (в рамках самостоятельных глав УК РФ);

понятие каждого средства уголовно-правового воздействия (понятие наказания, иных мер уголовно-правового характера, мер безопасности);

виды (в рамках самостоятельных глав УК РФ) и при необходимости классификацию каждого из средств противодействия преступности;

общие начала применения мер уголовно-правового воздействия, в рамках которых должно быть определено их соотношение между собой в процессе практической реализации, что выступает важной предпосылкой их нормального функционирования в процессе практического применения;

условия отмены и взаимозаменяемости в ходе их применения соответствующими органами государственной власти;

иные правила, обеспечивающие их эффективное функционирование, которые направлены на взаимодействие средств уголовно-правового воздействия в процессе их реализации, что выступает в качестве обязательного условия достаточности и сбалансированности объема применяемого принуждения по отношению к виновному в совершении преступления.

В этой связи считаем необходимым изменить само отношение к уголовно-правовому воздействию, наполняемость которого теми или иными средствами должна происходить не в связи с их принадлежностью к тому или иному статусу, а их способностью оказывать максимально большой эффект на противодействие преступности. В определенной мере здесь может быть использован подход, сформировавшийся за рубежом, где средства уголовно-правового воздействия в первую очередь должны отвечать требованиям соответствия цели обеспечения безопасности общества, а сама система средств является максимально прагматичной. Именно в этой связи мы сегодня наблюдаем повсеместно применение в Европе химической кастрации, в США применение смертной казни, в мусульманском праве телесных наказаний и т.д.

Речь, таким образом, необходимо вести о приведении отечественной системы уголовно-правового воздействия в соответствие с требованиями реальной (и именно российской) действительности. Они должны олицетворять объективные потребности противодействия преступности вне зависимости от того, к числу каких именно мер они относятся. Цели и задачи, в основе которых лежит основополагающая идея, должны выступать в качестве основных критериев совершенствования системы средств противодействия преступности. Отсутствие указанных базовых категорий делают современное состояние уголовно-правового воздействия беспредметным, «размытым», не способным в конечном итоге нести на себе нагрузку по предупреждению преступлений в должной мере.

¹ Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. Мировой криминологический анализ. М., 1997. С. 446.

² Торкунов М. О необходимости смертной казни в России // Уголовное право. 2005. № 3. С. 122.

³ См., например: Лунеев В.В. Проблемы юридических наук криминального цикла // Государство и право. 2007. № 5. С. 44; Борков В.Н. Проблемы криминализации коррупционного обогащения в России // Уголовное право. 2007. № 2 и др.

⁴ О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции: Федеральный закон от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 12, ст. 1231.

⁵ Ситуация подобного рода становится все более типичной для современного периода (см., например: Война в Сагре. Русские взялись за вилы и обрезы. URL: <http://blog.fontanka.ru/posts/75926/>; В Благовещенске толпа едва не растерзала педофила. URL: <http://www.5-tv.ru/news/43035> (дата обращения: 15.04.2015). Малько А.В. Правовая политика современной России в сфере смертной казни // Право на смертную казнь: сборник статей / под ред. А.В. Малько. М., 2004. С. 98; Убивший педофила отец получил 2,5 года строгого режима. URL: <http://ngs55.ru/news/539477/view/> (дата обращения: 15.04.2015) и др.).

⁶ См.: Марцев А.И., Максимов С.В. Общее предупреждение преступлений и его эффективность. Томск, 1989. С. 104–105.

⁷ См.: Бавсун М.В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации: дисс... д-ра. юрид. наук. Омск, 2013. С. 293–294.

⁸ См.: Ефремова Г.Х., Лежава Г.Ш., Ратинов А.Р., Шавгулидзе Т.Г. Общественное мнение и преступление / отв. ред. Г.В. Макашвили. Тбилиси, 1984. С. 273–275.

⁹ См.: Бавсун М.В. Указ. раб. С. 176–177.

А.Г. Блинов*

ЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ЗДРАВООХРАНИТЕЛЬНОМ ПРАВООТНОШЕНИИ

Признав человека высшей ценностью на конституционном уровне, Российская Федерация взяла на себя обязательство по обеспечению его прав и свобод, в т.ч. обусловленных вступлением в отношения по охране здоровья и оказанию медицинской помощи. При этом Конституция РФ не конкретизирует нормативный документ, который должен содействовать реализации интересов лица, испытывающего потребность во врачебной помощи, и противодействовать правонарушениям, допускаемым медицинскими работниками во время исполнения профессиональных функций. Исходя из научной концепции, обосновывающей функциональную специфику механизмов юридического упорядочивания и правовой охраны социально значимых связей, направление решения указанной проблемы можно найти в содержании задач, стоящих перед регулятивными и охранительными отраслями законодательства. Так, определяя в качестве предмета регулирования отношения в сфере охраны здоровья, Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹ направлен на создание благоприятных условий для эффективной реализации юридического статуса пациента и медицинского работника. Для этого он определяет правовые, организационные и экономические основы охраны здоровья граждан; права и обязанности человека и гражданина, отдельных групп населения в сфере охраны здоровья, гарантии реализации этих прав; полномочия и ответственность органов государственной власти РФ, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления в сфере охраны здоровья; права и обязанности медицинских организаций, иных организаций, индивидуальных предпринимателей при осуществлении деятельности в сфере охраны здоровья; права и обязанности медицинских и фармацевтических работников (ст. 1).

Иные задачи стоят перед уголовным правом. В соответствии с ч. 1 ст. 2 УК РФ они заключаются в следующем: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности, а также предупреждение преступлений.

Содержание указанных задач свидетельствует о том, что здравоохранительное и уголовное законодательство вносит собственный вклад в процесс реализации прав и свобод человека, испытывающего потребность

* Блинов Александр Георгиевич — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

во врачебной помощи, и профилактику правонарушений в сфере оказания услуг медицинского характера. Так, ценность здравоохранительного законодательства в осуществлении и защите прав и свобод лица, обращающегося в медицинские учреждения за лечебной помощью, носит разносторонний характер и заключается в определении юридического статуса пациента и врача, внесении порядка в здравоохранительные отношения посредством установления четких границ правомерного поведения его участников, предоставлении им права на осуществление и защиту законных интересов, формировании юридической основы для развития социальных связей между производителями и потребителями медицинских услуг. Результат воздействия позитивного права на свой предмет регулирования выражается в оптимальном удовлетворении не противоречащих закону интересов участников здравоохранительных отношений.

Недопущение каких-либо противоречий между потребителями и исполнителями медицинских услуг представляет собой идеальную модель построения взаимоотношений. Однако, как справедливо заметил С.С. Алексеев, «было бы известным преувеличением, отходом от жизненной правды утверждать, что в рассматриваемых случаях действие юридических норм опирается только на высокую сознательность граждан, их убежденность в разумности и целесообразности правовых предписаний, моральный авторитет норм права. Отдельные лица могут не понять идеологического содержания норм»². Предугадывая вероятность возникновения конфликтных ситуаций в рассматриваемой сфере социального обслуживания населения, в заключительной части нормативных актов регулятивного характера законодатель указывает на существование правовых отраслей, способных побуждать недобросовестных субъектов к надлежащему исполнению возложенных на них обязанностей.

Обслуживающая роль в воплощении в жизнь прав и свобод больного человека отводится уголовному закону. Будучи мерой субсидиарной, уголовно-правовой запрет на совершение деяний, наносящих вред либо создающих опасность причинения вреда охраняемым законом интересам личности, общества, государства, мира и безопасности человечества, устанавливается лишь в случае исчерпанности потенциала регулятивных отраслей законодательства в их обеспечении. В этом смысле предметом уголовно-правового воздействия становятся правоисполнители, которые даже в условиях максимальной упорядоченности общественных отношений на уровне регулятивных отраслей права и законодательства демонстрируют свою готовность пренебрегать предоставленным юридическим статусом. Уголовный закон возлагает на них целый ряд обязанностей и прав, формируя тем самым уголовно-правовой статус. Так, выступая в качестве носителя уголовно-правового статуса, медицинский работник обязан, прежде всего, воздерживаться от совершения социально опасного деяния, угрожающего правомерным интересам пациента. Соблюдение запретов составляет основную форму реализации уголовно-правовой нормы, цель

которого состоит в предупреждении осуждаемого обществом поведения. Абсолютное большинство представленных в Особенной части уголовного законодательства норм под страхом привлечения к ответственности удерживают медицинского работника от совершения активных действий. Например, уголовно-правовая норма, изложенная в ст. 120 УК РФ, возлагает на правоисполнителя обязанность по воздержанию от принуждения человека к изъятию органов или тканей для трансплантации. В случае ее нарушения виновное лицо наказывается лишением свободы на срок до 4-х лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3-х лет или без такового.

Остальные нормы Особенной части уголовного закона, напротив, устанавливают ответственность за пассивное поведение субъекта уголовно-правового отношения. Функциональное назначение такого рода уголовно-правовых норм состоит в стимулировании правоисполнителя к активным действиям. Так, уголовно-правовая норма, сформулированная в ч. 1 ст. 124 УК РФ, возлагает на медицинского работника обязанность совершать активные действия, суть которых заключается в оказании не терпящей отлагательства помощи больному. Ее исполнение стимулируется угрозой назначения наказания в виде штрафа в размере до 40 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 3-х мес., либо обязательных работ на срок до 360 ч., либо исправительных работ на срок до одного года, либо ареста на срок от 2-х до 4-х мес.

Таким образом, уголовно-правовая обязанность медицинского работника по воздержанию от совершения преступления может быть реализована путем: а) воздержания от совершения активных действий, угрожающих правомерным интересам пациента; б) выполнения определенных действий, способствующих осуществлению правового статуса пациента. В обоих вариантах поведения субъекта уголовно-правового отношения непосредственным результатом действия уголовного закона выступает удержание правоисполнителя от посягательств на правомерные интересы пациента. Пренебрежение уголовно-правовой обязанностью по воздержанию от совершения преступления влечет возложение на него другой обязанности — подвергнуться уголовной ответственности. Следствием применения наказания либо иных мер уголовно-правового характера выступает ограничение правового статуса субъекта, нарушившего права и свободы другого человека. Обязанность подвергнуться уголовной ответственности возлагается на медицинского работника в том случае, когда возникает объективная необходимость в дополнительном стимулировании исполнения обязанности по воздержанию от совершения общественно опасных деяний против интересов пациента. Уклонение от отбывания ограничения свободы, лишения свободы, а также от применения принудительных мер медицинского характера образует самостоятельный состав преступления, предусмотренный ст. 314 УК РФ. Таким образом, привлечение лица к уго-

ловной ответственности служит инструментом принудительного обеспечения задач, стоящих перед соответствующей отраслью законодательства.

Еще одной обязанностью, обусловленной уголовно-правовым статусом медицинского работника, является возмещение физического, материального и морального вреда, нанесенного пациенту в результате совершенного преступления. В настоящее время вопрос о компенсации ущерба, причиненного неисполнением или ненадлежащим исполнением врачом профессиональных функций, решается в порядке подачи и рассмотрения гражданского иска в уголовном процессе. Анализ материалов судебной практики свидетельствует о том, что процесс удовлетворения требований граждан по возмещению вреда, причиненного здоровью или жизни во время оказания врачебной помощи, протекает крайне затруднительно. Потерпевшим от преступлений ввиду отсутствия специальных познаний сложно обосновать характер и объем причиненного ущерба. Им нередко приходится испытывать противодействие со стороны экспертов, представляющих медицинскую отрасль. Включение в уголовно-правовой статус медицинского работника предложенной обязанности придаст факту возмещения физического, материального и морального вреда публичный характер. Его исполнение будет осуществляться в рамках уголовно-правовых отношений, что существенно повысит шансы потерпевшего на удовлетворение его уязвленных интересов³. В то же время компенсирование представителем врачебной профессии ущерба, нанесенного больному неквалифицированным исполнением профессиональных функций, не должно восприниматься как откуп от уголовного преследования.

Было бы грубейшей ошибкой полагать, что роль уголовного права в механизме охраны прав и свобод пациента исчерпывается возложением обязанностей на человека, занимающегося врачебной практикой, и внесением карательного элемента в здравоохранительные правоотношения. Неотъемлемой составляющей уголовно-правового статуса медицинского работника является субъективное право. Будучи тесно связанным с личностью, оно несет внушительную социальную и функциональную нагрузку. От его востребованности в значительной мере зависит результативность функционирования механизма уголовно-правовой охраны прав и свобод пациента. Правовые возможности способствуют совершенствованию профессиональных качеств личности, повышению ее социально-правовой активности. Наделение представителей врачебной профессии определенными правами в сфере действия уголовного закона способствует внедрению во врачебную практику позитивных результатов экспериментальных методов диагностики и лечения заболеваний.

В структуру уголовно-правового статуса медицинского работника могут быть включены лишь те права, которые регламентированы УК РФ. Норм, управомочивающих людей на социально полезное поведение, в российском уголовном законодательстве немного. Их перечень ограничен институтом обстоятельств, исключающих преступность деяния (ст. 37–42).

Учитывая профессиональный статус лиц, занимающихся врачебной деятельностью, уголовный закон наделяет медицинских работников правом на обоснованный риск (ст. 41) и крайнюю необходимость (ст. 39). Составляющие содержание указанных статей нормы стимулируют правоисполнителя к совершению общественно полезных действий и определяют границы возможного поведения в процессе исполнения профессиональных функций.

Трудно согласиться с утверждением С.Е. Донцова и В.В. Глянцева о том, что для медицинского работника, оказывающего помощь больному, риск является не правом, а обязанностью. По мнению ученых, обязанность совершать рискованные действия возникает из юридических фактов, закрепленных в нормативных актах, регулирующих правовой статус врача в нестандартных ситуациях⁴.

Риск как выход за пределы безопасного поведения является возможным, но не обязательным действием. Желая добиться общественно полезного результата в ситуации, характеризующейся опасностью наступления неблагоприятных последствий, субъект врачевания делает свой выбор и старается реализовать его. Вполне вероятно, что согласно патерналистской теории взаимоотношений медицинского работника и пациента, у врача в экстремальных случаях может возникнуть моральный долг действовать рискованным образом, но никак не юридический. Правовые обязанности медицинского работника, вытекающие из профессионального статуса, перечислены в ст. 73 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Из этого перечня следует, что законодатель не наделил представителей врачебной профессии обязанностью прибегать к рискованным действиям в случае тяжелого заболевания больного. Ее не было и в нормативных документах, действовавших на момент выхода в свет монографии С.Е. Донцова и В.В. Глянцева. В то же время право медицинских работников участвовать в доклинических и клинических исследованиях лекарственных средств вытекает из содержания Федерального закона от 12 апреля 2010 г. «Об обращении лекарственных средств»⁵ (ст. 11, 21, 38, 40).

Обобщая изложенное можно сформулировать следующие выводы:

1) потребность во вмешательстве уголовного права в здравоохранительные отношения возникает тогда, когда резервы регулятивного законодательства по стимулированию медицинских работников к надлежащему исполнению профессиональных функций оказываются недостаточными, а совершаемые правонарушения по характеру и степени вредоносности являются общественно опасными;

2) уголовно-правовое воздействие на здравоохранительные правоотношения осуществляется посредством наделения медицинского работника уголовно-правовым статусом, реализация которого обеспечивает решение задач уголовного закона по охране здравоохранительных правоотношений от преступных посягательств и предупреждению преступлений медицинских работников;

3) социальным результатом действия уголовного закона в сфере здравоохранения выступает удержание медицинского работника от совершения общественно опасного действия (бездействия) во время исполнения профессиональных функций.

Таким образом, уголовно-правовое воздействие на здравоохранительные правоотношения выходит на ведущие позиции в ряду мероприятий, направленных на нейтрализацию угроз причинения вреда правам и свободам пациента.

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 48, ст. 6724.

² Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 22.

³ В литературе высказываются предложения по включению в уголовный закон нормы, которая обязывала бы правоисполнителей возместить или иным образом загладить причиненный преступлением физический, имущественный, моральный вред. См.: Анощенко С.В. Уголовно-правовое учение о потерпевшем / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2006. С. 199; Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовое возмещение вреда, причиненного преступлением // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Шестой Международной научно-практической конференции (29–30 января 2009 г.). М., 2009. С. 40; Сумачев А.В. Пострадавший как субъект уголовного правоотношения: учебное пособие. Тюмень, 1999. С. 74–75.

⁴ См.: Донцов С.Е., Глянецев В.В. Возмещение вреда по советскому законодательству. М., 1990. С. 254–257.

⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 16, ст. 1815.

А.Н. Варыгин*

«СИТУАЦИОННАЯ» ПРЕСТУПНОСТЬ И ВОЗДЕЙСТВИЕ НА НЕЕ

В науке давно и успешно используется системный подход при анализе изучаемых явлений и процессов. В свое время Фон Берталанфи произнес: «Мир есть система систем». Как отмечают философы, он был прав, если смотреть на мир как на совокупность «сконструированных» материальных объектов, где каждый материальный объект, от микро- до макроуровня, есть совокупность взаимосвязанных внутри себя элементов, а иначе — это и есть система или конструкция материальной действительности, сформированная в пространстве и во времени. С методологической точки зрения, такой характер событий понимается как системный подход¹, который широко применяется в любой науке, юридической в т.ч. и предполагает рассмотрение любого изучаемого объекта как сложно организованной системы, имеющей определенную структуру, содержащую известное количество взаимосвязанных элементов². Преступность как системное явление в свою очередь можно рассматривать как часть системы более высокого уровня, например, системы социальных отклонений, или общества в целом. Не случайно Н.Ф. Кузнецова, давая определение преступности, писала, что

* Варыгин Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

преступность — это система преступлений, имеющая определенные системные свойства, т.е. устойчивые взаимозависимости преступлений внутри целостности и между ней и другими социальными явлениями³.

Взаимосвязанными элементами преступности являются ее виды. Их выделение в криминологии осуществляется в первую очередь по такому основанию, как объект преступления, т.е. по тому благу, тому общественному интересу, на который посягал преступник⁴. В этой связи в первых учебниках криминологии исследовались такие виды преступности, как особо опасные государственные преступления; преступления против личности и хулиганство; хищения государственного и общественного имущества; преступления, составляющие пережитки местных обычаев; преступления, связанные с нарушением правил безопасности движения на автотранспорте⁵. Чуть позже по этому же основанию стали выделять и такие виды преступности, как должностные преступления и некоторые др.⁶

В последние годы значительно расширились основания классификации, что, несомненно, было связано с ростом преступности и изменением ее структуры (вовлечением в нее новых слоев общества, проникновением в различные сферы общественной жизни). Преступления стали классифицироваться по таким основаниям, как особенности личности преступника, причины преступлений, особенности профилактики преступлений. В этой связи стали выделять следующие виды преступности: организованная, профессиональная, преступность несовершеннолетних, рецидивная, женская преступность. Виды преступности стали классифицировать и по социальным сферам деятельности, в которых совершаются преступления. По этому основанию выделяется экономическая и налоговая преступность, воинская, пенитенциарная преступность, преступность в правоохранительной сфере и некоторые др.⁷ Это далеко не все, но наиболее распространенные виды преступности, выделяемые в криминологии.

Видными отечественными криминологами В.Н. Кудрявцевым и В.В. Лунеевым было предложено за основание классификации видов преступности принять содержание мотивации преступного поведения. По этому основанию ими были выделены следующие виды преступности: политически мотивированная преступность; корыстные преступления; насильственные (агрессивные) преступления; преступления с анархической мотивацией; легкомысленные (неосторожные) преступления⁸.

В последние годы с начала в философии, а затем и в других науках стал применяться ситуационный подход к изучению явлений и процессов. Ученые попытались осмыслить роль понятия «ситуация» в научном познании, а также перспективы превращения разрозненных и противоречивых ситуационных представлений в междисциплинарную методологическую программу — ситуационный подход, опирающийся на «общую теорию ситуаций». Известный ученый-философ Н.М. Солодухо в противовес Бертаганфи предлагает рассматривать мир как систему ситуаций⁹, и с ним нельзя не согласиться, если учесть, что ситуационный подход включает в

себя не системные объекты и события, а прежде всего бессистемные явления и процессы.

В определенном смысле ситуационность противостоит системности как выражению устойчивости, стабильности, структурированности, определенности, являясь по сути неопределенной, неожиданной, мало предсказуемой.

В связи со сказанным, можно констатировать, что ситуационный подход возможен и при изучении таких явлений, как преступность и преступления.

С учетом этого наряду с имеющимися основаниями для классификации видов преступности полагаем возможным предложить и такое основание, как ситуационность совершения преступлений, а точнее степень их подготовленности, говоря иными словами, как совершаются преступления — ситуационно, внезапно, исходя из сложившейся ситуации или же, напротив, оно заранее планируются и подготавливаются, т.е. носят предумышленный характер.

Предумышленный в соответствии со словарем русского языка означает «умышленный, с заранее обдуманном намерением»¹⁰. Предумышленные преступления — это уголовно наказуемые деяния, умысел на совершение которых у преступника возник заранее (относительно задолго до его совершения) и характеризующееся наличием его плана и каких-либо подготовительных действий. Например, А.Н. Фалько определяет такое предумышленное преступление, как убийство, следующим образом: это преступление, совершенное с заранее обдуманным умыслом, который был реализован в преступлении через более или менее значительный отрезок времени после возникновения и характеризуется особой психической деятельностью субъекта: мысленным представлением модели будущего преступления, продумыванием деталей его осуществления и сокрытия; моделированием возможного поведения потерпевшего; решением вопроса о необходимости привлечения соучастников и т.п. Объективным его выражением является изготовление орудий и средств преступления, приискание соучастников, иное умышленное создание условий для совершения преступления¹¹.

Противоположностью предумышленных преступлений являются преступления, которые совершаются «благодаря» ситуации, т.е. ситуационные. Ситуация — это совокупность условий и обстоятельств, создающих определенную обстановку, положение¹².

Ситуационное преступление характеризуется иначе, нежели предумышленное. Умысел на его совершение возникает, как правило, внезапно, под влиянием неожиданно возникшей ситуации, в силу чего такие деяния заранее не планируются и не имеют никаких предшествующих подготовительных действий. Ситуация в их совершении играет главенствующую роль.

Именно ситуационных преступлений в нашей стране основная масса. Так, ситуационный характер носят все преступления, совершаемые по неосторожности. УК РФ насчитывает около 40 составов преступлений, со-

вершаемых по неосторожности. По нашим подсчетам это более 40 тыс. преступлений, совершенных в 2013 г.

Большая часть насильственных преступлений (70–80%), в частности убийств, причинений различного вреда здоровью, совершается на семейно-бытовой почве в результате совместного употребления спиртных напитков, конфликтов между преступником и жертвой (в год около 100 тыс. преступлений).

Как минимум, половина самых распространенных преступлений — это преступления против собственности. Как показывают материалы следственно-судебной практики и криминологических исследований, данные преступления также совершаются ситуационно (около 650 тыс. преступлений в год). Только по вышеуказанным преступлениям примерное количество ситуационных преступлений насчитывает около 800 тыс. из 2,2 млн преступлений, зарегистрированных в 2013 г., что составляет 36%. То есть, по самым скромным подсчетам, ситуационные преступления составляют более 1/3 от общего количества всех совершаемых преступлений. В действительности эта цифра, на наш взгляд, еще больше, но, чтобы ее назвать, необходимы более глубокие исследования и точные подсчеты.

Несмотря на то, что вопросы, связанные с ролью ситуаций в механизме совершения конкретных преступлений, освещались в работах криминологов, имеются в виду прежде всего труды Ю.М. Антоняна, Е. Бафия, В.Н. Кудрявцева¹³, проблемы же самих ситуационных преступлений и тем более ситуационной преступности исследованы недостаточно. Одной из первых затронула этот вопрос А.И. Долгова. Рассматривая преступность, она отмечала, что в ней можно выделять устойчивую преступность и преступность ситуативную, которая определяется более сильным влиянием среды, чем личностными характеристиками, сложной ситуацией преступного поведения¹⁴. В этой связи следует назвать работы В.А. Плешакова, который также предлагает использовать в криминологии ситуационный подход¹⁵.

Мы исходим из того, что, поскольку основная масса преступлений, совершаемых в стране, носит ситуационный характер, предупредительная деятельность должна быть, ко всему прочему, направлена на недопущение и устранение подобных ситуаций, способствующих совершению преступлений. К сожалению, на протяжении длительного времени и даже сейчас предупредительная деятельность направлена не столько на причины и условия преступлений, сколько на лиц, их совершающих (совершивших или способных совершить), а ситуации, способствующие преступлениям, зачастую остаются вне поля зрения правоохранительных органов.

Мы никоим образом не отрицаем важности воздействия на лиц, склонных к совершению преступлений, т.е. необходимости индивидуальной профилактики преступлений. Это связано с тем, что именно индивид принимает решение о совершении преступления, использует ту или иную ситуацию в своих целях или просто-напросто неверно ее оценивает, что характерно для преступлений, совершаемых по неосторожности.

Мы, согласны с Ю.М. Антоняном в том, что «никакая жизненная ситуация не приводит фатально, минуя волю и сознание субъекта, к совершению преступления. Основное внимание акцентируется на взаимодействии, взаимовлиянии конкретной жизненной ситуации и личности, ее социальных, социально-психологических и индивидуально-психологических особенностей»¹⁶. Однако изучение ситуаций совершения преступления так же важно, как и изучение личности преступника, который в этой ситуации действует. Любое преступление есть результат взаимодействия личностных свойств преступника и конкретной ситуации. Такая ситуация служит проявлением внешней среды, в которой, исходя из своих внутренних «установок», действует индивид. В одной ситуации он может избрать законопослушный тип поведения, в другой, напротив, противоправный. То есть такая внешняя среда, а точнее ее проявление (ситуация) может выступать поводом к совершению преступления.

Важно еще и то, что ситуация может носить не только объективный, т.е. не зависящий от воли и сознания преступника характер, но и субъективный (зависящий от его воли и сознания), например, его алкогольное опьянение, физическая усталость, болезнь и т.д. Поэтому ситуация играет весьма важную роль в механизме совершения преступления и требует, на наш взгляд, к себе более пристального внимания со стороны ученых и практических работников в целях предупреждения преступлений и преступности в целом. Это связано и с тем, что подобные ситуации гораздо проще выявить, т.к. зачастую они «лежат на поверхности», в отличие от преступных намерений тех или иных лиц. На такие ситуации легче воздействовать и устранять, нежели воздействовать на конкретных индивидов, склонных к совершению преступлений. Воздействуя на указанные ситуации, правоохранительные органы, как справедливо отмечает В.А. Плешаков, обеспечивают защиту объекта преступного посягательства, например, путем усиления его сохранности; создают преступнику трудности в совершении преступления, в частности с помощью введения специальных режимов безопасности на тех или иных объектах; снижают заинтересованность преступника в совершении преступления, например, путем нанесения маркировок на имущество; увеличивают для преступника угрозу его разоблачения через установление различных видов наблюдения за объектами возможных преступных посягательств¹⁷.

Таким образом при воздействии на ситуации, способствующие преступлению, осуществляется т.н. ситуационное предупреждение преступности, задача которого, как отмечал В.Н. Кудрявцев состоит в том, «чтобы опасную, провоцирующую или иным образом содействующую совершению преступления ситуацию превратить в нейтральную»¹⁸. При этом (что, на наш взгляд, особо важно) «центр тяжести перемещается с превентивной и поэтому незаконной репрессии в отношении «подозрительных» или «неблагонадежных» элементов на осуществление мер по охране и защите го-

сударственных и общественных объектов, а также граждан от возможных преступных посягательств»¹⁹.

Вопрос относительно ситуационного подхода в науке, несомненно, сложный. Даже среди философов — его разработчиков — нет единого мнения о содержании ситуаций. Так, одни (О.Ю. Абрамова, Н.М. Солодухо, В.Д. Евстратов, Д.Е. Мартынов, М.Г. Румянцева, С.С. Фролов) рассматривают преимущественно, неопределенность ситуации, фиксируют случайный характер формирования ситуаций, непредсказуемость их развития, чувствительность ситуаций к внешним возмущениям, другие (А.И. Уемов, О.А. Липатова, А.К. Погасий, Т.С. Волчецкая, С.И. Давыдов) отдают приоритет параметру системности ситуации, связывают развитие ситуационных идей с понятиями элемента, структуры, связи, функции. Третьи (И.В. Голубович, А.Ш. Шайхутдинова, Р.В. Габдреев) отмечают двойственность ситуации. Последние авторы считают, что сущность ситуации заключена в субъектно-объектном, событийно-смысловом взаимодействии. Несмотря на сложности ситуационного подхода, нет оснований не использовать его в криминологии при изучении преступности и преступлений.

Подводя итоги вышеизложенному, следует отметить, что, наряду с имеющимися в криминологии классификациями видов преступности, целесообразно выделять такие виды преступности, как предумышленная и ситуационная. Сравнительно распространенным видом преступности является ситуационная преступность, составляющая более 1/3 от общего количества всех совершаемых в стране преступлений. Ситуационную преступность можно определить как совокупность преступлений, совершенных на определенной территории за определенный промежуток времени, характеризующихся отсутствием у виновных заранее обдуманного умысла, подготовительных действий, в осуществлении которых ситуация сыграла решающую роль. С учетом того, что основная масса преступлений в стране носит ситуационный характер, должно организовываться и осуществляться предупреждение преступности, т.е. оно должно быть направлено на устранение ситуаций, в которых и «благодаря» которым чаще всего совершаются преступления.

¹ См.: Сабирзянов А.М. Ситуационная картина мира. URL: <http://filosofkai.tw1.ru/situaciya.php> (дата обращения: 20.09.2014).

² См.: Криминология: учебник / под ред. А.И. Долговой. М., 2005. С. 44.

³ См.: Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М., 1994. С. 65.

⁴ См.: Кудрявцев В.Н., Лунеев В.В. О криминологической классификации преступлений // Государство и право. 2005. № 6. С. 55.

⁵ Советская криминология: учебник / отв. ред. А.А. Герцензон, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев. М., 1966; Герцензон А.А., Звирбуль В.К., Зотов Б.Л., Карпец И.И. и др. Криминология: учебник. М., 1968.

⁶ См.: Криминология: учебник / редкол. И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, А.Б. Сахаров. 3-е изд., испр. и доп. М., 1976.

⁷ См.: Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Э. Эминова. М., 1995; Криминология: учебник / под ред. А.И. Долговой. М., 1997 и др.

⁸ См.: Кудрявцев В.Н., Лунеев В.В. Указ. раб. С. 60–65.

⁹ См.: Солодухо Н.М. Манифест ситуационного движения // Вестник Татарского отделения Российской экологической академии. Казань, 2003. № 3. С. 3.

¹⁰ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 2007. С. 570.

¹¹ См.: Фалько А.Н. Уголовная ответственность за предумышленное убийство: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 8.

¹² Советский энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. М., 1985. С. 1210.

¹³ См.: Антонян Ю.М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления. М., 1973; Бафия Е. Проблемы криминологии (диалектика криминологической ситуации). М., 1983; Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. М., 1968; Его же. Генезис преступного поведения. Опыт криминологического моделирования. М., 1998.

¹⁴ См.: Криминология: учебник / под ред. А.И. Долговой. С. 80.

¹⁵ См.: Плешаков В.А. Концепция криминологической теории ситуаций или ситуационной криминологии // Россия: уроки реформ: научные труды ИМПЭ им. А.С. Грибоедова. М., 2008. С. 150–159.

¹⁶ Антонян Ю.М. Указ. раб. С. 4.

¹⁷ См.: Плешаков В.А. Указ. раб. С. 157–158.

¹⁸ Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003. С. 313.

¹⁹ Там же. С. 307.

Я.И. Гилинский*

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ: ЛУЧШЕ МЕНЬШЕ, ДА ЛУЧШЕ

Мы нередко забываем (или не очень осознаем), что живем в совершенно новом мире — мире Постмодерна, характеризующемся глобализацией экономических, политических, культурных, миграционных процессов (включая глобализацию преступности); сочетанием реального мира и виртуального (включая киберпреступность); консьюмеризацией сознания и жизнедеятельности; релятивностью любых представлений о реальности. Отсюда полипарадигмальность и отказ от «истин». «Постмодернизм утверждает принципиальный отказ от теорий»¹. Более того, «сама „наука“, будучи современницей Нового времени (модерна), сегодня, в эпоху постмодерна, себя исчерпала»².

Мы живем в мире, где не осталось иллюзий построения «общества всеобщего благоденствия». Когда мировые войны, Освенцим, Холокост, гитлеровские концлагеря и сталинский ГУЛАГ разрушили остаточные иллюзии в отношении человечества, а современность стремится лишь подтвердить самые худшие прогнозы антиутопий, «постмодернизм производит опустошительное действие» (П. Бурдье).

Забываем, что преступность, во-первых, есть относительный конструкт, конструируемый властью в интересах, прежде всего, властных структур. Нет ни одного деяния, которое было бы по своему содержанию «преступным»³. Во-вторых, «преступность» была, есть и будет, пока существует человечество, вышедшее из первобытного состояния (или не впадшее в него).

Забываем, что наказанием никого нельзя ни исправить, ни «предостеречь» от совершения преступлений, что «реализация

* Гилинский Яков Ильич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена».

уголовного закона может стать совершенно непереносимой для общества, заблокировав иные социальные процессы... Разумное снижение объема законного насилия может в большей степени обеспечить интересы страны... Наказание — это очевидный расход и неявная выгода... Следует учитывать хорошо известные свойства уголовного права, состоящие в том, что оно является чрезвычайно затратным и весьма опасным средством воздействия на социальные отношения»⁴.

Уголовно-правовое воздействие на поведение людей с целью сокращения опасных для общества и его членов деяний сводится к решению двух задач: 1) что запрещать под страхом уголовного наказания и 2) какие должны быть наказания, чтобы они могли удержать виновного и других лиц от совершения запрещенных деяний. Рассмотрим кратко проблемы, возникающие при решении обеих задач.

Это понятие исследовано в литературе за многие столетия вдоль и поперек⁵. Проблемой остаются критерии отнесения тех или иных нежелательных для общества деяний именно к преступлениям, а не к иным правонарушениям (административным, дисциплинарным, гражданско-правовым). Определение преступления, предложенное в ст. 14 УК РФ («преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания»), не отвечает на главный вопрос: что же такое «общественно опасное» деяние. Ибо и законодатель, и каждый гражданин государства может понимать под общественно опасными совершенно различные деяния, что, собственно, и происходит в процессе криминализации (декриминализации) законодателем тех или иных деяний даже в государствах с устойчивой уголовно-правовой системой.

Особенно остро проблема критериев отнесения деяний к преступным проявляется в современной России. Деятельность российского законодателя — Государственной Думы — свидетельствует о полном непонимании сущности, задач, возможностей уголовно-правового воздействия в целях сокращения действительно опасных деяний. Не следует думать, что автор готов предложить «верный» перечень таких критериев. Однако порассуждать на эту тему стоит.

Что является наибольшей ценностью для человека? Его жизнь. Очевидно, что посягательства на жизнь должны быть запрещены уголовным законом. Но желательна жизнь полноценная, не ущербная, здоровая. Потому посягательства на здоровье человека также должны быть криминализованы. Но именно на здоровье. Поэтому, например, побои (ст. 116 УК РФ), не повлекшие расстройство здоровья, смело могут быть декриминализованы, переведены в разряд административных проступков.

Половая неприкосновенность как определенная ценность и неотъемлемое право человека вполне может защищаться средствами уголовного права.

С некоторых пор собственность представляет для людей значительную ценность, от коей нередко зависят их существование и здоровье (крыша над головой, одежда, средства на питание, лечение и т.п.). Очевидно, посягательства на собственность должны быть криминализованы. Но опять же не все. Почему должны быть криминализованы шесть видов мошенничества, одной Думе известно... Сомнительно считать преступлением неправомерное завладение транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК РФ). Почему бы не отнести это деяние к административным деликтам? А, уничтожение или повреждение имущества по неосторожности (ст. 168 УК РФ) — безусловно, гражданско-правовой деликт, коему не место в уголовном законе. Серьезные раздумья вызывает обоснованность криминализации деяний, которые годами не выявляются правоохранительными органами (ст. 170, 184, 185, 190 УК РФ и др.), да и не представляют особой опасности.

Ограниченные возможности тезисов не позволяют продолжить анализ. Ясно, однако, что уголовный закон должен быть максимально минимизирован. Криминализованы могут быть только действительно опасные (понимаем, что это не очень точная характеристика!) деяния, к числу которых не относятся, в частности, «преступления без жертв» (Э. Шур) — потребление алкоголя, наркотиков, занятие проституцией, производство аборт, «второстепенные виды сексуальных преступлений» и т.п.⁶ Совершенно недопустимо протаскивание аналогий в уголовное право (ст. 228, 228-1 УК РФ). Для автора очевидны абсурдность и опасность криминализации таких деяний, как оскорбление чувств верующих (а чувств атеистов?); распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны — ст. 354-1 УК РФ (как и кто будет оценивать заведомую ложность?) и т.п.

Неэффективность наказания вообще и особенно лишения свободы как средства сокращения преступности отмечалась с давних времен. Это и известный труд Ч. Беккариа, и образ Паноптикума — «идеальной тюрьмы» И. Бентама, и исследования М. Фуко⁷, и труды наших современников⁸.

Один из наиболее значимых показателей цивилизованности / нецивилизованности общества, демократичности / авторитарности (тоталитарности) политического режима — наличие смертной казни или же отказ от нее. Сохранение смертной казни во многих штатах США свидетельствует о недостаточной их цивилизованности.

Другим важным элементом системы наказаний, свидетельствующим о большей или меньшей цивилизованности общества и государства, является лишение свободы, точнее, масштабы его применения, предельные сроки, условия отбывания. В течение многих лет США и Россия занимают первые места в мире по уровню заключенных (на 100 тыс. населения). Так, в 2008 г. количество заключенных в США составило 762, в России — 623, в 2012 г. в США — 730, в России — 564 чел.

Ко второй половине XX в. становится ясно, что наказание и, прежде всего, лишение свободы не выполняет функцию сокращения преступности. В настоящее время в большинстве цивилизованных стран осознается «кризис наказания», кризис уголовной юстиции, кризис полицейского контроля⁹.

Тюрьма служит школой криминальной профессионализации, а не местом исправления. Никогда еще никого не удавалось «исправить» и «перевоспитать» посредством наказания. Скорее, наоборот. «Лица, в отношении которых было осуществлено уголовно-правовое насилие — вполне законно или в результате незаконного решения, образуют слой населения с повышенной агрессивностью, отчужденный от общества»¹⁰.

Лишение свободы — неэффективная мера наказания с многочисленными негативными побочными последствиями. При этом тюрьма «незаменима» в том отношении, что человечество не придумало пока ничего иного для защиты общества от тяжких преступлений. «Известны все недостатки тюрьмы. Известно, что она опасна, если не бесполезна. И все же никто “не видит” чем ее заменить. Она — отвратительное решение, без которого, видимо, невозможно обойтись»¹¹. Но если невозможно без нее обойтись, необходимо минимизировать случаи, сроки, условия ее применения. Следует внедрить и широко применять восстановительную юстицию (restorative justice)¹².

Очень тревожную тенденцию отражает Уголовный кодекс РФ 1996 г. который провозглашает основной целью наказания «восстановление социальной справедливости» (ст. 43). Но абстрактной «социальной справедливости» не существует¹³. Сохраняя смертную казнь (ст. 59), несовместимую с цивилизованностью, УК РФ вводит пожизненное лишение свободы (ст. 57), которое могло быть отчасти оправданным как альтернатива отмененной смертной казни. Лишение свободы предусматривается до 20 лет, по совокупности преступлений — до 25 лет, а по совокупности приговоров — до 30 лет (ст. 56). Но и этого показалось «мало» законодателю, увеличившему в 2014 г. и без того немислимые сроки до 30–35 лет соответственно. То-то рецидив враз ликвидируем! Ни пожизненного лишения свободы, ни 30–35-летнего срока не знало даже сталинское уголовное законодательство (мы не останавливаемся здесь на внесудебной расправе и «десяти годах лишения свободы без права переписки», означавших — расстрел). Страшные условия отбывания наказания и широко распространенные пытки (на всех стадиях уголовного преследования) завершают неприглядную картину современного отечественного «воздействия на преступность».

Неотложная задача отечественной уголовной политики — широкая декриминализация деяний, ныне признаваемых преступными, и минимизация предусматриваемых мер наказания, прежде всего — сроков лишения свободы, а также «очеловечивание» условий отбывания наказания в виде лишения свободы при безусловном отказе от пыток. К сожалению, реальная законодательная и правоприменительная практика движется в противоположном направлении.

¹ Ядов В.А. Современная теоретическая социология. СПб., 2009. С. 20.

² Спиридонов Л.И. Избранные произведения. СПб., 2002. С. 25.

³ Подробнее см.: Гилинский Я. Криминология: теория, история, эмпирическая реальность, социальный контроль. 3-е изд. СПб., 2014 (гл. 2); Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.) The Oxford Handbook of Criminology. Fourth Ed. Oxford University Press, 2007. P. 179–337.

⁴ Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд. М., 2009. С. 9, 15, 18, 56, 68.

⁵ Авторская позиция отражена в: Гилинский Я. Криминология: теория, история, эмпирическая реальность, социальный контроль. 3-е изд.

⁶ Schur E. Crimes without Victims. Englewood Cliffs, 1965. Э. Шур предупреждает об «опасности чрезмерного правового регламентирования».

⁷ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.

⁸ См.: Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М., 2001; Ромашов Р., Тонков Е. Тюрьма как «Град земной». СПб., 2014.

⁹ Albanese J. Myths and Realities of Crime and Justice. Third Edition. Apocalypse Publishing, Co, 1990; Hendrics J., Byers B. Crisis Intervention in Criminal Justice. Charles C Thomas Publishing, 1996; Rotwax H. Guilty. The Collapse of Criminal Justice. NY: Random House, 1996; etc.

¹⁰ Жалинский А.Э. Указ. раб. С. 18.

¹¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Указ. раб. С. 339.

¹² В рамках XVIII Мирового конгресса социологии (Йокогама, 2014) работала секция «Restorative justice», на которой обменивались опытом представители Германии, Канады, Филиппин, Франции, Южной Африки.

¹³ Реалистичность и реализуемость целей наказания (ч. 2 ст. 43, УК РФ) — тема специального обсуждения (см.: Гилинский Я.И. Уголовное право: реалии и перспективы // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: материалы VI Российского Конгресса уголовного права. М., 2011. С. 572–575).

В.Г. Громов*

ИСПОЛНЕНИЕ НАКАЗАНИЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ ЭЛЕКТРОННОГО МОНИТОРИНГА

В последние десятилетия Россия и США прочно занимают первые места в мире по количеству осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, приходящихся на 100 тыс. жителей страны. Эта ситуация не может не беспокоить ученых, политиков и общество в целом. Поэтому одной из основных тенденций российской уголовной политики в настоящее время является снижение в практике применения судами за совершение преступлений удельного веса уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества. Одновременно предполагается расширение возможностей использования средств электронного контроля и мониторинга как за осужденными к таким наказаниям, так и за лицами, к которым применена мера пресечения в виде домашнего ареста.

Сегодня в российском уголовном законодательстве предусмотрено несколько видов наказаний, исполнение которых не связано с изоляцией осужденных от общества; в соответствии с УИК РФ только в процессе исполнения двух из них — ограничения свободы и принудительных работ —

* Громов Владимир Геннадьевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права АНОО ВО «Алтайская академия экономики и права».

в отношении осужденных применяются средства надзора за отбыванием наказания. К средствам надзора и контроля (ст. 60 и 60.19 УИК РФ) относятся «аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля», перечень которых утвержден Правительством РФ¹. В этот перечень вошли электронные браслеты (для ношения более 3 мес.), стационарные и мобильные контрольные устройства для приема их сигналов, ретрансляторы, персональные трекары (для ношения не более 3 мес.), стационарные устройства аудиовизуального контроля (предназначены для автоматической визуальной и голосовой идентификации осужденного) и др.

Мониторинг (от англ. monitor — контролировать, проверять) буквально понимается как «специально организованное, систематическое наблюдение за состоянием объектов, явлений, процессов с целью их оценки, контроля, прогноза; целенаправленная деятельность, связанная с постоянным или периодическим наблюдением, оценкой и прогнозом состояния наблюдаемого объекта (процесса, явления, системы) в целях его развития в желаемом направлении»².

Б.Б. Казак и И.В. Борисенко считают, что под электронным мониторингом осужденных следует понимать комплексную систему взаимосвязанных правовых, организационных, технических мероприятий, осуществляемых с помощью электронных средств наблюдения, контроля, накопления информации, направленных на предупреждение, пресечение и раскрытие правонарушений со стороны осужденных³.

Использование технических средств надзора и контроля в отношении осужденных, преследует следующие цели: предупреждение преступлений со стороны осужденных; предупреждение нарушений порядка и условий отбывания наказания; получение необходимой информации о поведении осужденных.

На наш взгляд, изложенные положения требуют уточнения. Так, вместо выражения «правовые мероприятия» уместнее говорить о мероприятиях, регулируемых нормами права. В отношении целеполагания мониторинга — «предупреждение, пресечение и раскрытие правонарушений» — также следует сказать, что органы, исполняющие наказания, не наделены функцией предварительного следствия, а поэтому не могут раскрывать преступления. Мониторинг представляет собой деятельность, процесс, сущность которого — наблюдение. В этом смысле по содержанию он близок к понятию «надзор» и даже является его составной частью. Часть 1 ст. 60 УИК РФ определяет, что надзор «заключается в наблюдении за поведением осужденных, соблюдением ими установленных судом ограничений и принятии в случае необходимости установленных законом мер воздействия».

Цели электронного мониторинга также определены ч. 1 ст. 60 УИК РФ: «для обеспечения надзора, предупреждения преступлений и в целях получения необходимой информации о поведении осужденных». С учетом изложенного электронный мониторинг осужденных будет представлять собой «урегулированный нормами права процесс применения аудиовизуальных,

электронных и иных технических средств наблюдения за осужденными, осуществляемый в целях обеспечения надзора, предупреждения преступлений и в целях получения необходимой информации о поведении осужденных».

Электронный контроль за осужденными впервые стали применять в США. В их законодательстве закреплён принцип, гласящий, что любая программа постоянного электронного мониторинга в качестве своей основной цели должна иметь укрепление общественной безопасности посредством уменьшения непосредственных жертв преступлений.

Практика применения электронного мониторинга в Англии также достаточно богата. Существует группа наказаний, которые ограничивают различные права и свободы лица и различные меры уголовно-правового характера, напоминающие по совокупности правоограничений российское наказание в виде ограничения свободы, например: запрет посещать определённые места, запрет покидать место проживания в определённые часы (как правило, с 18.00 до 6.00); участие в образовательных программах.

На сегодняшний день система мониторинга позволяет сочетать тотальный контроль и максимально разрешённую решением суда свободу передвижения осуждённого.

В нашей стране ещё в 2001 г. началось изучение мировой практики использования электронных видов слежения и контроля над осуждёнными. Большое внимание уделялось практике США и государств Евросоюза.

Как уже упоминалось, электронный мониторинг может применяться при исполнении наказания в виде принудительных работ (ст. 60.18 и 60.19 УИК РФ). Однако отсутствие исправительных центров и временная невозможность исполнения этого вида наказания не позволяют применять это средство в указанных случаях. Другим видом наказания, не связанного с изоляцией от общества и дающего возможность использовать электронный мониторинг, является ограничение свободы. Это наказание заключается в установлении судом в отношении осуждённого предусмотренных законом требований, ограничивающих свободу его местонахождения и передвижения без изоляции его от общества, но в условиях надзора за ним. Суд в соответствии с требованиями ст. 53 УК РФ может устанавливать следующие ограничения для осуждённых:

не уходить из дома (квартиры, иного жилища) в определённое время суток;

не выезжать за пределы территории муниципального образования;

не посещать определённые места (места проведения массовых и иных мероприятий) и не участвовать в указанных мероприятиях;

не изменять место жительства или пребывания, место работы и (или) учебы без согласия уголовно-исполнительной инспекции.

Наказание в виде ограничения свободы отбывается по месту жительства осуждённого и может быть назначено на срок от 2-х мес. до 4-х лет в качестве основного вида наказания.

В рамках проведения реформы системы исполнения наказаний в России последовательно ведутся работы по созданию и внедрению систем

электронного мониторинга. 10 января 2010 г. вступил в силу Федеральный закон РФ от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений УК РФ и УИК РФ о наказании в виде ограничения свободы»⁴.

Так как практика применения электронного мониторинга при исполнении наказаний в Российской Федерации уже имеет место быть, полагаем, что следует на законодательном уровне закрепить указанное понятие.

В США, Англии и Российской Федерации процесс исполнения наказания с помощью средств электронного контроля имеет схожие черты. Отличительная особенность состоит в том, что оказалось неактуальным для некоторых регионов нашей страны использовать для электронного мониторинга систему GPS, предложенную Министерством юстиции РФ и разработанную и обслуживаемую Министерством обороны США, поскольку GPS-передатчики очень чувствительны к низким и высоким температурам. В качестве альтернативы стали использовать систему «ГЛОНАСС». Электронный браслет закрепляется на руке или ноге осужденного и снять его самостоятельно достаточно проблематично. Браслет срабатывает при разрыве и при прекращении теплового излучения. С датчика сигнал мгновенно передается на головной компьютер и через 3 мин. сигнал поступает на пункт контроля. Контрольные полномочия возлагаются на Министерство юстиции и Министерство внутренних дел РФ.

Анализ практики применения средств электронного контроля в Российской Федерации свидетельствует о том, что при использовании электронного мониторинга возникают проблемы правового, организационного и технического характера. Так, одна из проблем заключается в нехватке спутников системы «ГЛОНАСС», которых в нашей стране на сегодняшний день только 13. Недостаточное количество спутников не позволяет использовать электронный мониторинг как средство исполнения наказания в полном объеме. Эффективное использование электронных средств слежения может быть достигнуто только при необходимом количестве оборудования.

В настоящее время законом установлено, что право использования средств электронного контроля предоставлено руководству уголовно-исполнительной инспекции и не зависит от согласия осужденного, в отличие от практики применения данных средств в Англии и США. Согласие осужденного (в письменном виде), на наш взгляд, является необходимым, с точки зрения выяснения его желания встать на путь законопослушного поведения и исправления, иначе могут возникать сложности при использовании технических средств надзора и контроля, такие как желание испортить оборудование, использовать его не по назначению и т.д., вследствие чего цели наказания не будут достигнуты.

Кроме того, по нашему мнению, следует рассмотреть вопрос о возможностях применения средств электронного мониторинга в отношении условно осужденных, освобожденных условно-досрочно из исправитель-

ных учреждений, лиц, в отношении которых установлен административный надзор, а также иных категорий лиц, способных совершить преступление.

Одним из отраслевых принципов уголовно-исполнительного законодательства является принцип рационального применения мер принуждения и средств исправления осужденных. В связи с этим возникает вопрос о рациональности назначения данного вида наказания на столь большой срок и возможности его реализации в течение этого времени. Будут ли достигнуты таким путем цели наказания или же надзор останется формальным? На наш взгляд, следует пересмотреть максимальный срок наказания в виде ограничения свободы (4 года) в сторону снижения.

Использование электронных систем контроля над осужденными является неотъемлемой частью реформы всей системы наказаний и реформы системы наказаний, альтернативных лишению свободы.

Система электронного контроля и мониторинга поможет сэкономить денежные средства, необходимые для строительства исправительных учреждений, арестных домов и исправительных центров, однако и введение электронного мониторинга, в свою очередь, потребует существенных вложений.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что в настоящий момент вопрос о применении в России средств электронного мониторинга для наблюдения и контроля за поведением осужденных остается достаточно актуальным, требующим дополнительной проработки как в сфере материально-технического обеспечения, так и действующего законодательства.

¹ Постановление Правительства РФ от 31 марта 2010 г. № 198 «Об утверждении Перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых уголовно-исполнительными инспекциями Федеральной службы исполнения наказаний для обеспечения надзора за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 14, ст. 1663.

² Большой толковый социологический словарь терминов. URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/soc.html> (дата обращения: 15.09.2014).

³ Казак Б.Б., Борисенко И.В. Использование электронного мониторинга при контроле за осужденными без изоляции от общества // Российский следователь. 2012. № 9. С. 32.

⁴ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 52, ч. 1, ст. 6453.

В.К. Дуюнов*

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КАК КАТЕГОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА И КАК РЕАКЦИЯ НА ПРЕСТУПЛЕНИЕ И ПРЕСТУПНОСТЬ

Уголовно-правовое воздействие — категория относительно новая, при этом сложная, многозначная и недостаточно исследованная. Ее появление в уголовном праве, введение в научный оборот и востребованность связа-

* Дуюнов Владимир Кузьмич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе, профессор кафедры уголовного права и процесса ЧОУ ВО «Самарская гуманитарная академия», заведующий кафедрой уголовного права и процесса филиала академии в г. Тольятти, Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

ны, на наш взгляд, с двумя обстоятельствами: 1) с недостаточностью используемых в науке уголовного права «традиционных» уголовно-правовых категорий: «уголовная ответственность», «уголовно-правовая охрана», «уголовно-правовое регулирование» и др. и 2) с объективной необходимостью обеспечения комплексного, более целенаправленного и эффективно-го подхода к использованию всего арсенала средств, имеющихся в распоряжении уголовного права, преодоления их разобщенности и бессистемности.

Первая из отмеченных причин востребованности категории «уголовно-правовое воздействие» заключается в необходимости наличия в уголовном праве родового понятия, объединяющего такие институты, как «уголовная ответственность» и «освобождение от уголовной ответственности». Эти институты принято трактовать как принципиально разные, даже взаимоисключающие: уголовная ответственность — это в самом общем виде предусмотренные уголовным законом неблагоприятные последствия (принуждение и т.п.), применяемые к лицу, совершившему преступление, а освобождение от уголовной ответственности, напротив, основанное на законе избавление упомянутого лица от таких последствий (принуждения). Последнее чаще всего определяют как его прощение, как «отказ государства от своего права покарать преступника», «от вынесения отрицательной оценки лицу, совершившему преступление»¹, «снятие с лица, совершившего преступление, обязанности держать ответ в уголовном порядке за содеянное»², и т.п. При таком подходе данный институт, действительно, выглядит как антипод институту уголовной ответственности. Именно таким образом они обычно и понимаются в уголовно-правовой литературе.

По нашему мнению неправильно трактовать освобождение от уголовной ответственности как прощение и, соответственно, противопоставлять его институту уголовной ответственности, рассматривать эти категории как взаимоисключающие. Государство не только не вправе отказываться от реагирования на совершение преступления и прощать лицо, совершившее преступление, но и не должно поступать таким образом. Это противоречило бы целям и принципам политики противодействия преступности и вообще здравому смыслу.

Согласно Преамбуле и ст. 3 Конституции РФ «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ», который «осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления». Следовательно, государство выполняет служебную роль по обеспечению воли народа и одна из его важнейших функций — обеспечение безопасности общества и, в частности, охрана интересов личности, общества и самого государства от преступных посягательств, для чего государственные органы наделяются властными полномочиями, в числе которых — мандат на уголовное преследование каждого, кто своими действиями причиняет вред указанным правоохраняемым интересам. Данный мандат не позволяет государству отказываться от осуществления такого преследования.

Даже у государства нет права отказаться от реакции на совершенное преступление, тем более в массовом масштабе, однако у него есть обязанность привлечь к ответу каждого, кто нарушит установленные им предписания, в частности, совершит преступление. В соответствии со ст. 8 УК РФ в случае совершения лицом деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом, такое лицо не только может, но и должно быть привлечено к уголовной ответственности³. Служебная роль государства, связанная с охраной наиболее важных интересов личности, общества и государства от преступных посягательств, в случаях совершения преступления заключается не только в его праве по отношению к виновному (привлечь его к ответственности или освободить от таковой), но и в его обязанности по отношению к обществу — отреагировать на факт (каждый факт) совершения преступления. Еще римскими юристами как правовые максимы были сформулированы и обоснованы важнейшие принципы уголовного права: «ubi culpa est, ibi poena subesse debet» («где есть вина, там должно быть наказание») и «nemo delictus exiit» (никто не может быть освобожден от ответственности за правонарушение). Трудно с этим не согласиться.

Отказ от реагирования на совершение преступления, кроме того, и контрпродуктивен, поскольку стимулирует не превенцию, а как раз, наоборот, весьма распространенную убежденность населения в безнаказанности преступников. Проводившиеся нами опросы населения и специалистов правоохранительных органов показывают негативное в целом отношение респондентов к фактам освобождения преступников от уголовной ответственности. У населения такие освобождения ассоциируются с безнаказанностью преступников, что является опасным симптомом.

Государство не может вовсе отказаться от уголовного преследования лица, совершившего преступление. Возникшее между этими субъектами уголовно-правовое отношение не может не получить своего логического разрешения и выраженная в нем реакция государства на нарушение уголовно-правового запрета не может завершиться «ничем» — «отказом» привлечь виновного к ответственности и реализовать в отношении его уголовно-правовые цели, признанием их необязательными для таких случаев. На каком основании? Это противоречило бы логике борьбы с преступностью и принципам справедливости и неотвратимости уголовно-правового воздействия. Кроме того, предоставление государству права в одних случаях негативно реагировать на совершенное преступление, а в других (причем далеко не единичных) «отказываться» от такой реакции противоречило бы и принципу равенства граждан перед законом.

При совершении преступления достижение уголовно-правовых целей во всех случаях является обязательной. Речь должна идти лишь о выборе оптимальных форм и средств их реализации. Государство может (и должно) гибко, руководствуясь принципом экономии репрессии (мы именуем его принципом минимальной достаточности репрессии), наиболее рациональ-

но отреагировать на факт совершения преступления — в соответствующих случаях, когда возникает необходимость ответить на сравнительно менее опасные нарушения уголовного закона, оно может, а на наш взгляд и должно, оптимально отреагировать в наиболее мягкой форме, отдавая приоритет институту освобождения от уголовной ответственности. При этом государство не отказывается от преследования виновного, а лишь дает ответ на преступление в иной форме, применяя более мягкие и наиболее целесообразные в каждом случае формы своей реакции.

Можно согласиться с тем, что лицо, например, похитившее человека или захватившее заложника (или даже не одну жертву), продержавшее его (их) в течение какого-то времени в застенках в ужасных условиях между жизнью и смертью, но затем «добровольно или по требованию властей освободившее заложника» (примечание к ст. 206 УК РФ) или похищенного (примечание к ст. 126 УК РФ), должно быть в силу предписаний уголовного закона освобождено от уголовной ответственности — лишь бы были сохранены человеческие жизни. Но как согласиться с тем, что государство при этом «отказывается от вынесения отрицательной оценки» таким фактам, от их «государственного осуждения», «от своего права покарать преступника» или, тем более, «прощает» такое лицо?! По-моему, с этим согласиться нельзя!

Особенность нашего видения юридической природы освобождения от уголовной ответственности и его соотношения с институтами уголовной ответственности и уголовно-правового воздействия состоит в следующем⁴. Государство, ответственное за обеспечение безопасности и надлежащего правопорядка в обществе и выстраивающее в этих целях систему уголовно-правовых норм и отношений, обязано реагировать на их нарушение. Это необходимо для обеспечения реализации правовых норм и предупреждения их массовых нарушений в дальнейшем. Каждый акт совершения преступления должен с неизбежностью влечь соответствующую реакцию государства — его ответ на факт нарушения установленного им уголовно-правового запрета. Какой должна быть эта реакция? Среди многих ее свойств следует выделить три основных. Она должна быть: 1) негативной по характеру — содержать отрицательную оценку правонарушения и лица, его совершившего, в форме официального осуждения содеянного и порицания указанного лица; 2) соразмерной характеру и степени опасности правонарушения, т.е. справедливой; 3) неотвратимой, если мы хотим, чтобы она была социально полезной и эффективной.

Именно такая реакция государства на нарушение установленных им нормативных предписаний и есть его суть «ответа» на совершение правонарушения. Она составляет сущность и уголовной ответственности, и наказания, и шире — уголовно-правового воздействия в целом — всего комплекса уголовно-правовых мер, применяемых в рамках реакции государства, его «ответа» на акт совершения преступления.

Такую реакцию полагаем правильным именовать карой⁵, понимая под этим термином не месть, возмездие или требование ужесточения санкций, а цивилизованную меру справедливости, проявляющуюся в применении к каждому лицу, совершившему преступление, предусмотренных уголовным законом неблагоприятных для него последствий (осуждения и при необходимости тех или иных правоограничений) за то, что это лицо совершило, и в меру того, что оно совершило в целях обеспечения торжества справедливости, исправления виновного и предупреждения новых преступлений.

Кара — понятие сущностное, «внутреннее» («вещь в себе»), служащее для обозначения сущности реакции государства на преступление, которая вовне, в объективной реальности («вещь для нас») проявляется как уголовно-правовое воздействие, осуществляемое в разных формах в зависимости от тяжести содеянного, особенностей лица, его совершившего, и других обстоятельств уголовного дела: в форме освобождения от уголовной ответственности, в форме осуждения с освобождением от уголовного наказания или в форме осуждения с назначением и реализацией уголовного наказания.

Понятие кары объединяет (служит предпосылкой объединения) в единый институт институты уголовной ответственности, освобождения от уголовной ответственности и от уголовного наказания, создает необходимые предпосылки для формирования единой системы мер уголовно-правового воздействия и организации единого процесса целенаправленного воздействия на преступление и преступность. Указанные институты различаются своим содержанием, условиями и порядком их применения и, соответственно, последствиями для указанного лица, однако они имеют единое назначение и основания применения, общие цели (восстановление социальной справедливости, исправление лица, совершившего преступление, предупреждение новых преступлений), являются частями объединяющего их целого. Они возникают из необходимости реагировать на факты совершения преступлений, имеют в своем основании преступление как порождающий их юридический факт и совершившее преступление лицо как объект их воздействия. Эти институты являются по своей сути реакцией государства на преступление, формами уголовно-правового воздействия (кары), а не прощением виновного и прекращением его преследования. Соответственно, рассматриваемые категории уголовной ответственности и освобождения от уголовной ответственности являются не взаимоисключающими, а взаимозаменяемыми и взаимно дополняющими друг друга в рамках объединяющего их родового понятия «уголовно-правовое воздействие».

Такой подход позволяет взглянуть на уголовно-правовое воздействие как на самостоятельный и очень важный уголовно-правовой институт, призванный обеспечить реализацию единого процесса целенаправленного и, следовательно, более эффективного решения уголовно-правовых задач, и построить на этой основе единую, более полную и стройную, более эф-

фективную систему мер уголовно-правового воздействия, что, безусловно, имеет важное не только теоретическое, но и прикладное значение.

Что касается вопроса о соотношении категорий «уголовно-правовое воздействие», «уголовно-правовая охрана» и «уголовно-правовое регулирование», то наличие последних и их «укорененность» в уголовно-правовой литературе не исключают востребованности и целесообразности использования наряду с ними и категории «уголовно-правовое воздействие».

Категории «уголовно-правовая охрана» и «уголовно-правовое регулирование» служат для обозначения двух непосредственно вытекающих из социального назначения уголовного права и его двуединого предмета основных задач и функций: охранительной и регулятивной. Уголовно-правовая охрана заключается в том, чтобы надежно защитить (охранить) естественным образом складывающиеся в обществе позитивные общественные отношения, не допустить причинения им существенного вреда путем установления запрета на совершение общественно опасных деяний (преступлений) и путем оказания удерживающего воздействия на лиц, способных такой вред причинить. Уголовно-правовое регулирование связано с необходимостью разрешения (урегулирования) ситуаций (конфликтов), возникающих вследствие совершения преступления либо вследствие неправомерного причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям (при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, при добровольном отказе от преступления и т.п.)⁶.

Уголовно-правовое воздействие осуществляется в процессе реализации обеих указанных задач, тесно «переплетается» и взаимодействует с другими средствами их реализации, при этом характеризует их с содержательной стороны. Назначение данной категории — должным образом сориентировать законодателя и правоприменительную практику в вопросе о том, какими, с точки зрения социальных целей и принципов, должны быть уголовно-правовая охрана и уголовно-правовое регулирование, чтобы они обеспечивали стоящие перед ними задачи, надежно и эффективно выполняли свое назначение. Как уголовно-правовая охрана, так и уголовно-правовое регулирование общественных отношений оказывают на них уголовно-правовое воздействие, которое, как мы установили, представляет собой негативную, справедливую и неотвратимую реакцию государства на совершение преступления, которая должна быть гибкой, разумной и целесообразной в каждом конкретном случае.

Рассматриваемые категории близки, но не тождественны, каждая из них имеет собственное содержание и назначение, не дублирует и не поглощает другую и это делает их востребованными каждую на своем месте.

Категория «уголовно-правовое воздействие» и соответствующий ей институт имеют «право на существование» и значительную ценность наряду с упомянутыми «традиционными» категориями еще и как объединяющая категория, некий «общий знаменатель» для институтов уголовной ответственности, освобождения от уголовной ответственности и освобождения от уголовного наказания.

При этом, как представляется, ее следует, подобно многим другим понятиям, рассматривать как в узком, собственном смысле слова, так и в более общем, более широком.

Под уголовно-правовым воздействием в узком, собственном смысле слова следует понимать специальное по характеру и содержанию целенаправленное карательно-воспитательное и превентивное воздействие, в разных формах оказываемое средствами уголовного права на лицо, совершившее преступление, и (косвенно также) общепреventивное воздействие на т. н. неустойчивых граждан в целях утверждения социальной справедливости, исправления осужденных и предупреждения новых преступлений. Такое воздействие осуществляется как ответная реакция государства на совершенное преступление — негативная, справедливая и неотвратимая.

Уголовно-правовое воздействие можно представить как специальную деятельность государства, реагирующего на факты нарушения устанавливаемых им уголовно-правовых запретов посредством использования всех возможностей, заложенных в уголовном праве, в целях обеспечения законности и правопорядка в обществе⁷.

Уголовно-правовое воздействие в узком смысле слова в зависимости от этапа его реализации и особенностей объекта воздействия может иметь разное содержание и различные формы его выражения:

1) карательно-воспитательное и предупредительное воздействие, оказываемое на лиц, совершивших запрещенное уголовным законом общественно опасное деяние, освобождаемых от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, предусмотренным уголовным законом (ст. 75—78, 84, 90, 126, 204 и другие статьи УК РФ);

2) карательно-воспитательное и предупредительное воздействие, оказываемое на осужденных, освобождаемых от уголовного наказания или от его дальнейшего отбывания по основаниям, предусмотренным уголовным законом (ст. 73, 79—85, 92 УК РФ);

3) карательно-воспитательное и предупредительное воздействие, оказываемое на осужденных в процессе реального отбывания назначенного им уголовного наказания;

4) карательно-воспитательное и предупредительное воздействие, оказываемое на лиц, отбывших уголовное наказание или досрочно освобожденных от его отбывания, в период установленных законом сроков судимости за совершенное преступление (ст. 86, 95 УК РФ);

5) предупредительное воздействие на т.н. неустойчивых граждан, оказываемое посредством реального применения уголовного наказания к виновным в совершении преступлений и таким образом угрозой наказания удерживающих указанных лиц от совершения преступления.

Формы, в которых может осуществляться уголовно-правовое воздействие на лиц, совершивших преступление, определяются особенностями содержания такого воздействия на разных стадиях его механизма в зависимости от тяжести преступления, степени вины лица, его совершившего, и

других обстоятельств уголовного дела. В действующем уголовном законодательстве предусмотрены три основные формы такого воздействия:

1) осуждение преступного деяния и порицание лица, его совершившего, в постановлении о прекращении уголовного дела в связи с освобождением указанного лица от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, предусмотренным уголовным законом (ст. 75–78, 84, 90, 126, 204 и др.);

2) осуждение лица, совершившего преступление, в приговоре суда с назначением виновному уголовного наказания (ст. 73–74, 79–85, 92);

3) осуждение лица, совершившего преступление, в приговоре суда с освобождением его от уголовного наказания (ст. 43–72).

Следовательно, как уже отмечалось, уголовно-правовое воздействие на лицо, совершившее преступление, может выражаться в возложении на него уголовной ответственности за содеянное (с наказанием или без такового), но может наличествовать и без нее.

Понятие «уголовно-правовое воздействие» имеет и более широкое значение, поскольку уголовно-правовые нормы и уголовное законодательство в целом оказывают определенное удерживающее (общепредупредительное) воздействие на т.н. неустойчивых лиц самим фактом своего существования, заключенными в них негативной оценкой, осуждением и запретом общественно опасных деяний определенных видов и угрозой применения наказания в случае совершения таковых еще до и независимо от совершения конкретного преступления. Таким образом, понимаемое в широком смысле слова уголовно-правовое воздействие включает в свое содержание, кроме компонентов, перечисленных выше, также общепредупредительное воздействие уголовно-правовых норм и уголовного законодательства в целом. В таком понимании уголовно-правовое воздействие можно представить как деятельность государства, реагирующего как на сам факт существования преступности как негативного социального явления посредством установления уголовно-правовых запретов и санкций за их нарушение, так и на конкретные факты нарушения уголовно-правовых запретов посредством реализации указанных санкций. Это в целом совокупный полезный эффект от реализации потенциальных возможностей уголовного права.

Мы раскрыли одну из причин востребованности в уголовном праве категории «уголовно-правовое воздействие», ее необходимость и значимость. Другая причина связана с объективной необходимостью обеспечения комплексного, более целенаправленного и эффективного подхода к использованию многообразных средств, имеющих в распоряжении уголовного права, преодоления их разобщенности и бессистемности.

В современных условиях требованием времени все чаще становится обеспечение неотвратимости и эффективности уголовно-правового реагирования на каждый факт нарушения уголовного закона с минимальными потерями для общества и его членов, а по возможности с пользой для ви-

нового, его близких и общества в целом; нужен гибкий, целесообразный подход к реагированию на случаи совершения преступлений, предполагающий возможность применения на практике разных мер уголовно-правового воздействия, прежде всего предусмотренных уголовным законом.

Уголовный кодекс РФ, как следует из его ст. 2, относит к числу средств, необходимых и достаточных для решения уголовно-правовых задач, «наказание и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений» (ч. 2). Он предусматривает 13 видов наказаний, различные виды освобождения от уголовной ответственности и от уголовного наказания, условное осуждение, принудительные меры воспитательного воздействия, принудительные меры медицинского характера, конфискацию имущества. Арсенал уголовно-правовых средств значителен, но во всем этом нет системы, логической завершенности, стройности и последовательности⁸.

Одна из причин этого — отсутствие соответствующих системных представлений в науке уголовного права, в частности, то обстоятельство, что институты наказания, освобождения от наказания и освобождения от уголовной ответственности традиционно рассматриваются вне связи друг с другом, практически как взаимоисключающие. В вузах как независимые друг от друга читаются разные спецкурсы, посвященные указанным институтам.

Между тем, как отмечалось выше, все названные институты имеют общую юридическую природу: все они являются внешним выражением кары как реакции государства на преступление, формами уголовно-правового воздействия. Категории кара и уголовно-правовое воздействие выступает «общим знаменателем», теоретически объединяющим (в «числителе») всю совокупность предусмотренных законом разнообразных, но пока разрозненных уголовно-правовых мер в единую систему и создает необходимые предпосылки для комплексного подхода к их нормативному регулированию и применению на практике.

Речь, как представляется, должна идти о закреплении в законе комплекса взаимосвязанных уголовно-правовых инструментов (средств), необходимых и достаточных для решения сложных уголовно-правовых задач. В этих целях предлагается нормативно урегулировать не только понятие, содержание, цели уголовного наказания, их виды, классификацию, порядок и условия назначения, как это осуществлено в действующем УК РФ, но также решить аналогичные вопросы в отношении всех иных мер уголовно-правового воздействия. В уголовном законе следовало бы построить единую гибкую систему мер уголовно-правового воздействия, по возможности четко обозначить их понятие, карательную сущность, интегративные цели и общие принципы, сформулировать в соответствии с существующими приоритетами общие и особенные (специальные) правила определения указанных мер, а также порядок, условия и пределы применения каждой такой меры, ее место в системе.

Указанная система должна включать в качестве своих подсистем две группы мер. Первая из них — система мер уголовно-правового воздей-

ствия включает в себя различные виды освобождения от уголовной ответственности и от уголовного наказания, условное осуждение, принудительные меры воспитательного воздействия, а также уголовное наказание. Их объединяет единая карательная сущность, все они представляют собой различные формы реакции государства на совершение преступления, применяются за совершение преступлений в отношении лиц, их совершивших, назначаются в соответствии с характером и степенью общественной опасности преступления во имя уголовно-правовых целей восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения новых преступлений.

Вторая группа мер — система мер безопасности в уголовном праве — включает в себя медицинские и иные меры безопасности, имеющие некарательную сущность, которые применяются не за совершение преступления, а в связи с совершением запрещенного уголовным законом общественно опасного деяния к лицу, его совершившему, в целях обеспечения его безопасности для себя и для общества в целом, его излечения, ресоциализации и т.п.

Не нами придумано, но нам импонирует сопоставление подходов к решению проблем в уголовном праве и в медицине. Если преступника рассматривать как больного, необходимые для его исправления меры как лекарства, усилия по его исправлению, как лечение больного, при этом назначение наказания как хирургию, а применение альтернативных наказанию мер — освобождения от уголовной ответственности и (или) от наказания — как необходимую терапию, быть может, понятнее станут наши предложения и подходы. Поскольку преступники, как и больные, разные, и «заболевания» у них разные, логично предположить, что и «лекарства, методы и технологии их лечения» должны быть разные, способные «излечить больного». Соответственно, в аптеках и на аптечных складах должен быть максимально полный арсенал всевозможных необходимых лекарственных средств, медицинского оборудования и т.п., а специалисты в белых халатах или строгих мундирах должны умело этим всем пользоваться на благо пациентам и всему обществу.

Применительно к предмету настоящего исследования это означает, что:

1) в каждом случае «лечение» лица, совершившего преступление, должно осуществляться именно такими по характеру и интенсивности «лекарствами», которые были бы способны воздействовать на причины «заболевания» и обеспечить «выздоровление» «пациента»;

2) в уголовном законе для обеспечения этого должна быть предусмотрена достаточно полная «аптека» всех необходимых «лекарств» для эффективного «лечения» самых разных заболеваний и разных «пациентов»;

3) призванные осуществлять в уголовном праве «лечение» «доктора» в мундирах и мантиях должны уметь в каждом случае квалифицированно назначать и грамотно применять необходимые «лечебные» средства и технологии, обеспечивая эффективное «лечение» и «выздоровление» «пациента»;

4) решение уголовно-правовых задач по «излечению» «заболевания» должно быть выстроено как единый процесс целенаправленного воздействия на «больного» в соответствии с принципом «поп посеге» («не навреди»), отражением которого в уголовном праве является принцип минимальной достаточности репрессии.

Если принять условно, что применение уголовного наказания — это хирургия, то применение иных мер уголовно-правового воздействия (конкретных видов освобождения от ответственности и (или) от наказания) — терапия, имеющая безусловный приоритет перед хирургией.

¹ Санталов А.И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. Л., 1982. С. 62, 84; См. также: Сабанин С.Н. Некоторые вопросы освобождения от уголовной ответственности // Актуальные вопросы совершенствования уголовно-правовых норм на современном этапе. Свердловск, 1986. С. 55; Курс уголовного права. Общая часть: в 2 т. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 1999. С. 148.

² Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974. С. 213–216.

³ См. об этом: Дуюнов В.К., Хлебушкин А.Г. Квалификация преступлений: законодательство, теория, судебная практика. М., 2012. С. 31.

⁴ Подробнее об этом см.: Дуюнов В.К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. М., 2003. С. 19–29, 138–174.

⁵ В отличие от «традиционного» отождествления данного понятия с понятиями «наказание» и «страдание», мы трактуем его иначе: существительное «кара» произошло от глагола «корить» — укорять, упрекать, порицать, позорить кого-то за что-либо (см.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. СПб., 1996. С. 320) и в своем первоначальном и истинном значении как существительное означало «осуждение», «порицание», «упрек», т.е. негативную оценку какого-то проступка и лица, его совершившего.

⁶ О социальном назначении, задачах и функциях уголовного права и критический анализ ст. 2 УК РФ — см.: Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. В.К. Дуюнова. 3-е изд. М., 2012. С. 5–8.

⁷ Подробнее об этом см.: Дуюнов В.К. Указ. раб. С. 18–28 и др.; Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. С. 15.

⁸ Подробно об этом см.: Дуюнов В.К. О совершенствовании содержания и структуры уголовного закона // Уголовно-правовая политика и проблемы противодействия современной преступности: сборник научных трудов Саратовского Центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. Саратов, 2006. С. 114–122.

И.Э. Звечаровский*

ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ ВОЗДЕЙСТВИИ

Судя по названию сегодняшней конференции, понятие уголовно-правового воздействия медленно, но уверенно завоевывает себе место под солнцем с названием «наука уголовного права» и пытается найти свою нишу в ее категориальном аппарате. Какую?

Ознакомившись с работами, посвященными заявленной проблематике¹, мне показалось целесообразным, прежде всего, вспомнить ее историю.

* Звечаровский Игорь Эдуардович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)».

Насколько я владею ситуацией, в период действия УК РСФСР 1960 г. понятие уголовно-правового воздействия (а точнее — мер уголовно-правового воздействия) употреблялось как синоним понятия мер уголовно-правового характера в значении, охватывающем практически весь круг мер, применяемых к лицу, совершившему преступление, за исключением уголовного наказания. К слову сказать, не давая определения этого понятия, им широко оперировали и авторы известной теоретической модели УК². Такое положение дел сохранялось даже тогда, когда на смену УК РСФСР 1960 г. пришел УК РФ 1996 г., легализовавший, наряду с понятиями наказания и уголовной ответственности, понятие мер уголовно-правового характера. Замечу, что из этих трех понятий в законе присутствовало и присутствует определение только одного из них — уголовного наказания (ст. 43 УК РФ).

В настоящее время можно назвать три направления в использовании понятия уголовно-правового воздействия: первое — наиболее распространенное — связано с продолжающимся отождествлением этого понятия с понятием мер уголовно-правового характера; второе — с противопоставлением названных понятий, вытесняющим одним другое; третье — с попыткой очень аккуратно, я бы сказал, пользуясь терминологией Н.А. Лопашенко, «корректного» его использования в самостоятельном значении, не посягающим на статус существующих однопорядковых понятий и, прежде всего, таких как меры уголовно-правового характера и уголовной ответственности.

Оставляя без внимания устоявшуюся тенденцию говорить о мерах уголовно-правового воздействия и мерах уголовно-правового характера в одном и том же значении, с учетом тематики нашего собрания попытаюсь дать оценку позиции А.И. Чучаева, по моим сведениям, чуть ли не единственного после В.К. Дуюнова, кто не только сформулировал определение понятия уголовно-правового воздействия, но и дал характеристику тех его параметров, которые обозначены в числе предлагаемых к обсуждению на сегодняшней конференции.

А.И. Чучаев начинает излагать свою позицию с тезиса о том, что «В уголовном праве Российской Федерации термин «уголовно-правовое воздействие» не является традиционным и широко употребляемым». После этого со ссылкой на ст. 2 УК РФ следует посыл к понятию мер уголовно-правового характера, а поскольку в доктрине вопрос об определении этого понятия, его признаках и видах относится к числу дискуссионных, автор, погружаясь в эту дискуссию, в итоге предлагает отказаться от понятия мер уголовно-правового характера и заменить его понятием уголовно-правового воздействия³.

Наверное, не время и не место полемизировать по поводу состоятельности существующей теории мер уголовно-правового характера. Обратил бы внимание лишь на два обстоятельства.

В обоснование замены понятия мер уголовно-правового характера на понятие уголовно-правового воздействия профессор А.И. Чучаев говорит об «ограниченных» гносеологических возможностях словосочетания «меры уголовно-правового характера», в то время как терминологическое сочетание «уголовно-правовое воздействие», на его взгляд, является «более емким». По мнению автора, в научно-практическом отношении последнее имеет ряд преимуществ: «Оно конкретно, отражает целостность обозначаемого явления, полнее определяет его правовую природу и прочие признаки»⁴.

Однако, во-первых, как может быть конкретно то, о чем в законе даже не упоминается, а в научной литературе трактуется по-разному и весьма неопределенно⁵? В.К. Дуюнов определяет уголовно-правовое воздействие как «целенаправленное карательно-воспитательно-превентивное воздействие на лиц, совершивших преступление, и превентивное воздействие на т.н. неустойчивых граждан в целях утверждения социальной справедливости, укрепления законности и правопорядка, предупреждения преступлений, а также воспитания граждан в духе неуклонного соблюдения Конституции РФ и других законов»⁶. По мнению Н.А. Лопашенко, термин уголовно-правовое воздействие охватывается и уголовное право, и уголовное законодательство, и уголовно-правовая политика «как основополагающие элементы, аккумулирующие в себе понятия преступного и наказуемого и все, что с ними связано». При этом уважаемая Наталья Александровна справедливо замечает, что правовое воздействие более широкое понятие чем правовое регулирование, оно может иметь и позитивный, и негативный эффект⁷. Замечу: А.И. Чучаев, хотя и упоминает понятие правового регулирования, но особого внимания ему не уделяет.

Во-вторых, позиция автора не бесспорна и в другом аспекте. Насколько вообще корректно противопоставлять понятия «меры уголовно-правового характера» как средства и «уголовно-правовое воздействие» как процесс, деятельность? К слову, по тексту работы А.И. Чучаев нередко использует критикуемое им понятие мер уголовно-правового характера, говоря в скобках о «воздействии». Ну а теперь об уголовно-правовом воздействии в понимании уважаемого Александра Ивановича.

Итак, в его интерпретации — это, в одном случае, просто «совокупность способов уголовно-правового выражения государственного принуждения в ответ на общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом»⁸; в другом — это целенаправленная активная деятельность государства, заключающаяся в основанном на уголовном законе принуждающем влиянии посредством лишения либо ограничения прав и свобод лица, совершившего общественно опасное деяние»⁹.

1. Прежде всего, замечу, что ответ на общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом, не сводится только к государственному принуждению и не выражается только в лишениях прав и свобод лица, совершившего такое деяние. Уголовный закон содержит комплекс норм,

которые закрепляют ничто иное, как различного рода меры убеждения, на эффект действия которых все более рассчитывает современный законодатель. В результате применения таких мер правовой статус лица также изменяется, но не в сторону ухудшения, а его улучшения. Утверждение же автора о том, что, например, при освобождении от уголовной ответственности правовой статус виновного не подвергается каким-либо изменениям, несмотря на нереабилитирующие основания освобождения, никак им не аргументируется.

2. Теперь о более серьезном. Обеспеченность реализации права государственным принуждением — это действительно необходимый внешний фактор функционирования правовых положений, о чем пишет уважаемый А.И. Чучаев. Однако это не единственный из таких факторов. Право от иных социальных регуляторов отличается не принуждением, не методами и средствами, а государственно-властным механизмом его обеспечения. И не более того. Какой метод (принуждение или убеждение) при этом доминирует — это второй вопрос. По этим соображениям представляется небесспорной и трактовка автором формы уголовно-правового воздействия как способа «организации государственного принуждения, выступающего реакцией на совершение лицом общественно опасного деяния». Может быть мне показалось, но называемые в этой связи пять форм уголовно-правового воздействия очень сильно напоминают то, что обычно именуют формами реализации уголовной ответственности.

3. Под объектом уголовно-правового воздействия А.И. Чучаев предлагает понимать правовой статус личности, а под его предметом — отдельные права и свободы, ограничиваемые при реализации той или иной формы уголовно-правового принуждения. К сказанному выше по поводу прав и свобод лица, совершившего преступление или — просто общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, замечу: если такие права и свободы в результате уголовно-правового воздействия все время ограничиваются, то неясно, в результате какого воздействия они восстанавливаются и восстанавливаются ли вообще?

4. А.И. Чучаев понимает под мерой уголовно-правового воздействия «относительно самостоятельное средство выражения уголовно-правового реагирования на совершение общественно опасного деяния, обладающее индивидуально определенной совокупностью ограничений прав и свобод личности»¹⁰. Но чем такая мера отличается от меры уголовной ответственности? Автор отвечает: уголовно-правовое воздействие и уголовная ответственность — «сущностно различные понятия. Первое представляет собой совокупность способов уголовно-правового выражения государственного принуждения в ответ на общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом. Второе — сложное социально-правовое последствие преступления, основанное на обязанности лица, обусловленной виновностью совершенного деяния, подвергнуться государственному принуждению»¹¹. Следовательно, основное отличие между уголовно-правовым

воздействием и уголовной ответственностью только в основаниях применения, что и подтверждает сам А.И. Чучаев, когда пишет: «Фактическим основанием применения мер уголовно-правового воздействия выступает как содержащее все признаки состава преступления деяние, так и объективно противоправное действие (бездействие), совершенное лицом в состоянии невменяемости»¹². Однако, дело в том, что, во-первых, меры, предусмотренные уголовным законом, не исчерпываются теми, которые применяются или только в качестве «последствия преступления», или еще и в качестве ответа на «общественно опасное деяние», таковым не являющееся (например, в силу невменяемости лица, его совершившего). Между тем, просто в «ответных действиях государства, применяемых к лицу, совершившему общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом», по мнению А.И. Чучаева, заключается сущность уголовно-правового воздействия. Во-вторых, действующий Уголовный кодекс предусматривает систему мер, основанием применения которых выступает и не преступное, и не объективно противоправное действие (бездействие), например, замену назначенного судом уголовного наказания на более мягкое (ст. 80 УК РФ) или более строгое (ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 5 ст. 53 УК РФ). За рамками предложенного понимания уголовно-правового воздействия и уголовной ответственности остается комплекс мер поощрительного характера.

Критиковать всегда проще. Поэтому, переходя к вопросу о моем видении ответа на вопрос о понимании уголовно-правового воздействия, хотел бы обратить внимание на одно обстоятельство.

Почему мы не говорим о правовом воздействии применительно к другим отраслям права? В лучшем случае можно встретить суждения о мерах административно-правового воздействия, в ряде статей УИК РФ речь идет об исправительном (ст. 8), общественном (ст. 9), воспитательном (гл. 15) воздействии. На мой взгляд, только потому, что в основе именно уголовно-правового воздействия лежит наиболее репрессивный, карательный режим правового регулирования с соответствующим набором принципов и норм, специфическим содержанием правоотношений, с мерами ответственности, затрагивающими самое важное у человека — его свободу и жизнь. Это общеизвестно. Однако, насколько я осведомлен, никто до настоящего времени не измерял отдаленные последствия вмешательства в нашу жизнь уголовного закона. Как пишет Н.Г. Иванов: «Если право в целом — порождение конфликта, то уголовное право как наиболее репрессивная его ветвь появилось, можно сказать, благодаря грандиозному скандалу»¹³. С этой ремаркой, что же следует понимать под уголовно-правовым воздействием?

Первое. Как бы мы не трактовали правовое воздействие и уголовно-правовое в том числе, что бы мы не предлагали при этом на роль объекта такого воздействия, оно не осуществимо вне рамок механизма правового, в нашем случае уголовно-правового режима регулирования. Норма, правоотношение, ответственность — вот три основных элемента механизма пра-

вового регулирования, которые в реальной жизни, в процессе правового регулирования наполняются или сопровождаются дополнительными факторами, имеющими нередко не правовое, а социальное, экономическое, политическое, психологическое звучание. Такого рода эффект уголовно-правового регулирования, воздействия уголовного закона на регулируемые им общественные отношения, по справедливому замечанию Н.А. Лопашенко, может быть не только планируемым, не только положительным, но и отрицательным¹⁴. И если мы вводим в научный оборот понятие уголовно-правового воздействия, наряду с понятием уголовно-правового регулирования, мы должны, как мне представляется, выходить за рамки чисто юридической характеристики регулирования и рассуждать именно в названном направлении. В частности, мы должны считаться с тем, что нормативная основа уголовно-правового регулирования, сосредоточена не только в уголовном законе, что в реальной жизни действие, например, уголовно-правовых запретов, может дополняться действием иных социальных регуляторов, по силе воздействия порой не уступающих уголовным; что уголовная ответственность для отдельных адресатов уголовного закона может быть не самым суровым видом социальной ответственности.

Рассуждая об уголовно-правовом воздействии, нельзя недооценивать и тот факт, что оно распространяется не только на адресатов уголовного закона, имея в виду лиц, способных нести уголовную ответственность. В орбиту такого воздействия фактически попадают и лица, не обладающие признаками, указанными в ст. 19 УК РФ. Это, так сказать один круг субъектов, испытывающих на себе рассматриваемое воздействие. Нельзя однако недооценивать и то обстоятельство, что в качестве другого круга субъектов, подпадающих под уголовно-правовое воздействие, выступают сотрудники органов, применяющих уголовный закон, которые при этом выступают еще и проводниками такого воздействия на первый круг субъектов. И это самостоятельная тема исследования в рамках изучения правосознания и психологии уголовно-правового воздействия.

Наконец, а по логике вещей с этого нужно начинать, необходимо определить цель уголовно-правового воздействия, о чем в свое время писал В.К. Дуюнов¹⁵ и что в современной литературе устами М.В. Бавсуна и В.В. Векленко называется более деликатно «центральной идеей», вокруг которой строился бы весь механизм уголовно-правового воздействия¹⁶. Названные авторы несомненно правы в том, что «оптимизация законодательного материала без идеологической основы есть реакция на следствие, а не на причину динамики роста преступности, изменение ее структуры и иных показателей, свидетельствующих о происходящих в обществе отрицательных процессах».

В заключении я бы сказал так: уголовно-правовое воздействие — это механизм уголовно-правового регулирования в действии. Хотим мы знать это реальное действие или будем по-прежнему рассуждать о таком воздействии в рамках формально догматического анализа уголовного закона — это другой вопрос.

¹ См., напр.: *Дуюнов В.К.* Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2001; *Лопашенко Н.А.* Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004; *Аминов Д.И., Солонин А.Ю.* От чего зависит эффективность уголовно-правового воздействия? // *Российский следователь.* 2009. № 17. С. 13–15; *Русанов Г.А.* Принципы уголовно-правового воздействия государства на экономику // *Российский юридический журнал.* 2011. № 6. С. 167–174; *Бавсун М.В., Векленко В.В.* Идеологические основы уголовно-правового воздействия // *Российский юридический журнал.* 2013. № 5. С. 131–138; *Уголовно-правовое воздействие: монография / под ред. А.И.Рарога.* М., 2014.

² Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. М., 1987. С. 13, 20, 27, 29, 186, 191.

³ Уголовно-правовое воздействие. С. 3, 22.

⁴ Там же. С. 22.

⁵ Что, к слову констатирует и сам А.И. Чучаев в рассматриваемой работе (Уголовно-правовое воздействие. С. 3).

⁶ *Дуюнов В.К.* Указ. соч. С. 7, 12.

⁷ *Лопашенко Н.А.* Указ. раб. С. 7, 35.

⁸ Уголовно-правовое воздействие. С. 22.

⁹ Там же. С. 41.

¹⁰ Там же. С. 41.

¹¹ Там же. С. 22.

¹² Там же. С. 22.

¹³ *Иванов Н.Г.* Уголовное право России. Общая и Особенная части. М., 2003. С. 35.

¹⁴ *Лопашенко Н.А.* Указ. раб. С. 35.

¹⁵ См.: *Дуюнов В.К.* Указ. раб. С. 7, 17–18.

¹⁶ См.: *Бавсун М.В., Векленко В.В.* Идеологические основы уголовно-правового воздействия // *Российский юридический журнал.* 2013. № 5. С. 131–138.

С.В. Иванцов*

КОНВЕНЦИОННОЕ ПОНЯТИЕ КОРРУПЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Современная коррупция и ее различные формы — серьезная проблема для многих стран. Многочисленные исследования показывают, что она (коррупция) может иметь различные негативные последствия: препятствовать экономическому росту, усиливать социально-экономическое неравенство, вызывать неэффективное распределение ресурсов в экономике, способствовать развитию ее теневого сектора, подрывать политическую стабильность и доверие к государству. Эти проблемы особенно актуальны в развивающихся странах и в странах с переходной экономикой, где наблюдается относительно высокий уровень коррупции. К таким странам, к сожалению, относится и Россия: в основных коррупционных рейтингах, разрабатываемых международными организациями (Всемирным Банком, Transparency International и рядом других), наша страна традиционно занимает одно из самых последних мест¹. Россия в прошедшем году заняла 127-е место в индексе восприятия коррупции, представленном Transparency International, вместе с Азербайджаном, Гамбией, Коморскими Островами, Ливаном, Мадагаскаром, Мали, Никарагуа и Пакистаном.

В результатах исследования Всемирного экономического форума отмечается, что 67 из 144 государств считают коррупцию одним из трех основ-

* *Иванцов Сергей Вячеславович* — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии ФГКОУ ВПО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя».

ных препятствий для ведения бизнеса в своих странах. В развивающихся экономиках уровень коррупции, как правило, выше, чем в развитых, и это мешает им эффективно осуществлять стратегии по сокращению бедности и ведет к росту социального неравенства. По существующим оценкам, стоимость коррупции (потери от ее распространения) составляет более 5% от мирового ВВП (или \$2,6 трлн по данным ВЭФ).

Тотальные потери от коррупционных схем, к которым можно отнести и отмывание денег, и уклонение от уплаты налогов, подсчитать очень сложно. Поэтому ведущие экономические институты и независимые эксперты обычно фокусируются на какой-то отдельной форме проявления коррупции или секторе ее распространения. Так, по последним данным Всемирного банка, ежегодно в мире выплачивается взятка на сумму в \$1 трлн. Но реальная «цена» коррупции на самом деле выше, поскольку в ней учитываются показатели, которые являются следствием коррупции: потеря инвестиций, торможение развития частного сектора, препятствование экономическому росту, увеличение детской смертности и бедности, рост неравенства и т.д.²

В первом в истории Европейского Союза докладе об уровне коррупции в странах ЕС указано, что это «явление» отмечается во всех 28 странах ЕС, хотя в наибольшей степени она распространена в Болгарии, Румынии и Италии. Блок ежегодно теряет в результате коррупции 120 млрд евро. При этом 76% жителей континента считают, что коррупция широко распространена в ЕС (опрос проведен статистическим агентством «Евробарометр»), еще 56% полагают, что уровень коррупции в их стране вырос за последние три года. Каждый 12-й житель Евросоюза лично становился участником коррупционных сделок или был их свидетелем. В 2013 г. по меньшей мере 4% жителей стран ЕС были вынуждены дать взятку. Хотя во многих странах Европы существуют адекватные законы, направленные на борьбу с коррупцией, они не всегда и не повсеместно применяются, говорится в докладе. Более того, эти законы часто безнаказанно нарушаются, т.к. у правоохранительных органов не хватает возможностей для эффективной борьбы с коррупцией³.

Очевидно, что коррупция носит повсеместный характер. То и дело мы слышим о коррупционных скандалах в разных регионах мира. Полностью ее победить нельзя, поскольку она восходит не только к моральной нечистоплотности многих людей, но и обусловлена несовершенством законов. Распространенность этого явления, выход за рамки национальных границ (транснационализация), системная организованность определяют не только необходимость расширения международного сотрудничества в сфере противодействия коррупционным преступлениям, но и формирование особого правового подхода к определению коррупции.

Общеизвестно, что борьба с преступностью является внутренним делом суверенных государств. На это неоднократно указывала Генеральная Ассамблея ООН⁴, в регламентирующих документах которой многократно

подтверждено право каждого государства формировать и осуществлять свою национальную политику и программы в сфере предупреждения преступности и борьбы с ней в соответствии с собственными потребностями и внутренними обстоятельствами. Но сегодня мировое сообщество, несмотря на существенные разногласия и взаимные упреки, близко к принятию таких международных соглашений, в которых государствам предписывались бы унифицированные правила предупреждения коррупционной деятельности, что соответствует транснациональному характеру современной коррупционной преступности.

В отличие от преступлений по общему международному праву, коррупционная деятельность относится к конвенционным преступлениям, состав которых установлен международными конвенциями. Поэтому сферой их действия является юрисдикция лишь участвующих государств, а механизм реализации норм конвенций состоит в том, что они обязывают участвующие государства ввести соответствующие предписания в свое уголовное право. Поэтому ответственность за конвенционные преступления виновные несут по внутреннему уголовному праву. Иными словами, международные конвенции содержат лишь диспозиции норм, а внутреннее уголовное законодательство государств, воспроизводя эти диспозиции, предусматривает еще и санкции за их совершение. Как правило, в конвенциях используется следующая формулировка: «Каждое Договаривающееся Государство принимает такие меры, какие могут оказаться необходимыми, чтобы установить свою юрисдикцию над преступлением»⁵.

Пожалуй, впервые правовое понимание коррупции было сформулировано в Докладе Генерального секретаря ООН «Воздействие организованной преступной деятельности на общество в целом» на II сессии Комитета по предотвращению преступлений и уголовному правосудию Экономического и Социального совета ООН: «...Коррупция государственных должностных лиц всегда являлась одним из предпочтительных средств организованных преступных группировок, составной частью их стратегии и тактики, которой отдавалось предпочтение перед использованием открытого насилия. Выплачиваемые в виде взяток деньги считаются боссами организованной преступности хорошим их инвестированием, своего рода накладными расходами, оправданными с точки зрения «дела», поскольку это в значительной степени увеличивает шансы на успех и вероятную безнаказанность, снижает или даже сводит на нет опасность обнаружения преступления со всеми потерями, к которым это может привести»⁶.

Необходимо отметить, что мировое сообщество с начала 90-х гг. прошлого столетия уделяет формированию международно-правовой основы противодействия коррупции большое внимание. В принятых декларациях, конвенциях, кодексах и других международных нормативно-правовых актах в целом обеспечена единая правовая основа противодействия коррупции. Это касается и сотрудничества правоохранительных органов различных государств в этой сфере. Так, в Конвенции ООН против коррупции

говорится о том, что коррупция превратилась в транснациональное явление, затрагивающее общество и экономику многих стран. Это обуславливает исключительно важное значение международного сотрудничества в области ее предупреждения. В Конвенции отмечается, что предупреждение и искоренение коррупции — обязанность всех государств и что для обеспечения эффективности своих усилий в данной области они должны сотрудничать друг с другом при поддержке и участии гражданского общества, а также неправительственных организаций. В Конвенции четко обозначены ее цели и сфера применения, раскрываются используемые в ней термины, относительно подробно регламентируются меры по предупреждению коррупции.

В ст. 15, в частности, оговорено, что каждое государство должно принимать такие законодательные и другие меры, какие могут потребоваться, с тем, чтобы признать в качестве уголовно наказуемых следующие умышленные деяния:

обещание, предложение или предоставление публичному должностному лицу лично или через посредников какого-либо неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического или юридического лица, с тем чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей;

вымогательство или принятие публичным должностным лицом, лично или через посредников, какого-либо неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического или юридического лица, с тем чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей.

В ст. 16 предусматриваются положения, ориентированные на противодействие подкупу иностранных публичных должностных лиц и должностных лиц публичных международных организаций. Статья 21 ориентирует на противодействие подкупу лица, руководящего работой организации частного сектора или работающего в любом качестве в такой организации. При этом положения Конвенции распространяются на «служащих национальных и иностранных государственных, негосударственных секторов, а равно международных организаций».

Вопросы международного сотрудничества в сфере противодействия коррупции определяются положениями Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию. В гл. II «Меры, которые должны быть приняты на национальном уровне» содержатся указания на необходимость криминализации «...приготовления и дачи взятки либо любого преимущества нематериального характера государственному служащему любого ранга» (ст. 2) и «...иные формы умышленного «испрашивания» или «получения» ими «какого-либо неправомерного преимущества для самого этого лица или любого иного лица, или же принятие предложения или общения такого преимущества» (ст. 3)⁷.

Конвенция не исключает установление уголовной ответственности юридических лиц за совершаемые коррупционные преступления, что предполагает более широкий, в отличие от УК РФ, перечень возможных субъектов коррупционных деяний (например, понимание «продажности» и «подкупа»). Не содержит национальное уголовное законодательство, несмотря на ратификацию еще в 2006 г. Конвенции ООН о противодействии коррупции (ст. 20), признание уголовно наказуемым и незаконного обогащения.

В Конвенции Совета Европы «О гражданско-правовой ответственности за коррупцию» коррупция определяется как «продажность и подкуп публичных должностных лиц наряду с ненадлежащим исполнением обязанностей или поведением получателя взятки, предоставление ненадлежащих выгод или их обещание»⁸.

В Декларации о борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих операциях сказано о необходимости принимать в каждом государстве — члене ООН эффективные и конкретные меры по борьбе со всеми формами коррупции в международных коммерческих операциях, в т.ч. обеспечивать эффективное применение действующих законов, запрещающих взятки в таких операциях, развивать соответствующее национальное уголовное и иное законодательство.

В Декларации содержатся указания и на принятие государствами таких обязательств, как разработка или применение стандартов и методов учета, повышающих транспарентность международных коммерческих операций; разработка или поощрение разработки, в соответствующих случаях, кодексов поведения в области предпринимательской деятельности; изучение возможности признания незаконного обогащения государственных должностных лиц или избранных представителей уголовно наказуемым деянием; сотрудничество и оказание друг другу максимально возможной помощи в отношении уголовных расследований и других процессуальных действий в связи с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих операциях.

Международный кодекс поведения государственных должностных лиц содержит основные требования к поведению лиц, занимающих государственные должности. Например, Кодекс также содержит положения, касающиеся коллизии интересов и отказа от прав, сообщения сведений об активах, принятия подарков и иных знаков внимания, хранения в тайне конфиденциальных сведений, участия в политике и т.д.

Отметим, что отдельные положения упомянутых документов являются сходными с теми, что приводятся в ст. 8 Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. Это объяснимо, поскольку во многих государствах установление коррупционных (коррумпированных) связей и отношений с властными структурами является важным компонентом системной организованной преступной деятельности⁹. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, рассматривая коррупцию как транснациональное явление, содержит перечень коррупци-

онных деяний, которые государства-участники должны признать уголовно наказуемыми в случае их умышленного совершения.

Одновременно в Конвенции подчеркивается, что государства-участники могут рассматривать возможность признать уголовно наказуемыми другие формы коррупции. Также указывается, что государствам-участникам следует предпринять меры с тем, чтобы признать в качестве уголовно наказуемого участие в качестве сообщника в совершении какого-либо преступления, признанного таковым в соответствии с п. 1 ст. 8 Конвенции, а равно совершение данных деяний каким-либо иностранным публичным должностным лицом или международным гражданским служащим.

Российская Федерация, будучи участником различных Конвенций и иных соглашений, в своем уголовном законодательстве предусматривает ответственность за указанные выше и другие коррупционные преступления. При этом соответствующие положения УК РФ постоянно изменяются и дополняются с учетом реализации уголовной политики государства в сфере противодействия коррупции. Так, например, гл. 30 УК РФ была дополнена ст. 291.1 об ответственности за посредничество во взяточничестве, обещание или предложение такого посредничества, было изменено понятие должностного лица, установлена градация размера предмета взятки и исчисления суммы штрафа как наказания в сумме, кратной величине взятки¹⁰.

Актуальным является вопрос об ответственности юридических лиц, которые традиционно не рассматриваются в качестве возможного субъекта преступления в российском уголовном праве. Этот вопрос продолжает оставаться дискуссионным, причем сторонники уголовной ответственности юридических лиц в качестве аргумента в пользу своей позиции обычно указывают на несоразмерность ответственности и величины ущерба, причиняемого преступной деятельностью. Одновременно установление уголовной ответственности юридических лиц в России противоречит принципу вины (ст. 5 УК РФ), а ее отсутствие не противоречит ст. 9 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, поскольку вполне может быть компенсирована установлением и реализацией мер административной и гражданско-правовой ответственности.

Анализ приведенных конвенций и иных нормативных правовых актов позволяет утверждать, что понятие коррупции трактуется в них достаточно широко. К коррупционной деятельности, например (кроме взяточничества и иных проявлений подкупа), относятся продажность и подкуп должностных лиц государственного и частного сектора. Это и должностные хищения, а равно иные формы неправомерного использования своих полномочий, статуса и вытекающих из него возможностей в целях извлечения для себя и других лиц различного рода выгод, льгот, преимуществ¹¹. При этом международные нормативные правовые акты подходят к вопросу определения коррупции дифференцированно, что во многом объясняется спецификой предмета их регулирования. Например, в комментариях к ст. 7 Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка¹² указано, что

«...понятие коррупции должно определяться национальным правом». Одновременно в Кодексе приводится и примерное определение коррупции: «выполнение должностным лицом каких-либо действий или бездействия в сфере его должностных полномочий за вознаграждение в любой форме, в интересах дающего такое вознаграждение, как с нарушением должностных интересов, так и без их нарушения».

Учитывая особенности правового статуса должностных лиц, регламентацию деятельности которых затрагивает этот Кодекс, можно признать правильным существующий в нем подход, ограничивающий понимание коррупции продажностью, поскольку иные формы коррупционного поведения должностным лицам правоохранительных органов, как правило, не свойственны. Однако необходимо учитывать, что в реальной действительности существует великое множество форм коррупции, выходящих за рамки указанного определения¹³.

Подводя итог рассмотрению конвенционного определения коррупционной деятельности, отметим, что международные нормативные правовые акты не содержат точного и исчерпывающего определения коррупции, а равно мер по противодействию таковой. В данных документах преимущественно приводится перечень коррупционных правонарушений, часть из которых подлежат криминализации, т.е. в них находит свое определение не содержание, а объем соответствующего понятия, а меры противодействия в основном сводятся именно к установлению уголовной или иной ответственности за те или иные деяния. Таким образом, существующая международно-правовая основа противодействия коррупции находится лишь в стадии становления и неизбежно продолжит свое развитие, направленное на повышение эффективности международного сотрудничества в данной сфере. Также отметим, что при совершенствовании российского законодательства целесообразно не прибегать к полному заимствованию соответствующих положений международных нормативных правовых актов, а учитывать уже существующие нормы национальных законов и, прежде всего, устоявшиеся в нашем государстве принципы правового регулирования.

¹ См.: Кравцова М.В. Межстрановой анализ рыночной и сетевой коррупции: факторы, последствия, взаимосвязь: автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2014. С. 3.

² См.: URL: http://world-economic.com/ru/articles_wei-443.html (дата обращения: 29.09.2014).

³ См.: URL: <http://pravorf.org/index.php/news/1152-o-doklade-posvyashhenom-korrupczii-v-stranax-es> (дата обращения: 29.09.2014).

⁴ Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г.) // Международное публичное право: сборник документов. Т. 1. М., 1996. С. 227–237.

⁵ См., например: Ст. 5 Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 г.

⁶ См.: Доклад Генерального Секретаря ООН «Воздействие организованной преступной деятельности на общество в целом», сделанный на второй сессии Комитета по предотвращению преступлений и уголовному правосудию Экономического и Социального Совета ООН. Апрель. 1993. E/CN.15/1993/4.

⁷ См.: Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (Страсбург, 27 января 1999 г.) ETS № 173 // Совет Европы и Россия. 2002. № 2.

⁸ См.: Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию ETS № 174 (Страсбург, 4 ноября 1999 г.) // Конвенции Совета Европы и Российской Федерации. М., 2000. С. 28.

⁹ См.: Иванцов С.В. Обеспечение органами внутренних дел системного подхода в изучении и предупреждении организованной преступности. М., 2009. С. 108.

¹⁰ Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» // Российская газета. 2011. 6 мая.

¹¹ См.: Денисов С.А. Международные инструменты борьбы с коррупцией // Чиновник. Информационно-аналитический вестник Уральской академии государственной службы. 2004. № 2. С. 63–68.

¹² Резолюция 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 г.

¹³ См.: Иванцов С.В. Коррупция в системе организованной преступности и правовые средства ее предупреждения // Организованная преступность в XXI веке: проблемы теории практики: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. М., 2011.

А.В. Иванчин*

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОСТАВОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (ПО МОТИВАМ ЯРОСЛАВСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ Н.А. ЛОПАШЕНКО)

Изучение библиотечных фондов Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова позволило установить, что профессором Н.А. Лопашенко в г. Ярославле опубликовано 8 научных статей¹, 7 из которых посвящено экономическим преступлениям, 1 — проблемам противодействия организованной преступности. В каждой из них содержится масса весьма ценных в теоретическом и практическом отношении положений. Так, в статье об организованной преступности (2004 г.) автором проводится смелая даже для современного состояния доктрины и практики борьбы с преступностью мысль: «Политика противодействия организованной преступности должна строиться не на тех принципах, которые провозглашены сегодня уголовным законодательством. Настоятельно необходим специальный комплексный конституционный закон... с жестко прописанными правилами игры, возможно, с необходимыми отступлениями от принципа субъективного вменения, со своими видами и размерами уголовных наказаний... Когда на карту поставлена безопасность всего общества и государства, не следует бояться экстраординарных, исключительных мер...»².

В публикациях об экономических преступлениях освещены, прежде всего, проблемы применения соответствующих уголовно-правовых норм. Так, в 2000 г. Н.А. Лопашенко убедительно доказала, что предметом налоговых преступлений могут выступать как федеральные налоги, так и региональные, местные. При этом она не соглашалась с Б.В. Волженки-

* Иванчин Артем Владимирович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова».

ным, полагавшим, что при включении в предмет налоговых преступлений региональных и местных налогов будет нарушаться принцип законности (ст. 3 УК РФ), поскольку круг преступного и наказуемого будет разным в зависимости от региона России. Петербургский ученый утверждал даже, что нормативные акты, к которым отсылают бланкетные диспозиции УК РФ «могут быть установлены только на федеральном уровне, а отнюдь не региональными и локальными нормативными актами»³. Саратовский профессор, возражая этой позиции, указывала, что «региональные и местные налоги в определенной степени носят федеральный характер», а «преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия здесь определяются не региональным или местным законодателем, а законодательством уголовным»⁴.

Полностью разделяя последнее мнение, отметим, что решение рассматриваемого вопроса связано с уяснением специфики бланкетного приема как одного из инструментов законодательной техники. Базовым критерием разграничения отраслей права служит предмет регулирования, именно он, на наш взгляд, обуславливает «разделение труда» между нормами различных отраслей права (специализацию отраслей). Поэтому открытость бланка как раз и означает, по нашему мнению, что законодатель не смеет вмешиваться в сферу неуголовно-правового регулирования. Так, ст. 143 УК РФ отсылает к трудовому праву, ст. 169 — к гражданскому, а ст. 198 и 199 — к налоговому. То есть бланкетной является сама уголовно-правовая норма, а не только соответствующая статья УК РФ. Не случайно, в 2001 г. Конституционный Суд РФ указал, что поскольку минимальный размер оплаты труда устанавливается не УК РФ, а законом «иной отраслевой принадлежности», «его изменение не влечет изменение нормы уголовного закона...»⁵. Возвращаясь к предмету налоговых преступлений, заметим, что, действительно, набор местных и региональных налогов специфичен для каждого субъекта РФ, в связи с чем фактические границы уголовно наказуемого уклонения от их уплаты не совпадают в разных регионах. Однако данное обстоятельство не должно смущать, поскольку оно ни в коей мере не означает существование различных уголовно-правовых норм о налоговых преступлениях. Эти нормы едины для всех регионов и закреплены в ст. 198–199² УК РФ. Просто они содержат незаполненный бланк в части предмета регулирования налогового права.

Такое положение вещей согласуется и со здравым смыслом. Ответственная опасность налоговых преступлений заключается в непоступлении в бюджетную систему налоговых сумм, в результате чего причиняется соответствующий ущерб. При этом, разумеется, не имеет значения, результатом неуплаты какого вида налога вызван данный ущерб. Поэтому представляется не только формально обоснованным, но и состоятельным по существу мнение Н.А. Лопашенко о том, что предметом налоговых преступлений выступает налог любого уровня — федеральный, региональный или местный. Очевидно, что бланк, сознательно оставленный пустым,

обеспечивает стабильность уголовного закона и автоматически исключает ненужное дублирование. Но эти достоинства, как представляется, лишь следствие процесса специализации в праве и производны от него. Поэтому следственно-судебная практика обоснованно, на наш взгляд, пошла по пути, предложенному саратовским ученым.

В публикациях Н.А. Лопашенко получила обоснование позиция по еще одному принципиальному вопросу квалификации налоговых преступлений — о невозможности уголовно-правовой оценки незаконного предпринимательства и уклонения от уплаты налогов как совокупности (идеальной). В период появления данной позиции (2000 г.) этот спорный вопрос прямо противоположно решался в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 июля 1997 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Российской Федерации уголовного законодательства об ответственности за уклонение от уплаты налогов», т.е. в пользу квалификации по совокупности. В доктрине разъяснение Пленума поддерживали многие авторитетные ученые и практики (Л.Д. Гаухман, В.П. Верин, П.С. Яни и др.). Однако Н.А. Лопашенко выступила с аргументированной критикой данного подхода. Она отмечала, среди прочего, что «неуплата налогов имманентно присуща таким формам незаконного предпринимательства, как деятельность без государственной регистрации и без лицензирования», к тому же «налогообложение преступного бизнеса, каковым является и незаконное предпринимательство, противоречит нормам морали и нравственности», «преступный бизнес не регулируется законом, он может влечь лишь уголовную ответственность»⁶.

Отрадно отметить, что под воздействием указанных аргументов, а также доводов ряда иных уважаемых специалистов (в частности, Б.В. Волженкина и И.И. Кучерова) упомянутая позиция Пленума Верховного Суда РФ была в корне пересмотрена и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» данный вопрос получил другое решение: «Действия лица, признанного виновным в занятии незаконной предпринимательской деятельностью и не уплачивающего налоги и (или) сборы с доходов, полученных в результате такой деятельности, полностью охватываются составом преступления, предусмотренного ст. 171 Уголовного кодекса РФ». Ныне это верное (и на наш взгляд) разъяснение полностью стабилизировало практику применения ст. 171 УК РФ. Действительно, незаконное предпринимательство или банковская деятельность — такое же преступление, как и многие иные криминальные деяния (мошенничество, получение взятки и т.д.). Если бы существовала обязанность платить налоги на доходы от незаконной предпринимательской деятельности, то следовало бы признать наличие такой обязанности применительно и ко всем остальным случаям преступной наживы. Очевидно, что это не допустимо.

В серии ярославских статей Н.А. Лопашенко нашли разрешение и многие иные вопросы применения норм об экономических преступлениях (*de lege lata*). Вместе с тем особый интерес среди указанных публикаций вызывает статья «Вопросы совершенствования норм главы 22 Уголовного кодекса РФ: Проект Федерального закона „О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации” (с пояснительной запиской)»⁷. В ней содержатся предложения *de lege ferenda*, в частности касающиеся проблем конструирования составов преступлений. Ценность данной статьи состоит еще и в том, что она снабжена обстоятельной пояснительной запиской, в которой прослеживается логика разработки автором предложений, направленных на совершенствование тех или иных составов экономических преступлений. Рассмотрим ряд идей автора, сгруппировав их в три блока.

*Общие вопросы конструирования составов
экономических преступлений*

Н.А. Лопашенко, рассматривая редакцию ст. 173 УК РФ о лжепредпринимательстве, обратила внимание на принципиальный инженерный просчет, допущенный законодателем. Лжепредпринимательство определялось в законе как «создание коммерческой организации без намерения осуществлять предпринимательскую или банковскую деятельность, имеющее целью получение, извлечение имущественной выгоды или прикрытие запрещенной деятельности, причинившее крупный ущерб гражданам, организациям или государству». Однако, как верно подметил автор, само по себе «создание коммерческой организации без намерения осуществлять предпринимательскую деятельность» не могло причинить ущерб, «последний рождается от той деятельности, которую виновный прикрывает созданием фирмы». Налицо явный законодательно-технический сбой: содержание диспозиции ст. 173 было оторвано от реальной действительности. В итоге этот дефект привел к фактическому неприменению данной нормы в следственно-судебной практике (если не считать единичных уголовных дел), а затем и к закономерному исключению ее из УК РФ, к чему, собственно, и призывала Н.А. Лопашенко.

Проблема конструкции состава лжепредпринимательства, отмеченная в рассматриваемой публикации, имеет отнюдь не частное значение. На указанном примере видно, что законодатель в процессе конструирования состава преступления должен соблюдать важное техническое правило общего плана: признаки, вводимые в состав преступления, должны адекватно отражать объективную реальность. Законодатель, образуя состав, должен отобразить в уголовном законе признаки множества разновидностей одного вида общественно опасного деяния, которые существуют объективно. То есть задача законодателя состоит в том, чтобы выявить в реальной действительности и зафиксировать эти признаки в законе с наибольшей полнотой и точностью, используя метод научной абстракции. Как правильно отмечал еще в начале прошлого века известный ярославский

криминалист В.Н. Ширяев, «всякая уголовно-правовая конструкция, как бы логически правильна она ни была, созданная вне условий действительности, может возбуждать справедливые сомнения в ее практической пригодности»⁸. Таким образом, состав преступления должен быть «слепком» реальной действительности, схематичным отражением реальных общественно опасных деяний, характеризующихся многообразием фактических обстоятельств. В теории познания под «отражением понимается процесс воспроизведения особенностей одного тела в структуре другого. В результате взаимодействия структуры отражаемых систем как бы «снимаются» и воспроизводятся в преобразованном виде, в форме «следов», «отпечатков» в специфических структурах отражающих систем»⁹. В качестве отражающей системы в случае с конструированием состава преступления и предстает уголовный закон, в котором необходимо оставить обобщенный «отпечаток» одного вида преступлений.

Понятно, что это задача не из легких, на что указывал еще в конце позапрошлого века бернский профессор Карл Штосс, известный своими работами в области уголовно-законодательной техники и руководивший разработкой проекта общешвейцарского УК: «Нелегко формулировать некоторые составы, например, мошенничества, ростовщичества, банкротства, чтобы ясно указать типический образ преступления. Только путем глубокого проникновения в существо каждого преступления и путем выделения всех побочных и случайных элементов такая задача может удасться законодателю»¹⁰. Нетрудно видеть, что в случае со ст. 173, ныне исключенной из УК РФ, эту задачу отечественному законодателю решить не удалось.

Еще один крайне важный общий вопрос конструирования составов преступлений был затронут Н.А. Лопашенко при формулировании предложений по совершенствованию уголовно-правовых норм о легализации преступно добытого имущества. На момент выхода научной публикации (2000 г.) ст. 174 УК РФ предусматривала уголовную ответственность за совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, приобретенными заведомо незаконным путем, а равно использование указанных средств или иного имущества для осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности. Автор публикации критически оценила данную редакцию ст. 174 УК РФ, резонно заметив, что «основу легализации (отмывания) имущества как преступления не может составлять административное и иное правонарушение». В основе данной позиции лежит, по всей видимости, авторское воззрение на процесс криминализации. Н.А. Лопашенко исходила и до сих пор исходит из того, что существует только одно основание криминализации — общественно опасное поведение, требующее уголовно-правового запрета¹¹. Поддерживая данное мнение, отметим применительно к составу легализации образца 1997 г., что не может быть общественно опасным по определению деяние, прикосновенное к административному правонарушению. Легализация — вторичное преступление. Ясно поэтому, что в

его основе должно лежать именно преступление (первичное, предикатное, как принято его называть), что верно отмечалось в рассматриваемой научной статье. Примечательно, что приведенная критика законодателя уже в 2001 г. принесла свои плоды: Федеральным законом от 7 августа 2001 г. № 121-ФЗ редакция ст. 174 УК РФ была изменена и с тех пор по сей день уголовная ответственность предусмотрена лишь за легализацию имущества, приобретенного преступным путем.

Кстати, выше рассмотренная позиция саратовского ученого об основании криминализации, сторонником которой мы являемся, позволяет сформулировать еще одно общее правило конструирования состава преступления: признаки, вводимые в состав преступления, в своей совокупности должны отражать общественную опасность запрещаемого поведения либо существенно измененный ее уровень. Отдельный признак сам по себе не отражает необходимого уровня опасности, но в своей сумме набор признаков, закрепляемых в уголовном законе, призван обеспечить искомую общественную опасность, которая служит основанием криминализации (в основных или недифференцированных составах). Соответственно, «президент» на статус дифференцирующего признака (квалифицирующего или привилегирующего; специального — образующего специальный состав) либо набор таких признаков должен обеспечивать существенный перепад в уровне общественной опасности запрещаемого деяния.

Данный правотворческий фактор учитывается, прежде всего, на этапе принятия решения о необходимости криминализации. Но и в последующем при конструировании состава преступления потребность в его учете не отпадает, поскольку отсутствие в проектируемой законодательной конструкции одного единственного признака может привести к утрате запрещаемым поведением свойства общественной опасности или повышенного (пониженного) ее уровня. Разумеется, роль различных категорий признаков в этом процессе различна. Так, вменяемость фактически не определяет общественную опасность¹² (ведь и деяния невменяемых общественно опасны), объект, последствия, способ и вина, напротив, едва ли не ключевые показатели ее наличия (не единственные, конечно). Правда, в отдельных случаях даже «неприметный», казалось бы, признак может служить довеском, только при наличии которого запрещаемое поведение «тянет» на уровень общественно опасного. Таковы, например, мотив (ст. 154, 285 УК РФ и т.д.) и цель (ст. 201, 309 УК РФ и др.).

Следовательно, конструируя состав преступления, законодатель должен помнить об основании криминализации и дифференциации уголовной ответственности, согласовывая каждый свой шаг с этой базовой посылкой. Например, недостаточность одних лишь вредных последствий для констатации общественной опасности или их отсутствие в составе могут быть компенсированы указанием на умысел лица, опасный способ совершения деяния или повышенную опасность личности субъекта преступления. Законодатель должен комбинировать все мыслимые признаки, чтобы итоговый их набор отвечал генеральному критерию криминализации или дифференциации уголовной ответственности.

*Вопросы внутренней техники конструирования
составов экономических преступлений*

К обозначенным вопросам принадлежит, среди прочих, уже частично освещенная проблема включения в создаваемый состав преступления общественно опасных последствий (иначе говоря: проблема построения составов по типу формальных, материальных или же формально-материальных). Применительно к материальному составу незаконного получения кредита, включавшего и до сих пор содержащего в своей конструкции признак крупного ущерба (ст. 176 УК РФ), Н.А. Лопашенко приводила доводы в пользу необходимости исключения данного признака из основного состава. Способ совершения деяния в ст. 176 УК РФ, по ее мнению, «сам по себе преступен, поскольку подделка документов в уголовном законодательстве, как правило, признается преступлением. Получение кредита путем совершения другого преступления, очевидно, общественно опасно само по себе, вне зависимости от причинения в результате подобных действий крупного ущерба»¹³. Нетрудно видеть, что исходной посылкой в рассуждении автора выступает ее мнение об общественной опасности как основании криминализации, с которым, как уже отмечалось, мы полностью солидарны. Поэтому согласимся и с общей логикой рассуждения саратовского ученого: если комбинация признаков конструируемого основного или автономного состава отражает общественную опасность без указания последствий, то их включение в его конструкцию излишне. Однако, поддерживая данную логику в общем, в частном случае — в ситуации со ст. 176 УК РФ — позволим себе не согласиться с автором. Дело в том, что представление банку или иному кредитору заведомо ложных сведений далеко не всегда образует состав преступления, предусмотренный ч. 1 или ч. 3 ст. 327 УК РФ (как известно, судебная практика придерживается узкой трактовки его предмета как официального документа). Если же само по себе такое деяние содержит признаки состава преступления, то именно его наличие и должно обуславливать наступление уголовной ответственности. Поэтому материальная конструкция состава незаконного получения кредита и в старой, и в новой редакциях УК РФ представляется вполне оправданной. В равной мере по сходным причинам трудно поддержать предложения автора о необходимости формализации составов преступлений в сфере банкротства (ст. 195—197 УК РФ). Думается, что и в этом случае их реализация привела бы к необоснованному снижению порога криминализации.

В рассматриваемой публикации Н.А. Лопашенко высказано также множество предложений, направленных на упорядочение дифференциации уголовной ответственности за экономические преступления посредством квалифицирующих признаков. Не секрет, что насущные проблемы построения квалифицированных составов преступлений (включая экономические) касаются отсутствия в этом процессе (как и в целом в современном уголовном правотворчестве) необходимого уровня системности, последовательности и логичности. К сожалению, отечественный законо-

датель, практически, не учитывает научно обоснованные рекомендации, согласно которым при конструировании квалифицированных составов преступлений законодателю целесообразно придерживаться «блокового» принципа изложения квалифицирующих признаков. Речь идет о закреплении в УК РФ устойчивых сочетаний признаков как по горизонтали (в пределах одной части статьи), так и по вертикали (при переходе от квалифицирующих к особо квалифицирующим признакам). Например, в гл. 22 УК РФ напрашивается системное и последовательное использование «вертикали» типа: группа лиц по предварительному сговору (ч. 2) — организованная группа (ч. 3); крупный размер (ч. 2) — особо крупный размер (ч. 3); крупный ущерб (ч. 2) - особо крупный ущерб (ч. 3)¹⁴.

В проекте гл. 22 УК РФ, разработанном Н.А. Лопашенко, данная идея нашла свое предметное воплощение. Так, в ст. 178 УК РФ о монополистических действиях и ограничении конкуренции автором было обоснованно предложено дифференцировать ответственность за совершение данного преступления группой лиц по сговору и организованной группой, поскольку на тот момент эти признаки, несущие различный «заряд» общественной опасности, бесосновательно уживались в одном квалифицированном составе (ч. 2 ст. 178 УК РФ). Заметим, что данное предложение было в скором времени реализовано: Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ признак организованной группы был перемещен в ч. 3 ст. 178 УК РФ. К сожалению, в последующем (на основании Федерального закона от 29 июля 2009 г. № 216-ФЗ) признаки группы лиц по предварительному сговору и организованной группы без должного криминологического обоснования и в разрез с задачей дифференциации ответственности были исключены из ст. 178 УК РФ. Остается сожалеть, что до сих пор остались без внимания законодателя и предложения о введении квалифицирующих признаков в уголовно-правовые нормы о банкротстве. Характерно, что ст. 195—197 УК РФ — одни из немногих, в которых до сих пор отсутствует градация уголовной ответственности посредством квалифицирующих признаков. Вместе с тем еще в 2000 г. Н.А. Лопашенко убедительно аргументировала свое предложение о необходимости введения в данные нормы таких, в частности, квалифицирующих признаков, как использование служебного положения и организованная группа.

Разумеется, ст. 178, 195—197 УК — далеко не единственные нормы, в которых разработчиком проекта изменений в гл. 22 УК РФ было предложено оптимизировать дифференциацию уголовной ответственности.

*Вопросы внешней техники конструирования
составов экономических преступлений*

Среди указанных вопросов обратим внимание на удачно решенные, по нашему мнению, вопросы терминологии и размещения уголовно-правовых предписаний. Так, мы солидарны, среди прочего, со следующими предло-

жениями Н.А. Лопашенко, высказанными в 2000 г. в опубликованной в г. Ярославле научной статье:

а) необходимо ввести в гл. 22 УК РФ статью с разъяснением понятий и терминов (экономическая деятельность, крупный ущерб, доход в экономической деятельности и др.) с целью привнесения в практику применения норм данной главы единообразия;

б) следует уточнить заголовки ряда статей гл. 22 УК РФ с целью приведения их в соответствие с содержанием диспозиций (ст. 169 УК РФ и т.п.);

в) необходимо разместить в иных главах УК РФ составы преступлений, посягающих (в первую очередь) на неэкономические объекты уголовно-правовой охраны (в частности, следует согласиться с мнением автора о том, что ст. 175 о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем, должна быть перемещена из гл. 22 в гл. 31 УК РФ о преступлениях в сфере правосудия);

г) целесообразно объединение разных статей гл. 22 УК РФ, искусственно разделяющих фактически один вид преступления (так, незаконная банковская деятельность — вид незаконного предпринимательства, а потому построение автономного состава с его фиксацией в ст. 172 УК РФ при наличии состава незаконного предпринимательства было небезосновательно критически оценено Н.А. Лопашенко).

Что касается первой идеи, то следует заметить, что и сегодня в гл. 22 УК РФ ряд примечаний содержит дефиниции «универсального действия». Так, в примечании к ст. 169 определены понятия крупного и особо крупного размера, крупного и особо крупного ущерба, дохода и задолженности в крупном и особо крупном размере. Но насколько удачно помещение таких дефиниций в примечания? Почему, например, значение термина «крупный ущерб», употребляемого во многих статьях гл. 22 УК РФ, затерялось в примечании к одной из статей данной главы? Действительно, материал можно было бы расположить рациональнее, восприми законодатель идею включения в гл. 22 УК РФ специальной статьи с разъяснением некоторых понятий и терминов, использованных в данной главе Кодекса.

Завершая краткий обзор научных идей, высказанных профессором Н.А. Лопашенко в ярославских публикациях, отметим, что многие из них нашли отражение в правоприменительной практике и в действующем уголовном законодательстве, что, как представляется, подтверждает состоятельность авторской методологии и завидную результативность ее научно-исследовательской работы.

¹ Это следующие публикации Н.А. Лопашенко: О предмете коммерческого подкупа // Нормотворческая и правоприменительная техника в уголовном и уголовно-процессуальном праве. Ярославль, 2000. С. 59–65; Вопросы совершенствования норм главы 22 УК РФ: Проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ» (с пояснительной запиской) // Налоговые и иные экономические преступления. Вып. 1 / под ред. Л.Л. Кругликова. Ярославль, 2000. С. 18–40; Уголовная ответственность за налоговые преступления // Налоговые и иные экономические преступления. Вып. 2 / под ред. Л.Л. Кругликова. Ярославль, 2000. С. 32–50; Налоговые преступления и наказания за них по законодательству зарубежных государств (краткий обзор) // Налоговые и иные экономические преступления. Вып. 3 / под ред. Л.Л. Кругликова. Ярославль, 2001. С. 17–25; Квалификация налоговых преступлений // Актуальные проблемы юридической ответственности за нарушения в сфере экономической деятельности и налогообложения: Материалы научно-практической конференции / отв. за вы-

пуск Л.Л. Кругликов. Ярославль, 2001. С. 10-13; Санкции в главе о преступлениях в сфере экономической деятельности: системный анализ // Статья Налоговые и иные экономические преступления: Вып. 5 / под ред. Л.Л. Кругликова. Ярославль, 2002. С. 32-48; Преступление в сфере экономической деятельности и административное правонарушение в этой же сфере: проблемы соотношения // Актуальные проблемы юридической ответственности за нарушения в сфере экономической деятельности и налогообложения: материалы второй научно-практической конференции. Ярославль, 2002. С. 14-18; Противодействие организованной преступности: проблемы и возможности // Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с организованной преступностью: итоговые материалы Всероссийского научно-практического семинара (20-21 января 2004 г.) / отв. ред. Л.Л. Кругликов. Ярославль, 2004. С. 12-15.

² Лопашенко Н.А. Противодействие организованной преступности: проблемы и возможности. С. 15.

³ Волженкин Б.В. О содержании бланкетных диспозиций статей об экономических преступлениях в УК РФ (к дискуссии с И.В. Шишко) // Актуальные проблемы юридической ответственности за нарушения в сфере экономической деятельности и налогообложения: материалы третьей научно-практической конференции / отв. ред. Л.Л. Кругликов. Ярославль, 2004. С. 23.

⁴ Лопашенко Н.А. Уголовная ответственность за налоговые преступления. С. 37.

⁵ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 16 января 2001 г. № 1-О «По делу о проверке конституционности примечания 2 к ст. 158 УК РФ в связи с жалобой гр. Скородумова Дмитрия Анатольевича» // Российская газета. 2001. 3 февр.

⁶ Там же. С. 49-50.

⁷ Лопашенко Н.А. Вопросы совершенствования норм главы 22 УК РФ: Проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ» (с пояснительной запиской). С. 18-40.

⁸ Ширяев В.Н. Религиозные преступления. Историко-догматические очерки. Ярославль, 1909. С. 7.

⁹ Лешкевич Т.Г. Философия и теория познания. М., 2013. С. 188.

¹⁰ Stoss C. Geist der modernen Strafgesetzgebung. Bern, 1896. S. 24. Цит. по Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса. М., 2004. С. 19.

¹¹ См.: Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. С. 280-298. См. также: Энциклопедия уголовного права. Т. 1: Понятие уголовного права / под ред. В.Б. Малинина. СПб., 2005. С. 66-102 (авторы главы — Г.Ю. Лесников, Н.А. Лопашенко).

¹² См.: Энциклопедия уголовного права. Т. 4. Состав преступления. СПб., 2005. С. 54 (автор главы — В.Н. Кудрявцев).

¹³ Лопашенко Н.А. Вопросы совершенствования норм главы 22 Уголовного кодекса РФ: Проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (с пояснительной запиской). С. 35.

¹⁴ См.: Кругликов Л.Л., Дулатбеков Н.О. Экономические преступления (вопросы дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания). Ярославль, 2001. С. 76-85.

Т.В. Кленова*

ОБ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ И ВЗАИМОСВЯЗИ ОХРАНИТЕЛЬНОЙ И ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИЙ УГОЛОВНОГО ПРАВА

В современной России уголовная политика является ситуативной и не имеет четкого концептуального характера. Соответственно, нет программных документов, где бы определялись стратегия и тактика государственной политики противодействия преступности, с применением методов прогноза и статистического анализа данных о состоянии преступности, нет также закона, в котором бы с достаточной полнотой устанавливались организационные и процессуальные правила подготовки и принятия проектов федеральных конституционных, кодифицированных и других федеральных законов («Закон о нормативных актах»).

* Кленова Татьяна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии ФГБОУ ВПО «Самарский государственный университет».

Концептуальная неясность законодательства в сфере уголовного права также означает отсутствие понимания (в общественном и профессиональном правосознании), какие функциональные возможности уголовного права государственная власть готова использовать для повышения безопасности личности, общества, государства.

В постсоветский период все меньше внимания уделяется функциям уголовного права, особенно охранительной и воспитательной. Такое положение вещей соответствует, может быть, благополучной официальной статистике судимостей, но точно не фактическому состоянию преступности в современной России. Развитие законодательной базы должно осуществляться с учетом реальных тенденций и новых угроз преступности. В условиях значительного падения уровня правосознания (общественного и профессионального) роль охранительной и воспитательной функций уголовного права повышается.

Об охране важных социальных ценностей и общественных отношений от преступных посягательств и предупреждении преступлений говорится в ст. 2 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ). Первая из определенных задач уголовного закона отличается крупномасштабностью, высокой социальной значимостью, не теряет актуальности с течением времени, что позволяет трактовать ее как цель уголовного права. В соответствии с целью охраны главной характеристикой уголовного права следует признать его охранительную функцию. Уголовное наказание преступника, также угроза наказанием — это основное направление уголовно-правового воздействия на общественные отношения (функция), которое государственная власть осуществляет с целью защиты от преступных посягательств. Общий характер цели охраны подтверждается при соотношении с ней задачи предупреждения преступлений. Если уголовный закон не выполнил предупредительную задачу, и человек совершил преступление, охранительная функция реализуется в рамках уголовно-правовых отношений, связанных с уголовной ответственностью лица, совершившего преступление. Закономерно, что соответствующие отношения называют охранительными.

В ст. 2 УК РФ воспитание не названо задачей уголовного закона. Возможная причина этого заключается в отсутствии непосредственной связи воспитания и методов уголовно-правового регулирования, свойственных главной функции уголовного права — охранительной. Однако неиспользование понятия воспитания в уголовном законе само по себе не означает, что уголовному праву не присуща воспитательная функция. В уголовном законе выражено отрицательное суждение о преступлениях, его адресаты сориентированы на общепризнанные ценности посредством установления преступности и наказуемости деяний, угрожающих таким ценностям, — в этом проявляется воспитательное уголовно-правовое воздействие.

Теория наказания как нравственного воспитания («патерналистская теория наказания») давно известна. Она была востребована в философии и науке уголовного права на разных этапах развития государственности.

В советский период эта теория получила официальное признание, и государственная власть назвала в уголовном законе целью наказания «исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития» (ч. 1 ст. 20 УК РСФСР 1960 г.). На постсоветском этапе идея о том, что наказание вполне оправданно как инструмент морального просвещения и воспитания, утратила легальное отражение, но продолжает отстаиваться отдельными исследователями¹.

Очевидно, в настоящее время законодательные органы власти недооценивают связь охранительной и воспитательной функций.

В УК РФ в целях совершенствования, для приведения в соответствие с меняющейся реальностью либо с целью решения политико-тактических задач вносятся многочисленные изменения и дополнения. Результатом ускоренного и «суетливого» правотворчества является дестабилизация уголовного закона и как следствие и правопорядка. Нестабильный уголовный закон не пригоден к выполнению своих функций, прежде всего, воспитательной, поскольку не вызывает уважения.

Всего по состоянию на время принятия — 13 июня 1996 г. УК РФ содержал 360 статей. За время действия из него были исключены 12 и введены 87 статей. Многие статьи менялись многократно (например, ст. 79 действует в редакции 11 Законов РФ, в ст. 228 изменения и дополнения вносились 7 раз). Неизменными остались только 15,8 % от общего числа первоначальных статей УК РФ, действующих в настоящее время (43 статьи Общей части и 12 статей Особенной части)². Для сравнения: УК РСФСР 1960 г. действовал 36 лет. По состоянию на время принятия, в нем было 269 статей. Неизменными остались 23 % от общего числа первоначальных статей.

Умаление значения воспитательной функции ярко проявляется в правоприменительной практике.

Когда уголовный закон применяется безосновательно к лицам, совершившим преступления, но без учета реальной общественной опасности преступления и личности преступника, воспитательная функция уголовного права не реализуется. По мере распространения произвола правоприменителей, в условиях резонансности такой практики увеличиваются угрозы нарушения правопорядка и общественной безопасности, растет правовой нигилизм.

Симптомом неблагополучного состояния правоприменения является изменение профессионального сознания судей, прокуроров и других должностных лиц правоохранительных органов. Стало обычным терпимое отношение к недостоверным и незаконным выводам по уголовным делам, и даже оправдание таких решений. Например, установка на оправдание отклоняющейся практики проявляется в использовании понятия «квалификационная ошибка» не только применительно к допущенным по заблуждению, но и к преднамеренным случаям неправильного применения

уголовного или уголовно-процессуального законов при квалификации преступлений. Если в правоприменительной практике ошибками признают преднамеренно неверные решения, относящиеся к существу дела, это можно расценить как фактическую декриминализацию преступлений против правосудия, предусмотренных ст. 299, 300, 305 УК РФ.

О том, что охранительная и воспитательная функции реализуются неудовлетворительно, можно судить по статистике повторных судимостей. По информации МВД РФ о состоянии преступности, удельный вес преступлений, совершенных лицами повторно, увеличивается: 40,7% в 2011 г., 46,7% в 2012 г. и 49,6% в 2013 г.³ Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2013 г. в России осуждены 735 605 чел., из них 250 345 — лица с неснятыми и непогашенными судимостями. Это 34 % от общего числа осужденных. Во многих регионах одновременно с уменьшением общего числа осужденных коэффициент рецидивной преступности растет. Например, в Самарской области в 2013 г. осуждены 11 365 чел., среди которых 4 973 (43,7%) имеют неснятые и непогашенные судимости⁴.

Воспитательная функция уголовного права подрывается массовой практикой нарушения принципа равенства, когда наказание назначается с учетом социальных принадлежностей подсудимого.

Так, при правоприменении не обеспечено равенство лиц, совершивших преступления, независимо от имущественного положения. В соответствии с уголовным законом в альтернативных санкциях штраф признается «главным наказанием». Тем самым в неравном положении оказываются материально состоятельные лица, которым с учетом их платежеспособности за совершенное преступление будет назначен штраф (ч. 3 ст. 46 УК РФ), и неимущие люди, которые не могут воспользоваться преимуществами альтернативной санкции и должны за аналогичное преступление претерпеть более строгое наказание, чаще всего в виде лишения свободы. С 2003 г. число таких санкций в УК РФ неуклонно увеличивается. Не опасаясь упреков в нарушении конституционного принципа равенства, Верховный Суд РФ прямо рекомендует судам при назначении наказания учитывать имущественное положение осужденных (п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания»).

Общепринято конкретизировать идею равенства в положениях о социальных, но не юридических принадлежностях. К сожалению, в современном российском уголовном праве стала популярной иная трактовка идеи равенства, с рекомендацией отказаться от специальных уголовно-правовых методов воздействия на лиц, совершивших преступление, в связи с ранее совершенным преступлением. При этом повышенная общественная опасность повторной и рецидивной преступности не отрицается, но предлагается учитывать принцип справедливости, запрещающий нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление (ч. 2 ст. 6 УК РФ).

Таким образом, утверждается равенство граждан перед уголовным законом независимо от того, впервые либо повторно или с рецидивом совершено преступление.

Такое понимание взаимосвязи принципов права и множественности преступлений отразилось в законодательных решениях. Так, в УК РФ не были воспроизведены нормы УК РСФСР 1960 г. о признании лица особо опасным рецидивистом и об усилении уголовной ответственности за отдельные виды преступлений, совершенные особо опасным рецидивистом. В УК РФ в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность, была закреплена неоднократность преступлений, но в соответствии с Федеральным законом РФ от 8 декабря 2003 г. соответствующие предписания утратили силу. В настоящее время обсуждается рекомендация об исключении из форм множественности преступлений также рецидива преступлений. Аналогичная позиция выражена в Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации (разработана в Общественной палате РФ в 2012 г.), в которой в ряду направлений уголовно-правовой политики названо не сокращение либо ликвидация явления множественности преступлений, а «уточнение правового значения рецидива преступлений с учетом требований принципа справедливости уголовного права»⁵.

Рецидивная (повторная) преступность — это реальная угроза безопасной жизни людей, препятствие для правового развития Российской Федерации, пример, мешающий правовому воспитанию населения. В условиях распространения профессиональной преступности, повторного, в т.ч. многократного, совершения тяжких и особо тяжких преступлений принцип справедливости небезопасно толковать как идею отказа от усиления репрессии при множественности преступлений, особенно если это рецидив преступлений. Представляется, гарантии реализации принципа права *pop bis in idem* логичнее обсуждать относительно конкуренции норм уголовного закона, а не повторности и рецидива преступлений.

Хотя воспитательная функция не является главной характеристикой уголовного права, но это его объективно обусловленная характеристика, и она взаимосвязана с охранительной функцией. Правильное мотивационно-ценностное воздействие усиливает охранительные возможности уголовного права.

¹ См., например: *Моисеев С.В.* Нравственное воспитание // *Философия права: курс лекций.* Новосибирск, 2004. С. 204–223; *Галузин А.Ф.* Правовой институт покаяния: раскаяния, исправления, социальной адаптации // *Теория и практика пенитенциарной безопасности личности, общества, государства.* М., 2012. С. 156–180.

² Данные приводятся с учетом изменений и дополнений УК РФ по состоянию на 21 июля 2014 г.

³ URL: http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_102505/; <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/804701/>; <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/1609734/> (дата обращения: 15.09.2014).

⁴ См.: Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2013 г. URL: <http://usd.sam.sudrf.ru/modules.php?name=stat&id=175> (дата обращения: 29.09.2014).

⁵ *Бабаев М., Пудовочкин Ю.* Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // *Уголовное право.* 2012. № 4. С. 8.

А.П. Козлов*

МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Задача, которую нам необходимо решить, максимально проста: найти тот общий уголовно-правовой институт, который противостоит преступлению как реакция государства на его совершение, как воздаяние лицу, преступившему закон.

Простота поставленной задачи вовсе не означает наличия простого решения. По крайней мере, в теории уголовного права нет единой точки зрения ни по сущности, ни по содержанию, ни по формам реализации (видам) мер уголовно-правового воздействия.

Если посмотреть на уголовный закон, то и в нем такого решения мы не найдем. Согласно ч. 2 ст. 2 УК РФ преступлению противостоят наказание и иные меры уголовно-правового характера; круг наказаний нам известен (ст. 44), известны и иные меры уголовно-правового характера (разд. VI УК РФ). Однако тот же самый закон регламентирует широкую массу других мер воздаяния за преступление: условное осуждение, освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания, судимость и т.д., являющиеся также реакцией государства на совершенное преступление, но не входящие ни в наказание, ни в иные меры уголовно-правового характера. Это означает, что воздаяние за преступление по объему гораздо шире, нежели предусмотренное в ч. 2 ст. 2 УК РФ. Мало того, законодатель выделяет еще категорию уголовной ответственности, регламентирует ее основания (ст. 8 УК РФ), много говорит об освобождении от нее, но ничего не предлагает по ее определению, по установлению ее сущности и содержания. То положение закона, что «основание и принципы уголовной ответственности» установлены «для осуществления... задач» Уголовного кодекса (ч. 2 ст. 2), лишь усложняет проблемы связанные с определением того, чем же на самом деле является уголовная ответственность: то ли воздаянием за совершенное преступление, то ли мерами безопасности, то ли еще чем-то неизвестным.

Искать решение проблем в судебной практике бессмысленно, поскольку она призвана однозначно и жестко отталкиваться от законодательных положений и собственного инструментария придумывать не должна. А то, что судебная практика (как, впрочем, и теория уголовного права) постоянно смешивает уголовную ответственность с квалификацией преступления, вообще наводит на грустные размышления о признании уголовной ответственности этим третьим неизвестным, в котором смешаны и воздаяние за совершенное преступление, и квалификация преступления.

В теории уголовного права до недавнего времени таким общим уголовно-правовым институтом безосновательно считали уголовную от-

* Козлов Анатолий Петрович — кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет».

ветственность как воздаяние за совершенное преступление, дискутируя безуспешно по поводу ее сущности, содержания, формы и по вопросу соотношения с наказанием. И только в последнее десятилетие теория уголовного права начала активно развивать идею, высказанную более 30 лет тому назад С.И. Зельдовым об уголовно-правовых мерах воздействия¹; появились и появляются новые работы в этом направлении. Мы присоединяемся к данной точке зрения и считаем, что реакция государства на совершенное преступление должна быть выражена в институте мер уголовно-правового воздействия, который должен быть законодательно закреплен именно в данной терминологии². Имеющееся в уголовном законе и в теории уголовного права смешение терминов «воздействие» и «характер» должно быть разрешено в пользу первого, поскольку меры уголовно-правового характера — более широкая по объему категория (добровольный отказ — тоже мера уголовно-правового характера, только к воздаянию за совершенное преступление он имеет только косвенное отношение). Данное предложение, высказанное в теории уголовного права, в частности А.С. Пуниговым, следует поддержать.

Итак, в уголовном праве феномену «преступление» противостоят «меры уголовно-правового воздействия» как реакция государства на совершенное преступление. Один шаг в нужном направлении сделан, следует идти дальше и определиться с сущностью и содержанием указанных мер. Сущность мер уголовно-правового воздействия, похоже, достаточно прозрачна; она представляет собой именно реакцию государства на совершенное преступление; необходимость со стороны государства не оставлять без внимания уголовно-противоправное общественно опасное поведение. Реально в этой реакции заключается уголовное правоотношение между государством и лицом, совершившим преступление. Данное правоотношение довольно сложно по своей сути. Дело в том, что два субъекта его — виновный и государство — должны обладать определенными правами и обязанностями. Виновный обязан подвергнуться взысканию за свое противоправное общественно опасное поведение, понести некоторые неудобства из-за примененных к нему ограничений прав и свобод; остальные права и обязанности его не носят доминирующего характера, не определяют его связи с мерами уголовно-правового воздействия, являются в данном случае второстепенными. У государства в связи с мерами уголовно-правового воздействия права и обязанности гораздо сложнее, поскольку статус потерпевших не прост: потерпевшими в уголовном праве выступают лица (физические и юридические), общество и государство. В тех случаях, когда государство выступает от имени лиц и общества, оно как гарант защиты их прав обязано ограничивать права и свободы виновного. Но если потерпевшим выступает само государство, обязано ли оно применять меры воздействия? Обязан ли потерпевший защищать самого себя? Нет, он имеет право защищать себя, но не обязанность. Все это касается и государства как потерпевшего: в случае совершения преступления против государства

оно имеет право применить против виновного меры воздействия. Таким образом, получается, что ограничение прав и свобод виновного для государства является и обязанностью (при защите лиц и общества), и правом (при защите самого себя). В этом и заключена сложность уголовного правоотношения в связи с мерами уголовно-правового воздействия, хотя некоторым ученым это может не понравиться, поскольку нельзя отнимать у государства обязанности защищать самого себя. Думается, от такого преобразования государство не будет в ущербе, т.к. «право» гораздо шире «обязанности»: если последняя предполагает однолинейность поведения, то «право» представляет многовариантность решений.

Содержание исследуемого феномена выражено в системе социально-позитивных и социально-негативных характеристик личности виновного, которые, благодаря их учету, определяют объем ограничений прав и свобод данного лица или отсутствие таковых. Весь объем ограничений прав и свобод создает в свою очередь исследуемый феномен — меры уголовно-правового воздействия. В указанном словосочетании термин «мера» достаточно очевиден, поскольку он определяет качественно-количественные характеристики реакции государства на совершенное преступление. Однако никогда «мера» не существует самостоятельно; она всегда является соотносимой с какой-то категорией (меры веса, меры длины, меры объема). Именно поэтому меры в нашем случае бессмысленны без самого воздействия как противодействия государства совершенному преступлению, как принуждения государством виновного принять на себя установленные ограничения прав и свобод. Отсюда формы реализации мер уголовно-правового воздействия (их виды) полностью зависят от характера и объема ограничений прав и свобод.

Основной проблемой легализации мер уголовно-правового воздействия как раз и является недвусмысленное выделение характера ограничений прав и свобод, свойственных уголовному праву. К сожалению, в реальной жизни мер уголовно-правового воздействия (в отличие от преступления как общественно опасного уголовно-противоправного поведения) не существует. Их законодатель должен полностью выдумывать или принимать на веру ранее существующие, тоже когда-то и кем-то придуманные. Вот эта искусственность создаваемых конструкций, их идеальный и даже идеологизированный характер всегда вызывали и будут вызывать к себе критическое отношение. Важно и то, что многие другие отрасли права (гражданское, трудовое, дисциплинарное, административное и т.д.) имеют свои меры воздействия, применяемые при нарушении норм этих отраслей права. Соответственно, меры уголовно-правового воздействия, находясь в системе мер социального воздействия, должны отличаться от других мер воздействия хотя бы потому, что они крайние по тяжести, определяемые за самые тяжкие социальные проступки. Эта традиционная точка зрения приводит нас к тому, что меры уголовно-правового воздействия должны быть обособлены от мер иных отраслей права либо своим неповторимыми харак-

тером (в других отраслях права нет лишения свободы, нет смертной казни), либо степенью своей тяжести (например, более высоким уровнем штрафа).

Очевидность изложенного не снимает проблемы четкой и понятной классификации мер уголовно-правового воздействия, чего пока сделать не удастся. Так, в коллективной монографии Есакова Г.А., Понятовской Т.Г., Рарога А.И., Чучаева А.И. «Уголовно-правовое воздействие» речь идет о следующей классификации указанных мер: 1) наказание и сопутствующие ему меры (в т.ч. — судимость); 2) меры без наказания; 3) условное осуждение; 4) освобождение несовершеннолетнего от уголовной ответственности с назначением принудительных мер воспитательного характера; 5) принудительные меры медицинского характера³. Не вдаваясь в детальный критический анализ позиции, отметим главное несоответствие: некорректность классификации, где выделен класс «мер без наказания» и в качестве самостоятельных классов определены принудительные меры воспитательного и медицинского характера, которые также следует отнести к мерам без наказания. Необходимо обратить внимание на еще одну точку зрения, высказанную в теории уголовного права и криминологии: многоколейности уголовного права, согласно которой все меры следует разделить на наказание, меры безопасности, меры воспитания и меры поощрения⁴; на карательные, превентивные, воспитательные и медицинские⁵. И опять-таки на общем уровне нельзя выделять колеи мер воздействия без четкой и ясной классификации соответствующих «колеи» преступного поведения, чего авторы не могут предпринять; нельзя выделять меры поощрения за совершенное преступление — это абсурд, такие меры можно соотнести с постпреступным поведением, но это уже другая классификация; нельзя выделять в самостоятельные классы медицинские и воспитательные меры на фоне выделенных превентивных мер, поскольку первые также обладают предупредительным характером. При этом некоторые авторы упустили из виду уже отраженные в теории уголовного права меры безопасности; исходя из высказанной в теории уголовного права позиции, хотя аргументированно «отсечь» их следовало бы. Существуют и другие мнения, которые столь же неубедительны.

Сложности классификации начинаются уже с того, что имеется две качественно различные категории преступников: одни из них в той или иной степени неисправимы, соответственно, требуют определенных мер воздействия для своего исправления, определенных ограничений прав и свобод; другие же, полностью социально ориентированные, но совершившие преступление случайно, часто под существенным влиянием социальных условий, требуют таких мер воздействия, которые не связаны с ограничением прав и свобод. Отсюда, желает государство того или нет — оно должно выделить как один из видов реализации мер уголовно-правового воздействия такую меру, которая бы ограничилась указанием виновному на его недостойное в конкретной ситуации поведение и не заключала в себе никаких ограничений прав и свобод. Такие меры уголовное право

знает — это безусловное освобождение от «уголовной ответственности» (термин «уголовная ответственность» взят в кавычки из-за его неверно интерпретируемого объема; на наш взгляд, в таких ситуациях отсутствуют и меры безопасности; точнее было бы говорить об освобождении от применения любых ограничений прав и свобод). Итак, предложено выделить самую низкую по тяжести форму уголовно-правового воздействия — меру без ограничений прав и свобод виновного (можно по традиции назвать ее «освобождением от любых ограничений прав и свобод»).

Остается вроде бы одна мера, рассчитанная на лиц с той или иной степенью неисправимости, и для чистоты формально-логического деления ее необходимо обособить. Назовем ее «мерой с определенными ограничениями прав и свобод». Однако данная мера не является однозначной, уже сегодня теория уголовного права знает две разновидности таких ограничений: меры безопасности и уголовную ответственность. Что касается первых, то уголовное право знало их довольно давно. Затем, постоянно применяя их, оно постаралось забыть о приведенном наименовании, и в недавнем прошлом, с легкой руки Н.В. Щедрина указанный термин в науке уголовного права и криминологии справедливо был восстановлен⁶. Тем не менее, теория уголовного права, несмотря на реальное существование мер безопасности и в жизни, и в уголовном законе (не только; они существуют и в уголовно-исполнительном праве), старательно их не замечает в качестве реакции государства на содеянное. Ярким примером этого является указанная новейшая коллективная монография, в которой не оказалось места для уголовно-правового принуждения, выраженного в мерах безопасности как самостоятельного уголовно-правового воздействия⁷. А ведь это принуждение отражено в уголовном законе, оно в определенной степени характерно для уголовного права, применяется за совершенное преступление, в конечном счете, является реакцией государства на преступно содеянное. И об этом не следует забывать. Таким образом, вне зависимости от желания отдельных авторов меры безопасности необходимо выделить в качестве меры уголовно-правового воздействия. Никого не должно беспокоить то, что меры безопасности применяют и в других отраслях права. Например, штраф не перестает быть видом наказания, ведь все будет зависеть от последствий неисполнения возложенных мер безопасности. Обособление мер безопасности в качестве отдельной меры уголовно-правового воздействия исключит малообоснованные попытки применять их и в качестве наказания (ст. 53 УК РФ). По вопросу классификации мер безопасности можно сказать, что в уголовном праве они в основном представлены в двух видах: 1) меры безопасности, направленные на исправление виновного; 2) меры безопасности, связанные с усилением контроля за поведением виновного.

За пределами двух уже выделенных мер уголовно-правового воздействия остается еще обширный объем предусмотренных уголовным законом мер как реакции государства на совершенное преступление (наказание,

множество видов неприменения уголовной ответственности и наказания, судимость). Что делать со всей этой массой? Можно пойти по пути уголовного закона и ограничиться двумя категориями: наказанием и иными мерами уголовно-правового воздействия. Но в таком случае объем иных мер становится очень узким, поскольку упирается в законодательный их перечень и за его пределами остаются многие положения закона, определяющие воздействие за совершенное преступление. Для ликвидации этого недостатка можно поддержать некоторых авторов по расширению объема иных мер⁸, однако такой перечень становится не только огромным по объему, но и внутренне противоречивым (как совместить в одной категории безусловное освобождение несовершеннолетнего при установлении принудительных мер воспитательного воздействия, за которым больше ничего не следует, и условное осуждение с его «топором» возможной наказуемости). Но дело даже не в этом. В предложенной классификации не только угроза наказания приобретает иное качество, но и некоторые наказания изменяют свою сущность, что не допустимо. Вообще в «иных мерах уголовно-правового воздействия мы сегодня столкнулись с еще одним уголовно-правовым понятием «резинового» характера, который можно растягивать по своему желанию (хотим, включим в него два элемента, хотим — пять, а хотим — и восемь). Сомневаемся, что это нужно уголовному праву.

Мало того, при нынешнем положении вещей за пределами мер уголовно-правового воздействия остается весьма важная категория уголовного права — уголовная ответственность: «Уголовно-правовое воздействие и уголовная ответственность — сущностно различные понятия...»⁹. Похоже, теория уголовного права по-прежнему готова иметь дело с размытой, неопределенной, ничего не дающей уголовному праву уголовной ответственностью. Но в таком случае лучше согласиться с некоторыми авторами, резко критично относящимися к ней, и отказаться вообще от нее. На наш взгляд, уголовную ответственность необходимо «приземлить», сделать действительно важной и нужной категорией уголовного права с ясно выраженными сущностью и содержанием. Для этого уголовной ответственности необходимо придать статус меры уголовно-правового воздействия, которая объединила бы в себе все меры государственного воздействия за совершенное преступление, содержащие в себе ограничения прав и свобод, свойственные наказанию или угрозе наказания. Такой подход покончит с неопределенным до сих пор соотношением уголовной ответственности и наказания, поскольку наказание будет признано разновидностью (формой реализации) уголовной ответственности. Кроме того, единство основания деления понятия позволит четко и ясно обособить институты уголовного права, которые связаны с угрозой наказания и отнести их к уголовной ответственности. Представляется, к уголовной ответственности следует относить предварительную уголовную ответственность (ограничения прав и свобод, связанные с содержанием под стражей), условное осуждение с его угрозой наказания, наказание, условное освобождение от уголовной ответственности с его угрозой возврата к наказанию и судимость¹⁰.

Таким образом, предложенная классификация мер уголовно-правового воздействия включит в себя уголовную ответственность с ее формами реализации, меры безопасности и меры без ограничения прав и свобод. В результате мы получим не «закон, что дышло», а ясную и точную картину мер уголовно-правового воздействия, противостоящих преступлению.

Однако при этом придется отказаться от «иных мер уголовно-правового воздействия», становящихся абсолютно ненужной, лишней категорией уголовного права, которой, кстати, никогда и не было в нем и необходимость существования которой весьма сомнительна.

¹ См.: Зельдов С.И. Уголовно-правовые меры воздействия как форма реализации принципа неотвратимости ответственности // XXVI съезд КПСС и укрепление законности и правопорядка. М., 1982. С. 58.

² Можно ли ограничиться словосочетанием «уголовно-правовое воздействие» (см.: Есаков Г.А., Понятовская Т.Г., Рарог А.И., Чучаев А.И. Уголовно-правовое воздействие. М., 2014)? Можно, как наименованием соответствующего института. Однако для законодателя важнее выделить не сам институт, а его разновидности (меры), именно поэтому соответствующий раздел уголовного закона должен быть именован «Меры уголовно-правового воздействия».

³ См.: Есаков Г.А., Понятовская Т.Г., Рарог А.И., Чучаев А.И. Указ. раб. С. 30–41.

⁴ См.: Гета М.Р. Альтернативы наказанию и третья колея» уголовного права // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч. 27. Томск, 2005. С. 48–50; Щедрин Н.В. Четыре «колеи» российского уголовного права // Уголовное право, 2008. № 4. С. 59; Карпов К.Н. Классификация иных мер уголовно-правового характера // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в сибирском регионе. Ч. 1. Красноярск, 2009. С. 53–56 и др.

⁵ Пунигов А.С. Иные меры уголовно-правового характера (понятие, виды, общая характеристика). Владимир, 2007. С. 21.

⁶ См.: Щедрин Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности. Красноярск, 2000.

⁷ Отнесение авторами конфискации к мерам безопасности (Есаков Г.А., Понятовская Т.Г., Рарог А.И., Чучаев А.И. Уголовно-правовое воздействие) в целом проблемы не снимает.

⁸ Например, С.Г. Келина выделяет восемь видов иных мер: принудительные меры медицинского характера, принудительные меры воспитательного характера, конфискацию имущества, условное осуждение, отсрочку исполнения наказания, условно-досрочное освобождение, некоторые дополнительные наказания и судимость. См.: Келина С.Г. «Иные меры уголовно-правового характера» как институт уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2007. С. 283–288.

⁹ См.: Есаков Г.А., Понятовская Т.Г., Рарог А.И., Чучаев А.И. Указ. раб. С. 22.

¹⁰ Подробнее об этом см.: Козлов А.П. Уголовная ответственность: понятие и формы реализации. Красноярск, 2013.

Д.А. Корецкий*

«ОРУЖЕЙНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО»: ТЕНДЕНЦИИ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ

В советский период приобретение гражданами любого оружия (кроме гладкоствольного охотничьего) было практически исключено, его оборот регулировался не законами, а приказами и инструкциями МВД СССР и других структур, которые в настоящее время принято называть «силовыми».

* Корецкий Данил Аркадьевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет».

Положение изменилось в начале 90-х гг., когда был принят Закон РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», указы Президента России «О разрешении приобретения, хранения и использования гладкоствольного охотничьего оружия гражданам, ведущим крестьянское (фермерское) хозяйство» и «О специальных средствах самообороны, снаряженных веществами слезоточивого и раздражающего действия» и, наконец, первый Закон РФ «Об оружии», а 13 ноября 1996 г. и новый — второй Закон РФ «Об оружии». Таким образом, в этот период сформировалось «оружейное законодательство», которое впервые за долгие десятилетия, пусть и с оговорками, многочисленными ограничениями, но предоставило гражданам возможность приобретать для самообороны гладкоствольное длинноствольное огнестрельное оружие (ружья), электрошокеры, газовые пистолеты и аэрозольные упаковки, а также травматическое оружие, которое в тот период было представлено только бесствольными пистолетами «Оса» и «Стражник».

Это, несомненно, стало шагом вперед в развитии демократических норм Российского государства и реального обеспечения права граждан на необходимую оборону, но шагом достаточно робким, с многочисленными «перестраховочными» нормами и ограничениями, которые связывали потенциального обороняющегося по рукам и ногам. Анализ содержания названных нормативных актов приводил к парадоксальному выводу: целью оборота оружия в обществе является обеспечение сохранности оружия и осуществление контроля за его производством, продажей, приобретением, регистрацией, хранением, перевозкой и т.п.!

Абсурдность такого положения очевидна. Обусловлено оно, с одной стороны, устойчивыми стереотипами государственно-должностного мышления, изменить которое гораздо труднее, чем провозгласить самые прогрессивные и демократические принципы в отношениях между государством и личностью, с другой — отсутствием какой-либо правовой или криминологической концепции, способной определить настоящие цели и задачи оборота оружия, которые должны сводиться к созданию благоприятных условий для законного владения оружием, использования его для обеспечения безопасности личности, общества и государства, максимальному затруднению и увеличению риска противоправного обладания оружием, а тем более — использования его для совершения преступлений. Исходя из того, что любое общество развивается и его законодательство прогрессирует, можно было ожидать, что недостатки, свойственные «оружейному законодательству», будут постепенно устраняться, а новые правовые нормы будут направлены на достижение вышесформулированной цели.

Однако этого не произошло. Напротив, в последние несколько лет принят ряд законов, направленных на дальнейшее ужесточение правового режима оружия, в первую очередь, травматического: криминализирован оборот т.н. «огнестрельного оружия ограниченного поражения», повышен до 21 года возраст его возможного приобретения, введена обязанность для

его владельцев каждые 5 лет сдавать экзамен по правилам безопасного обращения с ним (она распространяется даже на действующих сотрудников и ветеранов силовых структур, которые всю жизнь пользовались оружием и ранее освобождались от сдачи экзаменов), усилена ответственность за небрежное хранение оружия.

Эти «антиоружейные» законы не основаны ни на криминологических исследованиях, ни на юридической практике — в их основе единичные резонансные уголовные дела (белгородский стрелок, московский школьный стрелок) либо некомпетентное использование криминальной статистики.

Совершенно необъяснимо, почему в отношении нелетального оружия установлен более жесткий правовой режим, чем для смертоносного — охотничьих ружей и карабинов! На волне смакования 60 фактов применения травматического оружия (как правомерного, так и противоправного, без разграничения) был сделан вывод о бесконтрольности его приобретения и использования, что послужило основанием (хотя, может, только поводом) для принятия Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 398-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления контроля в сфере оборота гражданского оружия».

Следует отметить, что 60 фактов составляют сотые доли процента от находящейся в законном обороте «травматики» (которая в упомянутом Законе названа более грозно — «огнестрельным оружием ограниченного поражения»), т.е. это статистически ничтожная величина, не дающая оснований для реагирования на нее. Вполне понятно, что и устрашающее переименование травматического оружия не способно каким-либо образом сказаться на результатах его применения. Известно также, что законно хранимое оружие используется лишь в одном проценте вооруженных преступлений.

Может быть, в последние годы положение изменилось? Но статистические показатели рассматриваемого вида преступлений свидетельствуют об их снижении. Так, за 6 месяцев 2014 г. вооруженная преступность сократилась на 7%, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

Достаточно полную картину сегодняшней роли оружия в криминальной обстановке региона дает криминологическое исследование, проведенное в 2014 г. А.И. Сасиковым в регионе со сложной оперативной обстановкой — Кабардино-Балкарской Республике.

Так, при обследовании 337 осужденных, содержащихся в ИК общего режима, установлено, что насильственные преступления совершили 128 чел. (37,9%). Из них насилие, опасное для жизни и здоровья, применяли 56 чел. (43,7%), в т.ч. с использованием опасных предметов (кухонных ножей, удавок и т.д.) — 42 чел. (32,8%), а с использованием оружия 14 чел. (10,9%). При этом в 6 случаях использовалось огнестрельное оружие ограниченного поражения (ОООП), в 5 — пневматика, в 3 — короткоствольное огнестрельное оружие (служебный пистолет «ИЖ-71», бое-

вой пистолет Макарова, и газовый пистолет, переделанный для стрельбы боевыми патронами).

Следует иметь в виду, что в колонии содержатся лица, совершившие преступления не только в Кабардино-Балкарской Республике, но и за ее пределами, в различных регионах России, а следовательно, процент вооруженности отражает не только республиканские закономерности: оружие используется в единичных случаях и по удельному весу уступает предметам бытового обихода, что подтверждает результаты неоднократно проводимых криминологических исследований.

Количество легальных владельцев оружия за последние 5 лет имеет тенденцию к росту (20054 — 2009 г, 36379 — в 1 квартале 2014 г.), растет и количество гражданского оружия (27498 и 41019 соответственно). Наиболее распространены гладкоствольные охотничьи ружья, хотя положительная динамика наблюдается и при приобретении гражданского нарезного оружия. Количество газового оружия имеет тенденцию к снижению, что объясняется его низкой эффективностью. В связи с этим оно замещается более эффективным огнестрельным оружием ограниченного поражения, которое имеет выраженный положительный тренд.

Рост вооруженности населения не сказывается на криминальной обстановке и это вполне естественно, т.к. хорошо известно, что законно хранимое оружие практически не используется для совершения преступлений. Так, огнестрельного оружия ограниченного поражения зарегистрировано порядка 6000 единиц, из них лишь 4 использовались в преступлениях, что составляет 0,06%. Из десятков тысяч зарегистрированного огнестрельного гражданского оружия за последние 6 лет использовалось в преступных целях только 7 (0,003%).

Таким образом, лишний раз подтвержден известный вывод о том, что оружие, находящееся в законном обороте, практически не используется в преступных целях, а единичные исключения только подтверждают это правило. Однако наряду с законным существуют еще незаконный и криминальный обороты, причем, они тесно взаимосвязаны.

Незаконный оборот состоит из административных деликтов, связанных с нарушением порядка законного оборота, например, нарушение сроков регистрации оружия или постановки его на учет, установка на гражданском оружии прицела ночного видения, нарушение правил коллекционирования оружия; либо из нарушений, юридическая ответственность за которые отечественным законодательством не предусмотрена (например, хранение вне спортивных объектов пневматического оружия с дульной энергией свыше 7,5 Дж либо метательного оружия, оборот оружия, использующего электромагнитное, световое, инфразвуковое излучение, параметры которого превышают установленные госстандартом величины).

Криминальный оборот включает в себя действия, нарушающие уголовно-правовые запреты и влекущие уголовную ответственность. В структуру криминального оборота входят любые действия с боевым либо

криминальным (самодельным, атипичным, замаскированным) оружием, совершаемые не уполномоченными на то лицами, а также действия, предусмотренные ст. 222–225 УК РФ, совершаемые без соответствующих разрешений в отношении гражданского и служебного оружия¹.

Предупреждение вооруженных преступлений требует в первую очередь борьбы с криминальным оборотом оружия. Между тем упомянутые нормы «антиоружейного законодательства» направлены на ужесточение именно законного оборота!

Только при некомпетентном, поверхностном подходе в оружии ищут зло, а в ограничении его оборота видят профилактику преступлений. Между тем профилактически-предупредительная работа предполагает воздействие на причины и условия преступности, которые носят социальный характер. К ним относятся низкий уровень государственной и служебной дисциплины, экономическое неравенство, углубляющаяся пропасть между богатыми и бедными, невнимание к проблемам «маленького человека», отсутствие идеологии, сложности в достижении справедливости, психопатизация населения, появление новой генерации «отмороженных» личностей, фрустрация, вызванная крушением социальных ожиданий, и т.д. Именно в устранении этих факторов и состоит профилактика преступлений, это очень сложная и затратная задача. Оружие же — это всего-навсего орудие преступления и попытка решить проблему воздействием на него — абсурд и нелепость. Однако запреты и ограничения в этой сфере ввести гораздо проще. Так что оружие — это «ложная мишень», тем более, что все запреты и ограничения касаются легального оборота оружия, который практически не пересекается с криминальным, а криминальный оборот «упорядочивающие» меры не затрагивают. Поэтому преступники продолжают хранить пулеметы, гранатометы и мины вне запирающихся сейфов, не получают справки от психиатров и наркологов, не продлевают лицензий, стреляют когда и где хотят.

Вообще в каждой стране совершают преступления менее 5% населения, и везде острое предупредительной работы направлено именно на них. А у нас — наоборот: прессингу подвергаются законопослушные граждане.

Вопреки прекраснорудным намерениям авторов «антиоружейных законов», «закручивание гаек» для законопослушных владельцев оружия имеет последствия, прямо противоположные ожидаемым: нередко оружие выдавливается из легального оборота в криминальный. Потому что один законопослушный гражданин официально отказался от своего «Макарыча» и сдал его на реализацию, а другой, менее законопослушный гражданин попросту напишет заявление, что потерял свой ствол. И будет продолжать пользоваться им без лицензии, без лишних хлопот и материальных затрат. Так «черный травмат» начнет свое движение в криминальном обороте, и неизвестно, где этот путь закончится.

¹ См.: Корецкий Д.А. Криминальная армалогия. СПб., 2006. С. 275–277.

М.Б. Кострова*

ПАРАДОКСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ОТНОШЕНИИ «ЛИЦ, ВПЕРВЫЕ СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ»

При доктринальной спорности в понимании уголовно-правового воздействия, его сущности, форм, средств и т.п.¹ никто не станет отрицать, что само существование феномена уголовно-правового воздействия обусловлено существованием преступности, эффективное противодействие которой и является конечной целью уголовно-правового воздействия. Бесспорно и то, что уголовно-правовое воздействие требует дифференцированного подхода на основе ранжирования преступлений и лиц, их совершивших, в зависимости от степени их общественной опасности.

С этой точки зрения вполне обоснованной выглядит нормативная основа уголовно-правового воздействия в отношении лиц, впервые совершивших преступление. С уголовно-правовым «статусом» лица, впервые совершившего преступление, УК РФ при наличии определенных в нем условий связывает целый ряд льгот, в частности, смягчение наказания в пределах санкции статьи Особенной части (п. «а» ч. 1 ст. 61); запрет на назначение наказания в виде лишения свободы (ч. 1 ст. 56, ч. 6 ст. 88); применение наказания в виде принудительных работ как альтернативы лишению свободы (ч. 1 ст. 53¹); освобождение от уголовной ответственности (ч. 1 ст. 75, ст. 76, 76¹, примечания к ст. 127¹, 198, 199, 337, 338); освобождение от наказания (ст. 80¹, примечание к ст. 134); отсрочка отбывания наказания в виде лишения свободы (ч. 1 ст. 82¹). При этом льготы, указанные в п. «а» ч. 1 ст. 61, ч. 1 ст. 56, ч. 6 ст. 88, ст. 76¹, ст. 80¹, в примечаниях к ст. 127¹, 134, 198, 199 УК РФ, установлены в императивной форме, т.е. не допускают усмотрение правоприменителя. Кроме того, круг льготных правил назначения наказания, освобождения от уголовной ответственности и от наказания постепенно расширяется: из перечисленных выше пятнадцати в первоначальной редакции УК РФ 1996 г. не было десяти (они введены в период с 1998 по 2011 г.).

Таким образом, для лиц, впервые совершивших преступления, в УК РФ предусмотрена целая система льгот-«наград», самая большая из которых по меркам уголовного права — освобождение от уголовной ответственности.

Однако такой подход можно считать справедливым только в отношении лица, совершившего преступление впервые в общеупотребительном значении этого слова, т.е. фактически первый раз в своей жизни и по принятой в криминологии типологизации личности преступников относящегося

* Кострова Марина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет».

к случайному типу. В соответствии со здравым смыслом льготы, особенно императивного характера, не должны предоставляться лицам, объективно совершившим преступления неоднократно, в т.ч. и ранее судимым, которые составляют злостный тип преступника².

Однако при переходе от рассуждений, с точки зрения криминологической обоснованности положений уголовного закона, к существующим реалиям обнаруживается иная картина а именно: составной термин «лицо, впервые совершившее преступление», стал приобретать значение, отличное от общеупотребительного, причем очень существенное. Так, например, правоприменительная практика пошла по пути признания лица, ранее освобождавшегося от уголовной ответственности по ряду нереабилитирующих оснований, впервые совершившим преступление³. Позже Верховный Суд РФ подтвердил правильность такой позиции, указав, что это общее правило и распространяется оно на весь институт освобождения от уголовной ответственности без исключений⁴.

Вместе с тем судебная практика достаточно долго не могла определиться, следует ли признавать лицо впервые совершившим преступление при реальной или идеальной совокупности преступлений.

Ярким примером, иллюстрирующим нестабильность складывающейся судебной практики в этой части (и одновременно — позицию Верховного Суда РФ), является Обзор судебной практики прекращения военными судами уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим и деятельным раскаянием от 1 июня 2005 г. В нем отмечалось следующее: «По-разному, как показывает анализ судебной практики, понимают судьи... такое условие прекращения уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим, как возможность прекращать их только в отношении лиц, впервые совершивших преступление. Судьи Ленинградского окружного военного суда, например, толкуют данное указание закона буквально и считают, что прекращение уголовного дела в отношении лица, совершившего несколько преступлений небольшой или средней тяжести, невозможно. Судьи Северо-Кавказского окружного военного суда, напротив, в судебной практике исходят из того, что лицами, впервые совершившими преступления, должны признаваться не только те, кто совершил одно преступление впервые, то есть не совершал других преступлений либо ранее совершал, но судимость за предыдущие преступления с них снята или погашена, но и те лица, которые совершили несколько преступлений, за которые осуждаются впервые... Представляется, что такое понимание закона является ошибочным по следующим основаниям. Во-первых, на термин «впервые» в ст. 76 УК РФ законодатель указал применительно к одному преступлению. Таким образом, закон установил возможность прекращения уголовного дела только в отношении лиц менее общественно опасных, не вставших на преступный путь, для которых совершенное преступление является случайным эпизодом в жизни, и предусмотрел тем самым возможность прекращения уголовного дела только за впервые совершенное преступле-

ние как за первый и единственный факт уголовно наказуемого деяния, а не прекращение уголовного преследования за преступную деятельность... Наличие в действиях лица множественности преступлений исключает оценку всех их, как совершенных впервые, поскольку хотя первое из них в совокупности противоправных деяний действительно и может рассматриваться, как впервые совершенное, но остальные объективно уже таковыми не будут, а, следовательно, и все содеянное как первый и единственный факт совершения общественно опасных деяний впервые признаваться не должно. Вместе с тем, представляется, что при толковании указанного положения закона не следует забывать и то, что согласно УК РФ преступлением признается общественно опасное деяние, запрещенное Кодексом под угрозой наказания, а не его юридическая оценка. При идеальной совокупности даже впервые совершенное общественно опасное деяние может получить юридическую оценку по двум статьям Уголовного кодекса, однако указанное обстоятельство, видимо, не может свидетельствовать о неоднократности совершения лицом преступлений применительно к рассматриваемому институту освобождения от уголовной ответственности, поскольку объективно привлекается оно к уголовной ответственности фактически за одно реальное деяние, и, следовательно, к нему может быть применена ст. 25 УПК РФ»⁵.

Однако вскоре позиция Верховного Суда РФ по данному вопросу кардинально изменилась. Так, в кассационном определении от 14 октября 2008 г. № 48-О08-77 Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала следующее: «Отказывая в прекращении уголовного дела в отношении М.М. ..., суд мотивировал только тем, что впервые совершившим преступление... является лицо, совершившее одно преступление, в то время как М.М. совершил несколько преступлений. С таким выводом суда согласиться нельзя. По смыслу закона впервые совершившим преступление... следует считать лицо, совершившее одно или несколько преступлений, ни за одно из которых оно ранее не было осуждено, либо когда предыдущий приговор в отношении его не вступил в законную силу. Как следует из материалов уголовного дела, М.М. до совершения указанных преступлений не был судим, поэтому следует признать, что преступления в отношении потерпевших им совершены впервые»⁶.

Еще один пример из практики Верховного Суда РФ тех лет: «...Отказывая в прекращении уголовного дела в соответствии со ст. 75 УК РФ и ст. 28 УПК РФ, суд необоснованно сослался как на обстоятельство, препятствующее принятию такого решения, на то, что освобождение от уголовной ответственности... возможно лишь за впервые совершенное преступление..., а Ц.В. проявил неуважение к суду, будучи подсудимым по обвинению в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ. При этом, однако, ни в приговоре по настоящему уголовному делу, ни в каком-либо другом сохраняющем силу судебном решении вопрос о виновности Ц.В. в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК

РФ, не исследовался и виновным в нем он не признавался. С учетом этого ссылка на данное основание к отказу в освобождении осужденного от уголовной ответственности подлежит исключению из приговора»⁷.

Примечательно, что такой резкий поворот в практике применения норм об освобождении от уголовной ответственности произошел после принятия Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».⁸ Причем, несмотря на то, что это Постановление имеет иную «тематическую» направленность⁹, суды были сориентированы именно на него. Например, в справке по результатам обобщения судебной практики прекращения судами Республики Башкортостан в 2009 г. уголовных дел в связи с примирением сторон и деятельным раскаянием указывалось, что при решении вопроса о том, что понимается под совершением преступления впервые, «...необходимо учитывать разъяснения Пленума Верховного Суда РФ в Постановлении от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (п. 20)».

Аналогичный подход сформирован и в современной практике Верховного Суда РФ при пересмотре решений нижестоящих судов в части назначения наказания с учетом новой редакции ч. 1 ст. 56 УК РФ, установившей запрет на назначение лишения свободы лицу, впервые совершившему преступление небольшой тяжести (при наличии иных указанных в ней условий). Верховный Суд РФ считает, что осуждение по совокупности преступлений не препятствует признанию лица впервые совершившим преступление небольшой тяжести, при том, что реально это лицо совершило данное преступление после, например, особо тяжкого преступления, в т.ч. убийства.

Так, изменяя приговор Ленинградского областного суда от 25 февраля 2013 г., которым Кудрявцев А.В. осужден по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ и по ч. 1 ст. 158 УК РФ, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ мотивировала свое решение следующим: «Вывод суда о назначении наказания в виде лишения свободы за хищение телефона, ввиду совершения Кудрявцевым перед этим убийства Р. необоснован. По смыслу закона, впервые совершившим преступление ... следует считать лицо, совершившее одно или несколько преступлений, ни за одно из которых оно ранее не было осуждено, либо когда предыдущий приговор в отношении него не вступил в законную силу»¹⁰. Еще одно подобное решение, которым Верховный Суд РФ изменил приговор Камчатского краевого суда от 3 февраля 2014 г. в отношении Лякутина А.Э. и Юсова К.С., осужденных за убийство (п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и по ч. 1 ст. 167 УК РФ за умышленное уничтожение чужого имущества, повлекшее причинение значительного ущерба (преступления совершены именно в указанной последовательности — М.К.): «При назначении ... наказания судом было допущено нарушение уголовного закона (Общей части УК РФ). Назначив осужденным ... наказание в виде лишения свободы по ч. 1 ст. 167 УК РФ за преступление

небольшой тяжести, суд не учел положений части 1 статьи 56 УК РФ... Как установлено в приговоре, Лякутин и Юсов совершили преступление небольшой тяжести (ч. 1 ст. 167 УК РФ) впервые...»¹¹.

Верховный Суд РФ также считает, что осуждение по совокупности преступлений не препятствует признанию лица впервые совершившим преступление небольшой тяжести, при том, что реально оно совершило не одно, а многочисленные преступления небольшой тяжести (вариант: и других категорий). К примеру, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ пришла к выводу, что назначенные Сидорову С.О. наказания по пяти преступлениям по ч. 1 ст. 158 УК РФ в виде 1 года лишения свободы и ч. 3 ст. 30 ч. 1 ст. 158 УК РФ в виде 10 месяцев лишения свободы подлежат изменению в силу ст. 10 УК РФ и ч. 1 ст. 56 УК РФ в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ, указав, что «поскольку Сидоров С.О. является лицом, впервые совершившим преступление, ... наказания за данные преступления следует назначить в виде исправительных работ»¹². Как следует из текста определения, Сидоров С.О. осужден за 10 преступлений (из них 6 — небольшой тяжести), которые совершил в период с 17 ноября 2003 г. по 3 июня 2004 г., причем его преступная деятельность носила систематический характер — кражи из автомашин совершались с периодичностью, как правило, один раз в месяц.

Позиция Верховного Суда РФ остается неизменной и в том случае, если в совокупность входит единственное преступление небольшой тяжести, а остальная часть совокупности складывается из значительного количества особо тяжких преступлений.

Например, по приговору Верховного суда Республики Башкортостан от 5 сентября 2012 г. Михайлов С.М. был осужден за совершение 17 преступлений, из них — 2 средней тяжести (на момент постановления приговора) и 15 особо тяжких: по ч. 1 ст. 210 УК РФ; по ч. 4 ст. 228 УК РФ (2 преступления); по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ (2 преступления); по ч. 4 ст. 188 УК РФ (2 преступления); по ч. 1 ст. 30, пп. «а», «г» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ (8 преступлений); по ч. 1 ч. 174.1 УК РФ; по ч. 1 ст. 222 УК РФ. Изменяя приговор, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ мотивировала это следующим: «...В силу ст. 10 УК РФ в отношении осужденного Михайлова подлежит применению новый уголовный закон, а его действия подлежат переквалификации на ч. 2 ст. 174.1 УК РФ (в редакции Федерального закона от 28 июня 2013 года № 134). В соответствии с ч. 1 ст. 56 УК РФ лишение свободы может быть назначено осужденному, совершившему впервые преступление небольшой тяжести, только при наличии отягчающих обстоятельств. Согласно приговору Михайлов совершил впервые преступление небольшой тяжести... Поэтому осужденному следует назначить наказание, не связанное с лишением свободы»¹³.

Не считает Верховный Суд РФ препятствием для признания лица, впервые совершившего преступление, и наличие у него снятой или погашенной

судимости. Показательно в этом отношении дело Калашникова С.Н. Надзорным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 февраля 2014 г. № 44-Д13-30 судебные акты изменены: снижено назначенное по ч. 1 ст. 158 УК РФ наказание, поскольку предусмотренные Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ основания назначения лишения свободы лицу, впервые совершившему преступление небольшой тяжести, отсутствовали, что не было учтено президиумом краевого суда. При этом установлено, что по приговору от 24 марта 2011 г. Колосников С.Н., ранее судимый 18 марта 2008 г. по ч. 1 ст. 159 УК РФ, осужден: за одно преступление — по ч. 1 ст. 158 УК РФ; за 8 преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ; за 4 преступления, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ; на момент совершения им нового преступления 17 ноября 2009 г., за которое он осужден по приговору от 24 марта 2011 г., его судимость по приговору от 18 марта 2008 г. была погашена¹⁴. Как видим, Калашников С.Н., в общей сложности совершивший 14 преступлений, имеющий погашенную судимость по первому приговору, осужденный по второму приговору за 13 преступлений, признан Верховным Судом РФ лицом, впервые совершившим преступление небольшой тяжести (ч. 1 ст. 158 УК РФ).

Обратим внимание еще на один факт — незначительность разницы во времени, во-первых, между постановлением первого приговора (18 марта 2008 г.) и совершением первого (17 ноября 2009 г.) из 13 преступлений, образующих совокупность, которая составляет всего 1 год и 8 мес., во-вторых, между этим преступлением и моментом погашения судимости, равную лишь 2 мес. Данный факт, по нашему убеждению, является бесспорным доказательством стойкой криминальной направленности личности. Однако эта личность волей придаваемого Верховным Судом РФ значения законодательному термину, не имеющему нормативной дефиниции, переводится в разряд «лиц, впервые совершивших преступление». Таких личностей, относимых криминологией к злостному типу преступника, а правоприменительной практикой — к впервые совершившим преступление, даже если судить только по практике Верховного Суда РФ, в России немало. Но, ни количество, ни характер и степень общественной опасности совершенных ими преступлений, ни их частота, ни количество предшествующих судимостей не влияют на позицию Верховного Суда РФ по обозначенному вопросу. Так, изменяя решения нижестоящих судов со ссылкой на ч. 1 ст. 56 УК РФ (в ред. Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ), Верховный Суд РФ признал лицом, впервые совершившим преступление небольшой тяжести:

1) Геттиха А.В., судимого 7 июля 2011 г. по ч. 1 ст. 158 УК РФ, осужденного приговором суда Еврейской автономной области от 2 ноября 2012 г. по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ, п.п. «а», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, ч. 1 ст. 158 УК РФ¹⁵;

2) Зарипова Р.Э., дважды судимого (16 июля 2012 г. по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ; 26 июля 2012 г. по ч. 1 ст. 111 и ч. 1 ст. 161 УК РФ), осужденного приговором Верховного Суда Республики Татарстан от 1 февраля 2013 г. по ч. 1 ст. 158 УК РФ, п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ, пп. «а», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ¹⁶;

3) Соврикова Е.А., трижды судимого (17 января 2006 г. по п.п. «а», «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ; 14 апреля 2006 г. по ч. 3 ст. 158 УК РФ, п.п. «б», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, ч. 1 ст. 158 УК РФ, пп. «а», «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ; 29 мая 2006 г. по пп. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ), осужденного по приговору Калининского районного суда г. Тюмени от 21 февраля 2008 г. по ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 159 УК РФ, а также за совершение 11 преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ, и за совершение 17 преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ¹⁷.

Последний пример — самый показательный, т.к. из него следует, что признать «впервые совершившим преступление небольшой тяжести» можно и человека, который за 2 года трижды осужден за 35 (!) преступлений.

Описанная правоприменительная практика сформировалась, по нашему представлению, под воздействием праворазъяснительной практики Верховного Суда РФ.

В разъяснениях, данных Пленумом Верховного Суда РФ, круг лиц, признаваемых впервые совершившими преступление, последовательно расширялся. Так, в упомянутом Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» в п. 20 разъяснено: «Впервые совершившим преступление... следует считать лицо, совершившее одно или несколько преступлений, ни за одно из которых оно ранее не было осуждено, либо когда предыдущий приговор в отношении его не вступил в законную силу». Однако в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»¹⁸ этому термину придается более широкое значение: помимо указанных выше двух категорий лиц, «впервые совершившим преступление ... следует считать лицо, ... когда ... судимости за ранее совершенные преступления сняты и погашены в установленном законом порядке» (п. 26). Заметим, что в обоих приведенных постановлениях толкование термина «лицо, впервые совершившее преступление», осуществляется применительно к вопросам назначения наказания и только в отношении несовершеннолетних.

Иная трактовка данного термина обнаруживается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»¹⁹, где перечень лиц, образующих его содержание, предстал, наконец, в завершенном виде: «В статьях 75, 76 и 76.1 УК РФ впервые совершившим преступление следует считать, в

частности, лицо: а) совершившее одно или несколько преступлений (вне зависимости от квалификации их по одной статье, части статьи или несколькими статьям Уголовного кодекса Российской Федерации), ни за одно из которых оно ранее не было осуждено; б) предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления не вступил в законную силу; в) предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления вступил в законную силу, но ко времени его совершения имело место одно из обстоятельств, аннулирующих правовые последствия привлечения лица к уголовной ответственности (например, освобождение лица от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности исполнения предыдущего обвинительного приговора, снятие или погашение судимости); г) предыдущий приговор в отношении которого вступил в законную силу, но на момент судебного разбирательства устранена преступность деяния, за которое лицо было осуждено; д) которое ранее было освобождено от уголовной ответственности» (п. 2).

Казалось бы, точка поставлена и неопределенность преодолена, т.к. в УК РФ термин «лицо, впервые совершившее преступление» используется без нормативной дефиниции (определения обозначаемого этим термином понятия), можно считать, что к настоящему времени такая дефиниция сформулирована Пленумом Верховного Суда РФ. И, хотя постановления Пленума официально не признаются источником российского уголовного права, в решениях по конкретным уголовным делам Верховный Суд РФ требует обязательности их учета, например: «При решении вопроса о том, совершены ли перечисленные в п. 1 Постановления об амнистии преступления впервые, судам следует руководствоваться разъяснениями, содержащимися в п. 2 Постановления Пленума ... от 27 июня 2013 г. № 19 „О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности”»²⁰ (попутно заметим, что здесь Верховный Суд РФ ориентирует на учет данного Постановления при решении вопроса об освобождении от наказания).

Не затрагивая теоретико-методологические аспекты дискуссии о признании постановлений Пленума Верховного Суда РФ источником российского уголовного права, зададимся прагматическим вопросом, который вытекает из процитированного выше: какое именно постановление следует считать применимым — первое (2007 г.), второе (2011 г.) или последнее (2013 г.)? Вопрос этот возникает в связи с непоследовательностью позиции Пленума Верховного Суда РФ, сформулировавшего по сути три разные дефиниции термина «лицо, впервые совершившее преступление», т.е. имеющие разное содержание. При том, что самое широкое содержание имеет дефиниция, данная в Постановлении от 27 июня 2013 г., соответствующие ей дополнения не внесены ни в п. 26 Постановления от 1 февраля 2011 г., ни в п. 20 Постановления от 11 января 2007 г. (хотя в последнее Постановление от 3 декабря 2013 г. № 33 изменения вносились).

Столь же непоследовательна и иная праворазъяснительная практика Верховного Суда РФ. Показательно, что в одном и том же источнике (ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению федеральных законов от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ и от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) Верховный Суд РФ по-разному подходит к определению содержания термина «лицо, впервые совершившее преступление», в зависимости от разъясняемой уголовно-правовой нормы, в которой этот термин используется.

Так, упоминавшаяся позиция Верховного Суда РФ отражена в ответе на вопрос 36 (будет ли лицо, освобожденное от уголовной ответственности согласно ст. 76.1 УК РФ, при совершении нового аналогичного преступления считаться совершившим преступление впервые?): «Да, это общее правило. Лицо будет считаться совершившим преступление впервые, т.к. это правило распространяется на весь институт освобождения от уголовной ответственности и исключений не имеется». Вместе с тем при ответе на вопрос 39 применительно к отсрочке исполнения приговора больным наркоманией (вопрос: как следует понимать условие «совершение впервые преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231, ст. 233 УК РФ»?) Верховный Суд РФ занял другую позицию: «Лицо является впервые совершившим одно или несколько преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231, ст. 233 УК РФ, при условии, что ни за одно из них оно не осуждено». При ответе же на вопрос 24, связанный с новой редакцией ч. 1 ст. 56 УК РФ в части запрета на назначение наказания в виде лишения свободы (вопрос: следует ли считать впервые совершившим преступление лицо, у которого снята или погашена судимость?) Верховный Суд РФ, как представляется, отождествляет его с термином «лицо, не имеющее судимости», что видно по скобочному уточнению: «...лицо будет считаться впервые совершившим преступление (не имеющим судимости)».

Таким образом, по результатам анализа правоприменительной и праворазъяснительной практики можно сделать ряд выводов.

Во-первых, за годы действия УК РФ судебное толкование термина «лицо, впервые совершившее преступление», было изменчивым, что негативно сказывалось на формировании единой практики применения, прежде всего, норм об освобождении от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. Отсутствие же единой практики по уголовным делам своим итогом имеет нарушение принципов законности (ч. 1 ст. 3) и равенства граждан перед законом (ст. 4).

Во-вторых, усилиями Верховного Суда РФ к настоящему времени выработан определенный подход к определению содержания термина «лицо, впервые совершившее преступление». Данный подход, с одной стороны, нельзя признать единым, с другой стороны, он может быть охарактеризован как «широкий», т.к. он позволяет признать впервые совершившим преступление, в т.ч. и человека, относимого криминологией к злостному типу преступника.

В-третьих, законодательная новация в части введения в ст. 56 УК РФ запрета на назначение наказания в виде лишения свободы лицу, впервые совершившему преступление небольшой тяжести (при наличии иных указанных в ней условий), имеет своим последствием обременение уголовного судопроизводства функцией пересмотра судебных решений по уголовным делам. Как можно судить хотя бы по практике Верховного Суда РФ, с 2012 г. идет массовое приведение приговоров в соответствие с действующим законодательством (новая редакция ч. 1 ст. 56) при назначении наказания осужденному, в том числе приговоров, постановленных достаточно давно (по изученным судебным решениям — это 2004–2006 гг.). Понятно, что такая практика основана на правиле об обратной силе уголовного закона, улучшающего положение лица, совершившего преступление, в т.ч. отбывающего или отбывшего наказание, но имеющего судимость, содержащемся в ст. 10 УК РФ. Но ведь допустимость применения ст. 10 УК РФ в приведенных выше и подобных случаях основана не на прямом предписании уголовного закона, а на широком понимании Верховным Судом РФ содержания термина «лицо, впервые совершившее преступление». Как отмечает Конституционный Суд РФ, «правосудие по своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и гарантирует эффективное восстановление в правах ... судебное решение подлежит пересмотру, если какое-либо новое или вновь открывшееся обстоятельство либо выявленные существенные нарушения, допущенные в ходе предыдущего разбирательства, неоспоримо свидетельствуют о наличии судебной ошибки, поскольку такое решение не отвечает требованиям справедливости»²¹. Сомнительно, однако, что можно считать неоспоримой судебной ошибкой несовпадение позиций Верховного Суда РФ и нижестоящих судов в подходах к толкованию законодательного термина, не имеющего в УК РФ нормативной дефиниции.

Как видим, правоприменительная и праворазъяснительная практика базируются не на общеупотребительном, а на юридическом понимании содержания термина «лицо, впервые совершившее преступление». При этом, хотя он и является термином материального уголовного права, заметное влияние на придаваемое ему значение оказывает право уголовно-процессуальное. Основным препятствием процессуального характера для учета предшествующего преступления (или преступлений) является принцип презумпции невиновности, закрепленный в ст. 14 УПК РФ: «Обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда». Тем самым, помимо обстоятельств материально-правового характера (снятие и погашение судимости, устранение преступности деяния, истечение сроков давности) в содержании термина «лицо, впервые совершившее преступление» отражается юридическая значимость отсутствия состоявшегося

факта осуждения за ранее совершенное преступление и вступившего в законную силу обвинительного приговора суда.

Однако следует иметь в виду, что при таком подходе не обеспечивается выполнение профилактической задачи российского уголовного права, нормативно закрепленной в ч. 1 ст. 2 УК РФ. Данный вывод в большей степени касается норм об освобождении от уголовной ответственности, в условия применения которых включено совершение лицом соответствующего преступления впервые (ст. 75, 76, 76¹, примечания к ст. 127¹, 198, 199, 337, 338). Как видно из приведенных цитат из судебных решений и актов толкования, указанный подход позволяет освобождать от уголовной ответственности одно и то же лицо бесчисленное количество раз. Единственным препятствием является наличие у этого лица не снятой и не погашенной судимости. И если принятие отрицательного решения — о неприменении норм, предусмотренных ст. 75, 76, примечаниями к ст. 337, 338 УК РФ, — все же возможно с учетом фактического совершения лицом предшествующего преступления (или преступлений), т.к. эти нормы допускают усмотрение правоприменителя, то в остальной части ситуация иная. Императивность норм об освобождении от уголовной ответственности по ст. 76¹ и примечаниям к ст. 127¹, 198, 199 УК РФ обязывает правоприменителя предоставить эту самую большую по меркам уголовного права льготу, в т.ч. и лицу, фактически совершившему указанное в них преступление не впервые. Кроме того, условие о совершении лицом преступления впервые распространяется на строго фиксированный, ограниченный круг преступлений, обозначенных в ст. 76¹ и в примечаниях к ст. 127¹, 198, 199 УК РФ, из чего следует, что предшествующее совершение лицом иных преступлений не является препятствием для освобождения от уголовной ответственности. Даже наличие у лица не снятой и не погашенной судимости за иные преступления по буквальному смыслу ст. 76¹ и примечаний к ст. 127¹, 198, 199 УК РФ государство не волнует.

В последние годы ситуация усугубляется тем, что широкое понимание значения термина «лицо, впервые совершившее преступление» стало сочетаться с необязательностью такого условия освобождения от уголовной ответственности, как позитивное посткриминальное поведение. Так, примечанием 2 к ст. 199 УК РФ прямо допускается возможность возмещения ущерба, причиненного бюджетной системе РФ, не самим лицом, совершившим преступление, предусмотренное ст. 199 или 199¹, а организацией-налогоплательщиком, что на практике стало достаточно распространенным явлением²². Кроме того, с принятием Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», появилось новое правило, изменяющее содержание одного из нормативно установленных условий для освобождения от уголовной ответственности по ст. 75, 76, ч. 2 ст. 76¹ УК РФ, — возмещение ущерба и (или) заглаживание причиненного вреда

лицом, совершившим преступление. В названных статьях при формулировании данного условия обозначено именно лицо, совершившее преступление, но в п. 3 Постановления Пленум указал: «Возмещение ущерба и (или) заглаживание вреда (ст. 75–76.1 УК РФ) могут быть произведены не только лицом, совершившим преступление, но и по его просьбе (с его согласия или одобрения) другими лицами, если само лицо не имеет реальной возможности для выполнения этих действий».

Заметим, наконец, что широкое понимание значения термина «лицо, впервые совершившее преступление», выглядит весьма нелогично в совокупности с таким обязательным условием освобождения от уголовной ответственности (ст. 75 УК РФ) и от наказания (ст. 80¹ УК РФ), как утрата лицом общественной опасности, особенно — в контексте ст. 80¹ УК РФ, предусматривающей освобождение от наказания в императивной форме, что не допускает усмотрение суда в ее неприменении с учетом предшествующих «юридически незначимых» преступлений, фактически совершенных лицом, возможно, — и многократно.

Еще в большей степени нелогичность широкого понимания значения термина «лицо, впервые совершившее преступление», проявляется в контексте системной взаимосвязи уголовного и иных отраслей права. Так, в российском неуголовном законодательстве для лиц, имеющих снятую или погашенную судимость либо подвергающихся или подвергавшихся уголовному преследованию (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям), установлен целый ряд ограничений и запретов в сфере госслужбы, трудовых, семейных, избирательных прав, осуществления предпринимательской, общественной деятельности и т.п.

В итоге сегодня в России складывается парадоксальная ситуация: если по нормам самой репрессивной отрасли права человеку, неоднократно совершавшему преступления, в т.ч. и ранее судимому, но по формальным основаниям не считающемуся таковым, положена льгота — «награда», то нормами иных отраслей права, регулирующих позитивные общественные отношения, для него установлено немало негативных последствий. Причем эти ограничения и запреты, составляющие негативные последствия, вводились в российское неуголовное законодательство в период 1999–2014 гг. Особенно активно это происходило в 2010–2011 г., т.е. примерно в то же самое время, когда в УК РФ столь же активно вводились новые льготные правила назначения наказания, освобождения от уголовной ответственности и от наказания для «лица, впервые совершившего преступление».

Такое хронологическое совпадение, а также все изложенное выше наводят на мысль, что законодатель использует в УК РФ анализируемый термин совсем не в том значении, которое придается ему Верховным Судом РФ. Однако это лишь предположение. Но в любом случае настало время, когда сам законодатель и только он должен четко и ясно выразить свою

позицию, дав в уголовном законе нормативное определение понятия, обозначаемого термином «лицо, впервые совершившее преступление». При ее формулировании нужно иметь в виду два очень важных момента.

Первый. Даже одно неудачное слово законодателя в уголовном законе может стать детерминантой большой проблемы в сфере противодействия преступности, что доказала многолетняя практика использования в УК РФ термина «лицо, впервые совершившее преступление», без нормативной дефиниции. К настоящему времени значение этого термина, которое придается ему правоприменительной и праворазъяснительной практикой, становится фактором, во-первых, затрудняющим решение одной из основных задач уголовного права — предупреждение преступлений и, более того, обуславливающим воспроизводство преступности, во-вторых, затрудняющим реализацию основного предназначения уголовного судопроизводства путем его обременения функцией пересмотра судебных решений по уголовным делам.

Второй. Не стоит возводить в культ юридические презумпции (презумпция невиновности) и фикции (фикция несудимости при погашении или снятии судимости), что вполне возможно с учетом опыта российского неуголовного законодательства. Да, презумпция невиновности имеет не только отраслевой (ст. 14 УПК РФ), но и конституционно-правовой (ст. 49 Конституции РФ), и международно-правовой статусы (ст. 11 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., ст. 14 Международного пакта «О гражданских и политических правах» 1966 г.). Да, частью 6 ст. 86 УК РФ определено, что погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, связанные с судимостью. Но они (и презумпция, и фикция) являются своеобразными преградами от негативных последствий для обвиняемого либо осужденного, поэтому, как думается, не применимы к нашему случаю. Не следует забывать, что в данной ситуации речь идет не о каких-то негативных последствиях, а о льготах — «наградах», и, как известно, в жизни человеку их нужно заслужить своим поведением, естественно, не преступным.

¹ Подробнее об этом см.: Дуюнов В.К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации: дис. ... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2001; Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004; Бавсун М.В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2013.

² Типология преступников по глубине и стойкости антисоциальной направленности (по степени общественной опасности) приводится по: Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник: в 2 т. Т. I. Общая часть. М., 2011. С. 660; Криминология: учебник для вузов / под ред. В.Д. Малкова. М., 2006. С. 93–94; Богуш Г.И., Ведерникова О.Н., Голоднюк М.Н. и др. Криминология: учебное пособие / науч. ред. Н.Ф. Кузнецова. М., 2010. С. 70–71.

³ См., например: Обзор Главного следственного управления Федеральной службы налоговой полиции от 30 июня 2000 г.; Обзор судебной практики прекращения военными судами уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим и деятельным раскаянием: утвержден постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 1 июня 2005 г. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Справка по результатам обобщения судебной практики прекращения судами Республики Башкортостан в 2009 г. уголовных дел в связи с примирением сторон и деятельным раскаянием: подготовлена Судебной коллегией по уголовным де-

лам Верховного суда Республики Башкортостан, обсуждена и одобрена на заседании Президиума Верховного суда Республики Башкортостан 21 июля 2010 г. URL: http://vs.bkr.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=811 (дата обращения: 22.08.2014).

⁴ Ответ на вопрос № 36 / Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению федеральных законов от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 июня 2012 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 11.

⁵ Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 апреля 2009г. № 16-О09-11. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 4. С. 7–15.

⁹ Как известно, все постановления Пленума Верховного Суда РФ имеют «тематический» характер, т.е. каждое постановление принимается по строго определенным вопросам судебной практики, обозначенным в его заголовке.

¹⁰ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30 мая 2013 г. № 33-АПУ13-3. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 7 мая 2014г. № 60-АПУ14-6 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16 марта 2012 г. № 5-Д12-16. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 апреля 2014 г. № 49-014-4. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴ Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 6 марта 2013 г. № 65-О13-2. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁶ См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16 апреля 2013 г. № 11-АПУ13-4. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁷ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 6 марта 2014 г. № 89-УД14-1. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁸ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4. С. 2–10.

¹⁹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

²⁰ Обзор судебной практики по применению Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии». Утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 4 декабря 2013 г. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива „Содействие“, общества с ограниченной ответственностью „Карелия“ и ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 22, ст. 2194.

²² Подробнее об этом см.: Кострова М.Б. «Фискальная» функция уголовного права как результат гуманизации уголовной политики Российской Федерации? // Библиотека криминалиста. 2014. № 3(14). С. 60–62.

Н.А. Лопашенко*

ПЕНАЛИЗАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕРЕЗ АНАЛИЗ ИХ САНКЦИЙ

Теоретическим проблемам санкций (понятию, выделению видов, принципам построения, и т.д.) в науке уголовного права уделяется достаточное внимание¹. Санкции конкретных преступлений изучены гораздо меньше, а ведь в них, по справедливому замечанию А.В. Наумова, аккумулируется «законодательская оценка характера и степени опасности запрещенного законом деяния»². Справедливость уголовно-правового запрета не в малой, если не в значительной степени зависит от справедливости санкций, установленных за то или иное деяние (справедливости пенализации, которая, конечно, является более широким понятием, но включает в себя санкции в качестве стержня наказания за конкретное преступление). Справедливость наказания за преступления в сфере экономической деятельности — несомненно, важна для оценки справедливости всего уголовного закона. Попробую ее оценить, опираясь, в основном, не на субъективную составляющую справедливости, а на некоторые объективные ее показатели.

Всего в этой главе насчитывается 105 санкций в 46 статьях; соответственно, 57 санкций — это санкции основного состава экономического преступления, 48 санкций относятся к квалифицированным и особо квалифицированным составам.

Поскольку преступления в сфере экономической деятельности относятся к разным по степени общественной опасности деяниям, то и наказание за них предусмотрено разное. Если смотреть санкции по количеству основных видов наказания, которые возможно назначить, то получим следующую картину: с одним основным видом наказания — 11 санкций, с двумя — 21, с тремя — 51, с четырьмя — 13, с пятью — 8, с шестью — 1.

Таким образом, в подавляющем своем большинстве санкции за преступления в сфере экономической деятельности относятся к альтернативным по видам наказания, т.е. у суда есть выбор, какое наказание в данном случае более других будет эффективно.

Альтернативные по видам наказаний санкции свидетельствуют также о том, что большинство преступлений в этой сфере не являются тяжкими.

Следует заметить, в то же время, что выбор наказания — необходимый для назначения справедливого наказания — не может быть бесконечным; не красит уголовный закон вариации из пяти, а в одном случае — и из шести видов основного наказания. В российской системе уголовных наказаний сегодня 13 видов, один из которых может быть только дополни-

* Лопашенко Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

тельным. Соответственно, 12 могут назначаться как основные наказания. Если исключить воинские наказания, специфические и ориентированные на специального субъекта, то получим 10 видов возможного наказания. Смертная казнь, входящая в систему наказаний, как известно, давно уже не применяется в России. Пожизненное лишение свободы имеет ограниченную тяжестью наказания сферу применения (устанавливается за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, а также за совершение особо тяжких преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, общественной безопасности, половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста), и по главе 22 УК назначена быть не может.

Соответственно, реально возможны в отношении преступлений в сфере экономической деятельности 8 видов основного наказания (все они и предусмотрены в санкциях). И когда из них пять или даже шесть (то есть гораздо больше половины, почти все) есть в конкретной санкции, то ничего, кроме как осложнения работы суда и дополнительных коррупциогенных факторов, мы не получим³. А о криминогенности таких санкций говорить, к сожалению, нужно: разница между штрафом до двухсот тысяч и лишением свободы до трех лет, как в санкции ч. 3 ст. 195 УК, понятна любому человеку. Верно отмечает Е.А. Иванченко: «Широкий набор наказаний в альтернативно построенных санкциях порождает субъективизм, а значит, и разбой в карательной практике государства. В частности, о каком равенстве граждан перед законом может идти речь, если зачастую вид наказания и его величина зависят не от закона, а от усмотрения судьи»⁴.

Безальтернативные (иногда их называют абсолютно определенные по виду наказания) санкции имеют достаточно широкое распространение в преступлениях в сфере экономической деятельности — их 11 из 105, то есть 10,5%. Безальтернативная санкция разумно избирается для составов тяжких и особо тяжких преступлений, в отношении которых, как правило, предусматривается наказание в виде лишения свободы (некоторые особо тяжкие преступления тоже могут быть по санкциям альтернативными, поскольку содержат наряду с лишением свободы на определенный срок пожизненное лишение свободы и не применяющуюся ныне смертную казнь, однако в гл. 22 УК санкций с таким наказанием нет). Посмотрим, за какие преступления здесь установлены безальтернативные по видам наказания санкции.

К числу безальтернативных по гл. 22 УК санкций по основному наказанию следует отнести санкции за преступления:

небольшой тяжести — ч. 1 ст. 174, ч. 1 ст. 174.1 (единственное наказание — штраф);

средней тяжести — ч. 2 ст. 193, ч. 2 ст. 193.1 (везде — лишение свободы);

тяжкие — ч. 2 ст. 179, ч. 3 ст. 189, ч. 3 ст. 193.1, ч. 3 ст. 194 (везде — лишение свободы);

особо тяжкие — ч. 2 ст. 186, ч. 3 ст. 186, ч. 4 ст. 194 (везде — лишение свободы).

Не вызывает никаких вопросов последняя категория. По тяжким преступлениям с позицией законодателя, в принципе, тоже можно согласиться, однако не совсем понятно, какими соображениями он руководствовался при внесении в санкции главы вновь появившегося наказания в виде принудительных работ (оно есть во многих составах с лишением свободы, но, по неизвестным мне причинам и без всякой логики не предусмотрено в санкциях выше названных тяжких экономических преступлений).

Нельзя согласиться с санкциями за преступления средней тяжести. Оба относятся к совершенно, на мой взгляд, искусственным составам, с излишней криминализацией, и коль скоро сам законодатель считает эти валютные деяния не слишком опасными, относя к категории нетяжких преступлений, установление за них только лишения свободы, безальтернативно, нарушает права лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за подобные деяния, по сравнению с другими экономическими преступлениями. По меньшей мере, в этих санкциях (коль скоро эти преступления необходимы, по мнению законодателя) должны бы были появиться принудительные работы или другое наказание, не связанное с лишением свободы.

И уже совсем безобразными и позорящими уголовное законодательство смотрятся санкции за легализацию преступных доходов. Мне не раз приходилось об этом писать, говорили об этом и другие исследователи⁵. За неотягощенную квалифицирующими признаками легализацию законодатель предусмотрел только одно уголовное наказание — штраф до ста двадцати тысяч рублей. При том, что по первым частям ст. 174 и 174.1 возможна легализация на сумму до полутора миллионов рублей. Едва ли такое наказание может хоть кого-то удержать от совершения преступления, зато путь к уходу (фактическому) от ответственности прекрасно рисует — следует отмывать суммы менее полутора миллионов, чтобы не сильно рисковать. Больше того, фактически, в случае злостного уклонения виновного от выплаты назначенного штрафа, оно останется безнаказанным, в силу того, что заменить его ничем — нет в статье никаких других наказаний, а замена штрафа лишением свободы в этом случае невозможна по закону (см. ч. 5 ст. 46 УК)⁶.

Относясь сильно критически к необходимости установления уголовной ответственности за вторую легализацию (совершенную лицом — субъектом первичного преступления, см. в анализе составов), считаю, в то же время, что здесь — для превенции — следовало бы избрать «неудобные» для виновных наказания, такие, как обязательные работы или исправительные работы (хотя превентивный эффект первых, на мой взгляд, значительно выше). Видя подобные существующей сегодня в ч. 1 ст. 174 и ч. 1 ст. 174.1 УК санкции, не могу избавиться от мысли о пролоббированности их, с учетом еще и того, что Государственная Дума упорно не замечает явные огрехи законодательства, не смотря на неоднократные попытки ученых указать на них.

Эти санкции, конечно, должны быть «утяжелены», возможно, и путем предлагаемого в науке указания на альтернативное лишение свободы⁷.

Посмотрим теперь на общую картину распределения основных видов наказания в санкциях гл. 22 УК. Сейчас в этой главе, напомним, 57 основных составов преступлений. Превазирует в санкциях штраф (он есть в 52 из 57 составах, то есть в 91,2%), за ним следуют лишение свободы (оно есть в 46 из 57 составах, т.е. в 78,9%) и принудительные работы (оно есть в 44 составах, или в 80,7%). При этом обращает на себя внимание несоответствие количества принудительных работ с количеством лишения свободы: первых меньше. Встречаемость других основных наказаний: обязательные работы — 26,3%, исправительные работы и арест — по 19,3%, ограничение свободы — 10,5%, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью — 5,3%.

Не предусматривают самого карательного (для этих экономических преступлений) наказания — срочного лишения свободы — всего 11 санкций основных составов, или 19,3% (ч. 1 ст. 169, 170, ч. 1 ст. 171, ч. 1 ст. 173.2, ч. 1 ст. 174, ч. 1 ст. 174.1, ч. 1 ст. 180, ч. 2 ст. 180, ч. 1 ст. 185, ст. 185.1, ч. 1 ст. 200.1), все преступления, за которые они не назначаются, — небольшой тяжести. Хотя общее количество преступлений небольшой тяжести в гл. 22 УК — 47.

В квалифицированных составах преступлений, т.е. тех, которые содержат отягчающие к основному составу обстоятельства, картина по распределению наказаний несколько иная. Превазирует здесь срочное лишение свободы (оно есть в 47 санкциях из 48, т.е. в 97,9%). Единственная санкция квалифицированного состава без лишения свободы — санкция ч. 2 ст. 200.1 УК. Далее наказания расположились в такой последовательности: принудительные работы — в 37 санкциях (77,1%); штраф — в 24 санкциях (50%); обязательные работы в 3 санкциях (6,3%); арест и ограничение свободы — каждый в 2 санкциях (4,2%); лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и исправительные работы — каждый в 1 санкции (2,1%). То есть жесткость санкций за квалифицированные виды составов преступлений в сфере экономической деятельности более высока, нежели за основные составы, что вполне, в принципе, оправданно.

Еще раз хотела бы вернуться к карательному потенциалу санкций гл. 22 УК. Из проведенного анализа прекрасно видно, что лишение свободы — самое строгое наказание — занимает самую верхнюю позицию, то есть встречается в санкциях преступлений в сфере экономической деятельности чаще других наказаний. С учетом того, что преступное поведение здесь — это отклоняющееся поведение в экономической сфере, влекущее, в основном, экономические последствия, карательность санкций, на мой взгляд, чрезмерна. Даже при том, что штраф, как основное имущественное наказание, тоже достаточно представлен в санкциях.

Поэтому позволю себе не согласиться с И.М. Мацкевичем, который, анализируя уголовную политику последних лет, пишет: предпринимателям теперь «фактически не грозит наказание в виде лишения свободы, поскольку в отношении их предусмотрены иные альтернативные виды наказания: принудительные работы, обязательные работы, штраф, запрет занимать определенные должности». И далее — «в результате такой декриминализации предприниматели оказались в более выгодных условиях, чем обычные граждане»⁸. Как видим, в результате реформ последних лет (безобразных и свидетельствующих об отсутствии точно понимаемых стратегических задач уголовной политики в России, соглашусь с уважаемым автором), ничего особенно принципиально с наказанием в отношении экономических преступников не поменялось: лишение свободы — самое пространенное наказание; принудительные работы, тоже, между прочим, достаточно жесткое наказание, в действие не введено и непонятно, будет ли введено; обязательные работы встречаются лишь в 18 из 105 санкций; а запрет занимать определенные должности — и вообще — в 4 из 105.

Несколько слов о дополнительных наказаниях. В гл. 22 УК встречаются три вида дополнительных наказаний: штраф (в 52 санкциях), лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (в 32 санкциях) и ограничение свободы (в 8 санкциях). Таким образом, превалирует штраф. При этом в 12 санкциях он может быть очень большим — достигать одного миллиона рублей (ч. 2 ст. 172, ч. 4 ст. 174, ч. 2 ст. 186, ч. 3 ст. 186, ч. 2 ст. 187, ч. 3 ст. 189, ст. 190, ч. 2 ст. 193, ч. 2 ст. 193.1, ч. 3 ст. 193.1, ч. 3 ст. 194, ч. 4 ст. 194).

Закон предусматривает возможность назначения двух, а в ряде случаев — даже трех видов дополнительных наказаний (см. ч. 3 ст. 174, ч. 4 ст. 174, ч. 3 ст. 174.1, ч. 4 ст. 174.1). Категорически нельзя согласиться с такой структурой санкции, даже если эти дополнительные виды наказаний не отнесены к обязательным по конкретным санкциям. Карательность санкции вырастает, и значительно, в том случае, если кроме основного наказания, даже не связанного с лишением свободы, может быть назначено еще и дополнительное. А уж коль скоро таких дополнительных наказаний два, а то и три, - карательность санкции растет в геометрической прогрессии. С одновременным усилением криминогенности нормы.

И еще об одном здесь же. В трех санкциях гл. 22 УК (ч. 2 ст. 183, ч. 3 ст. 183, ч. 1 ст. 185.5 УК) лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью предусмотрено в качестве дополнительного наказания к наказанию, стоящему до него в системе наказаний, — к штрафу⁹. Таким образом, дополнительное наказание является более строгим, нежели наказание основное. При этом во всех отмеченных санкциях дополнительное наказание является обязательным к применению; суд, избирая штраф в качестве основного наказания, должен назначить и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Такого перекоса быть не должно. Если

законодатель считает, что более мягкое наказание в качестве основного не эффективно в отношении какого-либо отклоняющегося поведения, то следует отказаться от него, использовать более строгие виды основного наказания, тем более, что выбрать есть из чего. Присоединение же к менее строгому основному наказанию более строгого дополнительного, ведет к умножению карательности санкции с одновременным нарушением правил построения санкций норм.

Дадим теперь характеристику конкретным основным наказаниям, применяемых за преступления в сфере экономической деятельности.

В главе встречаются девять разных по максимальной границе видов штрафа, при этом 7 — в основных составах и 6 в квалифицированных. Кроме того, появилась ст. 200.1 УК с кратным выражением штрафа в санкциях.

Самый распространенный размер штрафа за преступления в сфере экономической деятельности — до 500 тысяч рублей. В литературе высказано мнение о том, что штрафы за преступления в сфере экономической деятельности занижены, о необходимости повышения размеров штрафов и переходе на кратные штрафы, размер которых будет зависеть окончательно от того ущерба, который был причинен преступлением¹⁰. Перейти-то, конечно, можно. Но мы уже столкнулись с массовым неисполнением кратных штрафов по взяточничеству — неоткуда брать деньги, хоть новые преступления совершай...

По штрафу, по сравнению с другими наказаниями, довольно часто законодатель указывает не только максимальный, но и минимально возможный для данного конкретного случая предел. Варианты штрафных санкций с минимумом и максимумом следующие:

от 100 до 300 тыс. - ч. 2 ст. 171.1, ч. 1 ст. 172, ч. 1 ст. 173.1, ч. 1 ст. 173.2, ч. 2 ст. 176, ч. 1 ст. 185, ст. 197, ч. 1 ст. 198, ч. 1 ст. 199, ч. 1 ст. 199.1 (10 санкций);

от 100 до 500 тыс. - ч. 2 ст. 171, ч. 2 ст. 185, ч. 2 ст. 185.5, ч. 1 ст. 189, ч. 1 ст. 194, ч. 1 ст. 195 (6 санкций);

от 200 до 500 тыс. - ч. 2 ст. 181, ч. 2 ст. 191.1, ч. 1 ст. 193, ч. 1 ст. 193.1, ст. 196, ч. 2 ст. 198, ч. 2 ст. 199, ч. 2 ст. 199.1, ст. 199.2 (9 санкций);

от 300 до 500 тыс. - ч. 2 ст. 173.1, ч. 2 ст. 173.2, ч. 1 ст. 178, ч. 1 ст. 184, ч. 3 ст. 184, ч. 1 ст. 185.2, ч. 1 ст. 185.3, ч. 2 ст. 185.4, ч. 1 ст. 185.6, ч. 2 ст. 194 (10 санкций);

от 300 тыс. до 1 млн. - ст. 172.1;

от 400 до 800 тыс. - ч. 4 ст. 171.1;

от 500 тыс. до 1 млн. - ч. 3 ст. 180, ч. 2 ст. 184, ч. 4 ст. 184, ч. 2 ст. 185.3, ч. 2 ст. 185.6 (5 санкций);

от 500 тысяч до 1,5 млн. - ч. 3 ст. 191.1.

Согласиться с разницей между минимумом и максимумом в размерах, начиная от пятисот и выше тысяч и, тем более, одного миллиона рублей — нельзя. Такие вариации обладают повышенной криминогенностью.

Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью — самое редкое основное наказание среди наказаний за преступления в сфере экономической деятельности. Оно встречается всего в 4 санкциях. Думаю, вместе с тем, что сфера его применения вполне могла бы быть расширена: в главе много составов, которые совершаются, если не специальным субъектом, то субъектом, осуществляющим какую-либо деятельность, правила и запреты которой они сознательно нарушают. Такой же позиции придерживается, например, Э.В. Густова, которая справедливо, на мой взгляд, отмечает: «По меньшей мере, нелогичным выглядит предоставление возможности индивидуальному предпринимателю продолжать заниматься предпринимательской деятельностью после совершения таких преступлений, как незаконное предпринимательство, преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство и т.д.»¹¹. А.М. Валеевым вообще предложено ввести в УК новый, по сути, вид наказания, в том числе, для целей гл. 22 УК: пожизненное лишение права на занятие определенной деятельностью или должности (абсолютное поражение в правах)¹², с чем вряд ли можно согласиться. Подобные наказания не оставляют ни малейших шансов институту уголовного наказания в достижении тех целей, которые перед наказанием стоят. Это, скорее, клеймирование, чем наказание.

Обязательные работы предусмотрены 18-ью санкциями гл. 22 УК. Закон знает три варианта их продолжительности: до 240, 360 и 480 часов. При этом ограничение минимального срока есть в трех санкциях: от 180 до 240 час. Обязательные работы могут быть назначены по ч. 1 ст. 171.2, ч. 2 ст. 173.1, ч. 1 ст. 173.2 УК. Думаю, что и этого наказания могло бы быть в экономических преступлениях больше, с учетом их невысокой степени тяжести, в большинстве своем.

Исправительные работы есть всего в 12 санкциях преступлений в сфере экономической деятельности. С учетом того специфики преступлений — они совершаются в сфере экономической деятельности и с нею связаны — назначить исправительные работы в этой же области не слишком правильно, видимо. Поэтому здесь тот случай, когда с законодателем можно согласиться.

Ограничение свободы предусмотрено лишь в 9 санкциях из 105 санкций преступлений в сфере экономической деятельности, при этом только в одной имеет нижнюю границу, специально обозначенную в самой санкции, не в Общей части, - от 1 года до 3 лет ограничения свободы может быть назначено по ч. 2 ст. 176 УК. Этого вида наказания в экономических преступлениях тоже, в принципе, могло бы быть больше.

Принудительные работы — очень распространенный в экономических преступлениях вид наказания (есть в 81-й санкции), но он пока еще не применяется на практике, как известно, и неизвестно, будет ли применяться.

Анализируя санкции с принудительными работами, обратила внимание, что далеко не всегда принудительные работы совпадают по срокам с лишением свободы, взамен которого они должны применяться, последнее — больше.

Иногда это несовпадение составляет два года (например, в ч. 3 ст. 170.1, ч. 4 ст. 174.1 и др. УК). Запретов в законодательстве нет, единственная оговорка в ст. 53.1 УК — тяжкое преступление должно быть совершено лицом впервые.

Хотя есть в гл. 22 УК в отношении этого вида наказания и прямое нарушение уголовно-правовой нормы Общей части. Введенная в УК в июне 2013 г. ст. 200.1 «Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов» в обеих своих частях предусматривает принудительные работы, в том время, как лишение свободы в них отсутствует. Между тем, в ч. 1 ст. 53.1 УК говорится: «Принудительные работы применяются как альтернатива лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса, за совершение преступления небольшой или средней тяжести либо за совершение тяжкого преступления впервые». Можно сделать два вывода из этого: 1) даже в случае вступления в действие принудительные работы не смогут быть применены по этой статье; соответственно, сократится вариативность наказаний по ней; 2) квалификация разработчиков указанного закона, равно, как и всей Государственной Думы РФ, а также других государственных органов, через которые проходило принятие закона, оставляет желать лучшего, к сожалению.

Арест встречается в 13 санкциях преступлений в сфере экономической деятельности. Кажется, уже ни для кого не секрет, что это наказание никогда не вступит в законную силу: нет на это денег в государстве. Поэтому более не анализирую.

Что касается срочного лишения свободы, то в гл. 22 УК предусмотрено 11 различных по срокам вариантов данного наказания, 7 из которых встречаются в санкциях основных составов преступлений, 8 — в квалифицированных составах.

Самый распространенный срок лишения свободы по составам преступлений в сфере экономической деятельности — до пяти лет.

Теперь — о самой большой проблеме санкций преступлений в сфере экономической деятельности, - об отсутствии минимальных границ срока. Из 93 санкций с лишением свободы, минимальная граница указана только в 7 санкциях, с таким распределением по срокам:

- от 2 до 4 лет — ч. 1 ст. 185.6;
- от 2 до 6 лет — ч. 2 ст. 185.6;
- от 3 до 7 лет — ч. 3 ст. 170.1, ч. 3 ст. 189;
- от 5 до 10 лет — ч. 3 ст. 193.1, ч. 3 ст. 194;
- от 7 до 12 лет — ч. 4 ст. 194.

Таким образом, в 86 санкциях нижний предел лишения свободы определяется в соответствии с ч. 2 ст. 56 УК; он равен 2 месяцам.

Но если по преступлениям небольшой тяжести нижняя граница не нужна, в связи с малой вариативностью, определяемой верхней границей лишения свободы, которое может быть назначено за преступления этой

категории (три года), то по всем остальным она, без сомнения, нужна. Это понятно всем, кроме законодателя. Так, еще в 2002 г. И.А. Нечаева отмечала в отношении санкций за преступления в сфере экономической деятельности: «широкий диапазон границ наказаний в санкциях уголовно-правовых норм неизбежно приводит к широкому судейскому усмотрению, что чревато опасными последствиями»¹³. Об этом же и тогда же писала и И.Н. Бокова, подчеркивая по санкциям с открытой нижней границей, что вариативность наказания получается чрезмерной¹⁴. Но ситуация с санкциями на тот момент была, по сравнению с днем сегодняшним, просто-таки благополучная.

Варианты возможных сроков лишения свободы не могут быть бесконечными, или к бесконечности приближающимися; подобные санкции криминогенны. А уж если они составляют 8 лет (как в ч. 1 ст. 186, ст. 190 УК), или 10 лет (как в ч. 2 ст. 179 УК), или 12 лет (как в ч. 2 ст. 186 УК), или вообще — 15 лет (как в ч. 3 ст. 186 УК), то говорить о справедливости таких санкций не приходится. Уголовный закон они явно не красят.

Не имея возможности проанализировать все санкции гл. 22 УК подробно, да и не ставя себе такой цели, тем не менее, хотела бы коротко остановиться на тех несуразностях в построении санкций, которые бросаются в глаза (дополнительно к тем, о которых выше уже говорила).

Так, в санкциях ч. 1 и ч. 2 ст. 173.1 УК законодатель явно перепутал, какие работы куда должны быть помещены: обязательные работы, более мягкий вид наказания, предусмотрен в санкции квалифицированного состава; принудительные работы — в санкции простого состава¹⁵. Логика в таком построении санкций нет.

Еще раз, дополнительно, возвращаюсь к санкциям за легализацию преступных доходов. Чрезмерно мягкое наказание, установленное в простом составе ст. 174 и ст. 174.1 УК, не исчерпывают либерализма законодателя по отношению к этой категории преступников: во второй части и одного, и второго составов в качестве дополнительного наказания предусматриваются штрафы, аж до 50 тыс. рублей. Объяснить такое либеральное отношение невозможно ничем.

В ч. 3 ст. 178 УК за особо квалифицированные недопущение, ограничение или устранение конкуренции установлено дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, в то время как отягчающим обстоятельством выступает насилие или угроза его применения, на которые обычно законодатель реагирует другими видами дополнительного наказания — ограничением свободы и (или) штрафом. Следовало бы их предусмотреть и здесь, тем более, что во второй части есть штраф в качестве дополнительного наказания. Почему он отсутствует в части третьей — никому неизвестно.

В отношении этой же статьи, а также по некоторым другим санкциям следует заметить, что разница между простым и квалифицированным составом или между квалифицированным и особо квалифицированным

практически отсутствует. Так, наказание между ч. 2 и ч. 3 ст. 178 УК по принудительным работам абсолютно идентично (до пяти лет); по дополнительному наказанию к этому виду основного наказания — почти идентично — и в одном, и в другом случае максимум лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью составляет три года. См. также ч. 2 ст. 187¹⁶, ч. 2 ст. 191 УК. Таким образом, по особо квалифицированному составу может быть назначено наказание меньшее, чем по квалифицированному. Тогда вообще исчезает смысл выделения квалифицированных составов, и очень трудно это все согласовать с принципом справедливости и уголовного закона, и наказания.

И это при том, что разница между санкциями простого и квалифицированного составов иногда преодолевает не одну, а две категории. Так, например, в ч. 1 ст. 179 УК содержится состав преступления небольшой тяжести (с максимальным наказанием до 2 лет лишения свободы), в ч. 2 этой же статьи — тяжкое преступление (с максимумом в 10 лет лишения свободы). Такая же ситуация в составе ст. 199 УК, — по перескоку в категоричности между простым и квалифицированным составом¹⁷

Разными принципами руководствовался законодатель (если он вообще, чем-то руководствуется), когда назначал наказание за преступления по ст. 180 и ст. 183 УК. Если сравнивать наказание ч. 1 и ч. 2 ст. 180 УК, то увидим, что наказание за деяние, совершенное специальным субъектом (ч. 2 ст. 180 УК) меньше. Почему, на каком основании? Специальное положение субъекта, которому доверены некие сведения, которые он обязан хранить в тайне, должно не смягчать, а отягощать его ответственность, в случае нарушения специальных правил, так, как это предусмотрено в ст. 183 УК.

Еще одна непонятная мне и нелогичная конструкция простых и квалифицированных составов: в ч. 2 ст. 184 и ч. 4 ст. 184, ч. 2 ст. 185.4 УК нет дополнительного наказания в виде штрафа, хотя в основном он есть. Почему основной состав выстроен более строго, чем состав квалифицированный — по санкциям? Нет ответа. Из этого же ряда. В квалифицированном составе фальсификации решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества (ч. 2 ст. 185.5 УК) нет дополнительных наказаний вообще, хотя в санкции основного состава они есть. Какова была логика построения этих составов по санкциям?

Санкции, действительно, опасных преступлений, связанных с обращением ценных бумаг (см., например, ч. 1 ст. 185, ч. 2 ст. 185, ст. 185.1 УК), отличаются крайним либерализмом, которым наш законодатель совсем не страдает. Как тут, опять-таки, не подумать об эффективном лоббировании интересов лиц, работающих в этом бизнесе, или владеющих таким бизнесом?

Другие составы, напротив, при не слишком высокой общественной опасности наказываются достаточно строго (см., в частности, санкцию ст. 199.2 УК¹⁸).

Примеры, к сожалению, можно продолжать. Санкции за конкретные преступления, по-прежнему, являются ахиллесовой пятой (используя термин Э.Ф. Побегайло) нашего законодателя. И гл. 22 УК — совсем не исключение.

¹ См., напр.: Козлов А.П. Механизм построения уголовно-правовых санкций. Красноярск, 1998.

² См.: Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 2001. С. 117 (автор раздела — А.В. Наумов).

³ См. об этих и других проблемах санкций подробнее: Лопашенко Н.А. Уголовное наказание в России: состояние и проблемы закона, практики и уголовной политики. Российский криминологический взгляд. 2011. № 2. С. 255–285.

⁴ См.: Иванченко Е.А. Конструирование уголовно-правовых санкций с учетом новейшей уголовной политики государства. В сб.: Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью / под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2008. С. 120. См. также: Пивоварова А.А. Эффективность санкции уголовно-правовой нормы. В сб.: Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью / под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2008. С. 127.

⁵ См., например: Устинова Т.Д. Реализация функции противодействия преступности в УК РФ. В сб.: Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты. Материалы III Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 29–30 мая 2008 г. М., 2008. С. 303; Тхайшаов З.А. Легализация (отмывание) доходов, приобретенных преступным путем: законодательные и правоприменительные аспекты (по материалам судебной практики Краснодарского края и Республики Адыгеи): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. - С. 21; Кузахметов Д.Р. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: вопросы теории, законодательного регулирования и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. С. 24.

⁶ Одним из первых на это указал А.И. Рагог. См.: Рагог А.И. Некоторые направления совершенствования уголовного законодательства. В сб.: Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Пятой Международной научно-практической конференции 24–25 января 2008 г. М., 2008. С. 8. См. также: Грибов А.С. Дифференциация ответственности за экономические преступления в России, ФРГ и США (сравнительно-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 15.

⁷ См. об этом же: Селивановская Ю.И. Виды наказания, назначаемые за преступления в сфере финансовой деятельности. В сб.: Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы третьей Международной научно-практической конференции. М., 2006. С. 127; Юсупов Н.В. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) имущества, полученного от преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или его аналогов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 12.

⁸ См.: Мацкевич И.М. Модернизация уголовной политики (к постановке проблемы). В сб.: Современные проблемы уголовной политики: материалы III Международ. научн.-практ. конф., 28 сент. 2012 г. В 2 т. Т. I. Краснодар, 2012. С. 5. О чрезмерной либеральности уголовной политики в области ответственности за преступления в сфере экономической деятельности пишет и В.Ф. Лапшин. См.: Лапшин В.Ф. Правовой анализ освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности. В сб.: Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2012 года). М., 2012. С. 133.

⁹ Об этом в отношении двух первых санкций писала еще в 2004 г. Д.К. Амирова. См.: Амирова Д.К. Наказание и его назначение за преступления в сфере экономики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 9.

¹⁰ См.: Непомнящая Т.В. Наказание за преступления в сфере экономической деятельности в эпоху финансово-экономических перемен. В сб.: Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен / Материалы IX Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 29–30 мая 2014 г. М., 2014. С. 84–85. Такое же мнение, см., например: Щербаков А.В. Уголовно-правовые проблемы борьбы с преступлениями в банковской сфере: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2003. С. 23; Русов С.В. Проблемные вопросы уголовной ответственности за уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 9; Воронин В.Н. К вопросу об эффективности уголовно-правового воздействия за преступления в сфере экономической деятельности в условиях финансово-экономического развития. В сб.: Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен / Материалы IX Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 29–30 мая 2014 г. М., 2014. С. 139; Рузина А.С. Преступления в сфере налогообложения: сравнительный анализ уголовного законодательства Германии и России: автореф. дис.

... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 13. О кратных штрафах, которые бы исчислялись от размера реально причиненного ущерба, писал и М.В. Феоктистов. См.: Феоктистов М.В. Преступления в сфере экономики и проблемы установления наказаний имущественного характера за их совершение. В сб.: Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы: материалы IV Международной научно-практической. конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 27–28 мая 2004 г. М., 2005. С. 604.

¹¹ См.: Густова Э.В. К вопросу о санкциях за преступления в сфере экономики. В сб.: Организованная преступность и коррупция: результаты криминологического-социологических исследований. Выпуск 7 / под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2013. С. 96. По расширению применения лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью см. также: Амирова Д.К. Наказание и его назначение за преступления в сфере экономики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 10.

¹² См.: Валеев А.М. Ответственность должностных лиц за преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России (ст. 169, 170 УК РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 24.

¹³ См.: Нечаева И.А. Построение санкций за преступления в сфере экономической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 14.

¹⁴ См.: Бокова И.Н. Юридическая техника в уголовном законодательстве (теоретико-прикладной анализ главы 22 УК РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Новгород, 2002. С. 7.

¹⁵ На это же обратил внимание и молодой исследователь З.Д. Рожавский. См.: Рожавский З.Д. Вопросы обоснованности и эффективности санкции за незаконное образование юридического лица (ст. 173.1 УК РФ). В сб.: Преступность, уголовная политика, уголовный закон / под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2013. С. 307.

¹⁶ На это же обратила внимание и Т.В. Непомнящая. См.: Непомнящая Т.В. Наказание за преступления в сфере экономической деятельности в эпоху финансово-экономических перемен. В сб.: Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен / Материалы IX Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 29–30 мая 2014 г. М., 2014. С. 83.

¹⁷ Обращает на себя внимание, что применительно к ст. 199 и ст. 199.1 УК об этом писал еще в 2004 г. В.Ф. Лапшин, отмечая: «Скачкообразный» переход от преступления небольшой тяжести к тяжкому преступлению в рамках частей одной статьи УК (ч. 1 и ч. 2 ст. 199, 199.1 УК) недопустим. Квалифицированный состав преступления должен либо относиться к той же категории преступления, что и основной состав, либо отличаться от него не более, чем на один порядок». См.: Лапшин В.Ф. Преступления в сфере распределения финансовых ресурсов: вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 8–9.

¹⁸ См. об этом же: Искалиев Р.Г. О некоторых проблемах наказания за сокрытие средств от уплаты недоимки по налогам (ст. 199.2 УК РФ). В сб.: Преступность, уголовная политика, уголовный закон / под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2013. С. 392–395; Искалиев Р.Г. Уголовная ответственность за сокрытие денежных средств и имущества, за счет которых должно производиться взыскание налогов и сборов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. С. 8, 11.

А.И. Лукашов*

СОТРУДНИЧЕСТВО СО СЛЕДСТВИЕМ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ СМЯГЧЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Еще 6 февраля 2009 г. на совещании по вопросам совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства Президент Республики Беларусь поручил доработать законопроект, в котором была бы воплощена идея соглашения о сотрудничестве с органами уголовного преследования и судом («сделки с правосудием»). По этому поводу участникам совещания Главой государства было заявлено: «Идея заслуживает внимания. Но вместе с тем важно определиться, на какие категории пре-

* Лукашов Алексей Ильич — кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Академии МВД Республики Беларусь.

ступлений может быть распространено такое законодательное положение. С тем чтобы, с одной стороны, не умалять принцип неотвратимости наказания, с другой — не создавать почву для злоупотреблений среди тех, кто будет принимать решения об освобождении от наказания»¹.

Поручение выполнялось долго и трудно, было подготовлено несколько законопроектов с несовпадающими подходами к решению указанной задачи. В конечном счете на свет появился проект Закона «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» (далее — Проект). Президентом Республики Беларусь Проект был внесен в нижнюю палату Парламента — Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь 28 августа 2013 г.² В основу Проекта были положены соответствующие нормы российского законодательства, посвященные соглашению о сотрудничестве обвиняемого (подозреваемого) со следствием. В первом чтении Проект планировалось рассмотреть в начале 2014 г.³, однако он так и не был включен в повестку дня весенней сессии Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь пятого созыва, хотя и внесен в перечень вопросов, находящихся в Постоянной комиссии по законодательству для подготовки и (или) рассмотрения на сессии Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь⁴.

Несмотря на продолжительную работу, многие положения Проекта, увы, не создают почву для их единообразного применения: в нем имеются пробелы, не учтена в должной мере и практика Российской Федерации, столкнувшаяся с проблемами, не нашедшими решения в законе. Не принят во внимание соответствующий опыт других государств в рассматриваемой сфере.

Расследование и судебное рассмотрение большого количества уголовных дел, прежде всего, о т.н. экономических преступлениях, достаточно обременительно для государства — дешевой юстиции не бывает. Возмещение вреда отдалено по времени или вовсе становится невозможным. Тем самым пострадавшие лишаются возможности восстановить нарушенные имущественные права, а государство — возможности компенсировать причиненный ему ущерб. Это притом, что обвиняемый нередко готов полностью возместить причиненный ущерб (вред), если государство либо вовсе откажется от применения к нему уголовной ответственности, либо применит к нему мягкие санкции. Именно в этой сфере оно ищет такие варианты решения, которые бы, с одной стороны, обеспечивали защиту граждан, общества и государства от преступных посягательств, а с другой — гарантировали неотвратимость уголовной ответственности и ее справедливость.

Один из вариантов — соглашение о сотрудничестве, которое нередко именуют также «делкой с правосудием», что не совсем точно. Такое со-

глашение позволяет стороне обвинения представить в суде убедительные доказательства вины обвиняемых, полученные от одного из них в обмен на снисхождение, обещанное ему согласно соглашению о сотрудничестве, обеспечить имущественные интересы потерпевшего, минимизировать временные и материальные затраты на расследование и рассмотрение дел в судах.

Иными словами, главная цель, преследуемая таким соглашением о сотрудничестве, — повысить эффективность уголовной юстиции. Однако этот путь требует баланса несовпадающих интересов и учета комплекса взаимосвязанных вопросов. Необходимо защитить интересы пострадавших от преступления и при этом не ущемить интересы общества и государства. Также надлежит сократить сроки расследования и рассмотрения уголовных дел, затраты на осуществление уголовного судопроизводства и при этом не отступить от конституционных принципов отправления правосудия (сопоставительности и равенства сторон в процессе), не нанести вред правам и законным интересам обвиняемого и потерпевшего. Немаловажным представляется вопрос об этичности такого соглашения («сделки») и тесно связанной с ним проблемой соблюдения конституционного положения о равенстве граждан перед законом, которое ставится под сомнение, когда один в состоянии заглаживать причиненный вред, а другой такой возможности не имеет.

Соглашение о сотрудничестве — это сделка о признании вины обвиняемым и обязательстве всяческого содействия органам уголовного преследования при расследовании уголовного дела.

В англо-саксонской системе права при заключении такой сделки обвиняемый признает себя виновным в предъявленном ему обвинении, а орган уголовного преследования гарантирует применение в отношении него упрощенных процедур судопроизводства по уголовному делу, что предусмотрено законом. Иначе говоря, они договариваются, что уголовное дело не будет рассматриваться судом присяжных с его длительной и скрупулезной процедурой непосредственного исследования доказательств.

В США и других государствах, где применяются нормы о заключении сделки о признании вины, более половины уголовных дел рассматривается судами в упрощенном порядке. В государствах с континентальной системой права (Германии и другие), равно как и в англо-саксонской системе права, предусмотрена также упрощенная процедура рассмотрения судом уголовных дел о незначительных преступлениях. Упрощенная процедура может обеспечивать, в частности, гарантии обвиняемому назначения ему наказания, которое не должно быть выше предела, установленного для этих случаев в законе.

В соответствии с п. 61 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ) соглашение о сотрудничестве — это соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором согласованы условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его

действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения. Схожее определение дается в Проекте. В то же время в отличие от российского варианта в Проекте акцентируется внимание на том, что действия подозреваемого или обвиняемого должны выражаться в содействии предварительному следствию. Вопросы определения наказания лицу, подписавшему соглашение о досудебном сотрудничестве, схожим образом определены как в УПК РФ, так и в Проекте.

При выполнении условий соглашения обвиняемому судом назначается наказание, которое не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида основного наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ). В случае совершения лицом тяжкого или особо тяжкого преступления, сопряженного с посягательством на жизнь или здоровье человека, — двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида основного наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

Правда, имеется ряд несовпадений. Например, в Проекте установлен запрет на применение института сотрудничества с лицами, совершившими преступления, за которые предусмотрены пожизненное заключение или смертная казнь. В ст. 62 УК РФ такого запрета нет, но при заключении соглашения о сотрудничестве по таким делам запрещается применять пожизненное заключение или смертную казнь. Однако, как и в Проекте, наказание за совершение таких преступлений не может превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания в виде лишения свободы, предусмотренного УК РФ.

В Проекте использованы и другие наработки российского института соглашения о сотрудничестве. Выделим ключевые пункты этого института:

1. Соглашение может быть заключено только на стадии предварительного расследования.
2. Инициатива о заключении соглашения исходит от подозреваемого или обвиняемого, решение принимает прокурор или его заместитель.
3. Принятие решения о сотрудничестве — право, но не обязанность прокурора или его заместителя.
4. Лицо, подписывающее соглашение о сотрудничестве, обязано принять на себя целый ряд обязательств, перечисленных в Проекте, среди которых — признание подозреваемым или обвиняемым вины в инкриминированном им преступлении.
5. Решение о выполнении, степени выполнения или невыполнении соглашения о сотрудничестве принимает суд.
6. При положительном решении данного вопроса суд назначает наказание в соответствии с указанными правилами.
7. При отрицательном решении вопроса суд назначает наказание в общем порядке с учетом сделанного обвиняемым в рамках выполнения соглашения о сотрудничестве.

Проект предусматривает, что соглашение о сотрудничестве должно быть заключено в письменной форме, предполагающей наличие ряда процессуальных документов. Несоблюдение такой формы делает его юридически ничтожным, не влечет юридических последствий и не позволяет обвиняемому ставить вопрос о смягчении уголовной ответственности со ссылкой на выполнение им обязательств, данных стороне обвинения.

Положение об определенной письменной форме соглашения о сотрудничестве является принципиальным, что подтверждается и материалами судебной практики РФ. Так, А., осужденный за убийство по найму к 17 годам лишения свободы, в кассационной жалобе, не оспаривая обоснованности его осуждения и правильности квалификации его действий по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, считал назначенное наказание слишком суровым, просил снизить его до минимума, т.к. на предварительном следствии он фактически заключил досудебное соглашение о сотрудничестве, написав заявление о явке с повинной и активно способствовал расследованию, в связи с чем к нему должны быть применены правила ч. 4 ст. 62 УК РФ, в соответствии с которой назначенное ему наказание не может превышать 13 лет 4 мес. лишения свободы. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, оставив приговор без изменения, указала, что порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве регулируется ст. 317.1, 317.2, 317.3 УПК РФ и предполагает наличие письменного ходатайства подозреваемого или обвиняемого, постановления прокурора об удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, самого соглашения о сотрудничестве, в котором в т.ч., должны быть указаны действия, которые подозреваемый или обвиняемый обязуется совершить, сотрудничая со следствием, а также смягчающие обстоятельства и нормы уголовного закона, которые могут быть применены в отношении подозреваемого или обвиняемого при соблюдении последним условий и выполнении своих обязательств. Таких документов в материалах уголовного дела нет, поэтому не имеется оснований для применения при назначении А. наказания правил, предусмотренных ч. 4 ст. 62 УК РФ⁵.

Среди обязательных реквизитов соглашения о сотрудничестве значится следующий перечень действий, которые подозреваемый (обвиняемый) обязуется совершить в целях оказания содействия предварительному следствию в расследовании преступления:

- 1) изобличить других соучастников преступления;
- 2) содействовать в розыске имущества, приобретенного преступным путем;
- 3) содействовать в возмещении имущественного ущерба;
- 4) уплатить доходы, полученные преступным путем;
- 5) совершить иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного преступлением;
- 6) дать обязательство сообщить известные ему сведения о других преступлениях и лицах, их совершивших.

Однако соблюдение перечисленных требований подозреваемым (обвиняемым) служит основанием не только для заключения соглашения о сотрудничестве, но и для освобождения лица от уголовной ответственности по ряду оснований, предусмотренных в гл. 12 УК Республики Беларусь. Тогда какой смысл обвиняемому просить заключить с ним соглашение о сотрудничестве, предполагающее лишь смягчение наказания, да и то при условии, что суд найдет основания для его смягчения, если можно, не дожидаясь суда, на стадии предварительного расследования быть освобожденным от уголовной ответственности?

Увы, ответ на этот вопрос в Проекте отсутствует. Соотношение института соглашения о сотрудничестве и института освобождения от уголовной ответственности в проекте не регламентировано. Представляется, что эти институты могут применяться в следующем сочетании. Если обвиняемым оказано указанное содействие следствию, и имеются основания для освобождения от уголовной ответственности, то ему следует ставить этот вопрос перед следователем и прокурором.

При положительном решении автоматически отпадает необходимость в соглашении о сотрудничестве (уголовное дело прекращается). Если ответ будет отрицательным (в подавляющем большинстве случаев принятие такого решения — право, а не обязанность органа уголовного преследования), можно инициировать вопрос о заключении соглашения о сотрудничестве.

В случае, если содействие следствию не может служить основанием для освобождения от уголовной ответственности (например, ввиду ограничения, установленного для тяжких и особо тяжких преступлений, за которые, как правило, лицо не подлежит освобождению от уголовной ответственности), то тогда «работает» только институт соглашения о сотрудничестве.

При рассмотрении уголовного дела в суде, по которому заключено соглашение о сотрудничестве, обвиняемый вновь может поставить вопрос об освобождении от уголовной ответственности. Полагаем, что по такому делу суд может принять решение об освобождении от уголовной ответственности. К сожалению, поскольку этот вопрос не урегулирован в Проекте, то ввиду его неочевидности может случиться так, что не все суды будут принимать решение об освобождении от уголовной ответственности, когда для этого будут иметься основания. При этом они могут мотивировать его тем, что в гл. 49¹ (Производство по уголовному делу в отношении подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве), предлагаемой в Проекте к включению в УПК Республики Беларусь, возможность такого решения не предусмотрена⁶. Во избежание различных трактовок соотношения указанных институтов на практике надлежит регламентировать этот вопрос непосредственно в Проекте.

Взяв на вооружение российский аналог института соглашения о сотрудничестве, авторы Проекта не использовали такой элемент этого соглашения, известный, например, в США, как право прокурора частично

или полностью освободить обвиняемого от уголовной ответственности за любое преступление. Задача такого освобождения от уголовной ответственности заключается в получении от «вчерашнего» обвиняемого, а ныне свидетеля изобличающих показаний в отношении членов организованных преступных групп. Освободив от ответственности одного, можно уничтожить всю преступную организацию (группу), на что направлен, в частности, Федеральный закон США RICO (The Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act), посвященный борьбе с организованной преступностью⁷. Столь прагматичное, но слишком радикальное для отечественного права решение пока расценивается как возможная перспектива для рассматриваемого института, если он покажет свою эффективность.

В отличие от российского законодательства в Проекте предусмотрено заключение соглашения о сотрудничестве с подозреваемым (обвиняемым), не достигшим к моменту совершения преступления возраста 18 лет, что следует приветствовать.

В российском законе не регулируются вопросы заключения досудебного сотрудничества по делам об общественно опасных деяниях, совершенных невменяемыми лицами, что, очевидно, является пробелом. В Проекте по этому поводу обоснованно указывается, что досудебное соглашение о сотрудничестве не может быть заключено с лицами, совершившими общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, а если оно заключено с лицом, совершившим преступление, которое впоследствии признано невменяемым, то это соглашение утрачивает силу.

В Проекте, равно как и в его российском «предтече», не решен однозначно вопрос о заключении соглашения о сотрудничестве с подозреваемым (обвиняемым), когда он совершил преступление в одиночку без соучастников. Российская практика преимущественно склоняется к тому, что институт соглашения о сотрудничестве должен применяться только по уголовным делам о групповых преступлениях, хотя известно немало случаев, когда такой институт применялся и по уголовным делам о преступлениях, совершенных одним лицом⁸.

В Российской Федерации толкование в пользу ограничения применения соглашения о сотрудничестве только при совершении преступления в соучастии является убедительным. Дело в том, что этот институт вводился изначально для борьбы с организованной преступностью и коррупцией, с организованными преступными группами, групповыми преступлениями⁹. Обоснование к Проекту, официально озвученное представителями профильных комиссий Национального собрания Республики Беларусь весной 2014 г. на круглом столе, посвященном соглашению о сотрудничестве, не содержит прямых указаний на его ориентацию на борьбу с групповыми преступлениями¹⁰.

Напротив, председатель Постоянной комиссии Совета Республики по законодательству и государственному строительству Л. Мороз оговори-лась, что такие соглашения, вероятно, будут заключаться также с теми,

кто проходит по одному делу, но владеет информацией, которая поможет раскрыть другие преступления. Косвенно признал правильным такой подход и заместитель Председателя Верховного Суда Республики Беларусь, председатель судебной коллегии по уголовным делам этого Суда В. Калинин. Выступая на круглом столе, он указал, что согласно его прогнозу досудебные соглашения о сотрудничестве на практике составят около 5% от всех уголовных дел и окажутся наиболее актуальными при раскрытии групповых преступлений различного масштаба¹¹.

Также в Проекте нет определенности по поводу того, можно ли заключать соглашение о сотрудничестве одновременно с несколькими обвиняемыми по одному и тому же уголовному делу?

Отсутствие четкого указания по этому вопросу в законодательстве РФ привело к тому, что Верховный Суд РФ в 2012 г., спустя 3 года после введения в действие данного института, был вынужден давать разъяснение в специальном постановлении Пленума, посвященном исключительно вопросам заключения соглашения о сотрудничестве. В нем указывалось, что закон не содержит каких-либо ограничений относительно заключения досудебного соглашения о сотрудничестве одновременно с несколькими обвиняемыми (подозреваемыми), которые привлекаются к ответственности по одному уголовному делу¹². Полагаем, что такое толкование уместно и для норм Проекта. Однако во избежание разночтений приведенной рекомендации следует придать статус нормы права, включив в Проект.

Согласно Проекту орган уголовного преследования вправе, но не обязан выделить из уголовного дела в отдельное производство другое уголовное дело в отношении подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено соглашение о сотрудничестве (п. 25 ст. 2 Проекта)¹³. По смыслу иных норм Проекта следует, что и орган уголовного преследования, и суд работают с отдельным уголовным делом в отношении одного подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено соглашение о сотрудничестве.

Такая двусмысленность может ставить в тупик правоприменителя, служить основанием для взаимоисключающих решений, связанных с применением данного института. На наш взгляд, правильнее этот вопрос решен в российской практике. В этой связи Пленум Верховного Суда РФ указал, что по смыслу закона такое уголовное дело подлежит выделению в отдельное производство¹⁴. И это положение также должно быть включено в Проект, что послужит базой для единообразного применения рассматриваемого института.

Российский опыт, равно как и опыт других государств, указывает на возможные негативные последствия применения соглашений о сотрудничестве, когда обвиняемый ради смягчения наказания готов оговорить невиновных. Заслон против такого злоупотребления правом со стороны обвиняемого могут и должны выставить следователь и прокурор на стадии предварительного расследования. Эта же обязанность лежит и на суде, который не связан доказательствами, представленными прокурором, в т.ч.

и основанными на соглашении о сотрудничестве. Проект требует от суда провести судебное разбирательство полно, всесторонне и объективно.

Такая позиция суда должна обеспечить выявление случаев оговора невиновных. Заметим, что обвиняемый, оговоривший невиновных, совершает преступление, предусмотренное ст. 400 УК Республики Беларусь («Заведомо ложный донос»). Поэтому не соответствует действительности расхожее мнение о том, что обвиняемый де не будет нести уголовной ответственности за оговор невиновного.

К сожалению, ни в российском уголовно-процессуальном законе, ни в Проекте не регламентированы сроки рассмотрения уголовного дела, выделенного в отношении подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено соглашение о сотрудничестве. Также не оговорено, подлежит ли оно рассмотрению до или после рассмотрения уголовного дела, из которого оно было выделено.

Пленум Верховного Суда РФ указал, что вступивший в законную силу приговор, постановленный в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, не может предрешать вопрос о виновности соучастников, совершивших преступление совместно с таким лицом¹⁵. Это означает, что суд может рассматривать уголовное дело в отношении обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, до вынесения приговора по уголовному делу, из которого было выделено указанное уголовное дело.

Подобное законодательное решение и его толкование высшим судебным органом РФ резонно ставится под сомнение российскими учеными, указывающими на то, что оно в состоянии приводить к предрешению вопроса о виновности других обвиняемых, уголовное дело которых будет рассматриваться вслед за уголовным делом лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве¹⁶. Приводятся и иные заслуживающие внимания доводы в пользу установления порядка, согласно которому вначале должно рассматриваться и разрешаться основное уголовное дело, а затем выделенное из него уголовное дело в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве¹⁷.

Полагаем, нельзя не учитывать и проверенный десятилетиями успешный опыт решения этого вопроса в зарубежной практике. Например, в США члену организованной преступной группы, сотрудничающему со следствием, наказание назначается только после вынесения приговора в отношении изобличенных им соучастников преступления¹⁸.

Остались нерешенными в Проекте ряд иных вопросов, имеющих существенное значение для рассматриваемого института. Например, может ли судья, принимавший участие в рассмотрении уголовного дела в отношении лица, с которым заключено соглашение о сотрудничестве, участвовать в рассмотрении уголовного дела в отношении соучастников преступления, в совершении которого обвинялось такое лицо, в т.ч. и тех, с которыми также заключено соглашение о сотрудничестве?

Не ясно, как поступить суду, если в соглашении о сотрудничестве указывается ч. 4 ст. 66 УК Республики Беларусь, подлежащая применению при назначении наказания организатору (руководителю) организованной группы (предлагается к включению в УК Республики Беларусь в соответствии с п. 11 ст. 1 Проекта)¹⁹, а впоследствии по результатам рассмотрения уголовного дела в суде эта группа не будет признана организованной.

В Проекте, равно как и в российском законодательстве, в качестве субъекта досудебного соглашения о сотрудничестве почему-то не фигурирует потерпевший, что, по мнению, О.И. Семькиной, не в полной мере согласуется с уголовно-процессуальным принципом состязательности (ст. 15 УПК РФ) и уголовно-правовым принципом справедливости (ст. 6 УК РФ)²⁰. Игнорирование в Проекте потерпевшего как участника досудебного соглашения о сотрудничестве, увы, продолжает не имеющую убедительных оснований белорусскую законодательную практику избирательного включения потерпевшего в число лиц, от которых зависит судьба уголовного дела, по которому принимается решение об освобождении от уголовной ответственности или о смягчении уголовной ответственности обвиняемого²¹.

Без решения этих и иных вопросов потребуются рекомендации Верховного Суда Республики Беларусь. Как показывает опыт, они могут появиться лишь после того, как будет наработана практика, т.е. по прошествии длительного времени.

С учетом изложенного, думается, не стоит торопиться с принятием анализируемого законопроекта, поскольку он требует существенной доработки, что позволит сразу после придания ему статуса закона применять его единообразно и эффективно.

¹ В развитии законодательства необходимо идти от жизненных реалий // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/v-razvitii-zakonodatelstva-neobходимо-идти-ot-zhiznennyx-realij-2974/ (дата обращения: 08.06.2014).

² См.: Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://pravo.by/main.aspx?guid=3941&p0=2013073001> (дата доступа: 09.04.2014).

³ Круглый стол на тему «Досудебное соглашение о сотрудничестве в рамках проекта Закона Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» // Официальный сайт Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь. URL: <http://house.gov.by/index.php/,0,78862,,,0,,,0.html> (дата обращения: 12.04.2014).

⁴ См.: Официальный сайт Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь. URL: <http://house.gov.by/index.php/,7035,,,0,,,0.html> (дата обращения: 26.06.2014); Официальный сайт Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь. URL: <http://house.gov.by/index.php/,7261,,,0,,,0.html> (дата обращения: 26.06.2014).

⁵ См.: Порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве регулируется ст. 317.1–317.3 УПК РФ и предполагает наличие определенных законом процессуальных документов: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10 ноября 2010 г. № 49-О10-157 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 7.

⁶ См.: Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://pravo.by/main.aspx?guid=3941&p0=2013073001> (дата обращения: 09.04.2014).

⁷ См.: Закон РИКО в России: эффективная борьба с организованной преступностью или еще одно пустое обещание? URL: <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=952&more=1&c=1&tb=1&pb=1> (дата обращения: 12.04.2014).

⁸ Степаненко Д., Днепровская М. Досудебное соглашение о сотрудничестве // Уголовное право. 2013. № 4. С. 94.

⁹ См.: Там же. С. 93.

¹⁰ См.: Досудебное соглашение о сотрудничестве в рамках проекта Закона Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях»: материалы Круглого стола // Официальный сайт Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь. URL: <http://house.gov.by/index.php/0,78862,,,0,,,0.html> (дата обращения: 12.04.2014).

¹¹ См.: Радюк А. Сделка с правосудием // Экономическая газета. 2014. № 21(1733).

¹² См.: Там же.

¹³ См.: О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 16 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴ См.: Пункт 5. Радюк, А. Указ. раб.

¹⁵ См.: Там же.

¹⁶ См.: Дробинин Д.В. Некоторые проблемы уголовного судопроизводства при заключении обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовное судопроизводство. 2011. № 3. С. 29.

¹⁷ Степаненко Д., Днепровская М. Указ. раб. С. 95.

¹⁸ См.: Тимошенко А. Досудебное соглашение о сотрудничестве: оценка эффективности процессуального института // Уголовное право. 2011. № 4. С. 111.

¹⁹ См.: Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://pravo.by/main.aspx?guid=3941&p0=2013073001> (дата доступа: 09.04.2014).

²⁰ См.: Семькина О.И. Реализация международных стандартов в формировании упрощенной формы уголовного судопроизводства // Международно-правовые стандарты в уголовной юстиции Российской Федерации: научно-практическое пособие / отв. ред. В.П. Кашепов // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²¹ См.: Лукашов А.И. Освобождение от уголовной ответственности в соответствии со статьей 88¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь // Юстиция Беларуси. 2014. № 4. С. 20.

М.Г. Миненок*

АКТУАЛЬНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА КОРРУПЦИЮ

Коррупция как сложное социально-правовое явление относится к предмету исследования многих общественных наук — политологии, социологии, психологии, экономики. Особое значение это явление представляет для криминологии, с позиции которой системно исследуется криминологическая характеристика коррупции, включающая в себя такие компоненты как состояние, структура, динамика, причины, условия, меры предупреждения этого феномена. Столь многоаспектный предмет исследования определяет наличие содержательного теоретического и репрезентативного фактического материала, пригодного для формирования концептуальных основ коррупции, выводов и предложений для нынешнего этапа общественного развития и перспективы.

* Миненок Михаил Григорьевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГАОУ ВПО «Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта».

Однако с сожалением приходится констатировать что, «большой научный потенциал отечественной криминологии по настоящему не востребован властными структурами, он не используется при подготовке и принятии законов, при организации борьбы с преступностью, для создания социальных основ профилактики преступлений, ... в таких условиях эффективная антикриминогенная политика невозможна, а профилактика сводится к написанию планов и отчетов.»

Действительно, игнорирование властными структурами достижений криминологии превратилось в мощный криминогенный фактор. Объективная потребность и необходимость использования достижений криминологии совершенно очевидна, а их сознательное пренебрежение неблагоприятно сказывается не только на борьбе с преступностью, но и на самой криминологической науке, которая в таких условиях теряет связь с практикой, возможность проверить, апробировать научные рекомендации ученых, что существенно препятствует разработке проблем замыкающихся, в конечном счете, (и в том их предназначение) на институте предупреждения преступности. Такая позиция по сути потворствует преступности вообще и коррупции, в частности, и фактически становится источником новых преступлений.

Игнорирование выводов криминологов не случайно. Ведь если им следовать, то властным структурам необходимо предпринимать определенные действия против коррупции, а это означает против самих себя. Между тем, факторы определяющие коррупцию хорошо известны. Справедливо отмечается, что «безответственность и безнаказанность больше всего способствует разрастанию и укреплению коррупции в системе государственной службы нашей страны» .

Настораживает и избирательность мер, ничем не оправданный либерализм к коррупционерам и бесконечные высказывания на всех уровнях о намерениях борьбы с коррупцией, о необходимости всевозможных программ, планов, новых норм уголовного права и т.д. Это даже не полумеры, а ничем не прикрытое попустительство беззаконию, иногда маскируемое статистическими данными об успехах в деле борьбы с коррупцией. Эффективность этой борьбы «... целесообразно определять не количественным анализом массива совершенных преступлений, а интенсивностью и качеством их выявлений, привлеченных к ответственности организаторов преступлений, крупных дельцов и чиновников, а не мелких служащих, являющихся во многом жертвами просчетов в социальной политике государства».

Складывается впечатление, что решимость властей в борьбе с коррупцией постепенно ослабевает. Глава Следственного комитета А. Бастрыкин заявил, что на расследование многомиллиардных хищений в «Оборонсервисе» потребуется минимум год и порекомендовал не ждать «много крови» от дел «Оборонсервиса», поскольку за каждым объектом «стоят лицензированные оценки, и они предъявляют документы».

Несколько раньше по поводу того, что ветви коррупции уходят высоко в московское и российское небо А. Бастрыкин сказал, что «там такие крыши всплывают, что мама не горюй».

Применительно к сегодняшней России единственным эффективным, малозатратным и быстродействующим средством против коррупции может быть бескомпромиссная и исключительно жесткая уголовная ответственность и наказание. В мировой практике есть примеры весьма положительных результатов в этом направлении.

О допустимости применения самых суровых наказаний, даже смертной казни, писал известный русский демократ, гуманист — Александр Исаевич Солженицын. «Бывают времена, когда для спасения общества — государства смертная казнь нужна». В данном же случае идет речь не о восстановлении смертной казни, а об ужесточении уголовного наказания. Однако при таком подходе необходимо неукоснительное соблюдение одного важного условия: уголовный закон должен защищать интересы всего народа, и ни в коем случае коррупционеров, что не редкость в реальной действительности. Прежде всего, это относится к правоприменению, которое может быть ущербным, несправедливым, избирательным и в итоге безнравственным. Следовательно, наряду с совершенным уголовным законом, отвечающим правилам законодательной техники, отражающим потребности и глубинные процессы современного состояния общества, и перспективы его прогрессивного развития, нужны и высококвалифицированные, честные исполнители. В тоже время «вряд ли для кого-нибудь секрет, что антикоррупционный инструмент находится в руках самих же коррупционеров, что он используется для борьбы с негодными во власти и в бизнесе».

Это свидетельствует о том, что реальной уголовной политики как таковой, направленной на противодействие коррупции до сих пор нет. Лишь иногда, в отдельных случаях просматриваются едва видимые контуры антикоррупционного характера, но это касается отдельных правовых норм и случаев, но не правоприменения в целом. Зато зачастую отчетливо проявляется трогательная забота государственных органов в отношении защиты коррупции и коррупционных норм, отдельных высокопоставленных должностных лиц от слабосильного уголовного закона, возможности которого, благодаря специфической направленности антиуголовной политики, предельно ограничены.

Нынешняя драматическая ситуация с коррупцией складывалась постепенно сознательными целенаправленными действиями реформаторов, создавших прочный фундамент для этого феномена. Криминальная приватизация, резкая, несправедливая имущественная дифференциация, бедность и нищета значительной части населения, смена нравственных ориентиров направленных на безудержное преступное корыстное накопление и потребление материальных благ, сложившиеся антагонистические субкультуры бедности и богатства с различными потребностями, интересами,

ценностными ориентациями — вот на чем стоит и чем питается коррупция. Разумеется, что перечисленные обстоятельства — ярко выраженные криминогенные факторы и для их искоренения и нейтрализации понадобятся усилия не одного поколения россиян, поскольку, как показывает практика, криминогенность перечисленных факторов не только не ослабевает, наоборот, усиливается.

Степень имущественного неравенства населения выражается с помощью индекса Джини. Мнения специалистов на этот счет расходятся. Называют разные показатели — 8, 10, 20, 30, 50 во столько раз самые богатые богаче самых бедных. На самом деле цифры значительно занижены. В действительности этот показатель равен десятком тысяч раз. Например, зарплата некоторых руководителей государственных компаний составляет 2 миллиона рублей в день. Если сравнить с минимальной зарплатой 5,5 тысяч в месяц, то разница составляет 10 тысяч раз. Причем разрыв между бедными и богатыми увеличивается. С 1 сентября 2013 года зарплата федеральных министров, депутатов Госдумы, членов Совета Федераций увеличена до 254 тысяч рублей, а с 1 сентября 2014 года — до 420 тысяч рублей. Богатые становятся богаче, бедные беднее. Бедность, таким образом, еще больше усиливает свое криминальное влияние.

Главной причиной такого вопиющего неравенства доходов, по мнению Председателя Конституционного суда РФ, является незаконность и несправедливость постсоветского «стартового» распределения общенародной собственности. Необходимо принять решение по «...окончательной правовой легитимации постсоветской крупной собственности, полученной в ходе сомнительной «ваучерной» приватизации, залоговых аукционов, рейдерских захватов и непрозрачных сделок с заинтересованностью... Без такой легитимации — ясной, открыто и подробно обсуждённой и признанной справедливой широкими массами — нам не обойтись».

Имущественное (с определённой долей условности классовое) расслоение общества в результате преступной приватизации породило ещё один криминогенный феномен, о котором пишут, говорят наши государственоведы — это социокультурный раскол, который «полностью блокирует возможности достижения общественного согласия как базиса устойчивого конституционного права ... и ... является непреодолимым препятствием для конституционно-правового развития страны».

В таком случае отыскать общенациональную идею согласия, поисками которой озабочены в нашем обществе, невозможно. Ведь имущественная дифференциация общества несправедлива и в крайней степени безнравственна. Это не просто констатация факта, дифференциация находит своё продолжение в сфере социальной психологии, различных нравственных ориентирах, отношениях между социальными общностями-группами, отдельными индивидами с различным уровнем материальной обеспеченности.

В связи с этим возникает острая необходимость ретроспективной оценки и ответственности конкретных лиц, непосредственно осуществлявших волюнтаристские корыстные идеи приватизации на основе растоптанной нравственности и сознательного противопоставления абсурдных идей здравому смыслу. Мировая практика знает немало примеров, когда бывшие высокопоставленные чиновники, включая первых лиц государства, осуждались и несли ответственность за действия несоизмеримо менее опасные, чем те которые совершили наши реформаторы. Это, например, экс-премьер Италии Сильвио Берлускони за финансовые махинации приговорен к десяти с половиной месяцам общественно-полезных работ, бывший глава правительства Израиля Эхуда Ольмерт — за взятки к 6 годам тюрьмы, экс-президент Франции Жак Ширак осужден в декабре 2011 года к 2 годам условно за создание фиктивных рабочих мест в начале 90-х годов. 1 июля 2014 года прокуратурой был задержан бывший президент Франции Николя Саркози по обвинению в «активной коррупции» и «торговле влиянием». По совокупности преступлений ему грозит 10 лет тюремного заключения и штраф в размере около 200 тысяч евро.

В настоящее время, учитывая внутреннее и международное положение России, борьба с преступностью приобретает особую значимость, несмотря на некоторые внешние положительные характеристики, например, сложившаяся за последние годы устойчивая тенденция снижения преступности. Это весьма спорная характеристика и ее комментарий не входит в задачи автора.

Важное значение в формировании социально-психологических оценок в отношении коррупции принадлежит уголовному праву, роль которого в борьбе с преступностью, защите нравственных норм в настоящее время исключительно велика. Дело в том, что антидетерминанты коррупции (борьба с бедностью, резкой имущественной дифференциацией и т.д.) включены в сложный тяжеловесный социальный механизм, выполняющий стратегические функции, эффективность которых проявится в отдаленной перспективе. Для нормы уголовного права ближе решение задач тактического характера. Например, ужесточение уголовного законодательства и практики его применения за коррупцию, безусловно сблизит представление людей о справедливом — несправедливом, поднимет репутацию уголовной политики, снизит растраниживание бюджетных средств.

Преступность, особенно коррупционная, легко перемальвает все средства направленные против нее, подпитывается этими средствами и укрепляется ими. Кроме того, преступность непосредственно порождает свои детерминанты (бедность, нищету и т.д.), борьба с которыми представляет собой стратегический путь предупреждения преступности, в то же время это окружной путь. Прямой вектор, непосредственно напрямую направленный на борьбу с преступностью, это нормы уголовного права, которые хотя и не решают в принципе проблему, но дают быстрый позитивный

эффект. Применительно к возможностям нынешнего состояния борьбы с преступностью такой подход наиболее предпочтителен.

Действующее уголовное законодательство надо в плане нормотворчества и правоприменения приспособить к реальной действительности.

1. Ужесточить практику применения уголовных наказаний особенно в отношении наиболее опасных видов преступности организованной и коррупционной, элитной, высокодолжностной. Эти виды преступности, и об этом ответственно говорят криминологи, ставят под угрозу существование самого государства, в силу специфических особенностей российской организованной и коррупционной преступности. Сложилась угроза и в некоторой степени предпосылки для реализации трансформации нашего государства в криминальное.

2. Необходимо восстановить в УК РФ конфискацию имущества как вид уголовного наказания, основного (это предложение автора) и дополнительного. Включить в понятие субъекта преступления помимо физических и юридических лиц.

3. В настоящее время не представляется насущной либерализация уголовного законодательства. Опыт ряда стран с суровым уголовным законодательством и практикой его применения дает хороший эффект — снижение преступности (Китай) — 300 преступлений на 100 тысяч населения; Сингапур — страна с очень высоким жизненным уровнем, где почти нет преступности; Иран — где практически нет корыстных преступлений против собственности во многом за счет членовредительских наказаний, в некоторых арабских странах, которых еще не коснулись революционные потрясения.

По мнению Президента Путина либерализация законодательства не помогла: за первую половину 2013 осуждено за взятки 692 человека. Но только 8% оказались за решеткой. Большинство приговоренных к штрафам их не платят, находят лазейки, возмущается Президент Путин.

Либерализация 2011 года была направлена на то, чтобы не лишать бизнесменов свободы и дать возможность возместить ущерб. Но не возмещают. За первое полугодие 2013 года из 20 миллиардов рублей возмещено только 20 миллионов, то есть 1 %.

Итак, для крупного бизнеса любые штрафы, судя по доходам не обременительны. Что касается другой бедной части населения, то они не платят штрафы по другим основаниям. Как показывает статистика среди лиц, совершивших преступление около 70% - это лица не имеющие постоянного источника дохода и около 6% - безработные, то есть 76% преступников не могут платить штраф, остальные не хотят и всячески уклоняются. Такая ситуация приводит к тому, что виновные просят суд назначить им лишение свободы, вместо штрафа, который представляется им более суровым наказанием.

Государственные структуры, находящиеся под гнетом организованной и коррупционной преступности не в силах противостоять ей, а реальная опас-

ность гибели государства делает неизбежным применение радикальных мер защиты. Государство в целях спасения общества, его граждан от разгула криминалитета обязано использовать всю полноту власти против преступности. В отличие от диктатуры гарантом от возможных злоупотреблений государства должны быть возникающие и получающие развитие институты гражданского общества, без которых «одному государству достичь сколь-нибудь заметных успехов в борьбе с коррупцией никогда не удастся».

Политическая воля высшего руководства страны как противовес организованной и коррупционной преступности может быть реализована в комитетах (комиссиях, управлениях, народных советах и т.п.) состоящих из представителей государства и общества, формируемых при президенте РФ и его полномочных представителей в округах.

Комитеты должны быть наделены чрезвычайными полномочиями: оперативно решать все не терпящие отлагательств вопросы, руководствуясь при этом действующим нормативным материалом федерального или регионального уровней. В случае отсутствия такового, либо явно выраженного несовершенства, невозможности применения к угрожающей или к уже сложившейся общественно опасной ситуации, решение принимается на основе конкретных обстоятельств, руководствуясь здравым смыслом и нормами морали. Такое решение может сопровождаться приостановлением нормативного действия акта с последующей его отменой или изменением компетентным органом.

Должностное лицо, принявшее решение, повлекшее криминогенный эффект может быть отстранено (уволено) от занимаемой должности; на него может быть возложена обязанность устранить причиненный вред, возместить убытки, наложен запрет заниматься определенной деятельностью или занимать определенные должности.

Необходимость оперативного принятия решения и немедленного его исполнения часто возникает в сфере управления, торговли, экологии, ЖКХ, здравоохранения и др.

Полномочия указанных комитетов реализуются в основном применительно к наиболее опасным формам организованной и коррупционной преступности. Принятие решения направленного против конкретного проявления организованной преступности позволит быстро без проволочек отреагировать на криминальную ситуацию не взирая на положение причастных к нему лиц и степень правового урегулирования содеянного. Известные на сегодняшний день процедуры прохождения законопроекта, включая и вступление закона в силу, таят в себе возможности вмешательства представителей криминалитета и отклонения законопроекта, волокиты, выхолащивания его сути и т.п. Принятие закона растянется на годы, что даст возможность криминалу подготовиться к будущей ситуации и свести на нет предполагаемую эффективность закона. В этот период криминогенная ситуация останется либо вовсе без всякого правового воздействия, либо будет числиться урегулированной старым бесполезным законом. Что в общем-то одно и то же.

Работа комитета формирует правовые прецеденты, которые в последствии могут воплотиться в законы, нормативные указы, постановления и т.п. Поскольку исполнение безнравственного, противоречащего здравому смыслу уголовного закона нарушает естественные права и свободы граждан, то оперативно исправить сложившуюся ситуацию может Комитет. Комитет может инициировать создание новых норм, применять или совершенствовать старые.

Деятельность такой структуры, включающая в себя возможности государства и общественных организаций, по мнению автора, может дать положительный результат.

Т.Ф. Минязева*

ЕСТЬ ЛИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ?

Действующее уголовное законодательство в системе норм Общей части УК РФ выделяет институт «Освобождение от уголовной ответственности» (Глава 11 раздела 1У УК РФ). В этой главе помещены полные и безусловные виды освобождения от уголовной ответственности по разным критериям на основании нецелесообразности реализации мер уголовно-правового характера в отношении лиц, совершивших преступление разной категории тяжести. Отдельные вопросы освобождения от уголовной ответственности отражены в 13 и 14 главах УК РФ: «Амнистия. Помилование. Судимость», «Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних» и в ряде статей Особенной части УК РФ: ст. 126, 204, 205, 205, 205, 205.4, 205.5, 206, 208, 210, 222, 223, 228, 275 и др.

Лицо, освобождаемое от уголовной ответственности, является субъектом совершенного им преступления, но к нему не применялись ни наказание, ни иные меры уголовно-правового характера на основании признания его судом в установленном законе порядке виновным. При этом данное лицо уже могло быть привлечено к уголовной ответственности с применением к нему мер процессуального принуждения. Понятия «привлечение к уголовной ответственности» и сама «уголовная ответственность» неравнозначные. Не вступая в дискуссию по вопросам о понятии и содержании уголовной ответственности, поясним свое воззрение на эти вопросы. Уголовная ответственность наступает с момента вступления в законную силу обвинительного приговора суда. Именно с этого момента реализуются нормы уголовного права о мерах уголовно-правового харак-

* Минязева Татьяна Федоровна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов».

тера за содеянное. Ее не следует смешивать с юридической обязанностью лица претерпеть вытекающие из уголовного закона ограничения и лишения, обусловленные фактом совершения преступления. Такая обязанность возникает у лица с момента совершения им преступления и сохраняется до истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности. Нереализованная в соответствии с законом обязанность, по нашему мнению, не есть ответственность.

Привлечение к уголовной ответственности имеет место на более ранних, по сравнению с самой уголовной ответственностью, стадиях процесса. И привлечение к уголовной ответственности, и освобождение от уголовной ответственности и уголовная ответственность, связаны с понятием субъекта преступления, то есть со способностью лица отвечать за содеянное им.

Под освобождением от уголовной ответственности в соответствии с действующим законодательством следует понимать полное и безусловное (за исключением принудительных мер воспитательного воздействия, применяемых к несовершеннолетним в соответствии со ст.90 УК РФ) освобождение лица совершившего преступление и являющегося его субъектом, от претерпевания им каких-либо мер государственного принуждения за содеянное, выраженное в правовом акте компетентного государственного органа.

Действующим УК РФ в главах одиннадцатой, тринадцатой и четырнадцатой предусмотрены следующие виды освобождения от уголовной ответственности лица, являющегося субъектом совершённого им преступления: в связи с деятельным раскаянием в содеянном — (ч. 1 ст. 75); особые виды деятельного раскаяния, применяемые в случаях специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ — (ч. 2 ст. 75, например Примечания к ст.ст. 126, 204, 205, 205.1, 205.3, 205.5, 206, 208, 222, 223, 228, 275, 276, 278, 291, 307 и др. УК РФ); в связи с примирением с потерпевшим — ст. 76 УК РФ; по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности — ст. 76 УК РФ; особые виды освобождения от уголовной ответственности в связи с изменением обстановки, к которым относится освобождение от уголовной ответственности военнослужащих, совершивших преступления, предусмотренные ст. 337 и 338 УК РФ ввиду стечения тяжёлых обстоятельств; в связи с истечением сроков давности — (ст. 78, 94 УК РФ); в связи с применением к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия — (ст. 90 УК РФ); ввиду объявления амнистии — (ст. 84 УК РФ).

Критерии применения норм об освобождении от уголовной ответственности зависят от вида освобождения.

Освобождение от уголовной ответственности создаёт ситуацию, при которой: 1 — преступление не влечёт уголовной ответственности (преступление без ответственности, без наказания) и, 2 — это лицо является виновным в совершении преступления, но его вина не установлена в предусмотренном федеральным законом порядке вступившим в законную силу

приговором суда, как требует ч. 1 ст. 49 Конституции РФ. Поскольку такое лицо не использовало своё право на возражение против прекращения уголовного преследования (освобождения от уголовной ответственности) по нереабилитирующему его обстоятельству, (ч. 2 ст. 27, ч. 4 ст. 28 УПК РФ), то есть не желало вынесения оправдательного приговора, постольку оно «как бы» само себя признаёт виновным.

Решение о прекращении уголовного преследования в случаях освобождения лица от уголовной ответственности вправе принимать суд, следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора (ч. 1 ст. 28 УПК РФ).

Освобождение лица от уголовной ответственности, в отличие от обстоятельств, исключающих преступность, не изменяет юридическую природу содеянного им. Совершённое лицом освобождённым от уголовной ответственности деяние остаётся преступлением, такие лица не подлежат реабилитации.

Вместе с тем на основании решения об освобождении лица от уголовной ответственности прекращаются уголовные правоотношения, правонарушитель освобождается от всех юридических последствий содеянного, перед ним не ставятся никакие условия, не предъявляются требования к его последующему поведению (за исключением несовершеннолетнего, к которому применены принудительные меры воспитательного воздействия), отменяются меры процессуального принуждения, если таковые к нему применялись. Материальный и моральный ущербы, обусловленные мерами процессуального принуждения, такому лицу не возмещаются. Материальный и моральный ущербы потерпевшим от преступления могут быть возмещены лицом освобождённым от уголовной ответственности в порядке гражданского судопроизводства.

Совершение нового преступления лицом, ранее освобождённым от уголовной ответственности, не может рассматриваться в качестве обстоятельства отягчающего ответственность.

Освобождение от уголовной ответственности «является институтом уголовного права исключительного характера», его исключительность обусловлена отступлением от принципа неотвратимости ответственности¹. Возникает вопрос, осуществлено ли в отношении таких лиц уголовно-правовое воздействие. Этот термин выделен в теории уголовного права².

Воздействовать значит оказать влияние, добиться необходимого результата³, или, воздействие — активное влияние субъекта на объект, не обязательно явное или с обратной связью⁴.

Если понимать уголовно-правовое воздействия широко, то есть как сложный динамический процесс (механизм), начинающийся с «момента вступления в силу уголовно-правовой нормы, содержащей запрет общественно опасных форм поведения людей» и продолжающийся «до момента, когда полностью исчерпаны все уголовно-правовые последствия нарушения указанно нормы»⁵, то при освобождении от уголовной ответ-

ственности уголовно-правовой запрет был нарушен, а уголовно-правовые последствия не наступили.

В узком значении «уголовно-правовое воздействие, представляет собой целенаправленную активную деятельность государства, заключающуюся в принуждающем влиянии, применяемом к лицу, совершившему общественно опасное деяние»⁶. Но большинство видов освобождения от уголовной ответственности применяются при добровольном прекращении лицом преступной деятельности. Активная деятельность государства, как «принуждающее влияние», побуждающая сила к прекращению преступной деятельности, усматривается в содержании примечания к ст. 206 УК РФ и выражается в предъявлении со стороны властей требований к лицу, удерживающего заложников об их освобождении. В этом случае лицо, удерживающее заложников, освобождается от уголовной ответственности не на основании добровольного прекращения преступной деятельности и не испытывает потом «принуждающего влияния», иными словами — неблагоприятных последствий в соответствии с уголовно-правовыми нормами. К такому лицу не применяется ни наказание, ни иная мера уголовно-правового характера. Не факт, что таким образом можно «добиться необходимого результата», то есть несовершения лицом в дальнейшем подобного преступления. Теперь это лицо точно знает, что в случае неудачи с удержанием заложников, их можно отпустить, услышав требование властей об их освобождении, не только при этом не рискуя своей жизнью, но и ограничением, ущемлением прав, обусловленных мерами уголовно-правового характера.

В других видах специального освобождения в порядке ч. 2 ст. 75 УК РФ, например в соответствии с примечаниями к ст. 126, 204, 205, 205.1, 205.3, 205.4, 205.5, 222, 223, 228, 275, 276, 278, 282.1, 282.2, 282.4, 291, 291.1, 307 и др. соответствующие органы должны освободить лицо, совершившее преступление от уголовной ответственности в случае добровольного прекращения им дальнейшего совершения преступления (большинство составов преступлений, за совершение которых предусмотрено в примечаниях соответствующих статей освобождение от уголовной ответственности относятся к длящимся). Выше указанные виды освобождения от уголовной ответственности, а также — освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности ввиду возмещения в полном объеме ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления (ст. 76 УК РФ), в связи с истечением срока давности (ч. 1 ст. 78, ст. 94 УК РФ), в связи с объявлением амнистии (ст. 84 УК РФ) - в теории уголовного права относят к обязательным⁷, не зависящими от усмотрения соответствующих органов⁸.

Активная деятельность государства, правда, с натяжкой, и не выраженная в «принудительном влиянии», усматривается и в случаях, так называемого в науке необязательного (факультативного)⁹ освобождения лица от уголовной ответственности, основанием которых является усмо-

трение управомоченных на то органов, если они посчитают возможным исправление лица, совершившего преступление, без применения к нему мер государственного принуждения. Такое усмотрение может иметь место при наличии установленных в законе критериев: совершения лицом преступления небольшой или средней категорий тяжести, совершения преступления впервые, добровольном способствовании раскрытию и расследованию преступления, возмещения причиненного ущерба, или иным образом его заглаживании, раскаянии в содеянном, вследствие стечения тяжелых обстоятельств, свидетельствующих о том, что лицо перестало быть общественно опасным (ч. 1 ст. 75, ст. 76, ст. 337, 338 УК РФ).

Все эти виды освобождения от уголовной ответственности являются полными и безусловными. Лицо не может быть освобождено от уголовной ответственности с привлечением, например, к административной ответственности или с передачей дела в товарищеский суд, или передачей лица на поруки общественной организации или трудовому коллективу, как это было предусмотрено в УК РСФСР (ст. 50, 51, 52). Действующий уголовный кодекс предусматривает условное освобождение от уголовной ответственности только в отношении несовершеннолетнего в связи с применением к нему принудительных мер воспитательного воздействия. В соответствии с ч. 4 ст. 90 УК РФ «в случае систематического неисполнения несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия эта мера по представлению специализированного государственного органа отменяется и материалы направляются для привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности».

По нашему убеждению, в случаях полного и безусловного освобождения лица от уголовной ответственности уголовно-правовое воздействие в отношении него не осуществлялось. Неблагоприятные последствия, предусмотренные нормами уголовного права, не наступали, и это его поведение не учитывается в дальнейшем, как обстоятельство отягчающее ответственность и пр. Лицо не чувствует силу действующего закона, не испытывает на себе силу ущемления своих прав. С него снята ответственность, а «перед людьми неудобно»: кому-то и впрямь неудобно, а у кого-то возникает мысль «лучше подготовиться и попробовать снова».

Опрос общественного мнения о целесообразности освобождения от уголовной ответственности на примере ст. 75, 76, 126, 206 показал, что 78%, уяснив смысл освобождения, высказались за то, чтобы таким лицам было назначено какое-либо наказание за совершенные преступления, пусть даже условное; 15% ответили, что пусть будут такие виды освобождения от ответственности, 7% затруднились ответить¹⁰.

Представляется, что при реформировании УК РФ институт освобождения от уголовной ответственности следует упразднить. Содержащиеся в нем нормы целесообразно трансформировать с необходимыми изменениями в институте освобождения от наказания. В этом случае лицо признавалось бы виновным в совершенном преступлении в установленном Консти-

туцией РФ порядке, но при наличии закона критериев освобождалось бы от наказания. Особенно это актуально применительно к лицам, совершившим тяжкие или особо тяжкие насильственные преступления, такие как похищение человека, террористический акт, захват заложника и др.

¹ Уголовное право России: общая часть / под ред. Малкова В.П., Сундурова. Казань, 1994. С. 316

² Дуюнов В.К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. Самара, 2003; Чучаев А.И., Фирсова А.П. Уголовно-правовое воздействие. Понятие, объект, механизм, классификация. М., 2010 и др.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990. Изд. 22-е. С. 96.

⁴ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 31.08.2014).

⁵ Дуюнов В.К. Указ. раб. С. 45.

⁶ Чучаев А.И., Фирсова А.П. Указ. раб. С. 81.

⁷ См. например: Уголовное право России: учебник для вузов / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. В 2 т. Т. 1: Общая часть. 2-е изд. М., 2008. С. 447–448.

⁸ Исключения составляют случаи, когда вопрос о применении сроков давности к лицу, совершившему преступление, наказуемое смертной казнью, или пожизненным лишением свободы, решается по усмотрению суда (ч. 4 ст. 78 УК РФ).

⁹ Там же. С. 448–449.

¹⁰ Опрос проводился в феврале–апреле 2014 г. Были опрошены по специальной анкете 400 человек (среди опрошенных 200 человек в возрасте от 20 до 40 лет, 100 чел. в возрасте от 40 до 60 лет и 100 чел в возрасте от 60 лет). Опрос проводился в феврале–апреле 2014 г.

Г.В. Назаренко*

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ К ПЕДОФИЛАМ, СОВЕРШИВШИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации выделяет три группы мер принудительного воздействия: 1) наказание (мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда — раздел III УК); 2) меры уголовно-правового характера, не являющиеся наказанием (раздел VI УК), к которым отнесены принудительные меры медицинского характера (глава 15 УК) и конфискация имущества (принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства имущества — глава 15.1 УК); 3) принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой и средней тяжести в случае освобождения от уголовной ответственности (ст. 90 УК) или от наказания (ст. 92 УК).

Принудительные меры медицинского воздействия в отличие от других принудительных мер назначаются судом к лицам, совершившим уголовно-противоправные деяния, а также представляющим в силу психического расстройства общественную опасность. Среди указанных лиц особое место занимают педофилы — взрослые лица, совершившие преступления

* Назаренко Геннадий Васильевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет».

против половой неприкосновенности малолетних, страдающих расстройством сексуального предпочтения, не исключаям вменяемости. Общественная опасность указанных лиц заключается в том, что педофилы в силу расстройства сексуального предпочтения избирают в качестве объектов сексуального насилия и других действий сексуального характера малолетних, не достигших 14-летнего возраста.

Федеральным законом от 29 февраля 2012 г. №14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» термин «педофилия» введен в п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ, где указаны лица, которым суд может назначить принудительное лечение в случае совершения ими уголовно-противоправных деяний. Обращает на себя внимание, что законодатель использовал термин «педофилия» в п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ в качестве уточнения по отношению к термину «расстройство сексуального предпочтения», заключив понятие «педофилия» в скобки. При буквальном толковании оба термина могут рассматриваться как тождественные понятия, однако такой подход является неверным, так как в соответствии с Международной классификацией болезней 10-ого пересмотра (МКБ-10) расстройство сексуального предпочтения наряду с педофилией включает фетишизм, эксгибиционизм, вуайеризм, садомазохизм, множественные расстройства в сексуальной сфере и другие расстройства сексуального предпочтения¹. Вопреки указанной классификации в литературе необоснованно утверждается, что расстройство сексуального предпочтения — это педофилия, а педофилия — это расстройство сексуального предпочтения². При таком подходе не учитывается, что расстройство сексуального предпочтения является более широким понятием, чем педофилия.

Проблема адекватного толкования п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ порождает трудности как теоретического, так и практического характера. В одних случаях эти трудности связаны с наличием множественного расстройства сексуального предпочтения, когда сложно выделить основной диагноз, если имеет место сочетание садизма, эксгибиционизма и педофилии. В других случаях трудности имеют субъективный характер, так как недостатки законодательной формулировки создают возможности для злоупотреблений со стороны экспертов, которые на вполне законном основании могут составить заключение о наличии у подэкспертного «множественного расстройства сексуального предпочтения с элементами педофилии» либо «неуточненного расстройства сексуального предпочтения со склонностью к педофилии». В соответствии с неоднозначной формулировкой п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ при наличии такого диагноза суду остается только следовать экспертному заключению, рекомендуя либо не рекомендуя применение принудительных мер медицинского характера.

Анализ норм Особенной части УК РФ, предусматривающих ответственность за сексуальные преступления, показывает, что изменения и дополнения, внесенные в уголовное законодательство Федеральным законом от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ в определенной части препятствует назначению педофилам принудительного лечения. Указанный закон исключил из ст. 134 и ст. 135 УК РФ указание на 12-летний возраст потерпевших, так как в соответствии с примечанием к ст. 131 УК РФ половое сношение или действия сексуального характера в отношении малолетних, не достигших 12-летнего возраста, признаются совершенными в отношении беспомощного лица и подлежат квалификации по п. «б» ч. 4 ст. 131 или п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ как изнасилование или насильственные действия сексуального характера. При этом в силу прямого указания закона за совершение ненасильственного полового акта или иных действий сексуального характера в отношении лица, не достигшего 12-летнего возраста, не могут быть привлечены к уголовной ответственности по ст. 134 УК РФ несовершеннолетние в возрасте 16-17 лет, так как субъектом указанных преступлений признается взрослое лицо (лицо, достигшее 18-летнего возраста).

Кроме того, внесенное Федеральным законом примечание к ст. 131 УК РФ не разрешило проблему разграничения насильственных и ненасильственных преступлений против половой свободы и неприкосновенности (ст. 131, 132 УК и ст. 134, 135 УК) в случае совершения ненасильственных действий в отношении малолетних в возрасте от 12 до 14 лет. В связи с этим одни авторы считают, что постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» по вопросу об установлении беспомощности малолетних может применяться только с учетом примечания к ст. 131 УК РФ, которое исключает беспомощное состояние несовершеннолетних в возрасте 12–14 лет³. Другие авторы, напротив, считают, что постановление Пленума Верховного Суда РФ в отношении указанной возрастной группы не утратило актуальность, поскольку потерпевшие реально могут находиться в состоянии беспомощности.⁴ Последняя точка зрения представляется более предпочтительной, так как при решении вопроса о наличии беспомощного состояния у малолетних, достигших 12-летнего возраста, но не достигших 14 лет, судам следует руководствоваться предписаниями, сформулированными в абз. 1, п. 2 и п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11, которые не утратили своей силы.

Введение примечания к ст. 131 УК РФ, которое охватывает действия, предусмотренные ст. 134 и ст. 135 УК РФ, преследовало цель усиления защиты малолетних от посягательств педофилов. При этом законодатель исходил из того, что криминальные действия сексуального характера, которые не подпадают под признаки ст. 134 УК РФ, следует квалифицировать по ст. 135 УК РФ как развратные действия.

Примечание к ст. 131 УК РФ предписывает квалифицировать развратные действия, совершенные в отношении лица, не достигшего 12-летнего возраста как насильственные действия сексуального характера. Комментарии к УК РФ относят к развратным действиям сексуального действия физического характера (экспозиционизм, обнажение гениталий потерпевших, коитус в их присутствии) и действия интеллектуального характера (демонстрация порнографических материалов, ведение циничных разговоров на сексуальные темы и др.)⁵. В этой связи возникает вопрос в отношении обоснованности отождествления интеллектуального разврата с насильственными сексуальными действиями, поскольку лицо не достигшее 12-летнего возраста, в соответствии с примечанием «не может понимать характер и значение совершаемых им действий». В данном случае развратные действия интеллектуального характера совершаются не с ним, а в его присутствии. Равным образом не могут быть привлечены к уголовной ответственности и подвергнуты принудительному лечению лица, совершающие развратные действия в присутствии малолетнего, так как эти действия совершаются не с ним и вдобавок не осознаются малолетним в качестве развратных.

Следует отметить, что общественная опасность интеллектуального и демонстративного (визуального) разврата не соизмерима с общественной опасностью насильственных сексуальных действий, которые наказуемы по п. «б» ч. 4 ст. 135 УК РФ лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет. В этой связи необходимо согласиться с мнением авторов, которые считают, что комбинированные примечания к статьям УК РФ имеют невысокое качество и усложняют правоприменительную практику как на этапе интерпретации, так и на этапе реализации уголовно-правовых предписаний.⁶

При конструировании п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ законодатель неудачно перевел медицинские признаки педофилии на язык юридических понятий. Согласно МКБ-10 для постановки диагноза «педофилия» наряду с сексуальным предпочтением детей требуется, чтобы субъект имел возраст не менее 16 лет и был минимум на пять лет старше детей, в отношении которых совершает сексуальные поступки. В уголовном законе в качестве формального критерия (с учетом разницы в возрасте виновного и потерпевшего) в отношении лица, совершившего преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, указан возраст «старше восемнадцати лет». Тем самым законодатель необоснованно ограничил круг лиц, которым суд вправе назначить меры медицинского характера, так как исключил из числа лиц, подлежащих принудительному лечению, несовершеннолетних педофилов в возрасте 16 и 17 лет. Подобный подход противоречит международным стандартам, сформулированным в Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений, предусматривающей необходимость примене-

ния коррекционных мер в отношении несовершеннолетних, совершающих сексуальные посягательства на детей⁷.

Излишняя юридизация медицинской формулировки педофилии в ч. 1 ст. 97 УК РФ препятствует назначению принудительного лечения, соединенного с наказанием, несовершеннолетним педофилам, склонным к совершению преступлений против половой неприкосновенности детей.

Изложенное показывает, что необходима активизация правотворческой деятельности законодателя и разъяснительной деятельности Верховного Суда РФ, направленной на решение проблем, которые в настоящее время препятствуют применению принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, нуждающихся по юридическим и медицинским показателям в принудительном лечении педофилии.

¹ Классификация психических расстройств МКБ-10. URL: <http://plytech-center.ru/lib/> (дата обращения 25.07. 2014).

² См.: Дунямин И. Педофилия — это расстройство сексуального предпочтения // URL: <http://maxpark.com.user/2113283401/content/1262495> (дата обращения 25.07.2014).

³ Кибальник А. О новеллах в системе сексуальных преступлений // Уголовное право. 2012. № 6. С. 25–27.

⁴ Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / отв. ред. А.И. Рапог. М. 2013. С. 293–294.

⁵ См.: например, комментарий к УК РФ / под ред. Л.В. Инагамовой-Хегай. М., 2013. С. 192.

⁶ Ситникова А. Законодательная текстология: уголовно-правовой аспект. Saarbrücken. 2011. С. 355–366.

⁷ Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений 15.10.2007 г. (в России вступила в силу 1 декабря 2013 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 7, ст. 632.

А.П. Некрасов*

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ РФ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА НЕЕ

В условиях реформирования и становления пенитенциарной системы РФ важное значение приобретают вопросы соблюдения в учреждениях исполнения наказаний таких принципов как законности и правопорядка, обеспечения на должностном уровне проведения социально-воспитательных и психологических функций, а также исправления и предупреждения новых преступлений.

Действующее законодательство, прежде всего, регламентирует порядок исполнения и отбывания наказания и направлено на предупреждение в исправительных учреждениях все возможных проявлений преступности. Однако злостные нарушения в исправительных учреждениях все же совер-

* Некрасов Александр Петрович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФКОУ ВПО «Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний».

шаются и крайне негативно влияют на состояние безопасности и правопорядка в местах лишения свободы, а порою приводит к массовым беспорядкам и дезорганизации учреждений.

Большую общественную опасность представляют правонарушения, связанные с проникновением в исправительные учреждения средств связи¹. (сотовых телефонов). В соответствии со ст. 2 ФЗ. от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ. « О связи» под средствами связи понимается технические и программные средства, используемые для формирования, приема, обработки, хранения, передачи, доставки сообщений электросвязи или почтовых отправлений а также иные технические и программные средства, используемые при оказании услуг связи или обеспечении функционирования сетей связи, включая технические системы и устройства с измерительными функциями.

Таким образом, в качестве надежной альтернативы проводным системам появилась беспроводная связь.

Известно, что на сегодняшний день операторы сотовой связи готовы оказать широкий перечень услуг в передаче сообщений, подключение сети интернет, GPRS, хранение личных данных на достаточно удаленные расстояния, пополнению счетов мобильных телефонов, а так же пополнить собственный счет или перевести деньги на телефон родственникам или друзьям. Сегодня сотовый телефон преобразился в смартфон и в персональный компьютер. На данный момент в России насчитывается около 250 миллионов абонентов сотовой связи (активных сим карт).

С системой GSM², на работе которой основана сотовая связь, внедрены и другие стандарты передачи цифровых потоков данных по радиоканалам, такие как (Wi-Fi, Bluetooth), позволяющее по радиоволнам управлять различными аппаратными устройствами. Все перечисленные новые технологии, несомненно, приблизили человечество к новой эпохе развития, но вместе с тем и обрекли его на придумывание систем защиты, контроля, безопасности.

На фоне всемирного прогресса реализуемого за счет новейших технологий, над мировым сообществом нависла и криминальная опасность.

Расширенное представление различных услуг операторов сотовой связи, таких как оплата по счету через систему интернет, операции с переводом денежных средств по картам пользователей и т.д, привлекают мошенников, вымогателей, лиц с криминальными планами, для завладения чужими средствами. За последнее десятилетие в РФ заметно вырос показатель преступлений, связанных с хищением чужого имущества. По данным МВД России в 2013 году зарегистрировано 2206,2 тыс. преступлений, почти половину все зарегистрированных преступлений (46,7%) составляют хищения чужого имущества. Отличительно от других видов преступлений отметим стремительный рост случаев мошенничество, где за 20013 год зафиксировано - 164629³.

На данный момент в сводках МВД о состоянии преступности существует такой показатель, как мошенничество с использованием средств мобильной связи. Жажда лёгкой наживы не оставляет мошенников и в местах изоляции, где наличие сотового телефона у осужденного лица, является злостным нарушением режима отбывания наказания. Даже в учреждениях исполняющих наказание в виде лишения свободы мошенники предпринимают попытки заняться своим преступным делом.

Преступному сообществу в местах изоляции так же выгоден такой доход в казну «воровской общаг», в связи с чем в учреждениях УИС просто наводнил поток средств сотовой связи. Так в ходе обыскных мероприятий в 2013 году в ИК, ЛИУ, ЛПУ России было изъято 61377 ед. средств связи, 68,8% из них при доставке. По сравнению с 2012 годом доля изъятых средств связи увеличилась на 1,4%. Данная тенденция роста нивелирует усилия администрации учреждений по обеспечению режима и изоляции осужденных и создает угрозу пенитенциарным учреждениям не только в России, но и во всем мире. Сотовый телефон, как орудие преступления, применяется не только для осуществления мошеннических действий, он может использоваться преступным сообществом в местах изоляции для организации поставки наркотиков, осуществление побега, давление на свидетеля по уголовному делу, сотрудников учреждения. Данный факт требует изучения, выработки и принятия должных мер.

Так, например в одной из колоний в ходе досмотра посылки, предназначенной для осужденного, отбывающего наказание за убийство, сотрудники исправительной колонии №19 обнаружили и изъяли 4 сотовых телефона, сим-карту, зарядное устройство и проводную гарнитуру. Посылку с запрещенными предметами для осужденного прислал житель Краснодарского края, который спрятал их в полиэтиленовые пакеты с сахаром и сгущенным молоком, а затем «закатал» в жестяные банки из-под кабачковой икры. Отправитель бандероли будет привлечен к административной ответственности. Его ожидает крупный денежный штраф. ОБ этом телекомпания «Ахтуба» сообщила в пресс-службе УФСИН России по Волгоградской области.

ФСИН намерен сурово наказывать заключенных за использования мобильных телефонов, а правозащитники предлагают их разрешить.

В Федеральной службе исполнения наказания (ФСИН) обсуждается революционный законопроект, в котором предлагают жестко наказывать осужденных за использование мобильного телефона, вплоть до уголовной ответственности. Правозащитники считают, что ФСИН таким образом борется с потоком жалоб от заключенных на творящийся в колониях и тюрьмах произвол и избиения. Правозащитники, напротив, предлагают официально разрешить использование мобильной связи в местах лишения свободы, не понимая о том, что количество преступлений увеличится в разы.

Во ФСИН, поводом для ужесточения наказания за мобильные телефоны является забота о дисциплине и порядке среди заключенных в колониях.

По закону мобильные телефоны входят в перечень запрещенных вещей. Уже сейчас нарушителю грозит до 10 суток штрафного изолятора при обнаружении у него мобильного, но, как показывает практика, заключенных такая перспектива не пугает.

Ежемесячно при плановых обысках в СИЗО или колониях с лимитом наполнения 1 тыс. человек изымается до 300 аппаратов. По телефону зэки обсуждают дела с подельниками и родственниками на воле, руководят своими подчиненными и даже совершают различные преступления.

Например, во время бунтов преступные авторитеты координируют по телефону свои действия, - поясняет источник. Кроме того, 90% мошенничеств со звонками якобы попавших в беду людей также совершаются из колоний.

Тюремщиков беспокоят и мобильные телефоны в СИЗО, потому что тогда теряется смысл изоляции: арестанты могут информировать сообщников о ходу следствия, уничтожать улики и запугивать свидетелей.

Чтобы сломать эту ситуацию, во ФСИН рассматриваются несколько идей: от ужесточения наказания в рамках нынешних законов (увеличение срока содержания в СИЗО, лишение свиданий и других поблажек) до введения уголовной ответственности. В последнем случае зэк может получить за нелегальный телефон дополнительный срок.

Вопрос об ужесточении наказания за мобильные телефоны во ФСИН уже обсуждается, подтверждает председатель Общественной наблюдательной комиссии Москвы Валерий Борщев, который резко выступает против карательных мер - но, я считаю, что ФСИН должны бороться не с заключенными, а с техникой.

Бывший советник директора ФСИН Евгений Парушин пояснил, что ранее также принимал участие в обсуждении этого вопроса.

Мы предложили три варианта решения проблемы: первый заключался в установке больших дорогостоящих глушилок, подавляющих сигнал сотовой связи на всей территории учреждения, второй — установка до 50 небольших и более дешевых блокираторов, третий - внедрение специальной аппаратуры, фильтрующей исходящие и входящие сигналы, - рассказывает эксперт.

По его словам, ни один из вариантов не прошел. Большие глушилки вызвали негодование у операторов сотовой связи, поскольку блокировали сигналы на прилегающей к тюрьмам территории и даже лишали связи пролетающие воздушные суда. Например, местные жители жаловались, что они даже не могут вызвать по мобильному телефону скорую помощь.

Маленькие глушилки оказались ненадежными и быстро выходили из строя. Фильтрующая аппаратура не только крайне дорога, но и очень секретная — ее как в России, так и за рубежом используют в основном спецслужбы.

Новости из ФСИН взбудоражили правозащитников. Они считают, что таким образом ведомство собирается ввести в колониях информационную блокаду. В первую очередь это коснется эзков, которые сейчас оперативно жалуются на творящийся в колониях произвол и насилие.

Во всех случаях осужденные об избиениях и издевательствах сообщают по телефону, приложив к жалобам фотографии. Со слов сотрудников, в качестве контрмеры правозащитники предлагают узаконить мобильную связь в местах лишения свободы. Соответствующий законопроект уже обсуждается на сайте открытого правительства.

Мы предлагаем разрешить пользоваться мобильной связью осужденным, которые не нарушают режима содержания и правил внутреннего распорядка. Кроме того, по их мнению, разрешение сотовой связи поможет частично победить коррупцию.

В этом году сотрудники УФСИН РФ столкнулись с новым способом поставки наркотиков в колонии через средство сотовой связи.

За 8 месяцев текущего года в исправительных учреждениях в одном из субъектов РФ было изъято 774 сотовых телефонов, 75 литров спиртных напитков, более 44 тысяч рублей.

Способы сокрытия запрещенных предметов с целью доставки осужденным родственникам и иным лицам отличаются все большей ухищренностью и изобретательностью. Так, например в одном из учреждений героин был найден в семечке.

А один из заключенных исправительной колонии № 10 г. Менделеевска республики Татарстан решил из кошки сделать наркокурьера. Он связался с приятелями на свободе и объяснил им суть своего плана. Нацепив ошейник с наркотиками на животное, они оставили его у колонии, в которой сидел их приятель. Но преступники не учли одного, что охрана колонии уже знала о готовящейся переброске героина и готовилась принять меры.

Едва кошка попала в исправительное учреждение, как ее поймали и сняли ошейник. Получатель героина также был задержан. В отношении него возбуждено уголовное дело.

В этом году сотрудники УФСИН столкнулись с новым способом поставки наркотиков в колонии — марки, которые клеятся к письмам, стали пропитывать наркотическими веществами, также наркотики находят непосредственно под марками, в складах писем.

Несмотря на то, что способы поставки наркотических веществ и запрещенных предметов постоянно совершенствуются, от ответственности никто не уходит — ни осужденные, которым предназначаются данные запрещенные вещества, ни те, кто организует данный вид преступления.

Все исправительные учреждения республики оснащены металлоискателями, где-то они стационарные, а где-то портативные (ручные). Они используются для обнаружения в вещах, предназначенных осужденным запрещенных предметов, а также обследования лиц, прибывающих на свидания к заключенным.

К примеру, в одном из ИК Самарской области при заходе на короткое свидание к заключенному, его гражданская жена в дамской сумочке пыталась пронести 5 sim-карт для мобильного телефона.

Но запрещенные вещества не только проносят, но и перебрасывают на территорию исправительного учреждения и следственных изоляторах оборудованы видеокамерами, а также используется наглядная агитация, ведется патрулирование режимной территории.

Осужденные и их родственники предупреждаются об ответственности за пронос и передачу запрещенных предметов. В комнатах ожидания по телевизору демонстрируются факты задержания лиц, пытавшихся доставить в учреждения запрещенные предметы, с указанием мер административной и уголовной ответственности.

Обнаружение и изъятые средства мобильной связи, собственник которых не установлен, сдаются на склад учреждения. После шести месяцев хранения на складе в суд направляется исковое заявление. По решению суда средства мобильной связи признаются бесхозными и передаются в доход государства.

К слову, осужденные вовлекают в совершение преступлений не только своих родственников и знакомых, но и сотрудников исправительных учреждений, обещая им вознаграждение. В текущем году было зарегистрировано 8 таких фактов, из них 4 факта были связаны с передачей наркотических веществ осужденным. В данном случае речь идет о ИУ Самарской области.

Заключенным, совершившим преступления находясь в местах лишения свободы, ужесточаются режим содержания. Уголовную ответственность за так называемые неслужебные связи несут и сотрудники исправительных учреждений. К примеру, один из сотрудников ИК, покушавшийся на сбыт наркотического вещества был осужден к 9 годам лишения свободы.

Уголовная ответственность наступает и в отношении гражданского персонала исправительных учреждений, которые идут на сделки и заключенными. В одном случае медсестра согласилась на уговоры осужденного пронести ему тюбик с шампунем, в котором находилось 50 таблеток наркотического вещества «экстази». Женщина уволена с работы, а в отношении нее возбуждено уголовное дело.

Таким образом, незаконное наличие данных технических средств связи у осужденных лиц создаёт реальную угрозу безопасности как внутри ИУ, так и за его пределами. Данная проблема по причине всеобщего технического прогресса имеет международный масштаб, во всех пенитенциарных учреждениях мира администрация ведёт неустанную работу по перекрытию каналов проникновения средств сотовой связи, поиску и изъятию мобильных телефонов у осужденных. На данный момент в работе ИУ по данному направлению как в России, так и за рубежом нарабатывается опыт противодействия незаконному наличию средств сотовой связи в местах лишения свободы. В основном опыт связан с применением высокотехнологичных

приборов обнаружения и приборов создающих волновые помехи работы телефонов, а так же основ стратегии в их использовании.

Не стоит забывать и об ухищрениях, применяемых для сокрытия средств сотовой связи. Осуждённые, отбывающие наказание и лица, доставляющие телефоны, маскируют сотовые телефоны сим карты и аксессуары к ним под предметы обихода, продукты питания, используют тайники в зданиях и помещениях, транспортных средствах, в одежде и даже применяют для сокрытия сотовых телефонов естественные полости человека. Для выявления данных фактов сотрудникам ИУ необходимо не только в совершенстве применять технические средства, но и обладать навыками наблюдения за поведением лиц, осуществляющих различные ухищрения, своевременно их распознавая.

Особую роль могла бы сыграть международная интегрированная база данных киберпреступников, в которой фиксировались лица, склонные к совершению преступлений в сфере компьютерной информации, криминалистическая характеристика совершенных преступлений и т.д. При этом необходимо разработать и внедрить легендированные закрытые каналы доступа в сеть между подразделениями киберполиции различных стран для повседневной и экстренной связи. Возможно, международные соглашения должны включать некоторые процессуальные санкции.

Наметившийся подъем российской экономики неизбежно вызовет дальнейшее развитие телекоммуникаций. Это еще на один шаг приблизит нас к странам, обладающим развитой информационной инфраструктурой, но неизбежно повлечет дальнейший рост преступности, в том числе трансграничной.

Таким образом, создание более современных и действенных отделов (управлений) на территории РФ по борьбе с киберпреступлениями на основе модернизированной и эффективной техники позволило бы вести более успешную борьбу с правонарушениями в сфере компьютерной информации.

Представителям общественности предлагается совместно с сотрудниками правоохранительными органами обсудить вышеупомянутую тему и придти к конструктивному диалогу вплоть до ужесточения наказаний за сбыт и незаконное пользование мобильной связью на территории режимного учреждения. Анализ незаконного оборота без проводной связи как средства общения показал, что с ее помощью на территории колонии, так и вне ее все больше и больше совершаются тяжкие и особо тяжкие преступления.

¹ Федеральный закон «О связи» № 126 от 7 июля 2003 г.

² GSM (Global System for Mobile Communications) в пер. с англ. — глобальная система мобильных коммуникаций.

³ Состояние преступности — январь–декабрь 2013 года // МВД РФ. URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/1609734/> (дата обращения: 25.05.2014).

Т.В. Непомнящая*

СИСТЕМА МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Одним из дискуссионных в теории отечественного уголовного права является вопрос о системе мер уголовно-правового воздействия. И это не смотря на то, что в последние годы этой проблеме посвящен ряд монографий¹, диссертационных исследований² и отдельных публикаций³.

Так, отдельными учеными обосновывается мнение о необходимости употребления термина «система мер уголовно-правового воздействия» вместо термина «система наказаний»⁴. Более распространенным в теории уголовного права является мнение, что систему мер уголовно-правового воздействия наряду с видами наказания образуют и иные меры уголовно-правового характера⁵. Многими учеными используется такое понятие, как «меры уголовно-правового характера»⁶, тем более, что законодатель использует оба этих термина. В частности, Раздел VI УК РФ посвящён иным мерам уголовно-правового характера, а Инструкция по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, утвержденная приказом Минюста РФ от 20 мая 2009 г. № 142 — мерам уголовно-правового характера⁷. Отдельные исследователи употребляют и такое понятие, как некарательные меры уголовно-правового характера⁸.

Но как соотносятся между собой меры уголовно-правового воздействия, меры уголовно-правового характера, иные меры уголовно-правового характера и некарательные меры уголовно-правового характера?

На наш взгляд, ориентироваться следует на позицию законодателя, который в УК РФ указывает на возможность применения за совершение преступления наказания и иных мер уголовно-правового характера. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 2 УК РФ, для осуществления своих задач Уголовный кодекс РФ устанавливает основание и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений. Наказание и иные меры уголовно-правового характера должны быть справедливыми (ч. 1 ст. 6 УК РФ), они не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства (ч. 2 ст. 7 УК РФ).

Анализ выражения «наказание и иные меры уголовно-правового характера» позволяет утверждать, что «иные» — это «другие», т.е. отличные от наказания меры и наказание является одной из мер уголовно-правового характера.

* Непомнящая Татьяна Викторовна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского».

Объединяет эти меры с уголовным наказанием то, что они возможны за совершение преступлений. Любая мера уголовно-правового характера, как и наказание, является мерой государственного принуждения, так как применяется не с согласия осужденного, а в принудительном порядке и ее реализация обеспечивается деятельностью соответствующих органов государства. Применение мер уголовно-правового характера связано с определенными правоограничениями и возложением на осужденного дополнительных, по сравнению с общим статусом, обязанностей, но они не столь существенны, как в случае назначения уголовного наказания. Отличие мер уголовно-правового характера от уголовного наказания заключается в следующем: эти меры не включены в законодательный перечень видов наказаний (ст. 44 УК РФ); они не указаны в санкциях норм Особенной части УК РФ; они не сопряжены с существенным ограничением правового статуса осужденных.

Таким образом, в самом общем виде меры уголовно-правового характера можно определить как предусмотренные уголовным законом меры, применяемые к лицам, совершившим преступления. Основанием применения таких мер является признание лица виновным в совершении преступления. Уголовное наказание является основной формой реализации уголовной ответственности. Однако уголовная ответственность не исчерпывается наказанием, она может быть реализована и посредством других (иных) мер уголовно-правового характера.

Что касается предложения Ф.К. Набиуллина о введении в уголовное законодательство нового понятия — некарательных мер уголовно-правового характера⁹, то оно представляется излишним, поскольку не согласуется с положениями ч. 2 ст. 2 УК РФ, ч. 1 ст. 6 УК РФ, ч. 2 ст. 7 УК РФ о наказании и иных мерах уголовно-правового характера. Кроме того, в числе указанных мер автор называет не что иное, как иные меры уголовно-правового характера.

Дискуссионным является и вопрос о том, следует ли отождествлять меры уголовно-правового воздействия и меры уголовно-правового характера? Так, В.К. Дуюнов считает, что необходимо выделять две группы мер: меры уголовно-правового воздействия и меры уголовно-правового характера¹⁰. Но большинство ученых отождествляют указанные меры. Так, например, по мнению А.И. Чучаева, А.П. Фирсовой и других ученых, легальное обозначение «меры уголовно-правового характера» вообще следует заменить на более подходящее терминологическое сочетание «уголовно-правовое воздействие»¹¹. Отождествляют меры уголовно-правового воздействия и меры уголовно-правового характера также А.В. Наумов, В. Давыденко, Р.М. Акутаев, Д.Ю. Мананников, Е.В. Медведев, А.В. Звонов и многие другие ученые¹².

На наш взгляд, с этой позицией следует согласиться. В самом общем виде можно отметить, что уголовно-правовое воздействие — это реализация в отношении лиц, совершивших преступление, уголовной ответствен-

ности путем применения к ним наказания или иных мер уголовно-правового характера. Отсюда следует, что меры уголовно-правового воздействия и меры уголовно-правового характера — это одно и то же. Подтверждением данной позиции служит и то, что законодатель также отождествляет указанные термины: в УК

РФ один из видов мер уголовно-правового характера именуется принудительными мерами воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ), а другой вид - принудительными мерами медицинского характера (ст. 97 УК РФ), в УИК РФ говорится об оказании исправительного (ст. 68 УК РФ, ст. 8 УИК РФ), общественного (ст. 9 УИК РФ) и воспитательного (глава 15 УИК РФ) воздействия на осужденных. Хотя, на наш взгляд, следовало бы обратить внимание законодателя на необходимость устранения такого разнобоя в терминах.

Нельзя также не отметить, среди ученых нет единой точки зрения и о том, какие меры следует относить к иным мерам уголовно-правового характера. Введение законодателем в УК РФ Раздела VI «Иные меры уголовно-правового характера» в связи с принятием Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ и признание таковыми двух мер — принудительных мер медицинского характера и конфискации имущества, — только усложнило решение указанного вопроса, поскольку абсолютное большинство ученых не согласны с законодателем в том, что к иным мерам уголовно-правового характера следует относить две указанные меры. Лишь отдельные авторы согласны с законодателем в этом вопросе и к иным мерам уголовно-правового характера они относят принудительные меры медицинского характера и конфискацию имущества¹³.

Так, отдельные ученые классифицируют данные меры, выделяя их различные виды. В частности, по мнению К.Н. Карпова, в зависимости от механизма уголовно-правового воздействия, определяемого непосредственными (ближайшими) целями, иные меры уголовно-правового характера должны быть классифицированы следующим образом: 1) Меры безопасности: а) принудительные меры медицинского характера; б) принудительные меры воспитательного воздействия; 2) Меры стимулирования правомерного постпреступного поведения: а) условное осуждение; б) освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием; в) освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим; г) условно-досрочное освобождение; д) отсрочка отбывания наказания; 3) Меры восстановления экономических (материальных) правоотношений, нарушенных в результате совершения преступления — изъятие имущества, полученного в результате совершения преступления, в целях возмещения вреда, причиненного преступлением, либо изъятие предметов, выступивших орудием совершения преступления («специальная конфискация имущества»)¹⁴.

Другие ученые называют более узкий перечень рассматриваемых мер, не классифицируя их. Так, например, по мнению А. Чучаева, к иным мерам

уголовно-правового характера следует относить принудительные меры медицинского характера, конфискацию имущества, принудительные меры воспитательного воздействия, помещение несовершеннолетних в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органа управления образованием, а по мнению В.И. Горбцова — условное осуждение, принудительные меры медицинского характера, принудительные меры воспитательного воздействия, а в случае закрепления на законодательном уровне — меры постпенитенциарного воздействия¹⁵. М.Ф. Гареев в диссертационном исследовании, посвященном иным мерам уголовно-правового характера, к таковым относит принудительные меры воспитательного воздействия, принудительные меры медицинского характера, условное осуждение, отсрочку отбывания наказания и условно-досрочное освобождение¹⁶. Но данный вопрос является настолько дискуссионным, что привести все или даже большинство точек зрения ученых по нему не представляется возможным. Проведенный анализ все же показал, что чаще всего различные авторы к иным мерам уголовно-правового характера относят принудительные меры медицинского характера, принудительные меры воспитательного воздействия, конфискацию имущества, условное осуждение, отсрочку отбывания наказания, условно-досрочное освобождение.

Значительной спецификой обладает мнение С.Г. Келиной, которая в числе рассматриваемых мер называет дополнительные виды наказания, которые могут применяться по усмотрению суда независимо от того, определены или не определены они в санкции за конкретное преступление (лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 47 УК РФ), а также лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград (ст. 48 УК РФ)). Но данная позиция вызывает серьезные возражения. Как уже отмечалось, юридическая природа рассматриваемых мер заключается в том, что это меры, альтернативные уголовному наказанию. В случае признания лица виновным в совершении преступления к нему судом применяется наказание либо иные меры уголовно-правового характера (не являющиеся наказанием). Не случайно законодатель в ч. 2 ст. 2, ч. 1 ст. 6, ч. 2 ст. 7 УК РФ и ст. 7 УИК РФ разграничивает эти понятия.

Важно отметить, что отдельные ученые (в частности, С.Г. Келина, Л.Р. Клебанов, А.И. Чучаев и А.П. Фирсова) к числу иных мер уголовно-правового характера относят судимость¹⁷. Но в отличие от всех указанных выше мер судимость является особым правовым последствием обвинительного приговора суда с применением наказания. В соответствии со ст. 86 УК РФ, лицо, осужденное за совершение преступления, считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу до момента погашения или снятия судимости. Таким образом, можно утверждать, что юридическая природа судимости и иных мер уголовно-правового характера различна.

Довольно спорным является вопрос о том, следует ли относить к иным мерам уголовно-правового характера принудительные меры медицинского характера. В частности, по мнению С.Г. Келиной, «что касается невменяемых, то их принудительное лечение никак не связано с совершением преступления, субъектом которого они не являются в силу невменяемости. ... Ст. 2 УК допускает применение «иных мер уголовно-правового характера» только за «совершение преступления». Поэтому прежнее название раздела VI Общей части УК РФ — «Принудительные меры медицинского характера» — было более точным»¹⁸.

На наш взгляд, с позицией С.Г. Келиной следует согласиться. Уголовной ответственности и наказанию подлежат только вменяемые лица, т.е. осознающие фактический характер происходящего и способные руководить своим поведением. Поэтому если общественно опасное деяние совершается в состоянии невменяемости, лицо не является субъектом преступления и не может нести уголовную ответственность. Несмотря на принудительный характер, эти меры в отношении невменяемых являются способами лечения, а не формой реализации уголовной ответственности. В данном случае лица подвергаются не карательному, а лечебному воздействию.

Но принудительные меры медицинского характера могут применяться судом не только к невменяемым, но и к лицам, совершившим преступление и страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемости (т.е. к ограниченно вменяемым) (в соответствии с ч. 2 ст. 22 и п. «в» ч. 1 ст. 97 УК РФ). На основании ч. 2 ст. 99 УК РФ и ст. 18 УИК РФ принудительные меры медицинского характера назначаются в таких случаях наряду с наказанием.

Таким образом, по своей юридической природе и по основаниям применения принудительные меры медицинского характера не однородны. И если в отношении невменяемых они не могут выступать иной мерой уголовно-правового характера, то в отношении ограниченно вменяемых они являются таковыми.

Одним из наиболее дискуссионных является вопрос о том, следует ли согласиться с мнением законодателя и отдельных ученых в том, что конфискация имущества — также одна из иных мер уголовно-правового характера.

В соответствии со ст. 104.1 УК РФ, конфискацией имущества законодатель признает принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора определенного имущества, указанного в этой норме. Но вряд ли предмет конфискации назван законодателем в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ исчерпывающим образом. В современных условиях часто встречается ситуация, когда собственность не является ни орудием или средством совершения преступления, ни его предметом. По многим преступлениям, таким, как, наркоторговля, экономические преступления и другие, довольно сложно определить размер собственности, полученной от преступной деятельности. Конфискация в том виде, в котором она сейчас закреплена в УК РФ,

практически невозможна, если имущество, полученное в результате совершения преступления, легализовано, добытые средства пущены в оборот, на них приобретено иное имущество и т.д. Вызывает сомнения и перечень преступлений, указанных в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ.

Установление конфискации в качестве дополнительного вида уголовного наказания представляется более эффективным. Во многом это связано с тем, что конфискация имущества имела бы более серьезный предупредительный эффект. Одним из серьезных аргументов в пользу введения конфискации имущества в уголовное законодательство в качестве дополнительного наказания является рост корыстной и корыстно-насильственной преступности в последние годы в нашей стране. А конфискация и должна быть направлена в первую очередь на борьбу именно с такими преступлениями. Ее роль как раз и состоит в усилении карательно-воспитательного воздействия на осужденного к основному виду наказания (лишению свободы) путём воздействия на его имущественные интересы.

На наш взгляд, Глава 15.1 УК РФ, посвященная конфискации имущества, должна быть исключена из УК РФ. Конфискацию необходимо вновь включить в систему наказаний в качестве дополнительного вида наказания и установить ее за совершение тяжких и особо тяжких преступлений корыстной направленности наряду с лишением свободы.

Таким образом, к иным мерам уголовно-правового характера следует отнести отсрочку отбывания наказания (ст. 82 и 82 УК РФ), условное осуждение (ст. 73 УК РФ), условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ), освобождение от уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90, 92 УК РФ), принудительные меры медицинского характера, соединенные с исполнением наказания (ч. 2 ст. 99 УК РФ и ст. 18 УИК РФ).

Проведенный анализ свидетельствует, что иные меры уголовно-правового характера неоднородны. Но объединяет их то, что все они являются формами реализации уголовной ответственности, а также то, что они выступают альтернативой реальному наказанию. Вместе с уголовным наказанием эти меры и образуют систему мер уголовно-правового воздействия (характера).

Исходя из изложенного, вряд ли можно согласиться с точкой зрения И. Звечаровского, который считает, что система мер уголовно-правового характера включает 1) подсистему видов освобождения от уголовной ответственности; 2) подсистему видов наказаний, включая а) смягчение или усиление наказания; б) назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление; в) условное осуждение; г) отсрочку отбывания наказания; 3) подсистему видов освобождения от наказания; 4) подсистему видов освобождения от отбывания наказания; 5) подсистему видов замены неотбытой части наказания, включая замену а) более мягким наказанием; б) более строгим наказанием; б) погашение или снятие

судимости¹⁹. Основным недостатком данной точки зрения является то, что И. Звечаровский объединяет в одну систему институты и нормы, различные по своей юридической природе. Меры уголовно-правового характера он трактует слишком широко. Кроме того, отнесение смягчения или усиления наказания к данным мерам только лишь в связи с тем, что таковые изменяют уголовно-правовой статус личности, вряд ли целесообразно. Вызывает возражения и отнесение к таким мерам погашение или снятие судимости.

При рассмотрении понятия, юридической природы и системы мер уголовно-правового характера возникает вопрос о необходимости расположения всех этих мер в одном разделе или главе УК РФ, как это сделано во многих зарубежных кодексах. И вопрос этот является достаточно спорным.

Так, по мнению Ф.Р. Сундурова, «более предпочтительным представляется обособление норм, регламентирующих альтернативные наказанию меры уголовно-правового характера, в отдельной главе УК РФ, поместив ее за Главой 10»²⁰. В.Е. Новичков и С.А. Рыкова считают, что все иные меры уголовно-правового характера следует сосредоточить в Главе 9 УК РФ, озаглавив ее «Понятие и цели наказания. Виды наказаний и иных мер уголовно-правового характера».²¹ Иного мнения придерживается С.Г. Келина, которая пишет, что вопрос о размещении законодательного материала должен решаться в соответствии с национальными традициями. В отличие от зарубежного уголовного законодательства, в России принята иная система уголовного законодательства²².

На наш взгляд, позиция С.Г. Келиной является более предпочтительной. Ввиду специфики вряд ли целесообразно выделять все меры уголовно-правового характера в одной главе УК РФ. Нормы, посвященные условному осуждению (ст. 73–74 УК РФ) традиционно располагаются в Главе 10 УК РФ «Назначение наказания», а освобождению от наказания (ст. 79, ст. ст. 82 и 82 УК РФ) — в Главе 12 УК РФ «Освобождение от наказания». Нормы, закрепляющие возможность применения к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия, законодатель обособно поместил в главе 14 УК РФ «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» и т.д.

Как уже отмечалось, следует исключить из УК РФ Главу 15.1 «Конфискация имущества» и вновь включить конфискацию имущества в систему наказаний в качестве дополнительного вида наказания, установив ее за совершение тяжких и особо тяжких преступлений корыстной направленности наряду с лишением свободы. Раздел VI УК РФ следует именовать «Принудительные меры медицинского характера», а не «Иные меры уголовно-правового характера».

¹ Дуюнов В.К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. М., 2003; Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: Уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004; Чучаев А.И., Фирсова А.П. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация. М., 2010; Есаков Г.А., Понятовская Т.Г., Рарог А.И. и др. Уголовно-правовое воздействие / под ред. А.И. Рарога. М., 2012 и др.

² Фирсова А.П. Объект уголовно-правового воздействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2009; Бавсун М. В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2013 и др.

³ Ермолович Я.Н. Уголовная ответственность и уголовно-правовое воздействие // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 6 (11). С. 96–116; Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовое воздействие и его пределы // Правоведение. 2011. № 2. С. 174–179; Мочалова О.А. О понятии мер уголовно-правового воздействия // Вектор науки ТГУ. 2010. № 3(3); Солонин А.Ю. К вопросу о повышении эффективности уголовно-правового воздействия // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 10. С. 88–92 и др.

⁴ Ширяев В.Ф. Наказание в системе мер уголовно-правового воздействия (Содержание, проблемы совершенствования): дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2001.

⁵ Келина С.Г. Наказание и иные меры уголовно-правового характера // Государство и право. 2007. № 6; Новичков В.Е., Рыкова С.А. «Иные меры уголовно-правового характера»: понятие и система // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2007. № 1; Клебанов Л.Р. 10 лет Уголовному кодексу РФ: достоинства и недостатки // Государство и право. 2006. № 9; Лазуткин А.И. Социально-правовая характеристика принципов института назначения наказания и иных мер уголовно-правового характера // Российский следователь. 2004. № 9; Сундугов Ф.Р. Наказание и альтернативные меры в уголовном праве. Казань, 2005 и др.

⁶ Курганов С. Меры уголовно-правового характера // Уголовное право. 2007. № 2; Звечаровский И. Понятие мер уголовно-правового характера // Законность. 2007. № 1; Лавров В.В. Меры уголовно-правового характера в современной системе обеспечения правопорядка (проблемы и перспективы) // Российский следователь. 2007. № 4 и др.

⁷ Российская газета. 2009. 14 авг.

⁸ Набиуллин Ф.К. Некарательные меры уголовно-правового характера: природа, система и социально-правовое назначение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008.

⁹ Набиуллин Ф.К. Некарательные меры уголовно-правового характера: природа, система и социально-правовое назначение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008.

¹⁰ Дуюнов В.К. Уголовно-правовое воздействие, теория и практика: монография. М., 2003.

¹¹ Чучаев А.И., Фирсова А.П. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация. М., 2010; Есаков Г.А., Понятовская Т.Г., Рагог А.И. и др. Уголовно-правовое воздействие / под ред. А.И. Рагога. М., 2012.

¹² Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1996. С. 51; Давыденко В. Помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа как мера уголовно-правового воздействия // Уголовное право. 2011. № 5. С. 9–12; Акутаев Р.М. Понятие и система мер уголовно-правового характера, их отличие от наказания // Российская юстиция. 2014. № 4. С. 44–48; Мананников Д.Ю. Условное осуждение военнослужащих. Серия: Право в Вооруженных Силах — консультант. М., 2014. Вып. 136; Медведев Е.В. Понятие и сущность условного осуждения как инструмента уголовно-правового воздействия // Общество и право. 2010. № 2. С. 107–112; Звонов А.В. Теоретические и практические аспекты содержания системы мер уголовно-правового характера // Вестник Кузбасского института. 2014. № 2 (19). С. 138–143 и др.

¹³ Косевич Н.Р. Иные меры уголовно-правового характера как проявление предупредительной и правозащитной направленности уголовной политики Российской Федерации в судебных решениях // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». 2013.

¹⁴ Карпов К.Н. Иные меры уголовно-правового характера как средство противодействия совершению преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2011. С. 7–8.

¹⁵ Чучаев А. Конфискация возвращена в Уголовный кодекс, но в другом качестве // Законность. 2006. № 9. С. 12; Горобцов В.И. О совершенствовании правового регулирования принудительных мер воспитательного воздействия // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики: Межвузовский сборник научных трудов. Красноярск, 2003. Вып. 6. С. 59.

¹⁶ Гареев М.Ф. Цели иных мер уголовно-правового характера и средства их достижения по российскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 8, 15.

¹⁷ Келина С.Г. Наказание и иные меры уголовно-правового характера // Государство и право. 2007. № 6. С. 57; Клебанов Л.Р. 10 лет Уголовному кодексу РФ: достоинства и недостатки // Государство и право. 2006. № 9. С. 111; Чучаев А.И., Фирсова А.П. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация. М., 2010. С. 54–55.

¹⁸ Келина С.Г. Наказание и иные меры уголовно-правового характера // Государство и право. 2007. № 6. С. 55.

¹⁹ Звечаровский И. Понятие мер уголовно-правового характера // Законность. 2007. № 1.

²⁰ Сундугов Ф.Р. Наказание и альтернативные меры в уголовном праве. Казань, 2005. С. 179.

²¹ Новичков В.Е., Рыкова С.А. Иные меры уголовно-правового характера: понятие и система // Бизнес в законе. 2007. № 1. С. 85.

²² Келина С.Г. Наказание и иные меры уголовно-правового характера // Государство и право. 2007. № 6. С. 58.

Т.Н. Нуркаева*

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ И ФОРМАХ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

Уголовный закон не знает термина «уголовно-правовое воздействие». Он появился в теории уголовного права относительно недавно. Издан ряд монографий, защищены диссертации, посвященные непосредственно данной проблеме¹, однако до сих пор не выработано единого подхода к пониманию данного явления. Между тем необходимость в этом вполне очевидна, ибо термин «уголовно-правовое воздействие» наиболее точно показывает свое предназначение — выражать позицию государства в отношении лиц, преступивших уголовный закон.

Существующие ныне в уголовном законе термины «наказание и иные меры уголовно-правового характера», конечно, тесно связаны с уголовно-правовым воздействием, являются важнейшими мерами уголовно-правового воздействия, однако не исчерпывают всего его содержания. Термин «уголовно-правовое воздействие» — понятие более емкое. Если обратиться к этимологии этого слова, то согласно словарю русского языка С.И. Ожегова, «воздействие — это действие, направленное на кого-либо с целью добиться чего-нибудь»²; «воздействовать — оказав влияние, добиться необходимого результата»³. Не случайно синонимами слова «влияние» являются слова «воздействие», «действие»⁴.

Некоторые авторы рассматривают уголовный закон с позиции комплекса мер уголовно-правового воздействия в узком смысле, способного оказывать влияние непосредственно на лиц, совершивших преступление. В частности, такой позиции придерживается М.В. Бавсун. С его точки зрения, уголовный закон с теми средствами, которые в нем содержатся, в большей степени ориентирован на частное предупреждение преступлений, совершаемых конкретными лицами. Общая превенция предполагает наличие средств и методов, далеко выходящих за пределы конкретных законодательных предписаний, что обусловлено именно объектом общепредупредительного воздействия⁵.

Думается, что такой подход не раскрывает в полной мере всех возможностей воздействия уголовного закона. Во-первых, в юридической литературе справедливо подчеркивается, что уголовно-правовое воздействие касается не только лиц, совершивших общественно опасное деяние, содержащее все признаки конкретного состава преступления, но и лиц, которые, хотя и совершили общественно опасное деяние, но по тем или иным причинам не могут быть признаны субъектами преступления. К ним, в частности, относятся малолетние, невменяемые. В этой части наиболее удачным

* Нуркаева Татьяна Николаевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВПО «Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».

представляется определение понятия уголовно-правового воздействия, данное А.И. Чучаевым, А.П. Фирсовой. По их мнению, уголовно-правовое воздействие можно определить как основанное на уголовном законе принуждающее влияние, применяемое государством в ответ на совершение запрещенных УК РФ общественно опасных деяний в целях их специального предупреждения⁶. Указанные авторы справедливо высказывают недоумение и по поводу сложившейся в уголовно-правовой науке «практике игнорирования» иных мер уголовно-правового характера⁷.

Полагаем, что ч. 2 ст. 2 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) нуждается в корректировке, ибо согласно этой статье УК РФ предусматривает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений. Однако последние применяются не только за совершение преступлений, но и за совершение общественно опасных деяний, не являющихся преступлениями. Поэтому ч. 2 ст. 2 УК РФ предлагается дополнить следующим предложением: «Иные меры уголовно-правового характера могут применяться и к лицам, совершившим общественно опасные деяния, но не обладающим признаками субъекта преступления».

Во-вторых, уголовный закон воздействует не только на лиц, преступивших его нормы. Определенное влияние нормы уголовного закона оказывают и на обычных законопослушных граждан. В свое время по этому поводу М.И. Ковалев очень точно заметил: «...Применение правовых норм есть лишь одна из форм жизни права... Но, кроме этого, у права есть более сложная и скрытая форма воздействия на общественную жизнь, которая заключается в организующей, воспитательной и мобилизующей роли, присущей праву самим фактом своего существования. И уже оно порождает определенные правоотношения государства и граждан между собой»⁸. Это в полной мере относится и к уголовному праву.

Действительно, само существование запретительной уголовно-правовой нормы служит сдерживающим фактором для определенной части населения. Такие нормы, воздействуя на сознание людей, заставляют их соотносить свое поведение с требованиями нормы, воспитывая их в духе уважения к закону. Тем самым выполняется важнейшая задача уголовного права — задача общей превенции, т.е. предупреждения совершения преступлений обычными гражданами, что является приоритетным направлением уголовной политики.

Кстати, этот факт не отрицает и М.В. Бавсун. Из приведенного им опроса 1100 граждан г. Омска (29,3%) дали положительный ответ, указав на сдерживающую функцию уголовно-правовых предписаний⁹.

С учетом сказанного можно дать более полное определение уголовно-правового воздействия, под которым понимается влияние государства, соответствующих государственных органов на лиц, совершивших преступление, либо общественно опасное деяние, не являющееся преступлением, осуществляемое с помощью инструментов (мер), предусмотренных уголовным законом с целью их специального предупреждения, а также влияние

основных положений, принципов, норм уголовного закона на поведение законопослушных граждан в целях общего предупреждения преступлений.

Таким образом, общепредупредительное воздействие уголовного закона возможно только в отношении лиц вменяемых, способных понимать общественно опасный характер совершаемых действий и правильно воспринимать уголовно-правовую норму, устанавливающую запрет на то или иное поведение граждан.

Естественно возникает вопрос: с помощью каких мер (инструментов) осуществляется уголовно-правовое воздействие?

В юридической литературе нет разногласий в том, что центральное место в системе мер уголовно-правового воздействия принадлежит наказанию, которое назначается судом и применяется к лицам, совершившим преступление. Кроме того, к мерам уголовно-правового воздействия, предусмотренным уголовным законом, относится применение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним при освобождении их от уголовной ответственности или наказания согласно ст. 90, 92 УК РФ.

К мерам уголовно-правового воздействия относятся также принудительные меры медицинского характера, которые применяются к лицам, совершившим общественно опасные деяния в состоянии невменяемости (п. «а» ч. 1 ст. 97 УК РФ); к лицам, заболевшим психической болезнью после совершения преступления, которые в связи с этим освобождаются от дальнейшего отбывания наказания (п. «б» ч. 1 ст. 97, ч. 1 ст. 81 УК РФ). Принудительные меры медицинского характера в виде принудительного наблюдения и лечения у врача-психиатра в амбулаторных условиях могут быть, наряду с наказанием, назначены лицам, совершившим преступление и страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемости (пп. «в» и «д» ч. 1 ст. 97, ч. 2 ст. 99 УК РФ).

Самостоятельной мерой уголовно-правового воздействия, предусмотренной уголовным законом, является конфискация имущества, под которой понимается принудительное безвозмездное изъятие и обращение имущества в собственность государства на основании обвинительного приговора (ч. 1 ст. 104.1 УК РФ).

Некоторые авторы не без оснований в качестве самостоятельной меры уголовно-правового воздействия рассматривают условное осуждение, которое, с их точки зрения, является особой формой выражения реакции государства на совершение преступления¹⁰, либо особым порядком назначения наказания¹¹, либо иной мерой уголовно-правового характера¹². Представляется, что, поскольку применение условного осуждения возможно лишь при назначении судом конкретных видов основных наказаний (исправительных работ, ограничения по военной службе, содержания в дисциплинарной воинской части и лишения свободы), то точнее было бы говорить об особом порядке реализации назначенного судом наказания¹³.

Особенность перечисленных мер уголовно-правового воздействия состоит в том, что всем им присуще принуждение, обеспечиваемое принудительной силой государства.

Вместе с тем полагаем, что уголовно-правовое воздействие не исчерпывается только мерами принудительного характера, оно возможно и с помощью поощрительных мер. К таковым, в частности, относятся общие виды освобождения от уголовной ответственности (ст. 75–78 УК РФ), специальные виды освобождения от уголовной ответственности (примечание к ст. 122, 126, 127.1, 205 УК РФ и другим), а также безусловные виды освобождения от уголовного наказания (ст. 80.1, 83 УК РФ).

Однако в литературе существуют и другие мнения. Своеобразную позицию в этом вопросе занимает В.К. Дуюнов. Он полагает, что в случаях освобождения лица от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям (ст. 75–78 УК РФ) уголовно-правовое воздействие присутствует, но лишь как своеобразная форма проявления кары, под которой он понимает негативную реакцию на нарушение субъектом той или иной социальной нормы — нормы морали, религии, корпоративной, правовой¹⁴.

Думается, что такой широкий подход к пониманию кары вряд ли оправдан. В этом случае границы применения кары будут необоснованно «размыты».

Между тем согласно толковому словарю русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой кара понимается как наказание, возмездие¹⁵. Синонимом слова «качать» является слово — «наказывать»¹⁶. Кара как причинение лицу, признанному виновным в совершении преступления, различного рода страданий, лишений, выразившихся в ограничении его личных, трудовых, имущественных и иных прав и свобод, является неотъемлемым свойством наказания, выражающим его сущность. Поэтому следует поддержать мнение тех, кто оспаривает наличие карательного воздействия в факте освобождения лица от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям¹⁷. Действительно, заложенный в мерах подобного рода объем воздействия имеет мало или не имеет вовсе карательного потенциала. Воздействие, выразившееся в уголовно-правовой форме, есть, а кары или репрессии, как таковых, нет. В то же время каждый из существующих сегодня элементов уголовно-правового воздействия является абсолютно необходимым для достижения максимально эффективного результата в противодействии совершению новых преступлений¹⁸.

Таким образом, уголовный закон служит основой уголовно-правового воздействия. Он содержит в себе систему мер уголовно-правового воздействия как принудительного, так и поощрительного характера, влияющих на правовое положение лица, совершившего преступление или общественно опасное деяние, не являющееся преступлением, и имеющих своей целью достижение частной превенции.

¹ См.: Бавсун М.В. *Методологические основы уголовно-правового воздействия: монография*. М., 2012; Дуюнов В.К. *Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук*, М., 2001; Лопашенко Н.А. *Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая полити-*

ка. СПб., 2004; Чучаев А.И., Фирсова А.Н. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация: монография. М., 2010 и др.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1970. С. 87.

³ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1999. С. 92.

⁴ Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник. 11-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 56.

⁵ См.: Бавсун М.В. Указ. раб. С. 30.

⁶ См.: Чучаев А.И., Фирсова А.Н. Указ. раб. С. 27.

⁷ См.: Там же. С. 26.

⁸ Ковалев М.И. Советское уголовное право: курс лекций. Свердловск, 1971. Вып. 1. С. 91.

⁹ См.: Бавсун М.В. Указ. раб. С. 35.

¹⁰ См.: Чучаев А.И., Фирсова А.Н. Указ. раб. С. 46.

¹¹ См.: Кленова Т.В. Условное осуждение как средство разрешения задач уголовной политики в России // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 3-й Международной научно-практической конференции (26–27 января 2006 г.). М., 2006. С. 97.

¹² См.: Дуюнов В.К. Указ. раб. С. 40; Маликов Б.З., Малолеткина Н.С. Условное осуждение в России: проблемы теории, правового регулирования и практики применения. 2-е изд., с изм. и доп. Уфа, 2014. С. 26.

¹³ Реализация права, как известно, широкое понятие, включающее в себя такие формы как соблюдение, исполнение, использование и применение права.

¹⁴ См.: Дуюнов В.К. Указ. раб. С. 11–12.

¹⁵ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. раб. С. 265.

¹⁶ Александрова З.Е. Указ. раб. С. 172.

¹⁷ См.: Чучаев А.И., Фирсова А.Н. Указ. раб. С. 12.

¹⁸ См.: Бавсун М.В. Указ. раб. С. 13.

Н.А. Подольный*

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КАК СРЕДСТВО ИЗМЕНЕНИЯ НРАВСТВЕННЫХ НОРМ

Нравственность — это одно из требований, которому должно соответствовать демократическое общество. Она представляет собой одну из систем координат, с помощью которой можно выявить то, насколько государство и общество справедливо по отношению к своим гражданам. Нравственность — это основа гарантий прав и свобод граждан, но она также характеризуется и тем, что составляющие ее нормы с течением времени способны изменяться. Такие изменения могут свидетельствовать о дальнейшей гуманизации представлений, господствующих в обществе, но, к сожалению, иногда в них могут проявляться и человеконенавистнические идеи, причем распознать их иногда не так просто, поскольку они претендуют зачастую на то, чтобы их воспринимали как соответствующие сложившейся традиции нравственного восприятия окружающего общества. Однако от того, как скоро обществу и государству это удастся и, соответственно, насколько быстрой и эффективной будет реакция на них, зависит будущее демократических основ государства. Словом, очевидно, что националистические и фашистские режимы появляются не из пустоты, им

* Подольный Николай Александрович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры правоохранительной деятельности и исполнительного производства Средне-Волжского (г. Саранск) филиала ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации».

всегда предшествует определенный общественный дрейф нравственных воззрений в сторону их деградации и упрощенчества. Такие изменения не в интересах демократии, гуманизма и в конечном счете каждого отдельного человека, поскольку влекут за собой презрение порой элементарных прав и свобод граждан и не граждан. В связи с этим встает достаточно простой вопрос, ответ на который жизненно важен для любого демократического общества и государства, поскольку правильность ответа на него предопределяет судьбу демократии и возможность социальной справедливости в конкретном обществе и государстве. Вопрос этот состоит в возможности и необходимости осуществления государством такого воздействия на общество и на эволюцию нравственных представлений населения, которое бы воспрепятствовало появлению идей и взглядов, угрожающих таким основам, как демократия и гуманизм.

Вполне очевидно, что одним из эффективных средств такого воздействия является уголовно-правовое воздействие. По справедливому замечанию Н.А. Лопашенко, уголовно-правовое воздействие «охватывает сразу и уголовное право, и уголовное законодательство, и уголовно-правовую политику как основополагающие элементы, аккумулирующие в себе понятия преступного и наказуемого и все, что с ними связано»¹. Как видно, механизм такого воздействия достаточно универсален, что, соответственно, позволяет говорить об его эффективности. Однако именно такая универсальность и порождает массу вопросов о том, как, когда и при каких условиях использование этого механизма наиболее оптимально. Вполне очевидно то, что его непонимание может приводить к ошибкам, исправить которые в последующем достаточно сложно. Именно поэтому использовать данный механизм необходимо с осторожностью. Это обусловлено тем, что непродуманное применение отдельных его средств может приводить к результатам, прямо противоположным ожидаемым.

Периодически в поле зрения широкой общественности появляются факты и статистические данные, которые вызывают достаточно сильный эмоциональный отклик. К таким фактам относятся преступления, своей жестокостью, дерзостью или иными качествами вызывающие не просто неприятие, а желание сделать что-то такое, что могло бы предупредить в последующем совершение чего-либо подобного. В эмоциональном запале появляются предложения к ужесточению уголовного законодательства. С одной стороны, это вполне понятно и представляется вполне оправданным. Причем оправдание такой позиции обычно не нуждается в какой-то дополнительной аргументации и воспринимается как аксиома. Однако есть и другая сторона. Эффективность принципа талиона уже давно не бесспорна. Жесткость, так же, как и жестокость, к сожалению, не имеет того профилактического значения, которое изначально от нее ожидают. Напротив, жесткость и жестокость со стороны государства начинает восприниматься как одна из моделей должного поведения, которое вполне может быть спроецировано и на поведение отдельного индивида, т.е. она

воспринимается им как вполне приемлемый элемент, который может, а иногда и должен быть включен в модель поведения, причем именно в ту модель, которая им воспринимается как модель поощряемого правом поведения. Принятие жестокости как допустимого элемента должного поведения благодаря этому механизму происходит почти автоматически, без его понимания конкретным индивидом. Механизм здесь прост: восприятие жестокости со стороны государства — принятие жестокости как элемента допустимого правом поведения — допущение в собственных действиях жестокости.

Свидетельством того, что данный механизм в действительности имеется, являются многочисленные случаи, когда организовываются всевозможные группировки с целью выявления различных преступлений и последующего самосуда, сопровождающегося такой жестокостью, которая порой потрясает еще больше, чем преступления, которые, вроде бы, этот самосуд должен был покарать. Помимо группировок, имеются случаи появления т.н. «мстителей», жестокость которых не меньше жестокости преступников, борцами с которыми эти «мстители» себя провозглашают. Несомненно, что все это результат распространения идей, имеющих те же истоки, что и требования ужесточения наказания, т.е., призывы к жестокости и жестокости служат почвой для деградации нравственных представлений как конкретных граждан, так и отдельных слоев населения, а в конечном итоге — и всего общества. При этом сам этот процесс достаточно парадоксален, поскольку изначально выглядит как процесс по консервации якобы сложившейся в обществе традиции. На самом же деле происходит подмена, когда за традицию выдаются ценности, не являющиеся традиционно нравственными.

Вполне очевидно, что в этом случае обязанностью демократического государства является предотвращение процессов нравственной деградации общества, когда происходит подмена действительных ценностей на мнимые, которые вместо блага приводят к нежелательным последствиям. Причем иногда очевидность этих последствий становится понятной лишь в долгосрочной (иногда — в среднесрочной) перспективе, что затрудняет возвращение в исходную точку, с которой и началась такая деградация. Поэтому государство не должно, по крайней мере, само способствовать таким негативным, как для него, так и для общества, тенденциям. Одной из его задач является не только осознание необходимости оказывать позитивное воздействие на общество, и на каждого ее члена, в частности, но и избирать для этого такие средства, которые бы сами соответствовали решению стоящей задачи — задачи нравственного прогресса, а не напротив — нравственной деградации.

Необходимо отметить, что одна из особенностей уголовного-правового воздействия состоит том, что его жестокость часто воспринимается населением как жестокость, несмотря на то, что это разноплановые понятия и качественные характеристики. Тем не менее, именно из-за этого и кри-

минализация тех или иных действий может рассматриваться обществом и отдельными его членами как акт проявления жестокости со стороны государства. Понимание необходимости этого метода уголовно-правовой политики, особенно в отдельные периоды развития законодательства, тем не менее, далеко не всегда снимает названное субъективное отношение к данному методу со стороны как конкретных граждан, так и некоторых групп населения. Это субъективное восприятие всегда необходимо учитывать и снимать возможный негативный эффект от его применения с помощью использования некоторых иных методов, которые не ассоциируются населением с жестокостью или с какой-то иной негативной качественной характеристикой. К примеру, применение названного метода в целом ряде случаев целесообразно комбинировать с применением декриминализации — другого метода уголовной политики. В этом случае снимается возможный негативный эффект от применения криминализации. При этом удается избежать формирования условий, негативно влияющих на правосознание граждан, не допустив появления у них представления о допустимости жестокости для решения определенных значимых задач.

То же можно сказать и об ужесточении наказания. Оно далеко не всегда и далеко неоднозначно воспринимается. В нем часто отдельными слоями населения воспринимаются оттенки жестокости. Сколько бы не утверждали обратное, объясняя это адекватной реакцией общества на отдельные или даже участвовавшие факты общественно опасного поведения, на подсознательном уровне это воспринимается как обращение к жестокости и формирует восприятие жестокости как результата адекватной реакции на сложившуюся (или складывающуюся) социальную ситуацию. Утверждается почти на подсознательном уровне схема поведения, в которой жестокость выступает одним из значимых элементов. И это уже становится свидетельством дрейфа общественного мнения от идей гуманизма в направлении человеконенавистничества. В связи с этим и данное средство уголовного воздействия должно применяться с большой осторожностью.

Необходимо учитывать особенности механизма уголовно-правового воздействия для того, чтобы по неосторожности не сформировать условия для антигуманных воззрений и идей. Более того, необходимо осознание того, что средства уголовно-правового воздействия должны использоваться для того, чтобы поддерживать гуманистическое отношение к каждому конкретному индивиду. Тем самым с помощью такого воздействия можно добиваться и дальнейшей гуманизации и демократизации общества.

¹ Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. С. 7.

Л.А. Прохоров*, А.В. Скачко**

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТАМОЖЕННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ С МИРОВОЙ ЭКОНОМИКОЙ

На характер уголовно-правового воздействия в сфере противодействия таможенным преступлениям в современной России оказывают влияние два серьезнейших процесса, связанных с ее внешнеэкономической и внешнеполитической деятельностью, организацией внешней торговли. Они принципиально меняют суть торговых взаимоотношений страны с другими государствами. Поэтому и уголовный закон как основа уголовно-правового воздействия должен реагировать на эти процессы¹.

Первый процесс связан с тенденциями интеграции экономики страны в широком ее смысле с мировой экономикой. Это нашло воплощение в создании Таможенного союза, в завершении процесса присоединения России к Всемирной торговой организации (ВТО), в соглашениях, заключенных на саммите АТЭС 2012 г., а также в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Нарастают темпы внешнеторгового оборота со странами Каспия: Азербайджаном, Туркменистаном, Ираном, Казахстаном (рост почти в 2 раза)². На Северо-Западе страны действует международная программа приграничного сотрудничества «Эстония, Латвия, Россия»³. Все это свидетельствует о тенденциях интеграции экономики страны (в широком ее смысле) с мировой экономикой. Причем, в разных случаях должны иметь место принципиальные отличия в правовом регулировании торговых взаимоотношений и организации таможенного дела.

Второй процесс порожден необходимостью создания комплекса правовых норм, по-новому регламентирующих порядок таможенных отношений на международном уровне. Он заключается в правовом оформлении интеграции экономики РФ с мировой экономикой, правового регулирования таможенного дела и уголовно-правовой охраны соответствующих отношений. В рассматриваемый период законодатель принял следующие нормативные правовые акты: 1) Федеральный закон от 27 ноября 2010 г. № 306-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации»⁴; 2) Таможенный кодекс Таможенного союза, одновременно был отменен Таможенный кодекс РФ. Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ из системы Особенной части УК РФ исключена ст. 188. В то же время внесены принципиальные изменения в ст. 194 УК РФ; включены ст. 226¹

* Прохоров Леонид Александрович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет».

** Скачко Анна Владиленовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации».

УК РФ о контрабанде оружия и ряда иных предметов, в ней названных; ст. 229¹ УК РФ о контрабанде наркотиков; ст. 200¹ УК РФ о контрабанде наличных денежных средств и (или) денежных инструментов.

Сопоставление этих двух процессов в части хронологии и их содержания наталкивают нас на вывод, что протекали они вопреки логике как бы параллельно, без достаточно четкой взаимной согласованности. Полагаем, что концепция, заложенная в Федеральном законе «О таможенном регулировании в Российской Федерации», недостаточно выдержана и вызывает определенные вопросы. Во-первых, необходимо обратить внимание на несогласованность между пределами предполагаемого правового регулирования деятельности государства и установленными в преамбуле закона его целями. Согласно формулировке названия закона речь в нем должна идти о таможенной деятельности государства в международном масштабе, т. е. со всеми странами окружающего мира. Однако цели, определенные в ст. 1 Закона, сфокусированы на таможенную деятельность в рамках Таможенного союза. Так, основной целью данного нормативно-правового акта является «обеспечение выполнения Российской Федерацией международных договоров, составляющих договорно-правовую базу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС (далее — Таможенный союз), решений органов Таможенного союза в сфере таможенного союза и таможенного дела» (п. 1 ч. 1 ст. 1 Закона). Однако одновременно таможенное дело в Российской Федерации определено как совокупность средств и методов обеспечения соблюдения мер таможенно-тарифного регулирования, а также запретов и ограничений при ввозе товаров в Российской Федерации и вывозе товаров из Российской Федерации.

Реализация отмеченных правовых актов возложена, прежде всего, на таможенную службу РФ, основным направлением работы которой является осуществление уголовного-правового воздействия в сфере борьбы с преступлениями в соответствии с компетенцией таможенных органов, а также иными связанными с ними преступлениями⁵.

Во-вторых, вызывает некоторое недоумение подход законодателя к определению «дерева целей» такого важнейшего направления деятельности государственных органов, как таможенное дело. Ведь вполне естественно, что основной, первейшей целью в данном случае является обеспечение экономической безопасности Российской Федерации при осуществлении внешней торговли (п. 2 ч. 1 ст. 1 Закона). Однако законодатель назвал обеспечение экономической безопасности лишь в качестве второй цели, с чем трудно согласиться. Видимо, на первом месте, как представляется, должна стоять экономическая безопасность России, а все иные цели производны от нее. Полагаем, что обеспечение выполнения Российской Федерацией международных договоров, составляющих договорно-правовую базу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, это не цель правового регулирования, а средство достижения цели в правоприменительной практике.

Вполне естественно, что таможенное дело в России не может быть ограничено рамками взаимоотношений с Белоруссией и Казахстаном. На-

пример, только по акватории Каспийского моря проходит государственная граница с Азербайджаном, Ираном, Казахстаном и Туркменистаном, что порождает, естественно, серьезные трансграничные проблемы. На Дальнем Востоке тысячекилометровые границы с Китаем и Монголией, морские границы с Японией также создают благоприятные условия для нарушения таможенных правил, контрабандных перемещений товаров. Рынки сбыта в России заполнили некачественные товары импортного производства. Поэтому в настоящее время, отмечает Президент РФ, необходимо продолжать целенаправленную работу по надлежащему международно-правовому оформлению внешних границ Российской Федерации, включая внешние границы континентального шельфа, обеспечить национальные интересы России, прежде всего, в сфере безопасности и экономики⁶. Актуальность отмеченных главой государства задач подтверждает осложнение ситуации с контрабандой наркотиков. Таможенники не исключают серьезную опасность контрабандных интервенций через государственную границу и со странами, вошедшими в Таможенный союз. Колоссальные потоки наркотиков из Афганистана идут через Казахстан. Так, в первом полугодии 2013 г., в сравнении с соответствующим периодом 2012 г., по данным ФСКН РФ, почти в 2 раза увеличился поток афганского героина. Ежегодно в страну из Европы через границу с Белоруссией и другими Европейскими странами переправляют 3–5 т кокаина⁷.

Важнейшей проблемой уголовно-правового воздействия является имплементация «Соглашения о партнерстве и сотрудничестве» в правовую систему России. Россия, ратифицируя международные конвенции, возлагает на себя обязательства вносить соответствующие изменения в национальное законодательство, учитывать международные стандарты и рекомендации, в т.ч. касающиеся уголовно-правовых методов борьбы с общественно опасными деяниями, совершаемыми юридическими лицами.

Следует отметить, что применительно к таможенным преступлениям имеют место определенные расхождения по отдельным вопросам уголовно-правового воздействия. Среди них наиболее актуальными и в то же время дискуссионными являются следующие:

- установление уголовной ответственности юридических лиц⁸;
- применение дополнительного наказания в виде конфискации имущества;
- регламентация ответственности за «товарную» контрабанду.

При этом следует подчеркнуть, что начало уже положено, законодатель «вернул» состав контрабанды товаров в виде наличных денежных средств и (или) денежных инструментов в Особенную часть УК РФ (ст. 200¹). Об актуальности и серьезности законодательного регулирования уголовно-правового воздействия в сфере таможенных преступлений говорится и в Указе Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления».

¹ См.: Уголовно-правовое воздействие / под ред. А. И. Рагога. М., 2012.

² См.: Годунова Г. Каспийский акцент // Российская газета. 2012. 28 сент.

³ См.: Романова В. Договорились на границе // Российская газета. 2012. 9 сент.

⁴ См.: Федеральный закон Российской Федерации «О таможенном регулировании в Российской Федерации» от 27 ноября 2010 г. № 306-ФЗ // Российская газета. 2010. 29 нояб.

⁵ См.: Приказ Федеральной таможенной службы от 26 декабря 2012 г. № 2656 «Об утверждении Регламента Федеральной таможенной службы» // Российская газета. 2013. 5 апр.

⁶ См.: Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» // Российская газета. 2012. 9 мая.

⁷ См. Доклада руководителя ФСКН РФ В. Иванова Президенту РФ В. Путину // Российская газета. 2013. 12 марта.

⁸ См.: Антонова Е.Ю. Уголовная ответственность юридических лиц в международной практике // Юридический мир. 2008. № 7. С. 78.

Б.Т. Разгильдиев*

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ И ВИДЫ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

Категория «уголовно-правовое воздействие» хорошо известна теории уголовного права. Ее включают в наименования монографий¹, статей, используют при исследовании тех или иных проблем уголовного права². Несмотря на активное осмысление, ее содержательные аспекты, на мой взгляд, не получили должного разрешения. Сформулированные на этот счет понятия в полной мере не раскрывают его, что затрудняет понимание социальной и уголовно-правовой значимости исследуемой категории. Остается открытым вопрос о видах реализации уголовно-правового воздействия³.

Уголовно-правовое воздействие нередко ассоциируют с уголовно-правовым регулированием. Например, в предисловии к работе «Социальный механизм уголовно-правового воздействия» В.М. Коган, определяя ее направления, ссылался на работы ученых, исследовавших регулятивные аспекты права, которые, по мнению автора, являются основными и для механизма уголовно-правового воздействия.

Теория не имеет критериев, отграничивающих уголовно-правовое воздействие от уголовно-правового регулирования. Так, Н.А. Лопашенко различает их по объему. Она считает, что «уголовно-правовое воздействие в большей степени охватывает сразу и уголовное право, и уголовное законодательство, и уголовно-правовую политику как основополагающие элементы... Уголовное регулирование... — более узкое понятие»⁴. Иначе представляет ситуацию Н.М. Кропачев, который в одной из своих работ: «Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система» отмечает «... воздействие уголовно-правовой нормы на соответствующие общественные отношения...»⁵. Уяснение содержания уголовно-правового воздействия следует начать с раскрытия семантики слова «воздействие», которое в рассматриваемой фразе является ключевым.

«Воздействие» определяется как «действие, направленное на кого-, что-либо, с целью добиться, достичь определенного результата»⁶. Данное

* Разгильдиев Бяшир Тагирович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки России, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

смысловое значение воздействия носит всеобщий, социальный характер. Оно позволяет выделить следующие его основные аспекты: воздействие предполагает источник, от которого исходит действие; действие должно быть направлено на определенный объект, которым может быть как одушевленное явление (например, человек), так и неодушевленное (скажем, имущество); действие должно осуществляться определенным способом, оно должно быть направлено на достижение конкретного результата. Отсутствии хотя бы одного из перечисленных признаков исключает воздействие. Рассмотрим каждый из признаков применительно к уголовному праву. Следует сразу отметить, что воздействие уголовно-правовое уже воздействия социального.

Первый признак — источник воздействия. В этом качестве выступает уголовный закон, который воздействует своей функцией. Под функцией я понимаю свойство закона, характеризующееся регулятивно-обязывающим воздействием системы уголовно-правовых норм и положений на физических лиц, соответствующих определенным требованиям, для достижения задач, стоящих перед уголовным правом⁷.

Второй признак — направленность воздействия на определенный предмет. Предметом непосредственного воздействия выступает только сознание и воля правоисполнителя⁸ и правоприменителя⁹. Именно на них воздействует функция уголовного закона. Нужно иметь в виду, что воздействие может осуществляться на обоих субъектов одновременно, в разное время либо только на одного из них.

Третий признак — воздействие предполагает обязательность действий. Она осуществляется возложением на соответствующих субъектов уголовно-правовых обязанностей.

И последний признак — воздействие осуществляется способом (видом), регламентированным законом, обеспечивающим достижение определенного результата. При этом каждый уголовно-правовой способ (вид) должен образовывать отдельную функцию, направленную на достижение определенного результата. Функция закона выливается в обязанности и права (статусы) субъектов уголовного правоотношения. Соответственно каждая обязанность, каждое право, отдельно входящие в статусы субъектов — это самостоятельные, но взаимосвязанные между собой варианты их уголовно-правового поведения, диктуемые функциями закона.

Непосредственным результатом действия уголовного закона выступает удержание правоисполнителя от совершения общественно опасного деяния, которое может образовывать преступление, а может и не образовывать. Удержание от совершения преступлений посредством угрозы уголовной ответственности и ее назначение в случае их совершения выступают предельными вариантами уголовно-правового воздействия на поведение правоисполнителей. Удержание — это понуждение и принуждение лица к воздержанию от совершения общественно опасных деяний. Оно осуществляется путем возложения на него обязанности, стимулируемой к вы-

полнению угрозой ответственности (понуждение). В этой ситуации лицо имеет варианты поведения: не совершает преступлений — остается вне уголовной ответственности (понуждение), совершает — несет уголовную ответственность (принуждение). Принуждение есть привлечение лица, нарушившего обязанность по воздержанию от совершения преступления, к ответственности. Принуждение имеет альтернативу в виде понуждения. Принуждение само по себе предполагает привлечение лица к уголовной ответственности, связанной или не связанной с назначением наказания. Вместе с тем в случаях, регламентированных законом, лицо может быть освобождено от уголовной ответственности. В этом случае уголовно-правовое принуждение заменяется уголовно-правовым понуждением, суть которого в том, чтобы угрозой усиленной уголовной ответственности удерживать лицо от совершения второго и последующих общественно опасных деяний. Получается, что уголовное законодательство, работая по схеме «удержание — привлечение — освобождение», решает задачу по охране личности, общества, государства, мира и безопасности человечества от преступных посягательств, предупреждает их. Это дает повод именовать названную связку и в целом уголовное законодательство охранительными.

Таким образом, уголовное право реализует себя посредством воздействия, которое осуществляется по формуле «закон — человек — результат».

Высказанные суждения относительно наиболее важных сторон уголовно-правового воздействия позволяет сформулировать его понятие.

Прежде чем это сделать, я представлю определения, разработанные другими учеными. По мнению В.К. Дуюнова, уголовно-правовое воздействие — это карательное и воспитательно-превентивное воздействие на лиц, совершивших преступление, и превентивное воздействие на так называемых неустойчивых граждан в целях социальной справедливости, укрепления законности и правопорядка, предупреждения преступлений, воспитания граждан¹⁰. Такое понимание воздействия вряд ли обоснованно. И вот почему. Воздействие автор связывает с исполнением наказания. Однако исполнение наказания осуществляется в рамках уголовно-исполнительных правоотношений, а не уголовно-правовых. Уголовно-правовые отношения прекращают свое существование применительно к лицу, совершившему конкретное преступление, со вступлением обвинительного приговора в законную силу. Кроме того, воздействие он ограничивает лишь наказанием. Вне воздействия остаются условное осуждение, отсрочка исполнения приговора, освобождение от уголовной ответственности. Получается, что их реализация не образует уголовно-правового воздействия. Тогда как они реализуются? Менее емкое понимание рассматриваемой категории, но принципиально не отличающееся от позиции В.К. Дуюнова, предлагают А.И. Чучаев и А.П. Фирсова. По их мнению, уголовно-правовое воздействие — это вытекающее из уголовного закона принуждение, применяемое государством в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния, в целях их предупреждения¹¹. Определение наводит на мысль о том, что уголовно-правовое воздействие связано только с наказанием.

Это, как представляется, неверно по двум обстоятельствам. Первое заключается в том, что уголовный закон начинает «работать» с момента возложения на лицо обязанности по воздержанию от совершения преступлений под угрозой уголовной ответственности. Таким способом решается задача по охране личности, общества, государства, мира и безопасности человечества от преступных посягательств. Нарушение обязанности по воздержанию от совершения преступления, выраженное составом соответствующего преступления, и образует основание для привлечения лица к уголовной ответственности. Второе обстоятельство нами уже представлено при рассмотрении позиции В.К. Дуюнова.

Обобщая изложенное относительно содержания понятия «уголовно-правовое воздействие», можно сформулировать следующее его определение. Уголовно-правовое воздействие — это понуждение лиц к исполнению обязанностей по воздержанию от совершения преступлений под угрозой уголовной ответственности, а в случаях нарушения принудительное возложение уголовной ответственности, осуществляемое законом, посредством формирования статусов правоисполнителей и правоприменителей, для решения задач УК РФ.

Выделим признаки, положенные мною в основу сформулированной дефиниции. Прежде всего, это понуждение физического лица. Уголовно-правовое понуждение выражается в угрозе лишения или ограничения прав, свобод, законных интересов физического лица, наделенного статусом правоисполнителя. Угроза вытекает из санкции норм, охраняющих те или иные правовые блага.

Следующим признаком выступает направленность понуждения на исполнение физическим лицом (правоисполнителем) обязанности по воздержанию от совершения преступления. Эта обязанность носит неперсонифицированный и персонифицированный характер. Неперсонифицированная обязанность имеет место, когда лицо не совершало общественно опасного деяния и не привлекалось в связи с этим к уголовной ответственности. Обязанность становится персонифицированной при совершении лицом общественно опасного деяния, однако оно освобождается от уголовной ответственности. В этой ситуации обязанность персонифицируется, поскольку конкретное лицо удерживается от совершения нового преступления.

Третий признак — принудительное возложение на лицо, совершившее общественно опасное деяние, обязанности понести уголовную ответственность или иную меру уголовно-правового характера. Обязанность всегда персонифицирована по лицам и уголовно-правовому содержанию, является принудительной. Она дифференцируется на виды: назначение наказания, условное осуждение, условно-досрочное освобождение, замена оставшейся части наказания более мягким видом наказания, отсрочка отбывания наказания, принудительные меры воспитательного воздействия, принудительные меры медицинского характера, конфискация имущества, судимость.

Четвертый признак — воздействие осуществляется посредством формирования уголовно-правовых статусов правоисполнителя и правоприменителя. Данные статусы выступают объективным механизмом, решающим уголовно-правовые задачи по охране личности, общества, государства, мира и безопасности человечества от преступных посягательств и их предупреждению, что и выступает еще одним признаком понятия воздействия. Рассматривая уголовно-правовые статусы как механизм решения задач законодательства, актуально представить их содержание. Оно, как я уже отмечал, определяется всей отраслью уголовного законодательства. Посредством статусов законодательство воздействует на сознание и волю субъектов: правоисполнителя и правоприменителя. Воздействие придает поведению субъектов уголовно-правовой характер, обеспечивая решение задач УК РФ. Рассмотрим эти статусы.

Статус правоисполнителя включает в себя обязанность воздерживаться от совершения преступления под угрозой уголовной ответственности, а в случае ее нарушения, т.е. совершения общественно опасного деяния, образующего или не образующего преступление, на него возлагается обязанность понести уголовную ответственность либо иные меры медицинского характера, обязанность передать государству полученные от общественно опасного деяния материальные выгоды. Он также наделяется правом на совершение деяний, исключающих их преступность, признание потерпевшим от совершения преступления, восстановление своего статуса (нравственного, социального, профессионального, физического, материального) при несовершении им преступления, осуществление контроля в рамках требований принципов уголовного права.

Правоприменитель обязан: осуществлять контроль за уголовно-правовым поведением правоисполнителя; контроль должен реализовываться в соответствии с уголовно-правовыми принципами; привлекать соответствующих лиц к уголовной ответственности за совершенные преступления; освобождать от уголовной ответственности или от наказания; не привлекать к ответственности за вред, причиненный деяниями, исключающими их преступность; назначать принудительные меры воспитательного воздействия; принудительные меры медицинского характера; изымать у лиц, совершивших общественно опасные деяния, в доход государства «криминальное» имущество; восстанавливать статус правоисполнителя (моральный, социальный, профессиональный, физический, материальный) при несовершении им деяния. Правоприменитель имеет право на получение от граждан, организаций, их работников и служащих информации об уголовно-правовом поведении правоисполнителей.

Как видим, статусы правоисполнителя и правоприменителя содержат не только обязанности, но и права. При этом определяющими выступают не права, а обязанности. В структуре уголовно-правовых статусов обязанности стоят на первом месте, и они не корреспондируют с правами. Обязанность и право каждого из названных субъектов непосредственно выте-

кает из уголовного закона, образует соответствующую уголовно-правовую функцию и реализуется самостоятельно.

Не все элементы представленных статусов непосредственно вытекают из уголовного законодательства России. Ряд обязанностей и прав, не будучи регламентированными законом, тем не менее, отражают его природу, в силу чего должны быть заложены в УК РФ. Речь идет об обязанностях обоих субъектов передавать — изымать полученную совершением общественно опасного деяния материальную выгоду; осуществлять контроль за уголовно-правовым поведением с учетом требований принципов уголовного права; возмещать правоисполнителю вред (моральный, статусный, профессиональный, материальный), причиненный правоприменителем лицу, не нарушившему обязанности по воздержанию от совершения общественно опасного деяния. Названные обстоятельства образуют одно из направлений оптимизации уголовного законодательства. Другое направление этого процесса связано с совершенствованием положений и норм УК РФ, посредством которых формируются статусы субъектов. Я имею в виду положения, регламентирующие систему наказаний, назначение наказания, условное осуждение, освобождение от уголовной ответственности и наказания, отсрочка исполнения наказания, принудительные меры воспитательного воздействия, принудительные меры медицинского характера, судимость, ее снятие и погашение, санкции норм и их соответствие общественной опасности, заложенной в диспозиции. При этом важно, чтобы процесс совершенствования законодательства осуществлялся с учетом всего комплекса мер уголовно-правового воздействия.

Предложенное понимание уголовно-правового воздействия отражает природу уголовного законодательства как самостоятельной отрасли права, позволяет видеть основные направления его «жизни» и его развития, предопределяет аспекты, требующие совершенствования.

¹ См., напр.: Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М., 1983. С. 6–9; Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия. СПб., 2004. С. 7.

² См.: Мирошниченко Д.В. Уголовно-правовое воздействие на коррупцию. М., 2010. С. 58–82.

³ См.: Коган В.М. Указ. соч. С. 6–9.

⁴ См.: Лопашенко Н.А. Указ. соч. С. 7.

⁵ См.: Кропачев Н.М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. СПб., 1999. С. 5.

⁶ См.: Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. В 4 т. Т. 1. М., 1985. С. 199.

⁷ См.: Разгильдиев Б.Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. Саратов, 1993. С. 27.

⁸ Правоисполнитель — это лицо, обязанное воздерживаться от совершения преступления под угрозой уголовной ответственности. См. подробнее: Уголовное право России: курс лекций. В 6 т. Т. 1: Введение в уголовное право России. Кн. 1 / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов, 2004. С. 31–61. Автор главы Б.Т. Разгильдиев.

⁹ Я не отношу правоприменителя к предмету уголовного права, обосновывая это тем, что обязанность правоприменителя по осуществлению контроля за уголовно-правовым поведением правоисполнителя не стимулирована угрозой ответственности за его неправомерный отказ от уголовного преследования. Как только такая норма будет включена, то правоприменитель совместно с правоисполнителем образуют предмет уголовного права.

¹⁰ См.: Дуюнов В.К. Указ. раб. С. 37.

¹¹ См.: Чучаев А.И., Фирсова А.П. Уголовно-правовое воздействие: сущность и характеристика // Lex Russica. 2008. № 6. С. 27.

Э.А. Саркисова*

ПРИМЕНЕНИЕ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В принятом в 1999 г. Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее — УК Беларуси) прослеживается попытка четко обозначить систему мер уголовно-правового воздействия, применяемых в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступления. При этом законодателем определен статус указанных мер, которые законом именуется мерами уголовной ответственности, что означает допустимость их применения лишь на основе осуждения по приговору суда лица, совершившего преступление (ч. 1 ст. 44).

Виды мер уголовной ответственности фактически сформулированы в ст. 46 УК «Реализация уголовной ответственности», из которой вытекает, что систему мер уголовной ответственности составляют следующие меры:

- 1) наказание;
- 2) отсрочка исполнения назначенного наказания;
- 3) условное неприменение назначенного наказания;
- 4) осуждение без назначения наказания;
- 5) принудительные меры воспитательного характера, применяемые в отношении несовершеннолетних.

Из понятия наказания, сформулированного в ст. 47 УК, вытекает, что оно является мерой уголовно-правового воздействия, применяемой к лицу, осужденному за преступление. Таким образом, законом отождествляются мера уголовной ответственности и мера уголовно-правового воздействия.

Меры, названные в вышеуказанных пунктах 2, 3 и 4, в УК именуется как иные меры уголовной ответственности, которым посвящена самостоятельная глава 11 с одноименным названием.

Принудительные меры воспитательного характера, применяемые к несовершеннолетним, не получили статуса иных мер уголовной ответственности. Статья 117, посвященная указанным мерам, расположена в главе 15 УК, именуемой «Наказание и его назначение лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет». Вместе с тем, учитывая содержание вышеупомянутой ст. 46 УК, данные меры также принято относить к иным мерам уголовной ответственности.

Глава 11 «Иные меры уголовной ответственности» регулирует и применение превентивного надзора и профилактического наблюдения (ст. 80 и 81). Если следовать структурному расположению указанных статей, то необходимо было бы признавать и данные меры мерами уголовной от-

* Саркисова Элла Андреевна — кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, профессор кафедры уголовного права и криминологии Академии МВД Республики Беларусь.

ветственности. Однако это противоречит самому смыслу уголовной ответственности и ее признакам, закрепленным в законе. Вместе с тем некоторые белорусские ученые, формально оценивая структурирование соответствующих глав УК, пытаются доказать, что и превентивный надзор, и профилактическое наблюдение являются мерами уголовной ответственности.

Не останавливаясь на данной проблеме, которая требует приведения большого объема обоснованных аргументов, отметим лишь, что в настоящее время статус этих мер не определен законом, что является существенным пробелом.

Остались также за рамками статусного обозначения и принудительные меры безопасности и лечения. Очевидно, что они не являются мерами уголовно-правового воздействия. В УК Российской Федерации они наделены статусом мер уголовно-правового характера. В УК Республики Молдовы они наделены статусом мер безопасности, в УК Эстонии указанные меры включены в главу «Иные меры воздействия». В других же кодексах государств, до распада СССР развивавшихся в едином ключе, они размещаются в самостоятельных разделах (без законодательного определения их статуса), что позволяет некоторым ученым высказывать сомнения относительно того, имеют ли они вообще уголовно-правовой характер.

Отметим также, что уголовно-правовое законодательство Беларуси прогрессирует и в направлении изобретения новых мер уголовно-правового характера. Так, проектом Закона Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях, принятие которого предполагается в 2014 году, предусмотрено введение уголовно-правовой компенсации и общественно полезных работ. При этом под уголовно-правовой компенсацией предлагается понимать меру материального характера, которую лицо, совершившее преступление, согласно принять и обязано исполнить в качестве одного из условий освобождения от уголовной ответственности либо обязано исполнить при применении альтернативных наказанию мер уголовной ответственности. Уголовно-правовая компенсация называется в проекте еще формой заглаживания вины перед обществом, которая призвана содействовать исправлению лица, совершившего преступление, восстановлению социальной справедливости и применяться только в случаях, предусмотренных данным Кодексом. Под выполнением общественно полезных работ понимается мера исправительного воздействия, исполнение которой суд может возложить на лицо, осуждаемое с отсрочкой исполнения наказания, условным неприменением наказания в виде лишения свободы в целях обеспечения и (или) подтверждения его исправления. Итак, в УК скоро появятся такие новые термины, как «мера материального характера» («форма заглаживания вины лица перед обществом») и «мера ис-

правительного воздействия», применяемая дополнительно к иным мерам уголовной ответственности. Разумеется, обе эти меры лежат за рамками уголовной ответственности, определяемой в УК как осуждение от имени Республики Беларусь по приговору суда лица, совершившего преступление, и применение на основе осуждения наказания либо иных мер уголовной ответственности в соответствии с данным Кодексом (ст. 44). Очевидно, они не могут выступать в роли меры уголовно-правового воздействия, смысл которой прямо вытекает из закона.

Сказанное подтверждает исключительную важность уяснения и однозначного понимания сущности меры уголовно-правового воздействия, как таковой, системы таких мер, дабы исключить соблазн излишнего загромождения ими сферы уголовно-правового регулирования.

А о том, что такая проблема существует и ныне (без дополнительных корректив УК), свидетельствуют складывающиеся тенденции применения в Беларуси мер уголовной ответственности.

В настоящее время из всех мер уголовной ответственности, применяемых в Республике Беларусь, приоритет, как и в предыдущие годы, принадлежит наказанию. Удельный вес его ежегодно составляет почти 90 %. На иные меры приходится около 10 %. Для наглядности используем таблицы о назначении наказания и иных мер уголовной ответственности судами Республики Беларусь в 2013 г.

Таблица 1.1

**Удельный вес основных наказаний,
назначенных судами Беларуси в 2013 г.**

Вид наказания	Количество осужденных, %
Общественные работы	7,8
Штраф	11,8
Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью	5,7
Исправительные работы	7,4
Арест	18,0
Ограничение свободы	16,0
Лишение свободы	23,2
Пожизненное заключение	0,005
Смертная казнь	0,005

Таблица 1.2

**Удельный вес иных мер уголовной ответственности,
назначенных судами Беларуси в 2013 г.**

Иные меры уголовной ответственности	Количество осужденных, %
Осуждение с отсрочкой исполнения наказания	6,5
Осуждение с условным неприменением наказания	2,9
Осуждение без назначения наказания	0,2
Осуждение с применением принудительных мер воспитательного характера в отношении несовершеннолетних	0,4

Если сравнивать приведенные данные с данными за предыдущие годы, то можно обозначить определенные тенденции судебной практики по назначению наказания и иных мер уголовной ответственности. Например, по сравнению с 2001 г. (первый год действия УК 1999 г.), в 2013 г. повысился удельный вес таких наказаний, как общественные работы (на 4,4%), штраф (на 6,9%), лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (на 5,1%), арест (на 9,8%), ограничение свободы (на 5,2%). В свою очередь снизился удельный вес таких наказаний, как исправительные работы (на 18,2%) и лишение свободы (на 9,3%).

Что касается иных мер уголовной ответственности, то о расширении сферы их применения говорить не приходится. По сравнению с 2001 г. в 2013 г. вырос удельный вес лишь отсрочки исполнения наказания (на 1,7%). Снизилось применение осуждения с условным неприменением наказания на 0,9 %, осуждения без назначения наказания на 0,1 %.

Для сравнения приведем данные о применении отсрочки исполнения приговора (ныне отсрочка исполнения наказания) и условного осуждения (ныне осуждение с условным неприменением наказания) в последние годы действия УК 1960 г.

Таблица 1.3

**Назначение отсрочки исполнения приговора
и условного осуждения в период действия УК 1960 г.**

Иные меры уголовной ответственности	Осуждено в 1996 г.	Осуждено в 1997 г.	Осуждено в 1998 г.	Осуждено в 1999 г.	Осуждено в 2000 г.
Отсрочка исполнения приговора	11,0	11,3	11,7	11,9	13,3
Условное осуждение	10,9	12,6	12,2	11,0	10,6
Всего	21,9	23,9	23,9	22,9	23,9

Частую применяемость указанных мер в годы советского периода можно объяснить, пожалуй, редким использованием института освобождения от уголовной ответственности и отсутствием в законодательстве ряда таких видов наказания, которые успешно могут выступать в качестве альтернативы лишению свободы (например, ограничение свободы, особенно без направления осужденного в исправительное учреждение открытого типа, общественные работы). Наказание в виде лишения свободы предусматривалось почти в 90 % санкций УК 1960 г. Противовесом этому наказанию явились тогда отсрочка исполнения приговора, условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду и условное осуждение.

В настоящее время, когда имеются более широкие возможности для карательного воздействия на лицо, совершившее преступление, суды стали реже использовать иные меры уголовной ответственности, применяя реальное наказание, предусмотренное в соответствующей санкции УК. Более того, большая схожесть отсрочки исполнения наказания и условного неприменения наказания нередко ставит суды в затруднение при решении вопроса об их выборе в конкретных случаях.

Большая роль в дальнейшем развитии политики в области использования мер уголовной ответственности в Республике Беларусь принадлежит руководящим направлениям, обозначаемым государственной властью. В связи с этим нельзя не упомянуть об утвержденной Президентом Республики Беларусь в 2010 г. Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения (Указ Президента Республики Беларусь от 23.12.2010 № 672), которая, имея цель оптимизации мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, повышение эффективности исправительного и предупредительного воздействия, нацеливала законодателя и судебную практику, в том числе, на сокращение применения наказания в виде лишения свободы наряду с расширением использования наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Большое внимание обращено на расширение применения штрафа в качестве основного и дополнительного видов наказания. При этом имелось в виду, что он должен чаще всего применяться за преступления против собственности, порядка осуществления экономической деятельности, порядка управления, интересов службы, за некоторые тяжкие ненасильственные преступления. Поэтому в качестве законодательного мероприятия предусмотрен и пересмотр санкций за указанные и иные преступления. Поставлена также задача по оптимизации наказания в виде ограничения свободы и исправительных работ. В Концепции также заложена перспектива расширения возможности назначения наказания в виде общественных работ, а также иных мер уголовной ответственности.

В целях реализации задач Концепции подготовлен обширный, упомянутый ранее, законопроект. Однако развитие политики государства в сфере использования мер уголовной ответственности в немалой степени зависит

от того, как поведут себя законодатель и практика в части такого института, как освобождение от уголовной ответственности. На сегодняшний день он выступает достаточно серьезным конкурентом уголовной ответственности. В Республике Беларусь в последние годы освобождается от уголовной ответственности 10-12 % лиц, совершивших преступления. И хотя в Концепции поставлена задача расширить практику освобождения лиц, совершивших преступления, не представляющие большой общественной опасности, менее тяжкие преступления, от уголовной ответственности по таким основаниям, как возможность исправления лица посредством привлечения его к административной ответственности, утрата деянием общественной опасности, деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим, в УК Беларуси предусмотрена возможность применять данный институт и за тяжкие и особо тяжкие преступления. Это касается в первую очередь ст. 88-1, введенной в УК в 2005 г. И практика свидетельствует, что освобождение от уголовной ответственности по данной статье в связи с добровольным возмещением причиненного ущерба (вреда), уплатой дохода, полученного преступным путем, применяется достаточно активно.

Поэтому достаточно актуальным представляется вопрос об обеспечении разумного баланса между мерами уголовной ответственности и освобождением от таковой по различным основаниям, что должно быть гарантировано принципом неотвратимости ответственности, закрепленным в законе в качестве одного из ведущих руководящих положений уголовного права.

Вернемся к наказаниям. Из таблицы 1.1 видно, что количество осужденных к лишению свободы в 2013 г. составляет 23,2%. К наказанию в виде ареста (заулавливаемому лишению свободы) осуждено 18 %. Однако этот показатель не принимается во внимание, когда правоохранительными органами подводятся годовые итоги применения наказаний. Повсюду фигурируют цифры, свидетельствующие о существенном сокращении лишения свободы, приближении его уровня к западноевропейскому. И это вполне объяснимо, если учесть, насколько серьезные перемены произошли в части динамики преступности. Если в конце прошлого и начале XXI века в Беларуси имел место рост преступности (например, в 2001 г. было зарегистрировано 112189 преступлений, а в 2006 г. таковых уже было 191468), то в последующие годы наблюдается тенденция ее сокращения: в 2007–2013 гг. в Республике было зарегистрировано соответственно: 180427, 158506, 151293, 140920, 132052, 102127, 96676 преступлений.

Характерно, что последовательно уменьшается количество тяжких и особо тяжких преступлений. Например, если в 2010 г. было зарегистрировано 12579 таковых преступлений, то в 2011 г. их число составило 11313, а в 2012 г. — 8500. Однако складывающаяся тенденция относительно снижения тяжких и особо тяжких преступлений в 2013 г. дала сбой, поскольку их число возросло на 1215 и составило 9265 преступлений. Подобные спады не могут не отразиться на уровне наказания в виде лишения свободы, устанавливаемого и применяемого в основном именно за указанные

преступления. Более того, следует учитывать и весьма высокий уровень рецидивной преступности, противодействие которой невозможно без использования наказания в виде лишения свободы. Поэтому ставка на перспективу дальнейшего сокращения его применения вряд ли имеет надежные основания.

Что касается целого ряда других наказаний, как связанных, так и не связанных с лишением свободы, то устойчивость их наличия в системе наказаний теперь нередко подвергается сомнению. Так, уже поступали предложения от депутатского корпуса об исключении из системы наказаний ограничения свободы как неэффективной меры воздействия на осужденных. Высказываются сомнения относительно сохранения в системе наказания в виде исправительных работ, применение которых ежегодно сокращается, а трудовые коллективы, в которых трудятся осужденные, самоустраиваются от исправительного процесса с ними. Проблемным остается вопрос о сохранении в системе наказаний ареста, введение которого обуславливалось, в том числе, чисто формальными соображениями — снизить показатели применяемости лишения свободы.

Чтобы определить место указанных и других наказаний в системе используемых государством в настоящее время мер уголовно-правового воздействия и их роль в достижении поставленных перед ними целей, несомненно, требуются глобальные исследования как на региональных, так и общегосударственном уровнях. Однако мы не склонны придерживаться позиции сужения до минимума системы наказаний, которая прошла сложный путь развития, равно как считаем необходимым поддерживать в законотворчестве и правоприменении разумный баланс в использовании институтов уголовной ответственности и освобождения от нее.

В.В. Сверчков*

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РАЗЪЯСНЕНИЯХ ВЫСШЕЙ СУДЕБНОЙ ИНСТАНЦИИ РОССИИ: КУДА ВЕДУТ ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ БЛАГИЕ НАМЕРЕНИЯ?

Государственная власть в Российской Федерации разделена на законодательную, исполнительную и судебную (ст. 10 Конституции РФ). Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны. Судебная власть лежит в основе государственной власти и способствует формированию государственной политики в различных сферах жизнедеятельности, в том числе политики, направленной на противодействие

* *Сверчков Владимир Викторович* — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России.

преступности. Подтверждение этому наблюдается на различных уровнях уголовно-правовой политики государства: от участия судебной власти в законотворческом процессе до реализации законодательных положений согласно букве и духу соответствующего нормативного правового акта.

Высшим судебным органом по гражданским, уголовным, административным и иным делам является Верховный Суд РФ. Конституция России определяет его статус и функции. В компетенцию Верховного Суда РФ помимо надзорной входит функция дачи разъяснений по вопросам судебной практики¹.

Между тем у правоведов возник вопрос: что в действительности является предметом толкования Верховного Суда РФ? Судебная практика или законодательство? Думается, что, рассматривая практику по делам судов общей юрисдикции, в частности по уголовным делам, Верховный Суд РФ так или иначе разрешает вопросы о правомерности или неправомерности осуществленной квалификации общественно опасного деяния как преступления, о соответствии произведенных процедур нормам процессуального законодательства, обоснованности или необоснованности назначенной меры наказания или иной меры принудительного воздействия. Таким образом, Верховный Суд РФ решает вопросы должного применения норм материального и процессуального законодательства, а следовательно, осуществляет толкование этих норм. Выходит, что в рамках правоприменительной деятельности (официального и компетентного уяснения и разъяснения положений законодательства) толкование нормы уголовного закона является одной из стадий применения этой нормы. Данную позицию обоснованно занимали и другие авторы². На необходимость толкования судами норм уголовного законодательства указывал и Конституционный Суд РФ³.

Проблема толкования уголовно-правовых норм является одной из наиболее острых проблем, порожденных кодификацией этих норм. Распространенными примерами такого толкования являются принятые Пленумом Верховного Суда РФ соответствующие постановления⁴, вынесенные Судебной коллегией по уголовным делам или Военной коллегией Верховного Суда РФ — определения, а Президиумом Верховного Суда РФ — постановления с разъяснениями особенностей применения конкретных уголовно-правовых норм. Этим упорядочивается следственно-судебная практика по уголовным делам, определенным образом формируется или развивается правосознание граждан, в том числе правоприменителей. [Иногда позиция высшей судебной инстанции России по квалификации того или иного деяния как преступления кардинально изменяет подход к принятию соответствующих следственно-судебных решений.] Вместе с тем указанные разъяснения носят порой спорный, а иногда и противоречивый характер. Рассмотрим некоторые из них.

1. По утверждению Пленума Верховного Суда РФ, отраженному в п. 9 постановления от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам

о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», предметом взяточничества могут быть «незаконное оказание услуг имущественного характера и предоставление имущественных прав». Данное утверждение заслуживает критической оценки, поскольку, во-первых, оказание услуг и предоставление прав показывают виды противоправного активного поведения, но не предмет посягательства, а во-вторых, научно-педагогическим сообществом юристов, практикующими правоведами не поставлено под сомнение представление о предмете преступного посягательства как об имеющей стоимостную оценку вещи материального мира, воздействие на которую влечет причинение вреда объекту посягательства. Вряд ли услуги или права можно признать вещами материального мира, поскольку последние имеют объем, массу и прочие качественно-количественные характеристики.

II. Пленум Верховного Суда РФ в п. 4 постановления от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» указал нижестоящим судам на то, что преступления, предусмотренные ст. 246, ч. 2 ст. 247, ч. 1 ст. 248, ч. 1 и 2 ст. 250 УК РФ, могут быть совершены как умышленно, так и по неосторожности, тогда как преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 247, ч. 2 ст. 248, ч. 3 ст. 250 УК РФ, совершаются только по неосторожности.

Между тем современное российское уголовное законодательство допускает две формы вины в одном преступлении, которые выражают различное психическое отношение виновного лица к совершению общественно опасного деяния и (или) наступившим в результате общественно опасным последствиям (см. ст. 27 УК РФ). Возможны три варианта возникновения двух форм вины в одном преступлении.

1. Умысел направлен к менее тяжкому материальному последствию преступного деяния, а неосторожность — к более тяжкому материальному последствию того же деяния (см. ч. 4 ст. 111, ч. 2 ст. 167, ч. 2 ст. 248, ч. 3 ст. 250 и др. УК РФ).

2. Умысел выражен к осуществлению преступного деяния [наступление нематериального общественно опасного последствия], предусмотренного основным составом преступления, а неосторожность — к наступившему в результате этого деяния материальному общественно опасному последствию, которое предусмотрено квалифицированным (особо квалифицированным) составом преступления (см. ч. 3 ст. 123, ч. 3 ст. 131, ч. 3 ст. 247 и пр. УК РФ).

3. Умысел проявлен к одному из альтернативных материальных последствий преступного деяния, предусмотренного основным составом преступления, а неосторожность — к другому из альтернативных материальных последствий того же деяния (см. ст. 246, 257 и т.д. УК РФ).

Преступления с двумя формами вины могут иметь лишь материальные, притом сложные (как правило, разнообъектные) составы. Эти пре-

ступления следует отличать от преступлений со смешанной виной [хотя и две формы вины в одном преступлении, и смешанная вина в преступлении являются разновидностями сложной вины]. В первом случае речь идет как об умышленном, так и о неосторожном отношении к преступному деянию/последствию (см., например, ч. 3 ст. 247 УК РФ). Во втором случае — об умышленном отношении к правонарушению (например, административному), в результате которого по неосторожности наступают материальные преступные последствия (см., в частности, ст. 264 УК РФ).

Преступления с двумя формами вины могут быть выражены как в активной, так и в пассивной форме поведения виновного.

О том, что особо квалифицированное нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов, квалифицированное нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами, особо квалифицированное загрязнение вод могут быть совершены с двумя формами вины (при возможности умышленного совершения этих преступлений, не отягощенных соответствующими квалифицирующими и особо квалифицирующими обстоятельствами) свидетельствует наличие следующих признаков: а) вина сочетает виды различных форм (например, косвенный умысел и небрежность), но не виды внутри одной формы; б) виновное лицо проявляет собственное умышленное и неосторожное отношение к различным признакам, формирующим объективную сторону одного состава преступления; в) неосторожность виновного лица может быть выражена в отношении более тяжкого обстоятельства, в том числе квалифицирующего, особо квалифицирующего; г) в целом совершенное преступление считается умышленным.

Категоричное утверждение Верховного Суда РФ того, что преступления, ответственность за которые предусмотрена ч. 3 ст. 247, ч. 2 ст. 248, ч. 3 ст. 250 УК РФ, совершаются только по неосторожности, не расширяет знания об этих деяниях, а ставит под сомнение его соответствие реальному положению дел.

III. Не вносят ясность в правоприменение суждения Пленума Верховного Суда РФ, изложенные в абз. 4 п. 5 постановления от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», об отсутствии состояния необходимой обороны, если действия нападавшего формально содержали признаки деяния, предусмотренного УК РФ, но заведомо для лица, причинившего связанный с защитой вред, в силу малозначительности, не представлявшие общественной опасности. Может быть, нужно вести речь об умышленном совершении преступления? Трудно найти объяснение и закрепленным в абз. 3 п. 16, абз. 4 п. 24 указанного постановления правилам о квалификации по статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за преступления, совершенные по неосторожности: а) действий защищающего(-ся) лица, которое не осознавало, но должно

было и могло осознавать отсутствие реального общественно опасного посягательства; б) действий лица, задерживающего правонарушителя, если оно не осознавало, но должно было и могло осознавать обстоятельства противоправного деяния и то, кто именно совершил преступление. Возникшая трудность вызвана тем, что вред и при защите от посягательства (реального или мнимого), и при задержании правонарушителя причиняется лицом соответственно защищающим(-ся) или задерживающим умышленно, и только умышленно.

IV. Один из качественных признаков соучастия — обладание всеми признаками субъекта преступного посягательства каждым из его участников. Если из двух участников преступления один является невменяемым или не достигшим возраста уголовной ответственности, то соучастие отсутствует и нужно вести речь о способе удлинения рук [посредственным причинении вреда] привлекаемому к уголовной ответственности лицу.

Ранее исключение из этого правила составляли совместные общественно опасные деяния, выраженные в изнасиловании, совершенном группой лиц, в совершении грабежа или разбоя группой лиц по предварительному сговору⁵. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», заменившее постановление от 22.03.1966 № 31, вернулось к общему правилу (см. п. 12). Общее правило отражено и в абз. 5 п. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (в абз. 1 п. 9 утратившего силу постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних»). Наряду с этим Президиум Верховного Суда РФ в своих постановлениях № 1048п2000пр по делу Тимиркаева и др.; № 740п99 по делу Степанова указал следующее: «Преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном его совершении, независимо от того, что некоторые из участвовавших не были привлечены к уголовной ответственности в силу недостижения возраста уголовной ответственности или ввиду невменяемости»⁶. Тем не менее сложно, если вообще возможно, представить предварительный сговор на совершение преступления с невменяемым человеком.

V. Противоречивые официальные разъяснения высшей судебной инстанции того, какие обстоятельства следует признавать свидетельствующими о беспомощном состоянии потерпевшего лица, повлияли на квалификацию содеянного по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ и ст. 131, 132 УК РФ.

В соответствии со сложившейся судебной практикой указанное состояние потерпевшего определяется его возрастом (малолетним или престарелым), состоянием здоровья (тяжелобольной, страдающий психическим расстройством, лишаящим его способности адекватно воспринимать про-

исходящее), увечностью и другими обстоятельствами, не дающими жертве возможности защитить себя — оказать активное сопротивление преступнику или уклониться от посягательства⁷.

Согласно разъяснениям высшей судебной инстанции, не может свидетельствовать о беспомощном состоянии потерпевшего и служить основанием для квалификации поведения виновного по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ: а) лишение человека жизни после его связывания, которое явилось составной частью объективной стороны убийства⁸; б) введение потерпевшего в данное состояние вследствие совершения виновным иного преступления⁹, а равно посредством физического воздействия (нанесением ударов, причинением телесных повреждений) виновным, если указанное воздействие было направлено на реализацию умысла на убийство¹⁰; в) нахождение потерпевшего в состоянии сна¹¹, опьянения, в том числе сильной степени¹², сонном состоянии, отягощенном сильной степенью алкогольного опьянения¹³.

Одновременно Пленум Верховного Суда РФ признал состояние опьянения потерпевшего лица в такой степени, которая лишала его возможности оказывать сопротивление виновному, признаком, характеризующим беспомощное состояние потерпевшей/потерпевшего, по делам об изнасиловании и насильственных действиях сексуального характера. При этом не имеет значения, возникло данное состояние в результате действий виновного (например, угостил спиртным напитком, ввел наркотическое средство, дал снотворное) или независимо от поведения виновного¹⁴.

Таким образом, судебную практику формируют противоположные по содержанию решения высшей судебной инстанции — акты официального толкования, которые нуждаются в приведении к единому знаменателю.

VI. В некоторых решениях Президиума и Военной коллегии Верховного Суда РФ, Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ содержится подмена понятия «корыстная цель» понятием «корыстный мотив». В частности, таковая имеет место в разъяснении высшей судебной инстанцией того, что убийство по найму или сопряженное с разбоем само по себе предполагает корыстный мотив, поэтому дополнительной квалификации по признаку «убийство из корыстных побуждений» не требуется¹⁵. Думается, что разбойное нападение возможно и по иным мотивам (идеологическим, политическим, религиозным, из чувства ложного товарищества, желания помочь голодным и страждущим и т.д.), однако всегда с корыстной целью (для получения виновным или другим лицом материальной выгоды либо избавления от материальных затрат). Иные суждения высшей судебной инстанции убеждают в том, что и убийство по найму предполагает умышленное лишение потерпевшего жизни в целях [но не по мотивам] получения исполнителем материального или иного вознаграждения¹⁶.

VII. Возникли противоречия между решениями Пленума и Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда России, которые оказывают существенное влияние на формирование практики судов общей юрис-

дикции. Так, Пленум Верховного Суда РСФСР в абз. 2 п. 2 постановления от 04.05.1990 № 3 «О судебной практике по делам о вымогательстве» указал, что если вымогательство сопряжено с непосредственным изъятием имущества потерпевшего, то при наличии реальной совокупности преступлений эти действия необходимо дополнительно квалифицировать в зависимости от характера примененного насилия, как грабеж или разбой. Позже Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приняла решение, изменяющее сложившуюся практику, при том что объективные обстоятельства, указывающие на необходимость подобного изменения судебной практики, отсутствовали.

Итак, 29.11.1998 Р. и К. пришли к П. с целью вымогательства денежных средств. Р. неоднократно высказал соответствующие требования, а затем с целью заставить П. платить оба стали угрожать убийством и нанесли ему телесные повреждения. П. испугался и вынужден был сказать им, что у него есть 100 руб., которые находятся в шифоньере. Р. взял оттуда деньги. К. понимая, что П. не собирается в будущем платить им деньги, с силой нанес ему удар по лицу стеклянной банкой, причинив легкий вред здоровью. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отметила, что Р. и К. завладели деньгами потерпевшего в сумме 100 руб. в процессе вымогательства, с целью ежемесячного получения от него данной суммы. Их действия, связанные с завладением деньгами, полностью охватывались составом преступления — вымогательство и не требовали дополнительной квалификации как разбой или грабеж. Таким образом, если в процессе вымогательства применено насилие к потерпевшему (близкому ему человеку) и при этом проявлены признаки грабежа или разбоя, то дополнительная квалификация преступного поведения по ст. 161 или 162 УК РФ не нужна, поскольку содеянное охвачено п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ¹⁷. Данное решение высшей судебной инстанции не только вступило в противоречие со сложившейся следственно-судебной практикой, но и вызвало вопросы относительно установления и оценки обстоятельств содеянного.

VIII. Предпринимательство по отдельным видам деятельности может осуществляться только на основании лицензии. Перечень видов деятельности, на которые требуются лицензии, закреплен в ст. 12 Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности». Пленум Верховного Суда РФ в п. 17 постановления от 18.11.2004 № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» разъяснил, что если федеральным законодательством из перечня видов деятельности, осуществление которых допустимо только на основании лицензии, исключен соответствующий вид деятельности, то в действиях лица, которое занималось таким видом предпринимательской деятельности, отсутствует состав преступления, предусмотренный ст. 171 УК РФ.

Изложенное разъяснение вряд ли можно считать справедливым, в полной мере соответствующим закону. В указанном пункте постановления речь идет, по сути, о декриминализации преступного деяния путем изменения смежного с уголовным федеральным законодательства. Этим законодательством не изменяются и не дополняются положения УК РФ, действовавшие на момент совершения преступления¹⁸. Принятие (и вступление в силу) соответствующего не уголовно-правового федерального закона свидетельствует, скорее всего, об изменившейся обстановке — об утрате деянием общественной опасности.

Поскольку на момент совершения лицом общественно опасного деяния [до исключения законодателем соответствующего вида деятельности из обозначенного перечня] в его поведении содержался состав преступления, постольку целесообразно рекомендовать судам принимать решения об освобождении этого лица от наказания в связи с изменением обстановки. В перспективе же в ст. 397 УПК РФ следует внести дополнения об освобождении от наказания, о смягчении наказания или иным образом улучшении положения лица, совершившего преступление, в связи с изменением федерального законодательства.

IX. Пленум Верховного Суда РФ до недавнего времени разноречиво разъяснял возможную корреспонденцию ст. 171 УК РФ со ст. 198 (или 199) УК РФ. Так, в п. 4 постановления от 04.07.1997 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Российской Федерации уголовного законодательства об ответственности за уклонение от уплаты налогов» он указал, что предпринимательская деятельность лица без регистрации или с нарушением ее правил, без специального разрешения (лицензии) либо с нарушением лицензионных требований и условий¹⁹, не уплачивающего налоги с доходов, полученных от этой деятельности, должна быть квалифицирована по ст. 171 и 198 УК РФ. Позже Пленум Верховного Суда РФ п. 16 постановления от 18.11.2004 № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» отметил, что поведение лица, виновного в занятии незаконной предпринимательской деятельностью и не уплатившего налоги и (или) сборы с доходов, полученных в результате такой деятельности, полностью охвачено составом преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 171 УК РФ.

Однако принятое 18.11.2004 постановление № 23 не отменило действие п. 4 постановления от 04.07.1997 № 8. Оно было отменено позже — в 2006 г. — постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» (см. п. 26). Тем не менее подобная правоприменительная декриминализация преступного поведения подрывает доверие к судебной системе, поскольку практически восьмилетнее применение следственно-судебными органами в соответствующих случаях одновременно ст. 171 и 198 (или 199) УК РФ вдруг оказалось не-

верным при том, что ни экономическая, ни политическая ситуация в государстве не изменились.

Х. Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда РФ, если лицо приобрело для личных нужд жилое помещение или иное недвижимое имущество либо получило его по наследству или по договору дарения, временно сдало его в аренду или в наём и в результате такой гражданско-правовой сделки получило доход (в том числе в крупном или особо крупном размере), то содеянное им не влечет уголовной ответственности за незаконное предпринимательство²⁰. Вместе с тем предпринимательской деятельностью признается самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицом, зарегистрированным в качестве предпринимателя в установленном законом порядке (см. п. 1 ст. 2 ГК РФ). Осуществление такой деятельности без регистрации свидетельствует о ее незаконности.

Народная мудрость гласит: нет ничего более постоянного, чем временное. Сдача в наём или поднаём как собственного, так и иного жилья либо другого недвижимого имущества предполагает самостоятельно осуществляемую на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли за оказание услуг. Систематичность получения прибыли имеет место и в разовой сдаче в наём или поднаём указанного имущества, и может выражаться в ежедневном, ежемесячном или ежегодном получении вознаграждения от одного нанимателя или поднанимателя (от нанимателей или поднанимателей, если, предположим, жилой дом сдан нескольким лицам). На возможность осуществления предпринимательской деятельности посредством одной крупной сделки, выполнения какой-либо значительной работы, оказания услуги, в процессе которых фактически осуществляется система действий, направленных на извлечение прибыли, указывали и другие авторы²¹.

Наконец, исключая из квалификации незаконного предпринимательства ст. 198 УК РФ, Пленум Верховного Суда РФ указал на необходимость квалификации временной сдачи в аренду или наём недвижимого имущества по ст. 198 УК РФ, если сдающее его лицо уклоняется от уплаты налогов или сборов с полученного дохода. Следуя логике Верховного Суда РФ, сдача в аренду или наём указанного имущества без цели систематического получения преступного дохода более опасна, нежели таковая с целью систематического получения преступного дохода, поскольку санкция нормы, закрепленной в ч. 1 ст. 198 УК РФ, предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до одного года. Санкция же нормы, отраженной в ч. 1 ст. 171 УК РФ, наказания в виде лишения свободы не содержит.

XI. У правоприменителей возник вопрос: нужно ли при квалификации содеянного как бандитизма [в связи с незаконным приобретением оружия для совершения нападений] одновременно использовать ст. 209 и 222 УК РФ? Сложившаяся судебная практика дала отрицательный ответ на этот

вопрос: нет, не нужно. Однако незаконные действия, связанные с оборотом огнестрельного оружия, совершенные в составе банды, не охвачены ст. 209 УК РФ и подлежат квалификации по ч. 3 ст. 222 УК РФ²².

Судебная коллегия Верховного Суда РФ в определении от 07.08.2003 по делу Колегова и др. разъяснила: поскольку признак «вооруженность» является конструирующим признаком бандитизма, постольку дополнительной квалификации по ст. 222 УК РФ не требуется²³. Между тем в аналогичной ситуации, когда речь идет о разбойном нападении [организованной группы] с применением оружия (см. ч. 2 и п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ), Пленум Верховного Суда РФ в абз. 1 п. 23 постановления от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» указал на необходимость квалификации содеянного, при наличии к тому основания, по ст. 162 и 222 УК РФ. Данное разночтение в руководящих разъяснениях высшей судебной инстанции способно привести к несправедливым судебным решениям, существенным сложностям в процессе переквалификации преступного поведения с соответствующей части ст. 209 УК РФ на соответствующие пункт и часть ст. 162 УК РФ, к дезорганизации следственно-судебного взаимодействия по расследованию уголовных дел данной категории.

Общие усилия, прилагаемые высшей судебной инстанцией России для разъяснения порядка применения уголовно-правовых норм, несомненно, направлены на облегчение работы следственно-судебных органов. Однако порой недостаточно обоснованные и противоречивые выражения благих намерений с легкостью обретают форму решений Пленума, Президиума, Судебной коллегии по уголовным делам или Военной коллегии Верховного Суда РФ, которыми должны руководствоваться нижестоящие суды. Данные решения способны повлиять на судьбы многих людей, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

В народе говорят «благими намерениями дорога в ад вымощена». Найдет ли народная мудрость подтверждение в юриспруденции? Куда способны вывести противоречивые благие намерения? Сольются ли указанные судебные решения в тропу, выводящую осужденных, а в некоторых случаях и потерпевших, из «трясины правосудия»? А может быть, ими будет вырублена зыбкая просека, движение по которой, напротив, затянет в эту трясины, лишит последних сил, подорвет доверие к правосудию, к государственной власти? Достаточно ли воли и профессионализма представителей высшей судебной инстанции России для того, чтобы эти решения — акты официального толкования законодательства, практики его применения — оказались продуманными, гуманными, справедливыми, согласованными между собой?

Поиск ответов на поставленные вопросы приведет к реальной оценке качества интерпретационной практики высшей судебной инстанции.

²² См.: ст. 126 Конституции России; ч. 3 ст. 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»; ч. 1 ст. 9 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации».

Федерации»; ч. 4 ст. 19 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации».

² См., напр.: Советское уголовное право. Часть Общая. М., 1964. С. 39.

³ См.: Постановления Конституционного Суда РФ от 17 июня 2014 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 1, 3, 6, 8, 13 и 20 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобой гражданки Н.В. Урюпиной», от 13 июля 2010 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валуевой, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова», от 27 мая 2008 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян».

⁴ По словам заместителя Генерального прокурора РФ С.Г. Кехлерова, любое постановление Пленума Верховного Суда РФ — это настольная книга не только для судей РФ, но и для следователей, прокуроров, адвокатов. См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 1. С. 1.

⁵ См.: Абз. 2 п. 9 утратившего силу постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 апреля 1992 г. № 4 «О судебной практике по делам об изнасиловании»; п. 19 утратившего силу постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 22 марта 1966 г. № 31 «О судебной практике по делам о грабеже и разбое».

⁶ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за IV квартал 2000 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 8. С. 17.

⁷ См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 8 февраля 2012 г. № 55-О12-2 по делу К. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 8. С. 31-32; Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2004 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 9. С. 30, Обзор ... за 2001 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 10. С. 23; Постановления Президиума Верховного Суда РФ № 580-П07ПР по делу К. и Ф. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 11. С. 11, № 1040п98 по делу Гаврилова и Харченко // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 7. С. 12.

⁸ См.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 4 июля 2000 г. по делу Климушкина и др. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 1. С. 7—8.

⁹ См.: Определение Военной коллегии Верховного Суда РФ № 2-047/05 по делу Мурадова // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 6. С. 28.

¹⁰ См.: Определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 58-Д11-15 по делу Д. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 5. С. 28; № 58-Д11-15 по делу Г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 2. С. 13; Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 3 октября 2007 г. № 267-П07 по делу Г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 5. С. 7-8; Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2007 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 9. С. 38, Обзор ... за 2004 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 8. С. 29.

¹¹ См.: Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2008 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 8. С. 36-37, Обзор ... за 2005 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 10. С. 29, Обзор ... за 2001 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 10. С. 23; Постановления Президиума Верховного Суда РФ № 33-П07 по делу Б. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2. С. 28, от 11 августа 1998 г. № 749п99 по делу Тарасова // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 5. С. 12, № 2. С. 11-12; Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2001 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 9. С. 20.

¹² См.: Постановления Президиума Верховного Суда РФ № 661п04 по делу Мещерякова и Новикова // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 7. С. 13-14, № 20п2003 по делу Хайруллина // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12. С. 16, от 15 декабря 1999 г. по делу Зеленко // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 5. С. 12; Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2004 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 9. С. 30; Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2002 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 8. С. 20.

¹³ См.: Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2004 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 9. С. 30; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 ноября 1999 г. по делу Быченкова // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 8. С. 19.

¹⁴ См.: Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» (абз. 3, 4 п. 3), от 22 апреля 1992 г. № 4 «О судебной практике по делам об изнасиловании» (абз. 2 п. 5), утратило силу.

Ранее Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указывала и на то, что нахождение потерпевшего в сильной степени алкогольного опьянения свидетельствует о нахождении его в беспомощном состоянии, о необходимости квалификации содеянного по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (См.: Определение от 12 августа 1997 г. по делу Хайруллина // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 4. С. 9-10), а также на то, что убийство спящего потерпевшего путем нанесения ему ударов топором по голове следует квалифицировать по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК

РФ как убийство лица, заведомо для виновного находившегося в беспомощном состоянии (См.: Определение № 75-097-19 по делу Ревина // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 12. С. 9).

¹⁵ См.: Определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 34-О10-28СП по делу Л. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 6. С. 22, от 15 апреля 2008 г. № 16-Д08-21 по делу Ч. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 10. С. 13; Постановления Президиума Верховного Суда РФ: № 425-П05 по делу Щукина // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 3. С. 13, от 28 апреля 2004 г. № 176п04пр по делу Горбунова // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 11. С. 11-12; Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2004 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 9. С. 30; Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2001 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 9. С. 21; Определение Военной коллегии Верховного Суда РФ № 4-087/00 по делу Жукова и Козлова // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 8. С. 17-18.

¹⁶ См.: Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2002 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 8. С. 18; п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)».

¹⁷ См.: Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2001 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 10. С. 21-22.

¹⁸ См. также: Определение Конституционного Суда РФ от 16 января 2001 г. № 1-О «По делу о проверке конституционности примечания 2 к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Скородумова Дмитрия Анатольевича».

¹⁹ После частичной декриминализации незаконного предпринимательства ст. 171 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или без лицензии в случаях, когда такая лицензия обязательна.

²⁰ См.: п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23.

²¹ См.: Волженкин Б.В. Экономические преступления. СПб., 1999. С. 89.

²² См.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 1-П08 по делу К. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 11. С. 12.

²³ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 4. С. 19-21.

Э.Л. Сидоренко*

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ

Изучение сущности уголовно-правового регулирования неразрывно связано с пониманием права, установлением его назначения и роли в обществе. Потенциал методологического анализа правового регулирования невероятно высок: на его основе можно, не отрываясь от юридической почвы и в полной мере используя аналитическую юриспруденцию, отойти от привычного текстуального толкования позитивного права и оценить правовые нормы в действии. Этот подход позволяет не только определить эффективность действующего за-конодательства, но и прочувствовать энергию права, рассмотреть средства, предмет и метод уголовно-правового воздействия.

В юридической науке изучение уголовно-правового регулирования ограничивается, как правило, поиском ответа на вопрос о допустимости рассмотрения уголовного права как исключительно охранительной отрасли законодательства. Советская наука категорически отрицала такую возможность, что было закономерно, ибо предлагаемая трактовка полно-

* Сидоренко Элина Леонидовна — доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики ФГОБУ ВПО «Московского государственного университета международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации».

стью соответствовала сущности советского уголовного законодательства, сводимого, по сути, к репрессивному воздействию на преступника и отрицанию прав потерпевшего как обладателя нарушенных преступлением интересов и благ.

В условиях изменения социально-политической ситуации в стране и начавшегося реформирования уголовного законодательства в духе гуманизма ставить под сомнение регулятивный потенциал уголовного права означает сомневаться в существовании самого уголовного права как самостоятельной правовой отрасли, ибо «право, которое лишено свойства регулирования, перестает выполнять свое социальное предназначение и, следовательно, утрачивает качество права»¹.

Как известно, слово «регулировать» образовано от латинского “regulare” — «направлять, упорядочивать» (от лат. “regula” «линейка, мерка; правило» или “regere” «управлять, направлять; исправлять», что восходит к праиндоевропейскому “reg” — «выпрямлять») и означает: 1) упорядочивать, налаживать; 2) направлять развитие, движение чего-либо с целью привести в порядок, в систему; 3) приводить механизмы и части в такое состояние, при котором они могут правильно, нормально работать; 4) воздействовать, приводя к порядку, нормальному состоянию².

Соотносясь с управлением как часть и целое, оно представляет собой так называемое косвенное управление. Регулирование сосуществует наряду с прямым управлением, т. е. через задание объекту требуемого (конкретного) результата и путей его достижения. При его помощи создаются возможности и ограничения деятельности, которые должны вызвать в управляемом объекте мотивацию и целеполагание, желаемые с точки зрения субъекта управления. Важно отметить и тот факт, что использование методов регулирования предполагает высокую степень самостоятельности управляемых объектов, развитые самоуправление и самоорганизацию в них³.

Можно выделить некоторые устойчивые признаки, имеющие значение для понимания феномена уголовно-правового регулирования.

1. Эта деятельность имеет целенаправленный характер и связана с воздействием на определенные процессы и явления. Оценивая общественные отношения, составляющие предмет уголовно-правового регулирования, важно принимать во внимание цели правового воздействия.

Настоящее требование, однако, соблюдается далеко не всеми. Как следствие, возникают и развиваются теории, построенные на разграничении уголовно-правового регулирования и охраны. Признавая, что настоящие понятия не совпадают по содержанию, нельзя согласиться с тем, что различие между ними заключается в особенностях предмета. «Об отношениях, охраняемых уголовным правом, речь необходимо вести не в связи с рассуждениями о предмете уголовного права, а в рамках анализа его задач»⁴.

Если оценивать регулирование исключительно как целенаправленное воздействие, важно признать, что понятия «уголовно-правовое регулирование» и «уголовно-правовая охрана» выражают различные стороны и ка-

чества права как регулятора общественных отношений (одно — деятельность, а второе — цели этой деятельности).

Косвенно этот вывод подтверждается ч. 1 ст. 2 УК, в которой одной из задач уголовно-правового регулирования названа охрана прав и свобод личности, общества и государства.

Именно задача охраны характеризует уголовно-правовое регулирование как особый способ регулирования поведения людей, сопряженный с установлением уголовно-правовых запретов, реализацией уголовной ответственности и пр.

2. В отличие от прямого управления регулирование обеспечивает устойчивость системы через широкий диапазон способов правового воздействия. В социальном аспекте это означает, что регуляторы поведения воздействуют на объект не только посредством установления дозволений, предписаний и запретов, но и через ценностно-ориентационное (идеологическое, воспитательное) влияние.

Определяя предметные границы правового регулирования, важно ответить на вопрос, посредством чего (каких регуляторов) осуществляется воздействие на объект, а не как это воздействие возможно. Очевидно, что право при помощи системы правовых средств (юридических норм, индивидуальных предписаний) осуществляет результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения. Однако это было бы невозможно, если бы не осуществлялось идеологическое и информационное влияние норм на сознание субъектов правоотношений.

Такого рода воздействие является не основным, но непременным элементом уголовно-правового регулирования, без которого невозможны регулятивная, превентивная, карательная, восстановительная и воспитательная функции.

Этот, казалось бы, очевидный вывод принимается во внимание не всеми учеными. Как следствие, искусственно разделяются понятия «регулирование» и «охрана», отрицается существование общерегулятивных уголовно-правовых отношений и др.

В частности, Ю. И. Ляпунов утверждает, что «общепредупредительные потенции, заложенные в уголовном законе и представляющие собой один из элементов механизма правового воздействия, не являются в строгом юридическом понимании правовым регулированием, относятся к его функциям и проявлениям, а не к предмету правового регулирования общественных отношений»⁵.

Эту позицию поддерживает Б.В. Яценко: «На поведение людей, добровольно исполняющих законы и не совершающих преступлений в силу имеющихся у них социально одобряемых ценностных установок, уголовное право оказывает не регулятивное, а информационное, ценностно-ориентированное воздействие... Уголовно-правовое регулирование внутренних конфликтов происходит вне уголовно-правовых отношений, т. е. когда нормы-запреты оказывают непосредственное влияние на сознание

и волю неустойчивых граждан, побуждая их к совершению правомерных действий под угрозой возможного наказания»⁶.

В этом, безусловно важном, выводе содержится логическое противоречие: автор допускает существование уголовно-правового регулирования на стадии введения в действие запрещающих норм УК, но отрицает наличие общественных отношений как объекта (предмета) регулирования. Принимая во внимание нераздельность субъекта и объекта регулирования, данное мнение сложно признать обоснованным.

Основное отличие правового регулирования от иных форм социального воздействия заключается в том, что оно осуществляется при помощи особых средств управления — правовых средств (юридических норм). При этом норма права действует на общественные отношения не непосредственно, а через субъективное восприятие субъектами отношений.

Процесс трансформации правовых средств в правоактивное поведение личности включает два этапа.

Первый связан с усвоением индивидом правовой информации — ознакомление с нормой права, условиями, в которых она должна действовать, оценкой собственных возможностей реализации ее предписаний (мотивационный момент).

Второй раскрывает воздействие личности на окружающую социальную реальность посредством предоставленных прав, исполнения возложенных обязанностей (реализационный момент)⁷.

Таким образом, уголовно-правовое регулирование можно рассматривать как систему широкого (нормативно-организационного, информационного, воспитательного, превентивного и др.) воздействия на общественные отношения при помощи правовых средств.

3. Регулирование может осуществляться исключительно в рамках нелинейных систем. Общественные отношения, регулируемые правом, испытывают внешнее организационное воздействие и одновременно сами способны к саморегуляции. Через саморегуляцию они видоизменяются и изменяют характеристики правового регулирования.

В современных условиях, когда наука и практика не в силах с традиционных позиций объяснить развитие частных начал уголовно-правового регулирования, этот вывод имеет важное гносеологическое значение.

Он позволяет скорректировать вектор научного познания, оценить адаптивные возможности предмета уголовно-правового регулирования и обосновать расширение прав частных лиц в уголовном праве как естественный результат саморегулирования связей в сфере защиты личных прав и свобод.

4. Уголовно-правовое регулирование не создает свой предмет, а лишь упорядочивает и стабилизирует фактически существующие общественные отношения. Иными словами, уголовные правоотношения — это не продукт (результат) правового воздействия, а объективно существующий предмет регулирования.

Таким образом, уголовно-правовое регулирование можно определить как осуществляемое в целях обеспечения защиты охраняемых уголовным законом прав личности, общества и государства нормативно-организационное, идеологическое, информационное и воспитательное воздействие на правоотношения через упорядочение при помощи уголовно-правовых средств фактической деятельности их субъектов.

Предметом уголовно-правового регулирования являются правоотношения как особый вид общественных отношений, требующих правового воздействия в рамках целевой направленности уголовно-правового регулирования. Любые социальные отношения, требующие упорядочивания и корректировки с точки зрения задач уголовно-правового регулирования, попадают в фокус действия уголовно-правовых норм и приобретают статус уголовно-правовых отношений.

Предлагаемая трактовка правоотношений расширяет границы понимания проблемы и позволяет включить в спектр уголовно-правового регулирования фактические отношения, отражающие динамику и основные тенденции развития уголовного права, а не отношения-модели, сконструированные исключительно на основе действующего законодательства и выражающие меру должного поведения.

Провозглашение прав и свобод человека высшей ценностью существенно повлияло на идеологическую направленность уголовной политики. Если ранее правовые возможности личности рассматривались в ракурсе позитивного права, то в настоящее время акценты смещаются в сторону естественных прав. Стало очевидно, что наука нуждается в разработке такой концепции уголовно-правового регулирования, которая бы смогла объяснить происходящие изменения, не поколебав идею верховенства закона. Этой задаче в полной мере соответствует концепция правозащитного уголовно-правового регулирования.

Под правозащитным регулированием предлагается понимать систему уголовно-правового воздействия в целях урегулирования общественных отношений, возникающих из факта возникновения и реализации права частного лица на правовую защиту⁸.

В общей теории права формирование правозащитного регулирования связывается с тем, что «сущностные особенности прав человека с объективной закономерностью материализуются в юридических свойствах их защиты и концентрированно выражаются в праве человека на правовую защиту. Благодаря этим причинно-следственным связям генерирующим центром всей системы правозащитного регулирования оказывается сам человек, активно реализующий свое неотчуждаемое право на защиту и прибегающий при этом к помощи компетентных субъектов»⁹.

Несмотря на очевидную неподготовленность теории уголовного права к разработке и внедрению модели правозащитного уголовно-правового регулирования, потребность в модернизации системы научных знаний ощущается интуитивно. Не иначе как поиском правозащитной составля-

ющей объясняются обсуждаемые предложения по расширению спектра уголовно-правовых отношений за счет общепредупредительных отношений (Н.Ф. Кузнецова, Н.А. Лопашенко, А.В. Наумов и др.)¹⁰, обеспечивающих безопасность субъектов права на стадии установления уголовно-правовых запретов.

Постановка вопроса о правозащитном уголовно-правовом регулировании предполагает если не отказ от традиционных доктринальных оценок предмета регулирования и объектно-субъектного состава уголовно-правовых отношений, то, по крайней мере, их существенную корректировку.

Отношения, составляющие предмет правозащитного уголовно-правового регулирования, обладают рядом особенностей, которые выделяют их из общего ряда правоотношений:

1) они возникают на основе такого юридического факта, как реализация человеком своего права на уголовно-правовую защиту собственных субъективных прав;

2) характеризуются юридической связью, в которой управомоченной стороной является лицо, наделенное правом на правовую защиту (или правом на защиту права);

3) право на правовую защиту прав обеспечено возможностью применения к правонарушителю мер государственного принуждения.

Своеобразие правозащитных отношений выражается в правовом статусе частного лица — обладателя права. Этот статус включает в себя следующие правомочия¹¹:

1) право самостоятельно пользоваться своими правами и интересами (право-пользование). В системе уголовно-правовых отношений формой выражения этого правомочия является отчуждение человеком личных имущественных и неимущественных прав в рамках института согласия на причинение вреда своим интересам;

2) правомочие требования от государства действий, направленных на соблюдение международных и конституционных стандартов прав человека, создание эффективных механизмов правовой превенции, учет ценности охраняемого блага, отражение в уголовно-правовых запретах общественной опасности преступных посягательств на частные интересы;

3) возможность личности осуществлять самостоятельную защиту своих прав и прав третьих лиц посредством причинения вреда другим охраняемым законом интересам (правомочие на самостоятельную защиту);

4) право требования восстановления нарушенных прав и привлечения виновного к уголовной ответственности (право-притязание).

В зависимости от особенностей реализации права частного лица на самостоятельную защиту права выделяются следующие связи, составляющие предмет правозащитного уголовно-правового регулирования:

1) правоотношения «обладатель права — государство». Их содержание составляет право-требование частного лица и корреспондирующая ему обязанность государства соблюдать правовые стандарты защиты личности

и юридических лиц, создавать эффективную систему уголовно-правовой охраны субъективных прав;

2) уголовно-правовые отношения «обладатель права — причинитель вреда», в рамках которых частное лицо реализует право — пользование своим благом через согласие на причинение ему вреда;

3) уголовно-правовые отношения «потерпевший — преступник» и «потерпевший — государство», в которых реализуется право-притязание частного лица на восстановление нарушенных прав и привлечение виновного к уголовной ответственности. Компромисс, достигнутый в рамках отношений государства и потерпевшего, влияет на развитие охранительных связей «государство — преступник». Государство либо освобождает виновного от уголовной ответственности (ст. 76) либо применяет к нему меры уголовно-правового принуждения;

4) правоотношения «обладатель права — причинитель вреда». Совершение общественно опасного посягательства инициирует возникновение отношений между обладателем права и причинителем вреда, где пострадавшая сторона наделяется правом на вынужденное причинение вреда в объеме и пределах, соответствующих ценности защищаемого блага, интенсивности действий причинителя вреда и обстановки самозащиты.

В заключении отметим, что теория правозащитного уголовно-правового регулирования явилась естественным следствием расширения прав частных лиц как обладателей охраняемых уголовным законом благ. Отношения, составляющие предмет такого регулирования, возникают как на стадии формирования и принятия уголовно-правовых запретов (регулятивные правозащитные отношения), так и на этапах привлечения виновного к уголовной ответственности и назначения наказания (охранительные правозащитные связи), могут иметь вертикальный и горизонтальный характер. Но при всем многообразии их объединяет общий объект — субъективное право личности (юридического лица) на частный интерес.

¹ Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. СПб., 2003. С. 25.

² См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1999. С. 549.

³ См. подробнее: Украинцев Б.С. Особенности самоуправляемых систем. М., 1970. С. 21; Пригожин А.И. Современная социология организаций: учебник. М., 1995. С. 39.

⁴ Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Указ. раб. С. 31.

⁵ Ляпунов Ю.И., Ляпунов Ю.И. Уголовное право: предмет и метод регулирования и охраны // Уголовное право. 2005. № 1. С. 51.

⁶ Яценко Б.В. Противоречия уголовно-правового регулирования. М., 1996. С. 41.

⁷ См.: Петрова Г.О. Уголовно-правовое отношение / отв. ред. Б.В. Здравомыслов. М., 1986. С. 26.

⁸ Сидоренко Э.Л. Диспозитивность как режим уголовно-правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 48.

⁹ Анисимов П.В. Теоретические проблемы правового регулирования защиты прав человека: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 14–15.

¹⁰ См.: Курс уголовного права: учебник для вузов / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002. Т. 1: Общая часть. Учение о преступлении. С. 5; Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. С. 27; Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1996. С. 6.

¹¹ Сидоренко Э.Л. Диспозитивный режим уголовно-правового регулирования. М., 2013. С. 130.

А.И. Ситникова*

ПРИМЕЧАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА УГОЛОВНО-ПРАВОВУЮ ПОЛИТИКУ

В юридической литературе до недавнего времени интерес к примечаниям имел эпизодический характер. В немногочисленных публикациях на эту тему примечания рассматривались как проявление недостаточно высокого уровня законодательной техники. На наш взгляд, технико-юридический подход отвлекает от сути: примечание — это нормативный текст, выведенный за рамки текста уголовно-правового предписания, дополняющий, конкретизирующий или поясняющий основное предписание. Главное назначение любых примечаний заключается в вынесении за пределы основного текста дополнительных сведений, способных усложнить нормативный текст в композиционном и содержательном отношении. Примечания, включенные законодателем в уголовный закон, являются структурно необходимыми элементами: примечания к статьям не только улучшают структурную организацию Уголовного кодекса, но и повышают качество уголовного закона в целом, так как иерархическое построение нормативного материала облегчает и упрощает восприятие, усвоение и применение уголовно-правовых предписаний. Об этом свидетельствует особое внимание законодателя к текстам примечаний.

В действующем Уголовном кодексе примечания играют незаменимую роль: нормативные примечания являются действенным инструментом воздействия на уголовно-правовую политику, дающим возможность не только скорректировать применение тех или иных уголовно-правовых предписаний, но и внести изменения в механизм реализации уголовной политики¹. Инструментальная роль примечаний «провоцирует» их количественный рост. В первоначальный текст УК РФ законодатель включил 44 примечания к 35 статьям Кодекса (см. 126, 158, 171, 177, 178, 188, 191, 192, 193, 194, 198, 199, 200, 201, 204, 205, 206, 208, 221, 222, 223, 228, 260, 264, 275, 285, 290, 291, 308, 316, 318, 322, 337, 338, 359 УК). За пятнадцать лет действия настоящего Кодекса количество примечаний увеличилось почти в два раза: в настоящее время в Общей части УК РФ содержится одно примечание, в Особенной части — 107 примечаний к 72 статьям (ст. 117, 122, 126, 127.1, 131, 134, 139, 141.1, 145.1, 146, 151, 151.1, 158, 159.1, 169, 173.1, 173.2, 174, 178, 184, 185, 185.3, 185.6, 189, 193, 194, 198, 199, 201, 204, 205, 205.1, 205.2, 206, 208, 210, 216, 217.1, 222, 223, 226.1, 228, 228.3, 230, 231, 234, 242, 260, 261, 263, 263.1, 264, 267, 272, 275, 282.1, 282.2, 285, 285.1, 290, 291, 291.1, 293, 307, 308, 314, 316, 318, 322, 337, 338, 359 УК). При этом примечания в зависимости от колебаний уголовной политики подвергаются определенной корректировке: одни примечания

* Ситникова Александра Ивановна — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет».

ния утрачивают силу вместе со статьями (ст. 200 «Обман потребителя»), другие — утрачивают силу как ненужное дополнение к статьям (прим. к ст. 71 УК «Незаконное предпринимательство», прим. к ст. 221 «Хищение либо вымогательство ядерных материалов»), третьи — редактируются, в том числе неоднократно в направлении, заданном уголовно-правовой политикой (примечания к ст. 117, 122, 126, 127.1, 134, 139, 144.1, 146, 151, 158 УК и др.).

Перспективы использования примечаний в Уголовном кодексе РФ определяются тем, что примечания являются инструментом изменения уголовно-правовой политики в интересах лиц, определяющих стратегию и тактику экономического и социального развития политически организованного общества, причем как в сторону ее реальной либерализации, так и в сторону потенциального ужесточения либо стабилизации.

В юридической литературе политико-правовому аспекту примечаний уделяется недостаточное внимание, так как примечания рассматриваются в традиционном аспекте как средства либо приемы структурной организации нормативного текста, имеющие вспомогательный (разъясняющий, уточняющий либо регулятивный) характер, то есть как законодательно-технические компоненты уголовного закона, используемые законодателем в нормативных целях. Исследователей примечаний в основном интересует их технико-юридическая специфика, в том числе связанная с имеющейся структурой УК РФ и возможной структуризацией уголовного закона². Даже в тех работах, которые посвящены уголовной политике, ничего не говорится о связях примечаний с уголовно-правовой политикой. Более того, авторы соответствующих работ подчеркивают, что примечания к отдельным статьям Особенной части УК, заслуживают особого внимания в связи с вопросами о законодательной технике, так как содержат разнообразные предписания³.

В последние годы законодатель внес в Уголовный кодекс множество поправок, направленных на либерализацию уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности. При этом в качестве инструмента либерализации уголовной ответственности использованы примечания. Анализ показывает, что первоначальная редакция главы 22 УК РФ содержала 11 примечаний (общее примечание к ст. 171, 172, прим. к ст. 177, 188, 191, 194, 193, 194, 198, 1, 199, 200 УК). Указанные примечания в четырех случаях признавали крупным размером стоимость, сумму или доход, превышавшие 200 МРОТ (прим. к ст. 171, 172, 188, 198 УК), в трех случаях — задолженность, стоимость, превышающие 500 МРОТ (прим. к ст. 177, 191, 192 УК), в двух случаях — стоимость, сумму, превышавшие 1000 МРОТ (прим. к ст. 194, 199 УК), в одном случае — задолженность, превышавшую 2500 МРОТ (прим. к ст. 177 УК), в другом случае - сумму, превышавшую 10 000 МРОТ (прим. к ст. 193 УК). Примечание к ст. 171 и 172 УК РФ предусматривало преступный доход в особо крупном размере - доход, сумма которого превышала 500 МРОТ.

Радикальные изменения в УК РФ внесены Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ: во-первых, крупный и особо крупные размеры, суммы либо доходы, указанные в примечаниях, установлены в рублевом эквиваленте, значительно превышающем размеры и суммы, кратные МРОТ. Таковые указаны в диапазоне сумм (размеров и т.п.), превышающем 250-300 тысяч, один, полтора миллиона и пять миллионов рублей; во-вторых, в Кодекс включены новые примечания (прим. к ст. 169, 174, 174.1, 178, 185, 185.1 УК), в которых крупный размер превышает 250 тысяч рублей (прим. к ст. 169 УК) и один миллион рублей (прим. к пяти статьям); в-третьих, предусмотрен особо крупный размер (доход, задолженность, сумма) в примечаниях (к ст. 169 - свыше одного миллиона рублей, к ст. 198 — свыше 1 млн. 500 тысяч рублей, к ст. 199 — свыше 7 млн. 500 тысяч рублей).

В дальнейшем законодатель дважды (2009 и 2010 гг.) редактировал примечания к статьям, предусматривающим ответственность за совершение преступлений в сфере экономической деятельности. В результате крупный размер в рублевом эквиваленте в отношении подавляющего большинства экономических преступлений увеличен в 6 раз, в одном случае (прим. к ст. 199 УК) - в 4 раза. Кроме того, шестикратный рост особо крупного размера установлен и в отношении денежных сумм, являющихся квалифицирующим признаком экономических преступлений. Причем в примечаниях к основным составам преступлений фигурируют денежные суммы, превышающие 1, 1,5, 6 и 30 миллионов рублей, а в примечаниях к квалифицирующим составам преступлений — 2, 6, 9 и 30 миллионов рублей.

Примечания к статьям Особенной части существенно влияют на характер проводимой уголовно-правовой политики: на первоначальном этапе действия Уголовного кодекса РФ способствуют стабилизации уголовной политики, на следующем этапе, с 2003 г., примечания используются в качестве инструмента либерализации уголовной ответственности, а затем выступают как способ декриминализации преступных деяний, совершаемых в сфере экономики. Из сказанного следует, что увеличение количества примечаний в Особенной части УК РФ, их неоднократное редактирование под предлогом совершенствования уголовного закона и развития экономики не способствует стабилизации уголовной политики в интересах всего общества, а лишь свидетельствует об использовании примечаний в узкопрагматических целях, не соответствующих принципам уголовного законодательства РФ.

В настоящее время законодатель озабочен не столько повышением качества уголовного закона или развитием экономических отношений, сколько проведением законодательно-технических экспериментов, позволяющих получить результаты, удовлетворяющие политические и экономические элиты⁴. Отсюда проистекает стремление как можно активнее и как можно быстрее за счет использования законодательно-технических средств изменить действующий Уголовный кодекс РФ и тем самым закрепить радикальные преобразования уголовно-правовой политики, направ-

ленные не только на либерализацию уголовной ответственности, но и декриминализацию ряда экономических преступлений.

На наш взгляд, увеличение количества примечаний в Особенной части Уголовного кодекса и частое их редактирование недопустимо, так как примечания — уточнения, примечания — исключения и примечания — ограничители составляют основную массу примечаний (72,7%). Их динамика существенно меняет содержание уголовно-правовой политики и наряду с другими факторами определяет кризис уголовной политики. В этой связи требуется взвешенный подход к использованию примечаний, которые уточняют количественные параметры преступлений либо иным образом изменяют режим действия уголовно-правовых предписаний.

¹ См.: Назаренко Г.В. Особенности современной уголовно-правовой политики и ее законодательное регулирование // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 1. С. 116–120.

² См.: Бойко А.И. Система и структура уголовного права: В 3 томах. Т. III. Ростов н/Д, 2008. С. 42–49; Кондаков Д.С. Примечания в российском законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002; Сомова Ю.В. Примечания в уголовном законодательстве: автореф. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009. С. 3–7; Войтович А.П. Примечания в уголовном законе: сущность, виды, общая характеристика. Ульяновск, 2006.

³ Панченко П.Н. Оптимизация уголовной политики и проблемы правопорядка в экономике: монография. Нижний Новгород, 2004. С. 275.

⁴ См.: Милюков С.Ф. Российская уголовная политика: перманентная революция // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели. Материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2012 года). М., 2012. С. 160–164.

Е.В. Топильская*

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОРГАНИЗОВАННУЮ ПРЕСТУПНОСТЬ

Как правило, под уголовно-правовым воздействием понимают конкретные действия государства — наказание, применение воспитательных и медицинских принудительных мер, конфискацию имущества в связи с общественно опасным поведением конкретного человека. А.И. Чучаев и А.П. Фирсова определяют уголовно-правовое воздействие как ответные действия государства, применяемые к лицу, совершившему общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом, при том, что основанием воздействия следует считать любое уголовно-правовое поведение, в том числе злоупотребление правом и объективно противоправное деяние¹. Сущностной чертой, объединяющей все меры уголовно-правового воздействия, по их мнению, является то, что предусмотренное уголовным законом принуждение выступает ответом государства на определенные действия субъекта. Большинство ученых также ограничивается взглядом на уголовно-правовое воздействие как на систему определенных «ответных»

* Топильская Елена Валентиновна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия».

мер, не говоря о сущности самого воздействия². Интересно, что это взгляд не только специалистов в области материального права, но и процессуалистов³. Более того, А.И. Чучаев и А.П. Фирсова приводят данные о том, что 16% опрошенных ими представителей юридической науки фактически отождествили уголовно-правовое воздействие с уголовной ответственностью, а 42% охарактеризовали уголовно-правовое воздействие как негативную реакцию государства на общественно опасное деяние⁴.

Представляется, однако, что уголовно-правовое воздействие само по себе значительно шире, нежели перечень мер уголовно-правового характера. Это также регулятивные правоотношения, связанные с так называемой позитивной уголовной ответственностью и требующие от каждого, к кому обращена норма уголовного закона, воздерживаться от ее нарушения. Так, Н.А. Лопашенко справедливо обращает внимание на то, что регулятивные уголовно-правовые отношения продолжают постоянно, а в случае совершения лицом общественно опасного деяния заменяются охранительными правоотношениями⁵.

Это действительно так: охрана общественных отношений с помощью уголовного закона осуществляется постоянно, а не только при совершении общественно опасных деяний; нормы закона регулируют поведение людей не только с момента их нарушения, ст. 2 УК РФ называет в качестве одной из задач уголовного закона предупреждение преступлений.

Более широко, чем просто систему мер уголовного наказания, видят уголовно-правовое воздействие М.В. Бавсун и В.В. Векленко, рассматривая его как идеологическую часть уголовной политики, а государственное принуждение в ответ на нарушение уголовного закона — как средство воздействия⁶, но надо заметить, что это не единственное средство уголовно-правового воздействия, имеющееся в арсенале государства. Это важно, поскольку данные авторы справедливо указывают на значение уголовно-правового воздействия для выстраивания адекватной системы противодействия преступности: «Идеологическая составляющая воздействия на общество должна соответствовать ряду требований, среди которых: последовательность отражения позиции государства относительно противодействия преступности, единство реализуемого при этом подхода, его адекватность общественной психологии и базовым моральным ценностям, а также складывающейся криминологической обстановке... Соблюдение указанных требований позволит выстроить систему противодействия преступности, в которую будут входить основополагающие идеи, цели и задачи такой деятельности, ее принципы и в зависимости от них — выбираться конкретные средства уголовно-правового воздействия»⁷.

Особенное значение это приобретает, когда речь идет о воздействии общества, в лице государства, не только на конкретных лиц, но на некую систему, противостоящую государству и его задачам по охране общественного порядка: на организованную преступность.

Поскольку организованная преступность представляет собой систему лиц, участвующих в ней, а также преступлений, совершаемых этими ли-

цами, и систему связей между ее участниками, их объединениями и теми, кто содействует существованию этой системы, — уголовно-правовое воздействие на нее также должно носить системный, комплексный характер, и не ограничиваться применением мер уголовного наказания к отдельным участникам организованной преступной деятельности. Задача уголовно-правового воздействия на организованную преступность осложняется в первую очередь даже не высокой, по сравнению с другими видами преступной деятельности, ее общественной опасностью, а наличием субкультуры, в рамках которой существует идеология организованной преступности, использующая конформность индивидов как инструмент сплочения криминальных объединений и упрочения иерархической структуры, а также дополнительных возможностей организованной преступности по защите от социального контроля, которыми не обладает никакой другой вид преступности, по крайней мере, в таком масштабе. «Значительное влияние на состояние преступности начинают оказывать не сами меры воздействия, интенсивность их применения или угроза их реализации (что сегодня и выступает в качестве основных средств предупреждения совершения преступлений), а отношение каждого индивида к уголовному закону и к тем средствам воздействия, которые в нем содержатся»⁸. Страх перед уголовным наказанием (в том числе и страх оказаться в жестоких условиях уголовно-исполнительного учреждения и претерпеть насилие и унижение, — чувство, которое может быть сильнее страха перед социальными последствиями уголовного наказания) для участников организованной преступности во многом нейтрализуется осознанием принадлежности к группе и надеждой на поддержку в ходе уголовного судопроизводства и исполнения наказания. Находящиеся под стражей представители организованной преступности гораздо реже, чем прочие заключенные, подвергаются физическому и психическому насилию со стороны как других заключенных, так и сотрудников уголовно-исполнительных учреждений, и находятся в более хороших бытовых условиях, чем прочие. За счет материальных ресурсов, которыми располагает организованная преступность, привлеченные к уголовной ответственности участники преступной деятельности обеспечены адвокатской защитой гораздо более высокого качества, чем основная масса лиц, попавших в поле зрения уголовной юстиции. Наконец, те же материальные средства, вкуче с накопленным организованной преступностью административным ресурсом, предоставляют возможности ухода от уголовной ответственности либо от отбывания наказания. (Например, активный участник одного из петербургских организованных преступных сообществ Б., будучи арестованным за совершение особо тяжких преступлений, с помощью защитников обосновывал резкое ухудшение здоровья, препятствующее содержанию его под стражей. После представления врачебных документов о его тяжелейшем состоянии, практически о нахождении при смерти и невозможности передвигаться, следователь явился в следственный изолятор для выполнения процессуальных действий, но заключенный

не был выведен в следственный кабинет по причине того, что как раз в это время участвовал, в качестве нападающего, в футбольном матче между содержащимися в следственном изоляторе. Вряд ли имела место врачебная ошибка, связанная с переоценкой тяжести заболевания арестованного; скорее, оплаченный умысел).

В связи с изложенным, следует признать, что для противодействия организованной преступности как системному явлению недостаточно использования только уголовно-правовых средств воздействия, без специализированной концепции, отраженной в уголовной политике. Эта концепция охватывает участие в международных договорах о противодействии организованной преступности, ориентирование правоохранительных органов на борьбу с организованной преступностью и совершенствование уголовного законодательства. А уголовно-правовое воздействие суть уголовно-правовые инструменты, приводимые в действие уголовной политикой.

Под уголовно-правовыми средствами воздействия следует понимать квалификацию преступлений, назначение наказания и применение иных уголовно-правовых мер, что регламентируется исключительно нормами уголовного закона. При этом можно выделить, говоря образно, «прицельные» нормы, воздействующие «точечно» и конкретно на определенные общественно опасные проявления: например, нормы статьи 105 УК РФ по отношению к убийству; и прочие, прямо не регламентирующие ответственность за совершение именно этого преступления, но без которых уголовно-правовое воздействие не реализуется в полной мере (скажем, нормы ст. ст. 61 и 63 УК РФ, помогающие индивидуализировать наказание за конкретное преступление). Такие нормы можно назвать «сопутствующими». Все прочие нормы, которые не относятся к «прицельным» и «сопутствующим», в контексте воздействия на преступность определенного рода являются общими.

Применительно к воздействию на организованную преступность «прицельными нормами» следует назвать:

1) нормы Общей части УК РФ, дающие понятие организованной группы и преступного сообщества (преступной организации) — ч. ч. 3 и 4 ст. 35 УК РФ;

2) нормы Общей части УК РФ, устанавливающие правила ответственности для лиц, создавших организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководивших ими — ч. 5 ст. 35 и п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ;

3) нормы Общей части УК РФ, регламентирующие ответственность за создание организованной группы в случаях, не предусмотренных статьями Особой части УК РФ — ч. 5 ст. 35 УК РФ;

4) нормы Особой части УК РФ, содержащие квалифицирующий признак «совершение преступления организованной группой» — например, п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ и т.п.;

5) нормы Особой части УК РФ, предусматривающие ответственность за создание преступного сообщества (преступной организации) и

участие в нем и регламентирующие освобождение от ответственности при определенных обстоятельствах — ст. 210 УК РФ и примечание к ней.

К «сопутствующим» нормам относятся, в первую очередь, нормы, вытекающие из международных обязательств России. Это, в частности, необходимость реализации положения о том, что «государство не может допустить незаконного обогащения лица посредством совершения преступления или занятия преступной деятельностью»⁹. Кроме того, в Конвенции ООН о противодействии транснациональной организованной преступности (а следом — и в российском законодательстве) определена цель преступлений, совершаемых организованными группами: получение финансовой или иной материальной выгоды; и, значит, воспрепятствование достижению этой цели, а также обеспечение невозможности воспользоваться результатами преступной деятельности может служить эффективным средством противодействия организованной преступности. Поэтому в число уголовно-правовых средств воздействия на организованную преступность входят:

1) нормы Общей части УК РФ, регламентирующие конфискацию имущества — ст. ст. 104.1 и 104.2 УК РФ;

2) нормы Особенной части УК РФ, устанавливающие ответственность за легализацию («отмывание») средств, добытых преступным путем, — ст. 174 и 174.1 УК РФ.

Ратификация Палермской Конвенции ООН о противодействии транснациональной организованной преступности инспирировала имплементацию в российское законодательство института досудебного соглашения, «сделки с правосудием». Соответственно, уголовно-правовые нормы, поощряющие сотрудничество членов организованных преступных групп с правоохранительными органами, также должны быть отнесены к средствам уголовно-правового воздействия на организованную преступность. Это нормы Общей части УК РФ, регламентирующие назначение наказания при наличии досудебного соглашения о сотрудничестве — ч. ч. 2 и 4 ст. 62, 63.1 УК РФ.

Примечательно, что перечисленные уголовно-правовые нормы, влившись в российское законодательство из «прицельных», специализированных по противодействию организованной преступности международных договоров, сами по себе не являются «прицельными», так как распространяются не только на организованную преступность, но и на преступные проявления прочего рода. Так, досудебное соглашение о сотрудничестве, введение которого было мотивировано важностью предоставления правоохранительным органам возможности «привлекать к сотрудничеству лиц, состоящих в организованных группах и преступных сообществах»¹⁰, может быть заключено не только в рамках дела об организованной преступности, равно как и спектр применения конфискации имущества шире, чем дела об организованной преступной деятельности. Нормы о конфискации лишь фрагментарно являются «прицельными», в той части, где речь идет о кон-

фискации денег, ценностей и иного имущества, используемых или предназначенных для финансирования организованной группы или преступного сообщества (преступной организации), или если конфискация касается денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ и другими статьями УК РФ, если эти другие преступления совершены организованным преступным сообществом.

К сожалению, следует констатировать, что на сегодняшний день несовершенны как уголовно-правовые средства воздействия на организованную преступность, так и сама концепция воздействия, являющаяся частью уголовной политики. Несовершенство уголовно-правовых средств воздействия заключается в нарушениях правил юридической техники, влекущих дефекты законодательства, что серьезно осложняет правоприменение. Многочисленные претензии предъявляются к формулировке диспозиции ст. 210 УК РФ, отягощенной скобками, дублирующими друг друга без необходимости терминами, неправовыми дефинициями. Части 4 и 5 ст. 35 УК РФ противоречат друг другу: в ч. 4 закреплено, что преступное сообщество (преступная организация) создается с целью получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды, а в ч.5 перечисляются виды преступных сообществ, которые создаются по совершенно другим мотивам и с другими целями (террористическое, экстремистское сообщества, незаконное вооруженное формирование). И в то же время в диспозиции ст. 210 УК РФ, описывающей единственное преступное сообщество, которое всегда имеет целью извлечение материальной выгоды, ни слова не говорится об этой цели.

В п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ отсутствует указание на возможность конфискации доходов от значительного количества преступлений, наиболее характерных для организованной преступности: не предусмотрена конфискация доходов от мошенничества, вымогательства, разбоя, кражи, несмотря на то, что эти преступления носят исключительно корыстный характер и, судя по замыслу законодателя, как раз должны были подпасть под конфискацию.

Перечисленные законодательные дефекты усугубляются отсутствием уголовно-политической концепции противодействия организованной преступности, что выливается в чрезвычайно низкую эффективность уголовно-правового воздействия.

Таблица 1.

Состояние судимости по ст. 210 УК РФ

Уголовно-правовое реагирование на организованную преступность	2009	2010	2011	2012	2013
Зарегистрировано преступлений	247	172	172	202	251
Общее количество осужденных по ст. 210 УК РФ	164	190	232	203	98
Осуждено за создание преступного сообщества (ч. 1 ст. 210 УК РФ)	39	52	73	57	37
Осуждено за участие в преступном сообществе (ч. 2 ст. 210 УК РФ)	120	138	159	146	59
Осуждено за создание преступного сообщества или участие в нем, совершенное лицом с использованием служебного положения (ч. 3 ст. 210 УК РФ)	5	0	0	0	0
Осуждено лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии (ч. 4 ст. 210 УК РФ)	—*	0	0	0	0

За период с 2010 по 2013 г. конфискация применена к 30-ти осужденным по ст. 208–210 УК РФ, чего явно недостаточно для подрыва экономической базы организованной преступности. За 9 лет, с 2005 по 2013 г., всего 743 человека осуждены за отмывание преступных доходов, в то время как криминологи говорят о высочайшей латентности этих деяний, с коэффициентом 10–11,5, и о среднем значении фактического уровня легализации преступных доходов — 4 тыс. преступлений, предусмотренных ст. 174 УК РФ, и 128,9 тыс. преступлений, предусмотренных ст. 174.1 УК РФ¹¹.

Практика правоприменения показывает, что не столь важны недостатки законодательной техники (в конце концов, нет идеальных законов), сколько слабость политической воли и отсутствие единой уголовно-политической концепции противодействия преступности. Поэтому, возможно, следует задуматься о формировании национальной стратегии противодействия организованной преступности, которая обозначила бы организационные узлы этого противодействия и дисциплинировала бы правоприменителей.

¹ Чучаев А.И., Фирсова А.П. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация [Электронный ресурс]. М., 2010. Доступ из СПС «ГАРАНТ».

² См., напр.: Андриченко Л.В., Акопян О.А., Васильев В.И. и др. Концепции развития российского законодательства / отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М., 2014. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «ГАРАНТ»; Возжаникова И.Г. Рецидив как вид множественности преступлений. М., 2014; Семернёва Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): науч.-практ. пособие [Электронный ресурс]. Екатеринбург, 2010. Доступ из СПС «ГАРАНТ»; Ширяев В.Ф. Состав преступления, а также совокупность наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия — две взаимосвязанные системы (философское обоснование) // Системность в уголовном праве: матер. II Российского Конгресса уголовного права. М., 2007. С. 530.

³ См.: Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб. и доп. [Электронный ресурс]. М., 2010. Доступ из СПС «ГАРАНТ».

⁴ Чучаев А.И., Фирсова А.П. Указ. соч. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «ГАРАНТ».

⁵ См.: Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. С. 25, 26, 29.

⁶ Бавсун М.В., Векленко В.В. Идеологические основы уголовно-правового воздействия // Российский юридический журнал. 2013. № 5 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «ГАРАНТ».

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Кондрат Е.Н. Комментарий к Федеральному закону от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» (постатейный) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «ГАРАНТ».

¹⁰ См.: Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (о введении особого порядка вынесения судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «ГАРАНТ».

¹¹ Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С.М. Иншакова. М., 2011. С. 267-269.

В.В. Хилюта*

РЕАЛИЗАЦИЯ НАУЧНЫХ РАЗРАБОТОК ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ В ДОКТРИНЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В настоящее время в области уголовно-правовых исследований (и не только, а в большей части в правоведении в целом) можно обнаружить две тенденции: проявляющаяся дискредитация теоретических исследований и их «ненужность» практикам, и бурная экспансия прагматических и практических рекомендаций по квалификации конкретных противоправных деяний. Все это привело к преобладанию в правовой литературе феноменологических описаний и предание забвению фундаментальных исследований. Вместе с тем, подлинных прикладных исследований в уголовном праве в настоящее время крайне мало, что говорит об отсутствии хорошо разработанной теоретической базы по достаточно новым явлениям, возникшим в повседневной действительности и доселе неизвестных уголовному праву. Конечно, законодателю и правоприменителю нужно заботиться о поддержании и нормальном функционировании существующей системы и особо не подвергать ее ревизии. Однако в ряде случаев эта система непригодна для решения поставленных практикой задач и не способна адекватно найти теоретический выход при решении конкретных криминальных ситуаций. Все это несколько не может возвышать чисто прикладной характер уголовно-правовых исследований и низвергать роль отвлеченных, но глубоко фундаментальных по своей задаче изысканий, всегда имеющих практический выход в деле оптимального построения и применения норм уголовного закона. Правоприменительный позитивизм неспособен формировать фундаментальную науку, ибо текущая практика слишком слаба и пока не может служить достойным мериллом формулирования собственно уголовно-правовых теорий и научно выверенных рекомендаций. Поэтому

* Хилюта Вадим Владимирович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Гродненского государственного университета имени Я. Купалы, Республика Беларусь.

решение всякой сложной проблемы мы должны искать, в первую очередь, не в нашей практике, а в основаниях теоретических обобщений и наукоемких исследованиях.

Степень научной разработанности проблемы уголовно-правовой защиты имущественных отношений нельзя охарактеризовать однозначно. Каждый год по тематике преступлений против собственности защищаются десятки диссертаций. Проблематика имущественной преступности находится постоянно в поле зрения ученых и практических работников. На протяжении многих веков общество задается вопросами эффективности уголовно-правовых норм в вопросе защиты собственности, пытается решить задачи предупреждения данного вида преступности в экономике. Это обстоятельство лишний раз подчеркивает актуальность данной сферы научных исследований, как для теории, так и для правоприменительной практики, поэтому можно было бы безоговорочно утверждать об основательной разработанности и исчерпанности данной темы исследования, однако в действительности оказывается, что это не совсем так, по ряду причин.

1. По многим аспектам уголовно-правовой охраны отношений собственности (имущественных отношений) в науке уголовного права существуют кардинальные разногласия, а сама эта глобальная проблема по сей день остается неразрешенной (несмотря на довольно большое количество научных трудов по данной тематике). Научные положения, выдвинутые в диссертациях советских ученых, безусловно, внесли существенный вклад в развитие уголовно-правовой науки, но они имеют и значительную давность, не могут учесть происходящие ныне процессы трансформации общественных отношений, происходящие в социуме и экономике, не затрагивают новых подходов, которые в условиях развития информационного общества стали появляться в правотворчестве и юридической науке и требуют основательного переосмысления.

2. К сожалению, большинство сегодняшних работ в области уголовно-правовой защиты отношений собственности носят описательный, а не критичный и аксиологический характер, в результате чего исследователям не удается сформулировать действенную модель защиты вещных и обязательственных правоотношений в новых экономических условиях (например, за последнее десятилетие в уголовно-правовой литературе не появилось не одного фундаментального монографического исследования, посвященного проблеме уголовно-правовой борьбы с преступностью в имущественной сфере). Причины данного положения коренятся, прежде всего, в особенностях исследуемой проблемы, процесс накопления знаний в данной области. Между тем переход к рыночной экономике привел к появлению новых форм имущественных отношений, многообразию финансово-денежных отношений физических и юридических лиц. Это не может не сказываться на количественном и качественном уровне состояния преступности и теоретико-прикладном обеспечении защиты имущественных отношений от преступных посягательств. Сказанное свидетельствует о необходимо-

сти разработки новой теории уголовной ответственности за имущественные посягательства на собственность.

3. Современные правовые исследования, как и существующая концепция уголовной ответственности о преступлениях против собственности за основной источник своих постулатов берут идеи советских криминалистов, разработанные в 60—70-е годы XX столетия. Основным недостатком данных изысканий (а вернее их локальный характер применительно к отношениям собственности) в этой области заключается в юридико-догматической трактовке образующих ее проблем, предопределяющей острую нехватку их системного видения. Между тем, правовая реальность свидетельствует о смене существовавших парадигм и необходимости в разработке новой модели уголовной ответственности за преступления против собственности. В этой связи главная задача для ученого заключается не только и не столько в углубленном и дальнейшем развитии учения об уголовной ответственности за преступления против собственности, сколько в создании прикладной ее теории, разработке концептуальных основ применения важнейших положений теории ответственности за имущественные преступления на практике.

4. Детального обоснования и пересмотра сегодня требует идея деления хищений на различные формы в зависимости от способа преступного посягательства. Имеющиеся противоречия как в теории, так и на практике в вопросе квалификации хищений свидетельствуют о достаточно условных критериях их разграничения между собой и шаткости правовой сущности существующей классификации. Более того, отсутствие четко сформулированных методологических разъяснений по толкованию уголовно-правовых норм влечет практику применения по аналогии существующих судебных разъяснений, что сказывается отрицательно на стабильности уголовно закона. Из-за отсутствия научно-выверенных рекомендаций правоприменительные органы испытывают серьезные затруднения в определении предмета, размера, способа, момента окончания хищения, разграничения различных форм хищения между собой и т.д. В этом аспекте действующее уголовное законодательство и правоприменительная практика не определяет оптимальной меры уголовно-правового обеспечения имущественного порядка в экономике с учетом способов совершения преступлений.

5. Определенной верификации необходимо подвергнуть само понятие «хищение» и его признаков, т.к. этот абстрактный состав в конструкции преступлений против собственности играет центральное значение, и наполнение его новым содержанием требует пересмотра устоявшихся догм, дающих сегодня определенный сбой при квалификации ранее не известных судебной практике случаев посягательств на имущественные отношения собственников и несобственников. Имеющиеся же доктринальные разработки понятия и содержания «хищение» во многом носят дискуссионный характер и нуждаются в корректировке либо дополнительной аргументации. Здесь также необходимо указать на то, что многие сегодня

имущественные отношения охраняются не только гл. 24 УК, но и гл. 25 УК РБ. Вопрос о соотношении преступлений против собственности и против порядка осуществления экономической деятельности не исследован и не определена архитектура преступлений в сфере экономики. Вместе с тем, многие запреты, содержащиеся в гл. 25 УК РБ носят имущественный характер, ибо преступные посягательства направлены не только на вещи, как таковые, но и на объекты гражданских прав и их оборот. Вполне резонно в такой ситуации разработать учение об общем составе «имущественного» преступления, не являющегося хищением. Создание специальных норм о конкретных случаях преступного посягательства на различные объекты гражданских прав и их оборот, не сможет постоянно восполнять возникающие пробелы в законодательстве, что приведет к возрастанию числа мелких составов преступлений и затруднит применение таких норм.

6. Краеугольным камнем концепции преступлений против собственности является разрешение вопроса о предмете преступного посягательства, и в частности, предмета хищения (можно ли к таковому относить безналичные деньги и бездокументарные ценные бумаги, информацию, объекты интеллектуальной собственности, нематериальные блага и т.д.). Продолжает оставаться незатронутым целый пласт теоретически сложных и прикладных вопросов применения уголовно-правовых норм об ответственности за преступления против собственности (соотношение преступлений против собственности с преступлениями против порядка осуществления экономической деятельности, разграничения хищения и неисполнения гражданско-правовых обязательств, определение законодательной модели состава хищения и др.), в разрешении которых нуждается правоприменительная практика. Поиск оптимальной концепции отнесения тех или иных объектов гражданских прав к числу предмета преступления в существующих имущественных отношениях развития экономического оборота является первоочередной задачей исследователей, занимающихся защитой от отношений собственности от преступных посягательств.

7. Сегодня является очевидным, что в научном плане (впрочем, как и в практическом) назрела острая социальная потребность в теоретическом исследовании уголовно-правовых проблем защиты имущественных отношений в комплексе, применительно к современным социально-экономическим условиям, правовой ситуации, криминогенной обстановке и правоприменительной практике, дабы снять юридические препятствия в применении уголовного закона. Все это говорит о том, что поставленную проблему (уголовно-правая защита отношений в экономическом обороте) необходимо оценить как весьма актуальную, новую и крупную социально-правовую задачу, ибо изменение социально-экономических условий требует разработки научно-обоснованных рекомендаций по правильному применению уголовно-правовых норм и предложений по совершенствованию уголовно-правового механизма обеспечения собственности и экономической деятельности в современных условиях.

А.П. Чугаев*, В.Н. Куфлева**

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ И ЕГО СООТНОШЕНИЕ С МЕРАМИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Во второй половине XX в. получило распространение множество идей и теорий, обосновывающих отказ от наказания, уголовного права и уголовной юстиции, полную замену наказания мерами надзора, лечения и иными некарательными мерами воздействия¹. С.Г. Келина констатирует, что наказание не может быть признано единственным средством уголовно-правового воздействия, его применение слабо влияет на снижение уровня преступности, в особенности рецидивной, профессиональной и организованной². В связи с этим и в отдельных странах, и на международном уровне, в рамках ООН, стали широко обсуждаться предложения о декриминализации отдельных деяний, сокращении применения наказания в виде лишения свободы, введении различных альтернативных уголовному наказанию уголовно-правовых мер, в том числе связанных с освобождением от уголовной ответственности.

Эти идеи нашли отражение в различных положениях современного уголовного законодательства. В частности, в рамках институтов «мер уголовно-правового воздействия», «иных мер уголовно-правового характера» или «мер безопасности», предусмотренных законодательством почти всех западных государств³. Сущность указанных мер состоит в том, чтобы, не отказываясь от наказания, усилить исправительное и превентивное воздействие уголовного закона за счет дополнительных мер, применяемых к некоторым лицам, совершившим преступления⁴.

В российском законодательстве подобный институт получил название «иные меры уголовно-правового характера». Это такие меры, которые имеют уголовно-правовой характер, являясь уголовно-правовым последствием совершения, как правило, преступления, и хотя не являются наказанием, однако от имени государства изменяют правовой статус лица.

Способы уголовно-правового воздействия на преступность в уголовном праве советского и российского периодов имели различные законодательные конструкции: «преступление влечет применение мер социальной защиты» (Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г., Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.); «к лицам, совершившим преступления, установлены наказания, подлежащие применению» (УК РСФСР 1960 г.); «за совершение преступлений устанавливаются наказания и иные меры

* Чугаев Александр Петрович — кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет».

** Куфлева Валентина Николаевна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет».

уголовно-правового характера» (УК РФ 1996 г.). Следовательно, в законодательстве России прослеживается тенденция уточнения и расширения способов уголовно-правового воздействия.

А.И. Чучаев верно отмечает, что в уголовном праве Российской Федерации термин «уголовно-правовое воздействие» не является традиционным и широко употребляемым. В доктрине вопрос о понятии, признаках и видах мер уголовно-правового характера относится к числу дискуссионных. В специальной литературе в таком контексте все чаще используются словосочетания «уголовно-правовое воздействие», «меры уголовно-правового воздействия», «система мер уголовно-правового воздействия»⁵. Вместе с тем терминологическое сочетание «уголовно-правовое воздействие» более емкое и ориентирует на проведение системного научного анализа»⁶.

Основываясь на легально закрепленной терминологии, заметим, что установление в российском уголовном законодательстве правового института иных мер уголовно-правового характера означает, что существует и другой, более объемный, институт — «меры уголовно-правового характера». Однако этот термин УК РФ не использует.

Подход к определению понятия «меры уголовно-правового характера» предполагает уяснение двух критериев — формального и содержательного. С формальной точки зрения, под мерами уголовно-правового характера следует понимать меры государственно-принудительного характера (либо освобождение от них), предусмотренные уголовным законом за совершение преступления. С точки зрения их содержания, меры уголовно-правового характера обладают рядом признаков, которые вытекают при анализе их юридической природы и законодательного регулирования.

Во-первых, это меры должного системного принудительного реагирования государства на виновное совершение лицом общественно опасного деяния (в т.ч. преступления) путем вынесения судом или уполномоченным органом соответствующего акта о реализации уголовной ответственности либо освобождении от нее. Особым случаем является назначение принудительных мер медицинского характера лицам, совершившим общественно опасные деяния в состоянии невменяемости и не подлежащим уголовной ответственности (п. «а» ч. 1 ст. 97 УК РФ).

Во-вторых, назначение мер уголовно-правового характера подчинено задачам уголовного законодательства (ст. 2 УК РФ), осуществляется в соответствии с принципами уголовного права и имеет характер государственного принуждения. В Кодексе установлен также особый правовой режим назначения принудительных мер медицинского характера к лицам, совершившим общественно опасные деяния в состоянии невменяемости.

В-третьих, назначение анализируемых мер возможно только по основаниям, предусмотренным законом, и при наличии установленных им же условий (ч. 1 ст. 3, 8 УК РФ).

В-четвертых, некоторые меры уголовно-правового характера в предусмотренных законом случаях могут применяться не только судом, но и ины-

ми уполномоченными органами — следователем и дознавателем с согласия соответствующих должностных лиц (ст. 75 УК, ст. 28, 281 УПК РФ).

В-пятых, применение некоторых из рассматриваемых мер в силу указаний закона может быть не обязанностью, а правом суда или иного государственного органа (например, ст. 76, 90 УК РФ).

В-шестых, меры уголовно-правового характера назначаются в каждом конкретном случае с учетом характера и степени общественной опасности совершенного деяния, обстоятельств дела, в частности, смягчающих и отягчающих наказание, а также данных о личности виновного (ст. 6, 60, 73 УК РФ).

В-седьмых, рассматриваемые меры, независимо от их вида и оснований назначения, носят индивидуальный (личный) характер. Никому не может быть определена мера уголовно-правового характера за совершение общественно опасного деяния другим лицом. Даже в случае применения к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ст. 90-92 УК РФ, суд не может определить меры уголовного воздействия для родителей несовершеннолетнего, совершившего преступление (если они, конечно, не причастны к данному преступлению в установленных уголовным законом формах)⁷.

Таким образом, меры уголовно-правового характера — это разнообразные уголовно-правовые последствия совершения общественно опасного деяния, предусмотренные уголовным законодательством в виде наказания и (или) иных уголовно-правовых мер, вследствие чего изменяется правовое положение лица.

В целях реализации принципов законности и справедливости в Кодексе осуществлена дифференциация, то есть выделение разнородных мер уголовно-правового характера. В систематизированном виде меры уголовно-правового характера выглядят следующим образом:

- 1) меры (формы реализации) уголовной ответственности;
- 2) принудительные меры воспитательного воздействия;
- 3) принудительные меры медицинского характера;
- 4) конфискация имущества.

В свою очередь их также можно классифицировать. Так, меры уголовной ответственности складываются из:

- а) наказания (ст. 46–59 УК РФ):
 - штраф (ст. 46 УК РФ);
 - лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 47 УК РФ);
 - лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград (ст. 48 УК РФ);
 - обязательные работы (ст. 49 УК РФ);
 - исправительные работы (ст. 50 УК РФ);
 - ограничение по военной службе (ст. 51 УК РФ);
 - ограничение свободы (ст. 53 УК РФ);
 - принудительные работы (ст. 531 УК РФ);

- арест (ст. 54 УК РФ);
 - содержание в дисциплинарной воинской части (ст. 55 УК РФ);
 - лишение свободы на определенный срок (ст. 56 УК РФ);
 - пожизненное лишение свободы (ст. 57 УК РФ);
 - смертная казнь (ст. 59 УК РФ).
- б) условного осуждения (ст. 73 УК РФ);
- в) судимости (ст. 86 УК РФ);
- г) освобождения от уголовной ответственности (ст. 75-761, 78, 84, 90, 91 УК РФ):
- условный вид — освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетнего с применением к нему принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90, 91 УК РФ);
 - безусловные виды освобождения от уголовной ответственности:
 - освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ);
 - освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ);
 - освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 761 УК РФ);
 - освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности (ст. 78 УК РФ);
 - освобождение от уголовной ответственности в связи с актом амнистии (ст. 84 УК РФ).
 - д) освобождения от наказания (ст. 79-85, 92, 93 УК РФ):
 - условные виды освобождения от наказания:
 - условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст. 79, 93 УК РФ);
 - освобождение от наказания в связи с болезнью (ч. 4 ст. 81 УК РФ);
 - отсрочка отбывания наказания (ст. 82 УК РФ);
 - отсрочка отбывания наказания больным наркоманией (ст. 821 УК РФ);
 - безусловные виды освобождения от наказания:
 - замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ);
 - освобождение от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 801 УК);
 - освобождение от отбывания наказания в связи с истечением срока давности обвинительного приговора суда (ст. 83 УК РФ);
 - освобождение от наказания в связи с актом амнистии (ст. 84 УК РФ);
 - освобождение от наказания в связи с актом помилования (ст. 85 УК РФ);
 - освобождение от наказания осужденного несовершеннолетнего с применением к нему принудительных мер воспитательного воздействия либо путем помещения его в специальное воспитательное или лечебно-воспитательное учреждение для несовершеннолетних (ст. 92 УК РФ).

Легальная классификация принудительных мер воспитательного воздействия и принудительных мер медицинского характера приведена в ст. 90 и 99 УК РФ соответственно.

Конфискация имущества представляет собой цельный институт, классификации поддается лишь конфискуемое имущество (ч. 1 ст. 1041 УК РФ).

Любая система, в том числе мер уголовно-правового характера, обладает самостоятельными общими признаками, характерными именно для этой системы. Рассмотрим их подробнее:

1. Целостность. Все меры уголовно-правового характера регулируются единым законодательным актом — действующим УК РФ. Их применение преследует общие задачи (ч. 1 ст. 2 УК РФ); базируется на единых принципах уголовного права (ст. 3—7 УК РФ).

2. Взаимосвязь норм, регулирующих применение мер уголовно-правового характера, с иными нормами УК РФ (ст. 8, 9, 14, 15 и многими другими), а также нормами других отраслей права, в т.ч. уголовно-исполнительного и семейного.

3. Структурность. Рассматриваемая система включает в себя относительно обособленные группы мер, правовому регулированию которых посвящены отдельные нормы УК РФ. Причем некоторые из этих групп, помимо установленных Кодексом общих задач, цели и основания, имеют также специальные цели и непосредственные основания применения (например, ч. 2 ст. 43, ч. 2 ст. 92, ст. 98 УК РФ).

4. Иерархичность. Построение иерархии по строгости (силе уголовно-правового воздействия) всех предусмотренных действующим законом мер уголовно-правового воздействия к лицам, совершившим общественно опасные деяния, представляется затруднительным, поскольку, как уже указывалось, законом установлен перечень различных по целям, основаниям применения (назначения) и содержанию мер уголовно-правового характера. С другой стороны, внутренняя иерархия в той или иной степени свойственна таким разновидностям мер уголовно-правового характера, как наказание, принудительные меры медицинского характера и принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним.

5. Взаимосвязанность элементов (мер уголовно-правового характера). Например, судимость (ст. 86 УК РФ) рассматривается как правовое последствие применения к преступнику реального или условного наказания. Статья 104 УК РФ допускает возможность применения принудительных мер медицинского характера, соединенных с исполнением наказания, а ст. 81 УК РФ обязывает суд освободить от наказания либо дальнейшего его отбывания лицо, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, лишаящее его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. Таким лицам суд может назначить принудительные меры медицинского характера.

6. Множественность описания и возможность систематизации и классификации составляющих систему мер уголовно-правового характера элементов. В теории уголовного права также вырабатываются критерии классификации мер уголовно-правового характера в зависимости от основных, относительно самостоятельных видов уголовно-правового воздействия: меры наказания, поощрения, безопасности и восстановления⁸.

В УК РФ 1996 г. классификация мер уголовно-правового характера в самых общих чертах дана уже в ч. 2 ст. 2: все установленные в нем меры Кодекс подразделил на наказание и иные меры уголовно-правового характера. Тем самым УК подчеркнул ведущую роль уголовного наказания в системе мер уголовно-правового характера как основной меры государственного принуждения, назначаемой за совершение преступления. В то же время нельзя воспринимать наказание как единственное последствие совершения виновным преступления.

Поэтому предлагаемая нами классификация предусмотренных действующим УК РФ мер уголовно-правового характера (в том числе наказания) основана на их соотношении с мерами (формами реализации) уголовной ответственности⁹. Она разделяет все меры уголовно-правового характера на две группы:

1. Меры, всегда связанные с реализацией уголовной ответственности.

2. Меры, которые могут назначаться в рамках привлечения лица к уголовной ответственности, но могут быть назначены судом и самостоятельно.

Первая группа включает в себя:

а) меры (формы реализации) уголовной ответственности. К ним относятся: наказание (ст. 43–59, 88 УК РФ); условное осуждение (ст. 73, 74 УК РФ); освобождение от уголовной ответственности (безусловные его виды — ст. 75, 76, 761, 78, 84, условный вид освобождения от уголовной ответственности — ст. 90 и 91 УК РФ); освобождение от наказания (безусловное — ст. 80, 83, 84, 85, 92 УК РФ и условное — ст. 79, 80, 81, 82, 821 и 93 УК РФ);

б) меры, применяемые только в случае реализации уголовной ответственности путем вынесения судом обвинительного приговора, но не являющиеся мерами уголовной ответственности (судимость — ст. 86, 95 УК РФ и конфискация имущества — ст. 1041, 1042 и 1043 УК РФ).

Во вторую группу входят принудительные меры медицинского характера (ст. 97–104 УК РФ):

а) назначаемые лицам, совершившим общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, которые не подлежат уголовной ответственности;

б) назначаемые в рамках привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания, либо совершившим преступление и страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемости.

¹ Подробнее см.: Анденес И. Наказание и предупреждение преступлений / пер. с англ. М., 1979. С. 244; Ансель Марк. Новая социальная защита (Гуманистическое движение в уголовной политике) / пер. с франц. М., 1970; Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2004. С. 37–38; Кристи Н. Пределы наказания / пер. с англ. М., 1985. С. 20.

² Келина С.Г. Наказание и иные меры уголовно-правового характера // Государство и право. 2007. № 6. С. 51.

³ В настоящее время большинство уголовных кодексов зарубежных государств содержат специальные главы о мерах уголовно-правового характера, хотя называются они по-разному: уголовно-правовые меры (глава X УК Польши), меры безопасности (раздел IV УК Испании), меры (раздел IIА УК Голландии), средства уголовно-правового воздействия (глава IX УК Литовской республики), и т.д. (Подробнее см.: Качаева Т.А., Подройкина И.А., Улезько С.И. Система наказаний в уголовном праве России и зарубежных стран. М., 2008; Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть. М., 2009. С. 257–259).

⁴ См.: Келина С.Г. Указ. раб. С. 52.

⁵ См., например: Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004; Дуюнов В.К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. М., 2003; Бавсун М.В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2013.

⁶ Есаков Г.А., Понятовская Т.Г., Рарог А.И. и др. Уголовно-правовое воздействие / под ред. А.И. Рарога. М., 2012.

⁷ Следует отметить, что в ст. 88 УК, регламентирующей виды наказаний, назначаемых несовершеннолетним, Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ внесены изменения, согласно которым штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному, по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия.

⁸ Щедрин Н. Четыре «колеи» российского уголовного права // Уголовное право. 2008. № 4. С. 59–62.

⁹ В правовой литературе уже встречались предложения построения единой системы мер уголовно-правового характера, отличной от предложенной в ст. 2 УК. См. подробнее: Дуюнов В.К. О совершенствовании содержания и структуры уголовного закона // Уголовно-правовая политика и проблемы противодействия современной преступности: сборник научных трудов. Саратов, 2006. С. 114–122.

Д.А. Шестаков*

ВВЕДЕНИЕ В КРИМИНОЛОГИЧЕСКУЮ ТЕОРИЮ СОВРЕМЕННЫХ РЕВОЛЮЦИЙ

Преступному миру — преступновиведческое осмысление. Преступность современного мира определяет все более взаимопрорастающая своими составными частями, усиливающаяся глобальная олигархическая — воробогаческая — власть (ГОВ).

Россия — часть преступной планеты. В восьмидесятые — девяностые годы минувшего двадцатого столетия и у нас сложилась связанная с нашей государственной властью воробогаческая преступность, производная от ГОВ. Вместе с тем, начиная с 2000 года во время президентства В.В. Путина, имеет место отставание и нарастание самостоятельного политического курса по отношению к мировому воробогачеству.

Для того чтобы человечество лучше понимало действительность, в которой оно живет, и чтобы люди стремились уменьшить зло, отравляющее их существование, нужно преступновиведение (криминология). И в осо-

* Шестаков Дмитрий Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба.

бенности политическая криминология. Требуется, чтобы преступноведение как наука, осмысляющая преступность человеческого мироустройства, стала неременной составляющей не только юридического образования, но образования в целом на разных его ступенях, начиная со среднего, и во всех его отраслях. Следует открыть человеку глаза на болезнь человечества. Во главе этого познавательного и просветительного движения должна стоять высшая школа — прежде всего, гражданские вузы.

События, предмет, предположение, исследовательский прием, задача. После распада в конце 1991 года СССР в странах, ранее входивших в него, а также на Ближнем Востоке, да и в России имеют место государственные перевороты, покушения на их совершение или приготовления к ним. Эти события содержат в себе, как с недавнего времени стало принято говорить, преступные вызовы, обращенные к России.

Имеются в виду агрессия НАТО против Союзной республики Югославии (СРЮ) (1999), «бульдозерная революция» в этой стране (2000), «революция роз» в Грузии (2003), свержение правления Саддама Хусейна в результате агрессивной войны НАТО в Ираке (2003), «оранжевая революция» на Украине (2004), «тюльпановая революция» в Кыргызстане (2005), госпереворот в Кыргызстане (2010). Также надо учитывать покушение на государственный переворот в Беларуси (2010), государственный переворот, совершенный вследствие агрессии НАТО против Ливии (2011), неудачное покушение НАТО на агрессию против Сирии (2013). К предмету обсуждения относится государственный переворот на Украине (2014) и, безусловно, протестное движение в России (2011–2014)... Выявленные общие черты последних «революций» и т.п. было бы полезно сопоставлять с событиями 1917 года в Российской Империи, особенно, по части управления ими извне.

Изначально было выдвинуто предположение, что у этих переворотов и попыток свержения власти имеются схожие причины и общие уголовные особенности протекания. Основной исследовательский прием — сопоставление переворотов, выявление в них общего, и, по возможности, стоящих за этим общим неких закономерностей. Задача состоит в разработке основ теории преступности управляемых ГОВ революций и мер противодействия ей, которая могла бы помочь обществу, прежде всего, российскому, с одной стороны, избежать насилия, хаоса и разрухи, приносимых обычно «революциями», с другой стороны, — осмыслить и в значительной мере преодолеть подлинные причины народного недовольства.

Видимость и суть управляемых ГОВ переворотов. «Революции» и т.п. обусловлены противоречиями между воробогачеством (сегодня в конечном итоге между глобальной олигархической властью — ГОВ) и человечеством. Но зачастую, как это было в перечисленных выше случаях, революции обращаются не против олигархии как таковой, а против временщиков государственной власти. Во всяком случае, ГОВ — самая низменная ступень преступности — от них не страдает, а только наживается.

Упомянутые революции вели к хаосу, убийствам, разрушению цивилизации. Даже бескровный вариант по методу Джина Шарпа так называемой «цветной революции», как правило, становится лишь вступлением, вслед за которым через несколько лет развязываются кровавые события, как это было в Кыргызстане и на Украине.

Ни для кого не секрет, что западными спецслужбами написан и постоянно оттачивается очередной сценарий «революции» и для России.

ГОВ извне управляет «революциями» разными способами, исподволь используя лукаво целые государства с их нынешними смешными главами, армиями, спецслужбами, проплаченными средствами распространения сведений. Она действует и через рассеянные по разным странам неправительственные организации, направляемые спецслужбами западных стран, а также через частные военные компании (ЧВК), внутренние политические партии и движения и просто через организованные преступные группы (ОПГ). Помимо прочего управление обеспечивается денежными вливаниями. При этом обходятся — не самой ГОВ, а налогоплательщикам используемых ею стран — бескровные «цветные» революции — по дешевке, насильственные перевороты — значительно дороже, а развязывание агрессивных войн — сверхдорого. Однако, возвращаясь к нынешним западным президентишкам и премьеришкам, перефразирую известное изречение так: «От смешного до страшного один шаг».

Целями управления «революциями» для ГОВ выступает в странах, прилегающих к России, лишение их самодостаточности и постановка в зависимость от Запада. В арабских странах к этому добавляется корыстная заинтересованность ГОВ в контроле над энергоресурсами и стремление ослабить эти страны в их противостоянии Израилю. Как на Ближнем Востоке, так и на просторах бывшего Советского Союза важнейшую цель составляет всяческое ослабление России, проявившей при Путине некоторую самостоятельность от ГОВ.

Очищающие от ГОВ (ассенизирующие) революции. Основным критерием преступного в переворотах и революциях является их служение упрочению или сохранению ГОВ. На преступный характер восстания может указывать также притеснение и вытеснение из региона определенной части населения по национальному или конфессиональному признакам, как это было в Косово. Если же революция или переворот идет в защиту от ГОВ, то это — «мера безопасности», оправданная как, например, необходимая оборона.

Причем здесь криминология? Революции и «революции», восстания, «бархатные» и «цветные» вытеснения власти, государственные перевороты, если они направлены на служение ГОВ, имеют преступную составляющую. Они сопровождаются запрещенными или нуждающимися в запрещении под страхом наказания деяниями. В них присутствует система взаимосвязанной уголовной деятельности. Наверное, можно сказать, что значительная их часть преступна по своей сути.

Революционные преобразования, защищающие народ от ГОВ, ассенизирующие управление странами от ГОВ или ведущие к воссоединению разделенных народов, противодействуют глобальной олигархической преступности (ГОП), то есть основанию мирового преступного зла.

Из сказанного следует обязанность преступноведения осмысливать ре-волюции как управляемые ГОВ, так и противодействующие ей. В связи с уча-стившимся иностранным вмешательством в политическую жизнь суверенных государств возникла необходимость новых международных уголовно-правовых решений. Эффективность таких решений зависит от их криминологической и политической обоснованности.

Защита соотечественников за рубежом. Мне уже приходилось высказываться о том, что институт необходимой обороны (самообороны), предусмотренный статьей 51 Устава ООН, в международном уголовном праве нуждается в более подробной регламентации, касающейся, в частности, условий совершения оборонительных действий на территории суверенного государства, повинного в совершении преступления. Этот институт должен недвусмысленно охватить защиту государством находящихся за границей соотечественников — как граждан своей страны, так и людей, имеющих основание для получения российского гражданства.

Тому имеется далеко не единственный прецедент, скажем, на Гренаде, куда 25 ноября 1983 года США произвели военное вторжение под предлогом защиты находящихся на острове американских граждан. Стало быть, нужны нормы, позволяющие это сделать. Над разработкой таких правил надо основательно подумать. Тут все не так просто. Но вот, например, приходит на ум Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности». В п. «л» его статьи 12 установлена обязанность органов ФСБ проводить мероприятия по обеспечению безопасности граждан Российской Федерации за ее пределами. Хорошо, но нужно было бы сказать конкретнее.

В пункте «б. 2» той же статьи закреплено полномочие ФСБ использовать подразделения специального назначения и применять боевую технику, оружие, специальные средства... а также физическую силу против находящихся за пределами территории Российской Федерации террористов... для устранения угрозы безопасности России. Почему речь идет только о террористах? Не надо ли предписать соответствующие действия или хотя бы часть из них для защиты соотечественников, оказавшихся в опасности?

На переживающей глубокие политический и экономический кризисы Украине, притесняющей русскоязычное население, около 85% граждан бывшей Донецкой области считают своим родным языком русский. В прежней Луганской области русский язык определили как родной 68,8% населения. По данным Всеукраинской переписи населения 2001 года, 44,3% жителей Харьковской области считали русский язык родным; 83,1% свободно им владели. Есть, кого защищать на Украине и в независимых народных республиках, входивших известное время в ее состав. Там

миллионы находящихся в опасности людей имеют право на обеспечение им безопасности.

Способы, которыми ГОВ управляет революциями. Исследования позволяют назвать преступные способы, с помощью которых ГОВ управляет переворотами и т.п. Среди этих способов — отслеживание и разжигание противоречий внутри страны, подбор вождей и объединение протестующих, употребление «западнической» интеллигенции и молодежи, провокации кровопролития (снайперы, стреляющие в протестующих и стражей порядка), силовое обеспечение кровопролитных переворотов (обучение, разработка планов, привлечение ЧВК), денежная поддержка, «нравственная» — точнее, аморальная — поддержка, запугивание, информационная война, фальсификация (в том числе, результатов расследований провокаций), развязывание агрессивных войн.

Отслеживание и разжигание противоречий. ГОВ самым внимательным образом относится к разногласиям и противоборству в разных странах. И подливает масла в огонь. Особая честь ею оказывается межнациональным и межконфессиональным столкновениям.

В Югославии со стороны ГОВ оказывалась поддержка сепаратистам, сначала черногорцам, затем косовским албанцам. В Ираке использовалось противостояние суннитов и шиитов. В Грузии игра делалась отчасти на стремлении к отделению Абхазии, Аджарии, и Южной Осетии. В Кыргызстане — на противоречиях между кланами южных и северных киргизов. На Украине — между сторонниками вступления в Единое Экономическое Пространство (юго-восток) и в Евросоюз (запад страны).

Подбор вождей и объединение протестующих. Оппозиция обычно находит поддержку у ГОВ, которая, используя свои рычаги, собирает в кучу всех, кто против правящей власти. Всех обиженных, недовольных и просто озлобленных, вплоть до международных террористов.

ГОВ подбирает вождей «несогласных», выводит их на западных благодетелей, наставляет. Так было с Воиславом Коштуницей, назначенным мировым ростовщиком в СФРЮ на место президента Слободана Милошевича, в Грузии — с обученным в США Михаилом Саакашвили. На Украине ГОВ выбрала и обучила к 2004 году Виктора Ющенко. В Кыргызстане — Курманбека Бакиева и Розу Отунбаеву. В Беларуси — Владимира Некляева («Говори правду»), Александра Милинкевича, Николая Статкевича («За Свободу»), Андрея Санникова («Европейская Беларусь»).

В Ливии ГОВ сплотила враждующие между собой кланы «повстанцев» и их самоназначенных лидеров. Обучение ливийских боевиков и управление ими оказалось полностью под контролем западных спецслужб.

На украинском «евромайдане» в 2014 году ГОВ поддержала в качестве вождей Арсения Яценюка (Всеукраинское объединение «Батькивщина»). В кучку новоявленных вождей вошли также Александр Турчинов (после переворота назначен и.о. президента страны), подозреваемая в причастности к политическим убийствам Юлия Тимошенко и воробогач, некоторое

время входивший в список богатейших евреев мира, Петр Порошенко. Вся кучка напрямую управляется западными спецслужбами. В разгар смуты в Киеве замечен ни много ни мало тайно прибывший туда директор ЦРУ Джон Бреннан.

Любопытно, что в последнее время у ГОВ дело доходит до использования тех, кого принято называть «нацистами»: Олега Тягнибока (направленное против «неукраинцев» объединение «Свобода»), боксера Виталия Кличко (Украинский демократический альянс за реформы «Удар»), Дмитрия Яроша (выступающий против «москалей» и «жидов» «Правый сектор»). Однако жизнь показывает, что нацист нацисту рознь. Разумеется, ГОВ ничего не имеет против «русофобов». На Украине она их пригревает, раздувая ненависть ко всему русскому. Но там не встречаются русофобия и ненавистники в чистом виде. Они одновременно являются и юдофобами. А Порошенко, Тимошенко, Турчинова, Яценюк и лелеющую их ГОВ это не может не пугать. Вот почему родоненавистники, сыгравшие свою роль в гражданском разладе, подлежат затем, по очевидному замыслу новой киевской «власти», уничтожению, как это уже сделано с бандитом Сашко Билым (одним из главарей «Правого сектора» Александром Ивановичем Музыкаком). Но их, «нацистов», на «незалежной» достаточно много, и они вооружены. Словом, милый воробогаческому сердцу хаос обеспечен Украине надолго.

Употребление «западнической» интеллигенции и молодежи. Для «раскачивания» толпы ГОВ опирается на интеллигенцию, отыскивая ту ее часть, которой движет тлетворный дух разрушения. Мировое воробогачество поощряет «сепаратизм», развал больших государств на слабенькие, мелкие составляющие, как это делалось в Югославии, и, наоборот, противостоит обретению самостоятельности странами или их частями в тех случаях, когда это идет на пользу России или воссоединению русского народа. Бесспорное дело! Таково было отношение ГОВ к самоопределению Приднестровья, Южной Осетии, Абхазии, Крыма и Севастополя. Разложение народного духа в интересах мирового ростовщичества заквашивается на тех из любителей поспорить, порассуждать, пописать (хотя бы в социальных сетях), кому образ сильной, самодостаточной России стоит поперек горла.

Другим неременным объектом заботы ГОВ является молодежь с ее энергией, гормональной потребностью в общении, стремлением к самоутверждению и отрицанию. Готова в очередной стране переворот, воробогачество создает или поддерживает в ней определенную молодежную организацию.

Так в СФРЮ, начиная с 1998 года, ГОВ опекала студенческое движение «Отпор», в частности, распространив в нем через Международный республиканский институт (IRI) 5 000 экземпляров упомянутого руководства Д. Шарпа по захвату власти «От диктатуры к демократии». В Грузии мировое воробогачество делает ставку на молодежную группу «Кмара!»

(Хватит!). Протестные настроения «Кмары» разжигают долларами, поступающими через Институт «Открытое общество» и сеть фондов Дж. Сороса (OSI).

В Кыргызстане ГОВ, обернувшись Фондом по поддержке СМИ Дж. Маккейна, хлопчет подле двух молодежных движений: «КелКел!» (Давай!) и «Бирге!» (Вместе!). В Белоруссии она подбрасывает денежек движениям «Молодой фронт», «Беларусь за свободу!», «Свободная площадь». Наиболее исполнительных юношей и девушек их западные хозяева вывозят в Польшу, где в тренировочных лагерях юнцы проходят обучение революционной практике. В России мировое воробогачество имеет в виду такие молодежные группы, как «Оборона», «Молодежное «Яблоко»», движение «Да!», ассоциация студентов «Я думаю», «Молодежный левый фронт»...

Силовое обеспечение кровопролитных переворотов. Как было сказано выше, если даже переворот на раннем этапе осуществляется мирно, например, путем блокирования органов власти живой цепью, которую образуют сцеплением рук оплаченные ГОВ смутьяны (Грузия, 2003), то позже, через несколько лет, наступает силовой этап. Так, в Кыргызстане в 2010 году, спустя семь лет после «тюльпановой революции», был произведен новый переворот, связанный с вопросом о военно-воздушной базе США в Манасе. Перевороту предшествовали волнения в городах Талас, Нарын, Бишкек, сопровождавшиеся захватом административных зданий, телецентра, парламента. В 2010 году в Беларуси предпринята попытка свержения только что переизбранного президента Лукашенко, проводящего независимую от Запада политику. Нанятыми провокаторами толпа была направлена на штурм Дома Правительства, но ее разогнал умело проявивший себя ОМОН.

В феврале 2014 года, по прошествии одиннадцати лет после «оранжевой революции», на Украине происходит насильственный захват государственной власти. Демонстранты «евромайдана» забрасывают брусчаткой и «коктейлями Молотова» милицию и спецподразделение МВД «Беркут».

По состоянию на 4 марта 2014 года число погибших в беспорядках только в Киеве, начиная с 30 ноября 2013 года, достигло 98 человек. С 18 февраля в учреждения здравоохранения обратились 1008 человек с травмами, 657 из них госпитализированы.

Всего в ходе беспорядков в Киеве пострадали свыше 300 сотрудников правоохраны. С огнестрельными ранениями госпитализированы 13 милиционеров. Погибли по меньшей мере 10 сотрудников правоохранительных органов, в том числе несколько бойцов отряда особого назначения «Беркут» (беркутовцев и милиционеров забивали камнями, жгли упомянутой горючей смесью, в то время, как им было запрещено применять огнестрельное оружие). В Киеве и на Западной Украине чинятся расправы над семьями противников мятежа или просто над людьми, разговаривающими не по-украински.

Боевики оппозиции были подготовлены ГОВ через запущенных в их среду инструкторов и трех сотен наемников с опытом мятежей в Чечне, Грузии, Ливии, Сирии. К силовым действиям привлекаются ЧВК.

Провокации кровопролития, снайперы, стреляющие в протестующих и в стражей порядка. Один из испытанных ГОВ приемов состоит в том, чтобы спровоцировать правоохранные службы на применение силы. Таким образом создается повод для призыва мировой общественности на подмогу узурпаторам «против тиранической власти».

В Кыргызстане в 2010 году с целью провокации были использованы снайперы, стрелявшие, как водится, и в повстанцев, и в милицию. Были погибшие.

В 2014 году на «евромайдане» также употреблены провокато-ры-снайперы. По сведениям бывших разведчиков США, снайперов на «евромайдан» ГОВ привлекла, в частности, через «Украинскую народную самооборону». Эта военизированная организация входит в состав «Гладио», секретного подразделения НАТО. «Гладио» использовалось ГОВ в каждом крупном протесте, который проводился против российского влияния: в Литве в 1991 году; в событиях лета 1991 года, когда разрушали Советский Союз; в войне 1992 года против Приднестровья; в абхазской войне 1993 года; в Чечне; в Косово и во время событий в Грузии 2008 года.

А по заявлению грузинского генерала Тристана Цителашвили, в расстреле активистов киевского «евромайдана» 20 февраля 2014 года участвовали по меньшей мере еще четыре грузинских снайпера. Они действовали по указанию партии экс-президента Грузии Михаила Саакашвили «Единое национальное движение». В Киеве группой снайперов руководили известные «благодетели» гов-революций Гиви Таргамадзе и Гиа Барамидзе.

В Интернете обнаружена запись разговора верховного представителя ЕС по международным делам Кэтрин Эштон и главы МИД Эстонии Урмаса Паэта. Из беседы следует, что снайперы были привлечены вожаками бунтовщиков. «Если эта история начнет жить своей жизнью, то сразу дискредитирует новую коалицию», — испуганно говорит Паэта. И дальше: «Стремительно растет понимание того, что за этими снайперами стоял не Янукович, а за ними стоял кто-то из новой коалиции». Эштон учит: «...надо быть очень осторожными... Но нужно, чтобы механизм функционировал... Надо одновременно быть активистами, врачами и политиками. Это очень сложно... Нужно продержаться хотя бы несколько недель, потом будут выборы». Эта запись — хорошая улика против ГОВ и ее прислужников!

Развязывание агрессивных войн. В ряд стран (Югославию, Ирак, Ливию...) ГОВ принесла государственные перевороты на крыльях развязанных ею же агрессивных войн.

В 1999 году, осуществляя преступное намерение развалить Социалистическую Республику Югославию (преемницу СФРЮ), ГОВ поддержала албанских сепаратистов в Косово и «Армию освобождения Косово». В

течение марта-июня 1999 года мировое ростовщичество и торгашество в лице НАТО развязало очередную агрессивную войну, осуществив вторжение на территорию СРЮ, входившей в состав суверенной СРЮ. Вторжение произошло посредством ракетно-бомбовых атак с применением воздушных и морских сил (ракеты «Томагавк» выпускались с американского крейсера «Гонсалес»). Были разрушены сербские не только военные, но и гражданские объекты. Со стороны агрессора приняли участие 19 000 военнослужащих. Употреблено свыше 500 самолетов. Пострадали крупные города Югославии, включая столицу — Бел-град. Погибло не менее 2000 гражданских лиц, около 6000 ранены. В связи с использованием со стороны ГОВ радиоактивных зарядов в СРЮ увеличилась заболеваемость раком.

Развязанная мировым vorobogachestvom война против СРЮ, вытеснившая государственные вооруженные силы из Косово, обеспечила переход на его территории власти под контроль албанской Армии Освобождения Косово. Эта агрессия стала важнейшим звеном в осуществлении косовскими албанцами революции. Они совершили геноцид в отношении сербов. Тысячи сербов и других неалбанцев покинули Косово, были сожжены десятки православных храмов и монастырей. И в 2008 году косовские албанцы самопровозгласили независимость Косово от Сербии и соответственно от Социалистической Республики Югославии.

В 2003 году свержение президента Ирака Саддама Хусейна осуществлялось по ходу развязанной мировым ростовщичеством агрессией, которую исполнила коалиция США, Британии, Италии, Польши, Грузии и пр. На вторжение в суверенный Ирак и обеспечение революции было брошено 300 000 военнослужащих и 2800 единиц техники. Нападение на страну не без дьявольского юмора называлось «Иракская свобода». При его осуществлении погибли 223 000 иракцев и 4800 самих агрессоров.

На Ближнем Востоке нарастает борьба за освобождение от ГОВ. Свергнуты ее ставленники: Хосни Мубарак в Египте и Бен-Али в Тунисе. Ливия во главе с Муаммаром Каддафи достигла высокого уровня жизни и уверенно двигалась к финансовой независимости от ростовщической паутины ГОВ. Страна создала региональную систему коммуникаций, спонсировала Африканский банк в обход МВФ и Мирового Банка (как же это — деньги и без мирового-то ростовщичества?!) Да и простые люди зажили там, с точки зрения ГОВ, недопустимо благополучно.

Согласно имеющимся сведениям, в этой арабской стране при Каддафи ВВП на душу населения составлял 14 192 долларов. На каждого члена семьи государство выплачивало в год 1000 долларов дотаций. Новобрачным дарили 64 000 долларов на покупку квартиры. Текущая плата за квартиру и электроэнергию для населения отсутствовала. За каждого новорожденного родителям выплачивалось 7000 долларов. Выдавались беспроцентные кредиты на покупку автомобиля и квартиры. Медицинское обслуживание и образование были бесплатным.

На открытие личного бизнеса выдавалась единовременная материальная помощь в размере 20 000 долларов. Риэлтерские услуги в стране за-прещались. Бензин стоил дешевле воды. 1 литр бензина — 0,14 долларов. Это как-то уж совсем не как принято в торгашеско-ростовщическом мире! Понятно, что подобные не в «западном» духе порядки возмутили ГОВ.

В 2011 году ГОВ разожгла агрессивную войну против Ливии. Мировое воробогачество решило: не будет никакого независимого регионального банка, созданного Каддафи или кем-нибудь другим! Ростовщикам ГОВ в лице Международного Валютного Фонда и Мирового Банка — никакой альтернативы!! А с поднявшим благосостояние ливийского народа Каддафи поступить еще более изуверски, чем с Хусейном, которого при содействии ГОВ в Ираке публично повесили. Прилюдно же забить Каддафи камнями!!!

ГОВ действовала в Ливии через сговорившиеся во исполнение ее злого умысла США, Францию и Англию. Для маскировки использовалось слабое в демагогическом и военном отношении «восстание» радикальных исламистов и монархистов в Бенгази. Но, как справедливо утверждают эксперты, война в Ливии как в стратегическом, так и в материальном отношении была отнюдь не повстанческой, а натовской войной (читайте: войной ГОВ).

В шестимесячной агрессивной войне НАТО провела более 30 000 воздушных и ракетных атак на ливийскую военную и гражданскую инфраструктуру. Уничтожены ливийские ВВС, ВМФ, склады ГСМ, танки, артиллерия и запасы вооружения. По данным — возможно, завышенным — Ливийской лиги по правам человека — количество погибших на 2 марта 2011 года составило по меньшей мере 6000 человек, из которых 3000 в Триполи, 2000 в Бенгази и 1000 в остальных городах. В захваченном Сирте революционеры совершили массовое убийство сторонников государственной власти, расстреляв 267 человек.

Вице-президент Академии геополитических проблем Константин Сивков потери агрессора в живой силе оценивает так: у Великобритании — 1500–2000 человек, у Франции — 200–500, у США — около 200, у Катара — более 700. Основные потери произошли во время штурма столицы Ливии — Триполи.

В 2013 году ГОВ подготовила новую агрессивную войну, на этот раз против Сирии. Преступление — приготовление к агрессии — совершено. Однако вторжение удалось предотвратить, благодаря слаженным действиям России и Китая в Совете Безопасности ООН.

Денежная поддержка бунтующих. Помощник госсекретаря США по делам Европы и Евразии Виктория Нуланд в интервью телеканалу CNN заявила, что США вложили пять миллиардов долларов в «поддержку демократии» на Украине со времен распада СССР. Управление миром стоит немалых денег. ГОВ придерживается того мнения, что революции, государственные перевороты и военные вторжения, совершаемые во имя по-

лучения ею сверхприбылей, должны оплачиваться налогоплательщиками стран, на которые она опирается. Теми же людьми, здоровье и жизнь части которых — военнослужащих и наемников — также приносится в жертву сребролюбия мирового воровачества.

Сообщается, например, о выделении на «Бульдозерную революцию» 1998–2000 гг. в СФРЮ более 94,6 млн. долларов США. Деньги проводились через сеть фондов Дж. Сороса, Национальный фонд в поддержку демократии, а также другие близкие к правительству США НПО и фонды. В Грузии на «революцию роз» в 2003 году потрачены сотни тысяч долларов. «Оранжевая революция» на Украине в 2004 году потребовала уже 65 млн. долларов. Известное дело — жизнь дорожает. Вот почему в 2005 году за «тюльпановую революцию» в Кыргызстане людям с Запада пришлось выложить более 70 млн. долларов. На неудачную попытку смены власти в Беларуси в 2010 потрачены миллионы долларов.

В агрессивную войну «Иракская свобода» вместе с последующими «ли-беральными» преобразованиями, включившими в себя всенародное повешение Саддама Хусейна и его соратников, был вложен 1 триллион долларов. Издержались не одни американцы, денежки отдать пришлось также французам, англичанам... Очень это им было надо? Или они совсем неумные? Жертвы западного образования... В Ливии пока что ухлопано 13–15 млрд. долларов. Причем, только на поимку и изуверскую казнь Каддафи истрачен целый миллиард. Впрочем, собственно на убийство вождя ливийцев раскошались только американцы. Дорогое, но удовольствие. В США ведь вообще любят казни и пытки, особенно они по душе Кондолизе Райс.

Финансовый обзор революций и переворотов получается еще менее полным и точным, чем подсчет их жертв. Но его надо осуществлять. Эти числа нужно доводить до сведения налогоплательщиков, финансирующих преступное насилие. Пусть задумаются, лучшее ли это размещение их средств?

Информационная война. Планетарное ростовщичество настраивает против России мировое сообщество, действуя, в частности, через столь неприглядные персонажи, как пытающаяся укрыть хозяев снайперов-убийц Кэтрин Эштон, заплечных дел мастерица Кондолиза Райс, брызжущая антироссийской идеологической заразой Мадлен Олбрайт — усердные продолжательницы грязных затей русоненавистника Збигнева Бжезинского.

Подготовка и проведение революций и агрессий против суверенных государств всегда сопровождается информационными атаками. Мы имеем дело с информационной опасностью, теоретическая основа для осмысления которой заложена в отечественной криминологии массовой коммуникации.

Вспомним август 2008 года, когда состоялось пресечение Россией военной агрессии Грузии против Южной Осетии. Во время этой успешной для Осетии и России, а заодно и для Абхазии военной операции выявилась, однако, недостаточность информационного сопровождения защиты осетинского (и одновременно абхазского) народа. Российские корректные

сообщения заглушали наглые нападки западных СМИ, которые использовали различные приемы манипулирования общественным мнением с неременной в таких случаях подтасовкой фактов.

Военными аналитиками отмечается, как, например, при нападении на Ливию НАТО организовала интенсивную пропаганду, изображая империалистическую агрессию как «народное восстание», ковровые бомбежки беззащитной антиколониальной армии как «гуманитарную интервенцию» для защиты «гражданского населения». Имперских наемников СМИ выдавали за «революционеров» и мазали черной краской героическое полугодовое сопротивление ливийской армии и народа против иностранной агрессии.

Уроки дезинформационного сопровождения развязываемых ГОВ войн и бунтов не пропали даром. В информационной борьбе по поводу переворота на Украине и возвращения Крыма, Севастополя и других территорий в состав России отечественные средства распространения сведений выглядят уже неплохо подготовленными к борьбе.

По сравнению с 90-ми годами XX века у нас в стране чуть-чуть свободнее стало для критики ГОВ, внутреннего воробогачества, а также для обсуждения национальных проблем, в частности, русского вопроса. Прежде вся массовая информация полностью контролировалась воробогачеством. Яркий пример антироссийского «промывания мозгов» — канувшая в лету телепрограмма «Времена». Ныне «гов-обработка» общественного сознания в значительной мере канализирована, например, в «Эхо Москвы». Кто не понимает, что эта передача работает против России, на ГОВ?

Полагаю, что обязанность государства на информационную оборону должна быть нормативно закреплена и урегулирована.

Последние события на юго-востоке Украины. Киевский путч, которым 22 февраля сего 2014 года завершился «евромайдан», пробудил протест на юго-востоке Украины: в Крыму, Одессе, Донецкой, Луганской, харьковской областях и других ее регионах. Особое возмущение вызвало то, что на другой день после переворота Верховная рада первым делом отменила Закон «Об основах государственной языковой политики», который присваивал русскому языку статус регионального. Русский язык на Украине переставал играть роль официального.

Вплоть до двадцатых годов минувшего столетия вышеназванные регионы относились не к Украине, но к Новороссийской губернии. Большая часть населения говорит здесь по-русски. Это индустриальные регионы с развитыми добывающей промышленностью, машиностроением, химическим производством. В случае присоединения к Европейскому Союзу, о чем хлопочет новая нелегитимная киевская власть, этим землям грозил бы промышленный крах. По итогам референдума, состоявшегося в апреле этого года в Крыму, сам Крым и отдельно Севастополь провозгласили свою независимость и вскоре в установленном Конституцией России порядке вошли в состав нашей страны в качестве двух субъектов Российской Федерации. 11 мая успешно прошли подобные референдумы также в До-

нецкой и Луганской областях, вслед за чем были провозглашены Донецкая и Луганская народные республики.

Стремительное развитие событий в этих новых независимых государствах и близлежащих регионах еще не завершилось. Для того чтобы они получили криминологическую оценку, потребуется время. Но уже сейчас ясно, что такая оценка должна производиться на основе соответствующей теории, несколько шагов в направлении которой сделаны в настоящем докладе.

Набросок направлений противодействия управляемым ГОВ революциям. Суть защиты от направляемых ГОВ переворотов — защита от самой планетарной власти воровогачей.

Для этого России необходимо собственное самостоятельное развитие плюс единение очищающихся от ГОВ стран и народов. Злые языки скажут: «Да это же трагический путь Каддафи?!» Восклицание понятно, но надо постараться, чтобы дорога имела счастливый конец. А иного варианта у нас просто нет.

Кто-то спросит: «Какое еще развитие нам нужно?» Ответу: «Многостороннее».

Развитие духовное. Идея возрождения великой страны выше личного вещного благополучия. Нам надо поверить в свой народ. Для этого полезно взглянуть в спокойные, храбрые лица защитников русскоговорящего населения Севастополя, Крыма, Донецкой, Луганской, Харьковской областей, Одессы...

Развитие производственное. Отказ от сырьевого хозяйствования, возвращение государству значительной части крупного предпринимательства, помощь государства малому и среднему хозяйствованию. Звезда первой величины на отечественном криминологическом небосклоне В.В. Лунеев совершенно верно говорит, что в России необходимо юридически решить важнейший криминологический и политический вопрос о допущенной колоссальной социальной не-справедливости в процессе массовой преступной приватизации. Поддержим вместе с ним и разумное предложение, высказанное М.Г. Делягиным, о введении компенсационного налога. Этот налог должен возратить в госсобственность разницу между ценой приватизации и реальной стоимостью активов на момент захвата собственности.

Развитие финансовое. Отказ от доллара, переход на международные расчеты в рублях.

Развитие военное. Россия должна быть в силе защитить себя и находящихся за ее рубежами соотечественников.

Развитие правовое. Необходимо по мере возможности совершенствовать международно-правовые соглашения и международную судебную систему с учетом прокатившихся по миру агрессивных войн и подготовленных ГОВ государственных переворотов. Подобные изменения нужны и внутреннему российскому законодательству. Соответствующие предложения выдвинуты мной ранее.

АННОТАЦИИ (SUMMARY)

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА THEORY OF STATE AND LAW

Барсукова В.Н.

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса, докторант кафедры теории государства и права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»; e-mail: eva-kvestor@rambler.ru

ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУТА ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

В статье раскрываются особенности института чести и достоинства личности в Российском государстве, который анализируется с точки зрения отраслевой принадлежности, предмета и метода правового регулирования. Обосновывается вывод, что данный институт носит комплексный межотраслевой характер и обладает специфическими признаками, которые выражаются в своеобразии его целевой направленности, структуры, понятийного аппарата, принципов и т.д.

Ключевые слова: честь, достоинство, комплексный межотраслевой институт, отраслевая принадлежность, предмет, метод.

Barsukova V.N.

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Department of Civil Procedure of Saratov State Law Academy; e-mail: eva-kvestor@rambler.ru

CONCEPT AND FEATURES OF THE HONOR AND DIGNITY INSTITUTE IN THE RUSSIAN LAW

The article is devoted to the peculiarities of the of honor and dignity institute in the Russian state. Analyzing this legal institution in terms of a branch accessory, subject and method of legal regulation the author comes to the conclusion of its complex interbranch character and specific characteristics, which are expressed by originality of task orientation, structure, conceptual apparatus principles, etc.

Keywords: honor, dignity, integrated interbranch institute, branch, object, method.

Казарян А.А.

Соискатель кафедры теории государства и права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФЕДЕРАТИВНОГО ПОСТРОЕНИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

В статье анализируется федеративная форма территориально-государственной организации власти, ее положительные и отрицательные стороны. На основе существующих классификаций федераций автор пытается обосновать необходимость создания «идеальной» формы федеративного устройства для России.

Ключевые слова: форма государства, федерализм, власть, государство, организация территориального устройства, государственное управление.

Kazarian A.A.

Postgraduate of Department of Theory of State and Law of Saratov State Law Academy

MODERN PROBLEMS OF THE FEDERAL FORMATION OF THE RUSSIAN STATE

The article analyzes the federal form of the territorially-state power organization, its positive and negative aspects. On the basis of existing classifications of federations, the author tries to justify a need for the creation of the «ideal» form of federalism for Russia.

Keywords: the form of the state, federalism, power, state, territorial organization, public administration.

Донцова К.Б.

Аспирант кафедры теории государства и права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ

В статье рассматриваются проблемы соотношения материального и процессуального права, которое базируется на двух противоположных методологических подходах. Формулируется авторский вывод о целесообразности узкого понимания природы юридического процесса.

Ключевые слова: материальное право, процессуальное право, общая теория права, юридический процесс, процедурные нормы.

Dontsova K.B.

*Postgraduate of Department of Theory of State and Law
of Saratov State Law Academy*

THEORETICAL CONCEPT OF PROCEDURAL LAW: THE BASIC APPROACHES TO THE FORMATION

The article discusses the problem of correlation of material and procedural law, which is based on two opposite methodological approaches. The author formulates the usefulness of a narrow understanding of the nature of the legal process.

Keywords: substantive law, procedural law, general theory of law, legal process, procedural rules.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ И ФИНАНСОВОЕ ПРАВО ADMINISTRATIVE AND FINANCIAL LAW

Ильгова Е.В.

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и муниципального права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»; e-mail: k_ilgova@mail.ru

Борисова В.Ф.

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»; e-mail: vfb2709@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В настоящей статье анализируются нормативные акты федерального и регионального уровня, ведомственные акты федерального и местного значения, составляющие правовую основу деятельности органов профилактики безнадзорности и правонарушений

несовершеннолетних. Основное внимание уделяется роли комиссий по делам несовершеннолетних в координации деятельности органов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Ключевые слова: профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, комиссия по делам несовершеннолетних.

Ilgova E.V.

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Department of Administrative and Municipal Law of Saratov State Law Academy; e-mail: k_ilgova@mail.ru

Borisova V.F.

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Department of Civil Procedure of Saratov State Law Academy; e-mail: vfb2709@yandex.ru

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE ACTIVITIES OF THE BODIES AND ESTABLISHMENTS OF SYSTEM THE PREVENTION OF CHILD NEGLECT AND DELINQUENCY MINORS

In the present article the author analyzes regulatory acts on the federal and regional level, departmental acts of federal and local value, constituting legal basis for the activity of bodies of prevention of child neglect and juvenile delinquency. The article focuses on the role of the commissions on minors' affairs in coordination of activity of bodies of prevention of child neglect and minor offences.

Keywords: prevention of child neglect and juvenile delinquency, the Commission on minors' affairs.

Кузнецова И.О.

Кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры истории, социологии политики и сервиса ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

Горбачев М.В.

Кандидат политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»; e-mail: ussr-86@mail.ru

ТЕХНОЛОГИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ФОКУС-ГРУППЫ КАК МЕХАНИЗМ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ КРИТЕРИЕВ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В статье анализируются механизмы воспитательного воздействия, применяемые в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Раскрывается их сущность и эффективность применения. Оцениваются потенциальные возможности с помощью методов индивидуальной и коллективной экспертной оценки. Даются конкретные рекомендации по совершенствованию мероприятий воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних правонарушителей.

Ключевые слова: несовершеннолетние правонарушители, воспитательные меры, девиантное поведение, комиссии по делам несовершеннолетних, правопорядок, коллективные экспертные оценки, многоуровневое анкетирование.

Kuznetsova I.O.

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Department of History, Sociology Policy and Service of Saratov State Law Academy

Gorbachev M.V.

Candidate of Political Sciences, Associate Professor of Department of Theoretical and Applied Political Science of Saratov State Law Academy; e-mail: ussr-86@mail.ru

FOCUS-GROUP TECHNOLOGY AS A MECHANISM FOR THE PUBLIC CONTROL OF CRITERIA OF EFFICIENCY OF BODIES AND ESTABLISHMENTS OF SYSTEM OF PREVENTION OF CHILD NEGLECT AND MINOR OFFENCES

The article analyzes the mechanisms of educational influence, used in relation to juvenile offenders. It reveals its 'essence and efficiency applications, estimates the potential use of the methods of the individual and the collective expert assessment. The author make specific recommendations for improvement of activities of educational influence in respect of juvenile offenders.

Keywords: juvenile offenders, educational measures, deviant behavior, the Commission on minor's affairs, law and order, collective expert assessment, multi-level questioning.

Швецова И.В.

*Аспирант кафедры финансового, банковского и таможенного права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»;
e-mail: Shvetsovalrina@yandex.ru*

ПОЛНОМОЧИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ФИНАНСОВО-БЮДЖЕТНОГО НАДЗОРА КАК ГАРАНТИЯ ЦЕЛЕВОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ КРЕДИТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются вопросы ответственности и перспективы дальнейшего урегулирования ответственности за нарушение бюджетного кредитования в Российской Федерации; вопросы эффективности деятельности органов, в чью юрисдикцию входят профилактика и пресечение нецелевого использования бюджетных средств.

Ключевые слова: бюджет, бюджетный кредит, дефицит бюджета.

Shvetsova I.V.

Postgraduate of Department of Financial, Banking and Tax Law of Saratov State Law Academy; e-mail: Shvetsovalrina@yandex.ru

THE POWERS OF THE FEDERAL AGENCY FOR FINANCIAL AND BUDGET SUPERVISION AS A GUARANTEE OF TARGETED USE OF BUDGETARY CREDITS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article deals with the issue of liability for violations and prospect of further settlement of the liability for breach of budgetary crediting in the Russian Federation. The author explores questions of the effectiveness of the bodies, whose jurisdiction includes the prevention and suppression of misuse of public funds.

Keywords: budget, budget credit, budget deficit.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВО INFORMATION TECHNOLOGIES AND LAW

Ереско П.В.

*Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры информатики ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»;
e-mail: pv.eresko@yandex.ru*

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЮРИДИЧЕСКОМ ВУЗЕ

В статье рассматриваются особенности использования информационных технологий для студентов и преподавателей в юридическом вузе: текстовый процессор, справочно-правовые системы, библиотечно-информационная система, система дистанционного обучения MOODLE; повышающие качество и доступность юридического образования.

Ключевые слова: информационные технологии, сеть Интернет, справочно-правовые системы, библиотечно-информационная система Web-ИРБИС, система дистанционного обучения MOODLE.

Eresko P.V.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Department of Informatics of Saratov State Law Academy; e-mail: pv.eresko@yandex.ru

FEATURES OF INFORMATION TECHNOLOGIES USE IN A LAW ACADEMY

In the article there are given some considerations of features of information technologies use for students and teachers in a law academy: word-processor, legal-reference systems, library information system, remote training system MOODLE, that improves the quality and accessibility of legal education.

Keywords: information technologies, Internet network, legal-reference systems, library information system Web-IRBIS, remote training system MOODLE.

Брянцева О.В.

Кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры информатики ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»; e-mail: obryanceva@yandex.ru

ОБЗОР КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРОГРАММНЫХ СРЕДСТВ ДЛЯ НОТАРИАЛЬНОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА

В статье рассмотрены изменения нормативно-правовой базы нотариата и нотариального делопроизводства, связанные с внедрением информационных технологий. Проведен обзор основных программных средств, применяемых в нотариальном делопроизводстве.

Ключевые слова: информационные технологии, делопроизводство, единая информационная система, автоматизация.

Bryanceva O.V.

Candidate of Physico-mathematical Sciences, Associate Professor of Department of Informatics of Saratov State Law Academy; e-mail: obryanceva@yandex.ru

REVIEW OF COMPUTER SOFTWARE FOR NOTARIAL DOCUMENTATION

The article describes the changes in the legal framework of notaries and notarial paperwork associated with the application of information technology. An overview of the main software used in the notarial paperwork is carried out.

Keywords: information technology, office management, unified information system, automation.

ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ: ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ»

На конференции обсуждались теоретические и практические проблемы, связанные с уголовно-правовым воздействием. Участниками были предприняты попытки определить понятие и сущность уголовно-правового воздействия, соотнести уголовно-правовое воздействие со смежными понятиями и категориями уголовного права (уголовно-правовым регулированием, уголовно-правовой охраной, уголовной ответственностью, уголовной политикой, мерами уголовно-правового характера и др.), сформировать представление о реализации уголовно-правового воздействия, его пределах, системе и видах мер. В процессе обсуждения были выявлены и предложены пути решения как общих проблем реализации уголовно-правового воздействия, так и проблем его реализации в отношении отдельных видов преступлений и преступности, а также проблем криминологического воздействия на преступность и пенитенциарного воздействия на лиц, совершивших преступления. Сформулированные участниками конференции выводы и предложения значительно развили теорию уголовно-правового воздействия и могут составить основу оптимизации современной практики его осуществления.

Ключевые слова: уголовно-правовое воздействие, уголовная политика, уголовный закон, пределы уголовно-правового воздействия, система и виды мер уголовно-правового воздействия, уголовно-правовое воздействие в отношении отдельных групп субъектов и отдельных видов отклоняющегося поведения, криминологическое воздействие, пенитенциарное воздействие.

INTERNATIONAL RESEARCH AND PRACTICE CONFERENCE «CRIMINAL LAW: THE PROBLEM OF UNDERSTANDING AND REALIZATION»

The conference discusses the theoretical and practical problems associated with the criminal law. The participants have attempted to define the concept and the essence of criminal law, to relate criminal law effects with related concepts and categories of criminal law (criminal regulation of criminal legal protection, criminal liability, criminal policy measures under the criminal law, and others), to form an idea of the implementation of the criminal law, its limits, its system and measures. During the discussion, they have proposed solutions of such problems as the criminal law implementation in general and implementation problems in respect of certain types of crimes, as well as problems of criminological impact on crime and prison impact on persons who committed crimes. The participants of the conference formulated conclusions and proposals that would significantly develop the theory of criminal law and could form the basis of the modern practice of implementation.

Keywords: criminal law, criminal policy, criminal law, the limits of criminal law system.

Приглашаем Вас к публикации в научном журнале

«ПРАВО. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО. ЛИЧНОСТЬ»

Требования к авторским оригиналам статей:

1. Статья должна соответствовать следующим требованиям:
 - шрифт Times New Roman, 14 кегль (размер шрифта), межстрочный интервал — 1,5;
 - поля: верхнее, нижнее, правое — 20 мм, левое — 30 мм;
 - сквозная нумерация сносок (сноски концевые), текст сноски — 12 кегль;
 - абзацный отступ; заголовок (прописными буквами) — по центру; перед заголовком указывается Ф.И.О. автора статьи (со сноской на полное имя, отчество, должность, место работы внизу страницы) — по правому краю;
 - все аббревиатуры и сокращения при первом упоминании в тексте должны быть расшифрованы;
 - объем статьи 0,5–0,7 п.л.
2. К статье прилагаются следующие материалы:
 - справка об авторе статьи с указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого знания, основного места работы, должности, контактных телефонов, электронного адреса (e-mail);
 - аннотация статьи (на русском и английском языках) не более 5 строк;
 - ключевые слова или словосочетания (на русском и английском языках);
 - рецензия научного руководителя (только для аспирантов и соискателей).
3. Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать статьи. Материалы, отправленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в указанный срок.
4. Если статья (материал) направлялась в другое издание, просим автора поставить редакцию в известность.
5. Материалы принимаются в распечатанном виде (на одной стороне листа формата А4) и электронном виде на электронном носителе или по электронной почте.

Адрес редакции:

410025, г. Саратов, ул. Чернышевского, 135 А, ком. 203.

Телефон: (8452) 29-90-90

E-mail: pzl@sgap.ru